

Алла Ярошинская

ЧЕРНОБЫЛЬ.
Большая ложь

Annotation

Тема последствий Чернобыльской аварии, к сожалению, опять в центре внимания, и это связано не только с печальной датой – 25-летием взрыва на ЧАЭС. Недавняя катастрофа на АЭС в Японии заставляет вновь обратиться к трагическим событиям 1986 года. Для Аллы Ярошинской чернобыльская тема стала главной в жизни. На протяжении многих лет она ездила по зараженным селам, говорила с пострадавшими, неоднократно встречалась с ликвидаторами, добывала различные «закрытые» материалы по Чернобылю, выступала с самой высокой трибуны страны, скрупулезно изучала документы, писала статьи и книги – в общем, самоотверженно, всеми средствами боролась против замалчивания истинных масштабов угрозы вышедшего из-под контроля «мирного атома». Ее новая книга «Чернобыль. Большая ложь» – своего рода отчет о подвижнической работе писателя, публициста, политика.

Алла Александровна Ярошинская

Чернобыль. Большая ложь

ОТЧЕТ ИЗ МЕРТВОЙ ЗОНЫ

26 апреля 1986 года, спустя семь лет после атомной аварии в США на «Три-Майл Айленд», в СССР в Чернобыле взорвался ядерный реактор – с разрушением, пожаром и выбросом в атмосферу большого количества радиоактивности. К этому времени Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) уже было готово к формированию общественного мнения о необходимости распространения рынка ядерной энергетики в развивающиеся страны. Такой мандат ему передала Организация Объединенных Наций, когда МАГАТЭ было основано как ответ на предложение программы «Мирный атом» президента Эйзенхауэра – с целью содействия внедрению ядерной технологии во всем мире. Нетрудно представить себе весь ужас, когда шведское правительство объявило, что в Советском Союзе случилась авария с ядерным реактором!

Когда я побывала в зоне разрушенного Чернобыльского реактора в первый раз, я увидела, что он находится в окружении сельскохозяйственных угодий и цветущих садов. На самом деле, Украину, которая входила тогда в состав СССР, называли житницей Советского Союза. В Припяти, ближайшем городке от Чернобыля, начиналось древнее искусство иконописи, в городской библиотеке хранилось много бесценных икон Средневековья. До ядерной катастрофы город Припять выглядел вполне современным. В нем были высотные жилые дома, новая школа с большой площадкой для игр, публичная библиотека...Через окна библиотеки я увидела на полу бесценные иконы вперемешку с книгами и мусором – теперь все это радиоактивные отходы. Школа, качели и горки стояли в ожидании детей, жилые дома были пусты, все окна – закрыты, несмотря на весеннюю свежесть, и улицы мертвы.

Этот город находится внутри запретной зоны. Нас доставили из Киева до ее границ, а затем перевезли внутрь в автобусах, которые эксплуатируются только в пределах зоны. Вокруг Припяти и разрушенного реактора цвели яблони и вишни; мы увидели там даже несколько пожилых людей, они отказались покинуть свою землю, которую любили. Мне рассказали, что когда все это произошло, первыми пришли на помощь жителям Припяти люди из окружающих деревень вместе с пожарными. Как это обычно бывает во всех сельских пожарных частях, жены борющихся с огнем на АЭС помогали своим мужьям, принося им в первые дни еду, чтобы те могли перекусить и заодно немного отдохнуть. Так как многие годы эксперты по радиации утверждали, что ядерные реакторы не создают риска, дети играли во дворах, люди ходили в магазины, стояли на улице, наблюдая за пожаром на станции. Когда наконец прибыли автобусы, чтобы увезти их из опасной зоны, многие отказались покинуть свои дома и бросить животных. Власти устраивали своеобразные облавы для поимки скота (забили его позже, когда людей увезли), прежде чем население было эвакуировано. Тогда в окрестностях был сильно загрязнен лес; его вырубili и захоронили там же. Во время моей поездки в чернобыльскую запретную зону я заметила, что одно дерево все еще стояло, оно дало мощный отросток, стелющийся почти у земли. Мне рассказали, что во время Второй мировой войны в период оккупации Украины на этом дереве фашисты вешали партизан. Возле дерева стояли венки и свечи. Оно не было срезано и захоронено, как все остальные.

Нам показали большие грузовики и экскаваторы, которые использовались для захоронения радиоактивной земли. Мы встретили молодых людей, бежавших на работу к другим ядерным реакторам АЭС мимо взорвавшегося, который все еще испускал радиоактивные выхлопы. Когда мы приблизились к

реактору, счетчик Гейгера зарегистрировал довольно высокий уровень радиации и моя камера оказалась «засвеченной». Так что ни одна из фотографий, которые я пыталась сделать вблизи реактора, не получилась.

Позже я познакомилась с одной женщиной – врачом, которая в то время возглавляла группу неотложной медицинской помощи для так называемых ликвидаторов. Она решала, кого направлять в больницу в Москве для специального лечения от лучевой болезни. При первой нашей встрече она была расстроена из-за того, что молодая женщина, хорошо обученный лаборант, которая работала тогда с ней, только что умерла. Ей было всего 28 лет, и до катастрофы она пребывала в добром здравии. Я спросила о ее смерти, и доктор ответила, что та умерла от «внезапной смерти лиц старшего возраста», добавив: «Никогда не думала, что, приглашая тогда на работу молодых людей, я подписывала им смертный приговор. Я выбирала из лучших специалистов, которые у нас тогда были».

Доктор рассказала мне, что делала вскрытие некоторым умершим внезапной смертью и обнаружила, что их внутренние органы были серьезно повреждены. Внешне такие люди выглядели здоровыми, как и до аварии, но жизненно важные органы у них были полностью разрушены. Она сказала, что их внутренние органы выглядели как у очень старых людей.

Я оставалась в Киеве только неделю, но мне удалось посетить больницы и увидеть ликвидаторов и много детей с признаками необычных для них болезней органов пищеварения, неврологических, заболеваний крови и сердца. После катастрофы почти сразу также было зарегистрировано увеличение случаев онкозаболеваний – это расходилось с верой в то, что онкология не будет прогрессировать в течение десяти-двадцати лет. Вначале местные врачи жалобы людей на плохое самочувствие называли радиофобией, но вскоре сами убедились, что это – реальные болезни.

Занимаясь проблемами рака, как ученый я поняла, каким образом можно распознать ранние признаки появления злокачественных новообразований, возникающих в результате радиационного облучения. Однако правительства и народы России, Украины и Беларуси так и не получили действенной помощи от мирового сообщества сразу после катастрофы, что является обычным делом после крупных стихийных бедствий в разных странах. В СССР такое произошло в результате государственной установки на засекречивание, которая предписывала замалчивать число жертв аварии и уровни их облучения. И об этом правдиво и passionately написано в книге известного беллетриста Аллы Ярошинской «Чернобыль. Преступление без наказания».

Алла Ярошинская родом из украинского города Житомир, который также был засыпан продуктами радиоактивного выброса в результате катастрофы. Из ее книги видно, что она очень любит свою землю и свой народ. Работая в то время журналистом, она не просто собирала официальную информацию сразу после катастрофы, чтобы затем опубликовать критические статьи о недооценке в официальных отчетах ситуации вокруг аварии на ЧАЭС. Она выпустила «живую» книгу, показав в ней человеческий аспект ядерной катастрофы с бесценными свидетельствами тех, кто пережил тогда и переживает до сих пор самый большой рукотворный ядерный коллапс, когда-либо случившийся на нашей Земле. Книга была дополнена и многократно переиздана в России, переведена на разные языки мира. (В 1992 году Алла Ярошинская получила «за правду о Чернобыле» престижную международную премию «За жизнь, достойную человека!», известную как Альтернативная Нобелевская.)

Автор рассказывает – случай за случаем – о большой чернобыльской лжи со стороны официальных лиц, о перекладывании всей ответственности за аварию только лишь на ошибки оператора, об отказе официальной медицины признавать болезни пострадавших от радиоактивного облучения. Она описывает, как международные эксперты в ядерной сфере пытались минимизировать масштабы и опасность от радиоактивности, поразившей территории в СССР и в части Европы. Это было в немалой степени связано с

тем, что советские чиновники для оценки последствий катастрофы пригласили сотрудников МАГАТЭ, целью которого и является распространение мирных ядерных технологий.

В отличие от МАГАТЭ, перед автором не стояла задача рекламировать ядерную отрасль, скрывая для этого последствия аварии и страдания жертв. В книге мы увидим сильных и терпеливых людей, выживающих после атомной катастрофы, которую пытались засекретить власти, и тех, кто пережил гнет репрессий коммунистической партии. На страницах повествования можно познакомиться также с их древней культурой и укладом жизни, увидеть красоту земли, оскверненную Чернобылем.

Эта книга является правдивым уникальным историко-социальным отчетом о чернобыльских событиях мужественной женщины-журналиста, в поисках истины и правды бросившей вызов советской бюрократии. Главное достоинство книги заключается в том, что автор проводит собственное расследование, предъявляет оригинальные документы (многие – впервые), точно излагает теперь уже исторические события, подводя читателя к собственной оценке всем основным игрокам в драме на Чернобыльской АЭС и вокруг нее.

Розалия Бертелл, доктор медицины,
лауреат Альтернативной Нобелевской
премии (Ярдли, штат Пенсильвания, США)

Перевод с английского Александра Калько и Милана Ярошинского

Пролог ЖИЗНЬ НА ВЕСАХ ЧЕРНОБЫЛЯ

Четверть столетия – серьезный срок для того, чтобы попытаться осмыслить чернобыльский феномен – самую страшную рукотворную ядерную катастрофу всех времен и народов, которая случилась 26 апреля 1986 года на атомной станции в Советском Союзе, на благословенной земле Украины близ Чернобыля. Пришло время собирать камни в нашем радиоактивном саду.

Маленький украинский городок Чернобыль был известен в Европе почти за двести лет до рокового атомного взрыва, который потряс и Европу, и весь мир и ложь о котором в конечном итоге стала ускорителем распада могущественной коммунистической империи СССР.

Чернобыль, оказывается, некоторым образом связан с Великой французской революцией 1789 года. Одной из активных участниц тех исторических событий стала 26-летняя уроженка Чернобыля Розалия Ходкевич, в замужестве Любомирская. Ее постигла та же участь, что и тысячи других: за связь с Марией-Антуанеттой и королевской семьей 20 июня 1794 года в Париже она была гильотирована.

Эта молодая красивая голубоглазая блондинка стала известна во Франции и во всей Европе, охваченной после начала революции войнами, как «Розалия из Чернобыля». В то время этот тихий провинциальный городок принадлежал Речи Посполитой – объединенному польско-литовскому государству. С конца XVII века им владела семья литовского магната Ходкевича. Вплоть до Октябрьского переворота в России в начале XX века его потомкам принадлежало здесь 20 000 десятин земли. Здесь была и одна из родовых усадеб Ходкевичей.

Интересные подробности о Розалии из Чернобыля сообщил мне Николай Лацис, бывший главный редактор районной чернобыльской газеты «Прапор перемоги» («Флаг победы»). (Ему вместе с редакцией тоже пришлось эвакуироваться из родных мест через десять дней после взрыва.) Оказывается, до сих пор в Чернобыле в одном из зданий, когда-то принадлежащем Ходкевичам, на кафельной плите сохранилась скульптура – аккуратная головка Розалии, защитницы королевской семьи Бурбонов в мятежные времена Великой Французской революции. Ранее здесь находилась центральная чернобыльская районная больница. А скульптурное изображение Розалии из Чернобыля попало в одну из палат неврологического отделения.

И вот не прошло и двухсот лет, как Чернобыль снова напомнил миру о себе. Это было страшное напоминание. Пожалуй, сегодня Чернобыль – самый печально известный городок в мире. Много лет Украина ассоциировалась с его названием, которое приобрело зловещий смысл. (Хочу заметить, что сотни журналистов и беллетристов во всем мире, пишущих об этой ядерной катастрофе, спустя и двадцать пять лет так и не поняли, что авария на самом деле произошла в городке Припять, но назвали ее чернобыльской – по имени районного центра Чернобыль. Город энергетиков Припять выселили навсегда 27 апреля 1986 года, а райцентр Чернобыль был эвакуирован только спустя десять дней, хотя и ему досталось.) Именно эта больница со скульптурной головкой Розалии в первые дни после крупнейшей ядерной катастрофы была до отказа забита пострадавшими. Конечно, напуганным больным людям не было никакого дела ни до всей этой истории (вряд ли ее кто-то там знал), ни до чудесной точеной головки неизвестной молодой женщины, красота которой находилась в полном диссонансе с происходящим радиационным безумием.

Как рассказывают местные жители, кто-то видел образ молодой женщины с отрезанной головой в руках на окраине города накануне рокового взрыва. Говорят, это дух Розалии из Чернобыля предупреждал своих земляков, хотел защитить их от грядущего несчастья.

Сегодня, из-за другой революции, «оранжевой», которая случилась на Украине в конце 2004 года, некоторые знакомые американцы наконец перестали меня спрашивать, где именно находится Украина – не на юге ли России? Теперь весь мир знает, что Украина – не только Чернобыль, но это еще и молодое независимое государство в центре Европы. Хотя Чернобыль от этого никуда не делся. Чернобыль – по-прежнему с нами.

Когда взорвался «самый лучший» советский атомный реактор, мы с семьей жили в полесском городке Житомир, что в ста сорока километрах от Чернобыля. Это древнейшая славянская земля. Первые поселения здесь возникли еще во втором тысячелетии до нашей эры. Нога наших предков ступала здесь в эпоху бронзы и во времена раннего железа. Свидетели тому – курганные могильники да остатки древнерусского городища.

Но в летописях Житомир впервые упоминается в 1392 году. Прекрасное название, говорят историки и краеведы, дал городу его основатель древнерусский князь Житомир. Имя это состоит из двух слов: жито и мир. Пожалуй, это одни из самых простых и насущных понятий в любом языке мира: «жито» в переводе с украинского на русский значит «рожь». Это не просто слова, это истины: жито и мир. Философия жизни на земле.

Центр города – Замковая гора. По преданиям, отсюда он и начинался. Именно на этом месте, на горе, омываемой с двух сторон реками Камянкой и Тетеревом, и был воздвигнут древний житомирский замок для отражения неприятеля. А рядом разрастался сам город. В нем жили мастера – кузнецы, гончары, охотники, хлеборобы, торговые люди. В девственных лесах вокруг Житомира было много дичи, ягод, грибов, съедобных кореньев; в реках, на скалистых берегах которых город и был заложен, водилась рыба... Да, умели наши предки каким-то непостижимым и безошибочным образом выбирать самые волшебные места на земле для возведения городов своих и храмов. На веки вечные.

И когда с семьей или друзьями нам удастся выбраться в окрестности города, каждый раз не устаем восхищаться здешними красотами. В нескольких километрах от Житомира поражает своей первобытностью река Тетерев с большими круглыми валунами, сквозь которые бегут ее прозрачные воды; старый пралес по обоим берегам, обнаженные скалы, стыдливо прикрытые мхом... Ущелья. И где-то вдали, среди верхушек темно-зеленых сосен, – голубые, ясные, как детские сердца, купола сельской церквушки. Тишина. Кажется, вечность. Кажется, ты жил на этой земле всегда. И хочется разрыдаться от переполняющих тебя неясных, каких-то непонятных чувств слияния с этим лесом, с этой рекой, с этой церковью, в блестящем солнечном кресте которой как будто бы заключена вся твоя жизнь. Или нет?

Во всяком случае, именно такие мысли пришли ко мне и в тот раз, когда мы с семьей снова выбрались сюда. Была весна. В воздухе носилось ощущение освобождения. Обновления. Из-под прелого прошлогоднего листа пробивались синие трепетные лепестки первоцвета. Мой двухлетний сын Сашенька приседал возле каждого такого цветка.

Мы не знали (да и никто, наверное, не знал), что через несколько часов на этой земле, рядом, случится то, что навсегда изменит нас, изменит эту древнюю прекрасную землю, лес, поля, луга. Изменит всю жизнь. И она, жизнь на Земле, отныне будет делиться не только на эпохи, эры, культуры, религии, общественно-политические формации, она будет делиться на дочернобыльскую эру и после. До. И – после. Земля наша никогда больше не будет такой, какой она была до 26 апреля 1986 года, 1 часа 24 минут...

Житомир расположен в ста тридцати километрах от столицы Украины Киева. Иногда мы с мужем позволяли себе поездки в столичные театры.

По иронии судьбы именно 27 апреля, днем, не подозревая ни о чем – ведь ни радио, ни телевидение, ни газеты – никто не сообщил о взрыве на Чернобыльской атомной электростанции, – мы отправились в

Киев. В тот вечер во Дворце культуры «Украина» представляла свое шоу японская группа «Сётику». Машину мы оставили на стоянке рядом. «Сётику» стало для нас маленьким праздником. Это было настоящее искусство. Я до сих пор помню летящие белоснежные одежды актеров, их грациозные движения и танцы.

Мы возвращались домой поздним вечером в прекрасном настроении. Дорога из Киева в Житомир утопала в распускающихся весенних лесах. Проехав чуть больше половины, мы остановились и вышли подышать пронзительной зеленью. Стояла тишина. Мерцали яркие, холодные звезды. Далекие галактики посылали нам свои приветы. Сбоку мирно, по-домашнему висел ковш Большой Медведицы. Луна заливала все вокруг ровным светом. Казалось, слышно, как на деревьях рядом лопаются почки.

Несмотря на то что официально никаких сообщений о взрыве на ЧАЭС советские средства информации не передавали, в близлежащих от Чернобыля городах Киеве, Житомире, Чернигове с каждым днем нарастала паника. Никто не знал, что именно произошло, слухи распространялись самые невероятные. Из аптек исчез йод. Многие, полагая, что уберечься от радиации можно с помощью йода, пили его в чистом виде, обжигая себе гортань и кишечник. Официальная медицина молчала. Наконец спустя десять дней министр здравоохранения УССР Анатолий Романенко дал ценные рекомендации: закрывать форточки и тщательно вытирать обувь о мокрую тряпку, заходя в дом. Делать влажную уборку квартиры. Вот и вся радиационная профилактика. Это убогое выступление породило еще большую панику.

О том, что в Советском Союзе взорвался четвертый блок Чернобыльской АЭС, об увеличении фоновых значений мы впервые узнали от зарубежных радиоголосов. Наше же руководство сообщило об этом только на третий день. (А власти Швеции, еще не зная, где именно случилась утечка радиации, до выяснения обстоятельств вывели всех людей из своей атомной станции, а затем уже начали разбираться, что и где произошло.)

Но наступал весенний праздник 1 Мая, и, вероятно, никому не хотелось верить в то, что случилось на самом деле что-то ужасное, непоправимое. 1 Мая в Житомире, Киеве, Чернигове, в других городах и весях Советского Союза миллионы людей вышли на праздничную демонстрацию. Было очень жарко. Не просто тепло – жарко. В Киеве дети в национальных украинских костюмах, вдыхая радиоактивный угар, плясали на Крещатике, главной улице столицы Украины, усаждая глаз коммунистического руководства республики, приветствовавшего демонстрантов с высокой трибуны. И почти в это же время их детей спешно отправляли в аэропорт Борисполь, на самолеты, подальше от беды. Правительство радовали дети обманутых рабочих, интеллигенции, создавая таким образом иллюзию для мирового сообщества, что все под контролем. (По свидетельствам очевидцев, в это же время закрытых спецкассах ЦК КПУ стояли длинные очереди за билетами!)

Моя университетская подруга, журналистка Нина Смыковская, которой только в сорок лет Бог послал детей, лишь 7 мая смогла выехать из Киева в Одессу, к родственникам. Паника к тому времени совсем захлестнула столицу. Нина родила двух девочек. В честь тех, кто приютил ее в этот тяжкий час, она назвала их Дианой и Инессой. Малышки родились слабыми, анемичными. Ведь мама, не подозревая об опасности, две недели, пока не уехала, кормила их радиоактивными йодом и цезием. Через месяц одесские медики сказали: нужно срочное переливание крови. Полное. Девочки были чудом спасены. Хотя проблем с их здоровьем потом хватало. Сейчас эти ровесницы атомной катастрофы уже невесты!

Хорошо помню начало мая рокового года. Голубое небо. Белоснежные облака. Тепло. Очень тепло. Даже странно было, что так тепло. Слухи, дезинформация стали нашей привычной средой обитания. После 1 мая они стали нарастать быстрее снежного кома. В газетах, по радио – одно, люди, которые приезжали *оттуда*, говорили совсем другое. В железнодорожных и авиакассах Киева распродали все билеты на

месяц вперед. Билетов не было никуда. Взынченные, напуганные неизвестностью люди штурмом брали вокзалы, кассы, поезда. Ехали куда-нибудь. Лишь бы подальше от Чернобыля.

7 мая мой муж Александр позвонил мне с работы и твердо сказал: немедленно уезжай с детьми. (Несколько его знакомых направили в Чернобыль. Откачивать воду из-под дышащего смертью реактора.) Легко сказать: уезжай. А как? Куда?

В то время я работала корреспондентом отдела промышленности и капитального строительства областной партийной газеты «Радянська Житомирщина» («Советская Житомирщина»). Я срочно написала редактору заявление на предоставление мне отпуска. Завотделом поставил условие: сделать материал о строительстве нового завода на Крошне и только после этого. Утром следующего дня такой материал лежал у него на столе. Начинался он строчкой о том, как прекрасно кипенье цветов на окраине Житомира, какой великолепный яблоневый аромат долетает на стройку из близлежащих садов...

Билет к родственникам на Кавказ в Армавир мы не взяли. Билетов туда просто не было. Впрочем, их не было никуда. С большим трудом мы выехали в Москву, к знакомым.

Проводы на житомирском вокзале были похожи скорее на эвакуацию. Старший сын, Милан (он тогда ходил в шестой класс) не успел закончить последнюю четверть. Но всем родителям, которые могли уехать, разрешили забрать детей из школы.

На вокзал пришли родственники: моя мама, сестра, родители мужа. Все едва сдерживали слезы. Бабушки все время разговаривали с младшим, Сашенькой, закармливая его сладостями и игрушками. Давали мне советы, требовали от старшего, Милана, беспрекословного послушания и помощи мне в пути. Из Житомира до Москвы на поезде 18 часов. В тот день, 8 мая, моему младшему сыну исполнилось два года. День рождения, радостный праздник, мы провели в плацкартном вагоне поезда Житомир – Москва среди таких же расстроенных, убитых бедой людей.

В Москве у нас нет родственников. Прежде мне редко приходилось бывать здесь. Один раз на третьем курсе, когда я была студенткой. И во второй раз в качестве журналиста – командировка на Выставку достижений народного хозяйства СССР. Первый раз, приехав в Москву, я ее почти не видела, потому что все время думала о человеке, которого любила и который остался в другом городе. Второй раз Москва покорила меня своими храмами, улочками Замоскворечья с чудными старинными названиями. Их здесь бесчисленное множество. Именно в них, по-моему, и заключается вся прелесть столицы.

В этот раз нам было не до Москвы. Нас встречала на вокзале знакомая семья: Фаина Александровна и ее сын Миша. Когда-то давно они жили в Житомире, и каждый год приезжали отдыхать к нам летом. Фаина Александровна преподавала немецкий язык. Миша учился в институте. Редкой доброты и порядочности люди.

Добравшись до квартиры, первое, что мы сделали, это сняли с себя все, что было на нас. И я немедленно постирала. Не потому, что мне кто-то сказал, что так надо делать и не потому, что я знала, какие уровни радиации излучали наши вещи. Это было интуитивное чувство самосохранения. Я знала только, что надо мыть овощи, купленные на житомирском рынке, для снижения их уровня радиации (радиоактивной пыли).

Я до сих пор благодарна Фаине Александровне и Мише за то, что так героически приютили нас тогда. А ведь мне известны случаи, когда к семьям тех, кто убежали от радиации, на новых местах относились с предубеждением, считая, что они заразные. Это ужасно.

В Москве в этой семье мы прожили несколько дней. Квартира – московская «хрущоба» в 30 квадратных метров, и те неудобства, которые мы причиняли этой семье, заставили меня взять билеты на

Кавказ к близким нам людям. В Москве купить туда билеты было нетрудно. Нас там ждали. И 14 мая после суток мучений в пыльном плацкартном поезде Москва – Адлер мы прибыли в Армавир.

На Кавказе уже вовсю разгулялась весенняя природа. Возле дома семьи Миклашевских, в котором мы тревожно пережидали Чернобыль (кто же знал, что это – на века!), поспели первые майские черешни. Все цвело и благоухало. Жизнь текла ровно и спокойно. О Чернобыле здесь говорили мало. Как будто армавирцев это и не касалось. (Позже, спустя три года, я узнаю, что и на Краснодарский край, его знаменитые курорты кое-где упали чернобыльские радиоактивные пятна).

Первое, что я сделала, – повела детей в местную радиологическую лабораторию. Одежда наша излучала приблизительно 0,025 миллирентгена. Такой, сказали врачи, здесь фон. В Житомире дочернобыльский фон составлял не более 0,017.

Несмотря на цветение и тепло, Армавир не принес нам особого успокоения. Заболел младший, Сашенька. И здесь свет оказался не без добрых людей. Участковый врач, Лариса Ивановна, которая пришла по вызову, узнав, что мы из чернобыльской зоны, отнеслась к нам очень человечно. Хотя, впрочем, так и должно быть. Мы же, зная нашу советскую медицину, оценили отношение Ларисы Ивановны к нам. У Сашеньки, оказалось, болело не только горло, но и начался бронхит.

А когда он выздоровел, окончился мой отпуск. И в июне мы вынуждены были возвращаться в Житомир. Детей оставить на Кавказе я не могла. За ними здесь просто некому было присматривать. И мне надо было на работу. Бросить же ее я тоже не могла, ведь прожить на одну зарплату в советской семье было невозможно...

Впереди нас ждало длинное тревожное и знойное лето. Центральная коммунистическая газета «Правда» ежедневно миллионными тиражами выдавала успокоительные таблетки в виде бодрящих статей о том, что все, мол, хорошо. Мне до сих пор стыдно вспоминать те заголовки моих московских коллег «Соловьи над Припятью», «Сувениры из-под реактора» и т. д. Вот уже 25 лет живущие в зонах поражения – а таких 9 миллионов людей! – платят за те сувениры слишком дорого. Но об этом – впереди.

Кажется, за все тревожное житомирское лето 1986 года над городом так и не упало ни капельки дождя. Небо было бездонным, голубым, выцветшим от ошалелого солнца. Дьявольская утроба реактора, заглотнув несметное количество песка, свинца и еще чего-то, наконец-то заткнулась. Состоялись его «похороны» в спецусыпальнице. Отголосили родные над цинковыми гробами убитых радиацией пожарных, похороненных далеко от дома – на Митинском кладбище в Москве. Команда атомщиков, которые были определены Системой в стрелочники по делу Чернобыля, уже отсидели, вышли и некоторые даже умерли. Все кончено? Нет, спустя десятилетия после катастрофы мы постигаем истинные ее масштабы, всю обреченность правды о ней, о чернобыльских генах, уходящих в будущее. Узнавая об этой глобальной раковой опухоли (в прямом и в переносном смысле), мы все более и более узнаем о себе. О нашем больном обществе. Мы узнаем не только о нашем прошлом, больше похожем на Туманность Андромеды, но и тревожимся о будущем. Надежда умирает последней.

Оглохшие от идеологических самозаклинаний в первобытной пещере коммунизма, мы с боями и огромными потерями – один только Чернобыль чего стоит! – не так давно вышли из окружения. До сих пор не отряхнулись как следует от налипшей грязи и лжи той жизни – до Чернобыля и о Чернобыле. А уже налипает новая постчернобыльская ложь и постчернобыльская грязь, куда нас в который раз пытаются окунуть власти предрекающие.

Что нас ждет впереди?

Чернобыль как мера вещей: взвесим жизнь и власть, правду и ложь на весах Чернобыля.

Глава 1 РУДНЯ-ОСОШНЯ. ЗОНА ОБМАНА

Как я уже сказала, в то время я работала в областной партийной газете «Радянська Житомирщина». Мы получили сообщение о том, что жители четырех сел Народичского района нашей области выселены из-за смертельных доз радиации, зафиксированных там. Люди переселены, как нас уверяли печать, радио и телевидение, в безопасные зоны. Для них, сообщалось, сделали всё. То же самое писала и наша газета. У меня не было никаких доказательств того, что в зонах поражения происходит что-то ненормальное. Но интуитивно (вероятно, это чисто журналистское качество), я чувствовала, что там делается что-то *не то*. Наверное, насторожило, что новые дома людям начали строить в непосредственной близости от Чернобыля. Рядом с огороженными проволокой деревнями, откуда выселили крестьян. Зачем?

Да, наша газета сообщала, как ударно там трудятся строители со всей области, как быстро и качественно сооружаются для переселенцев дома. Но ни слова о том, а нужны ли эти новостройки у стен реактора? Безопасное ли это место? Я решила разобраться.

Когда я зашла поделиться своими сомнениями к редактору газеты, партийному функционеру с многолетним стажем Дмитрию Панчуку, он, выслушав, недружелюбно и холодно ответил, что, мол, «не мы это решали, не наше это дело». Я попросилась в командировку в тот самый Народичский район, откуда людей выселяли и в то же время строили там новые для них дома. Но мне категорически отказали.

Тогда я решила схитрить и обратилась к руководству с планом моей поездки в Малин, на опытно-экспериментальный завод. Писать о научно-техническом прогрессе. Это не возбранялось, и я поехала. За полтора дня разобравшись с научно-техническим прогрессом, я успела все же побывать и в запретном Народичском районе (он граничит с Малинским, и в этом-то и заключалась моя журналистская хитрость), где, как оказалось, строители из Малинского опытно-экспериментального завода возводили в селе Рудня-Осошня детский сад.

Директор завода выделил для меня старенький автобус и водителя. Часа два мы громыхали на нем к «объекту». Был конец жаркого лета. Автобус ехал через богатейшие леса, в которых пели разноголосые птицы. Грибы росли едва ли не под колесами. Солнце чуть пробивалось сквозь сомкнувшиеся кроны деревьев. Водитель, не помню, как его звали, пожилой человек, рассказывал с болью в голосе, как испоганили Чернобылем землю, какие здесь великолепные были грибные и ягодные места. Они и остались такими, собственно. Но вот ни в лес войти, ни в траву упасть, ни земляники, ни черники, ни грибов собрать здесь нельзя. Все отравлено. Впрочем, местные жители, не понимая, в чем же и как эта отравка выражается, частенько, презрев все разговоры об опасности, ходили с лукошком в лес за грибами-ягодами. И себе к столу. И для других – на киевские и житомирские рынки.

Рудня-Осошня – типичное полесское село. Весной, когда благоухают сады, оно похоже на большой цветник среди елового леса. Мы подъехали к рабочим, которые, оказалось, строили баню. Рядом с лесом. Разговор как-то особо не клеился. Пятеро мужчин были угрюмы и молчаливы. К тому же вдруг начал моросить какой-то мелкий, неприятный дождь. Но все же я пыталась понять, что здесь происходит, зачем они строят, каковы здесь уровни радиации.

Наконец разговорились. Оказалось, что баня строится здесь именно из-за высокого уровня радиации. Какой он – они и сами не знали. Никто об этом не говорит. «Военные приедут, померяют, а что и как нам не сообщают». Стройка затягивается, хотя вначале планировалось возвести баню за два месяца. Но, как это обычно у нас бывает, нет крана. Зачем нужна на окраине села баня на десять мест, никто толком так и не знал. Ведь в каждом дворе была своя. Стоимость новостройки – 50 тысяч рублей.

Более общительными оказались восемь рабочих на стройке детсада рядом. Старший, мастер Юрий Грищенко, рассказал, что детсад обойдется государству в 120 тысяч рублей. Что здесь они второй месяц и что местное население уже над ними смеется. Кому они его строят? В Рудне-Осошне почти нет маленьких детей, дошкольников, а детсад рассчитан на 25 мест.

Впервые я услышала здесь страшное слово «гробовые». Им называли жалкую ежемесячную подачку в 30 рублей для жителей села и рабочих, занятых на строительстве бани и детского сада, для «усиленного» питания (!). В день получалось плюс один рубль к зарплате. Ассортимент еды для рабочих был таков: горох, вермишель, говядина. Курятина была «не положена», так как, объяснили они, выйдет сверх трех запланированных на еду рублей в день.

Рабочие жаловались, что чувствуют себя плохо, болит голова, очень устают. Они считали, что это – за счет повышенной радиации.

И сегодня, спустя многие годы после взрыва на ЧАЭС, я могу сказать: они были правы. Село с необыкновенным названием Рудня-Осошня спустя четыре года (!) после ядерной катастрофы в Чернобыле было все-таки выселено. Жить здесь оказалось опасным. Но только через четыре года люди узнали об этом от властей. Тогда же приехать в Рудню-Осошню мне пришлось втайне от собственной редакции.

Поговорив со строителями, мы направились через все село искать хату бригадира. Сельсовета здесь не оказалось. Правления колхоза – тоже. Рудня-Осошня, как сообщили нам ее жители, бригадное село. Иными словами – неперспективное. Здесь даже десятилетки своей не было. Таких «неперспективных» сел в СССР были десятки тысяч. Забытых богом и советской властью. В иных из них – ни магазина, ни почты, не говоря уже о телефоне или других признаках цивилизации. А ведь в них живут люди. И им нужно было все: хлеб, одежда, спички, свет, книги, радио. Сегодня правительство осуждает политику неперспективных сел. Но поезд ушел. Села вымирают. Стоят заколоченными некогда добротные дома, зарастают тропинки и кладбища. Люди уезжают поближе к цивилизации. В города.

Вот что рассказала мне тогда бригадир комплексной бригады депутат районного Совета народных депутатов Валентина Ущиповская: «В нашем селе – девяносто дворов. Село режимное (то есть радиационно загрязненное. – А.Я.). В Рудне-Осошне – двадцать семь детей с первого по восьмой класс и двое с девятого по десятый. И шесть дошколят. Школу начальную на четыре класса закрыли, потому что внутри нее было полтора миллирентгена. В школу ходили тринадцать учеников, в ней было всего две комнаты. А сейчас 0,2 миллирентгена вода и 0,4 – земля. В том конце села – больше, в этом – меньше. Я лично и меряю дозиметром. У меня есть аппарат ДОС-5, обманщик, я им и меряю, – как-то горько, полушутливо говорила бригадир. – Он занижает в три раза. Приезжала спецлаборатория в прошлом году. У них –1,1 миллирентгена. Говорят: „Жить можно“. Дозиметр мне выдали в райисполкоме. Приезжают также мерить военные, но нам они не объясняют ничего.

Видели, строят у нас детсад? Зачем? Ну, ничего, пусть строят. У нас много парубков есть. Девчат нехватка. Вот и будет на старости лет им хороший интернат.

А еще у нас нет дорог. Нельзя проехать от Рудни-Осошни до Малых Минек. Я выступала на сессии райсовета в Народи-чах, говорила об этом. И о дорогах, и о детях. Дети десять лет ходят в школу за десять километров. После радиации (она так и сказала „после радиации“ – А.Я.) дорогу разбили еще больше, нельзя проехать. Едем на лен 17 километров, а если бы была дорога, то можно ехать только три. Шесть лет нам все обещают сделать дорогу. Правда, в селе сделали асфальт. Мы написали в Совет министров Украины, Масолу (председатель Совета министров. – А.Я.). Приехали после этого из облисполкома. Обещают в четвертом квартале сделать дорогу».

Вот уж, воистину, живет человек – надеется...

«Нам рассказали, как себя вести, что надо есть тогда, когда мы уже хорошо наелись всего чего надо и не надо из таблицы Менделеева», – продолжала бригадир, вытирая руки о подол платья. Когда мы подошли, она как раз на своем огороде копала картофель. Неподалеку от нее выбирали клубни другие женщины. Возле них в песке возились дети. Чуть дальше кто-то жег ботву. И радиоактивный пепел тут же осыпался на огороды и сады, на детские головки...

Вокруг села еще сразу после аварии должны были снимать слой земли. Но потом, очевидно, раздумали и землю просто перепахали. Село «мыли». Известняковую дезактивацию планировали проводить впервые только осенью 1987 года.

За это время десятки жителей села, пережив первый радиационный удар, облучившись внешне и внутренне, почти три месяца после аварии пили местное радиационное молоко и оказались на больничных койках областного центра. Некоторые успели побывать здесь по нескольку раз.

Работавшие на огородах женщины тоже подошли к нам. Услышав, о чем речь, включились в разговор о своем горьком житье-бытье. Оказывается, из села забрали 63 коровы. За килограмм живого веса платили по 1 рублю 92 копейки. Коров завезли в колхоз имени Щорса, в село Базар этого же района. (Только спустя четыре года стало известно, что и село Базар подлежит полному выселению). Почему в Базар? Сказали, что там «чистое» место и их можно откормить на мясо для продажи населению. Коров забрали 17 июля 1986 года. Телок оставили. Но затем и их забрали. Разрешили держать только свиней да кур.

«В первые дни после взрыва мы все охрипли, – говорили женщины. – В этом году нам запретили кушать смородину, клубнику. Яблоки разрешили, но сказали мыть в проточной воде, также помидоры и огурцы».

Узнала я и о том, что в селе есть ферма – 86 коров. И откормочный пункт крупного рогатого скота – 113 голов. Годовой план колхоз «Красное Полесье» выполнил в первом полугодии на 113 процентов.

Если раньше с гектара здесь собирали 10–13 центнеров зерновых, то теперь – 18.

Чем больше рассказывали мне женщины, тем больше я убеждалась, что здесь творится преступление. Преступление власти перед людьми. Не поэтому ли меня не пустили сюда в командировку?

Оказалось, что от новостроящегося детского сада села Рудня-Осошня до выселенных и огороженных колючей проволокой сел Киевской области Бобер и Владимировка – рукой подать. Поля же просто упираются в колючие заграждения. Неподалеку – село Голубиевичи. В нем, как сказали мне женщины, построили новые дома. Но люди из выселенных сел туда не переехали. Некоторое время они пустовали, а затем их заняли – свои же колхозники. Отсюда до чернобыльского реактора – 60 километров. До тридцатикилометровой мертвой зоны – 30.

Сегодня села Рудня-Осошня больше нет. Через четыре года после взрыва правительство решило его срочно выселить. Срочно – после стольких лет обмана! Преступного обмана.

Тогда я сказала сама себе, что я продолжу, чего бы это мне ни стоило, свое журналистское расследование и напишу обо всем увиденном и услышанном. Только гласность могла спасти этих людей. Несмотря на то что гласность объявили у нас в 1985 году, с приходом к власти Михаила Горбачева, ею в этих краях и не пахло.

Целый месяц каждый уик-энд после моего тайного от редакции визита в радиационную Рудню-Осошню мы с мужем ездили на наших «Жигулях» по селам Народичского района. Это были тяжелые встречи с потерянными, раздавленными, обманутыми людьми. С тех пор прошло двадцать пять лет, но ни одну из тех встреч я не забыла, потому что ни одну из тех исповедей забыть просто невозможно.

Исписанные тогда блокноты, кровоточащие, как память очень старых людей, ничего уже, кроме смерти, не ожидающих от жизни, я храню в своем чернобыльском архиве.

Глава 2 «СТОЙ! ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!»

Вот она лежит, засыпанная багрецом и золотом, осенняя земля. Красивая – слов не сыщешь! Слева – поля, а дальше – пастбища, стада. На фоне дымки тающего за ними леса кажется – картина. Прованс? Да нет, куда ему до наших красот! Полесье!.. Простор да леса, вызывающие щемящее чувство вечного с ними родства. В неизменной изумрудной оправе, как бесценная брошь, – Христиновка. Христиновка – это от «христиан»? От слова «Христос»? Или от украинского слова «хрест», то есть «крест»? Какой же особый крест определен судьбой этому селу? Справа от него вдали утопают в вишневых и яблоневых садах полесские деревянные хаты и новые добротные дома из белого огнеупорного кирпича. Это – Старое Шарне. А прямо...

Прямо: «Стой! Проход запрещен! Опасно для жизни!» – гласят устрашающие предупреждения на шлагбауме, на колючей проволоке ворот, закрытых на увесистый замок.

Нет. Не может быть. Не укладывается. Не вяжется. Вот же хата, рядом, по эту сторону проволоки, в ста метрах. Упало яблоко в саду, возле забора, и покатилося в траву. Вышел из дома малыш. Лет пяти. Или шести. Радостно побежал между кипеньем осенних цветов. Славный, будто сам цветок. Ручка его потянулась к яблоку, затем – ко рту... По губам течет сок, капает на ботиночки, на траву. Мальчик чему-то смеется...

Дома возле луга с другой стороны колючей проволоки – свободно растянувшееся вдоль речки Уж село Новое Шарне. После катастрофы в Чернобыле его больше нет. Мертвое. Такая же печальная участь постигла еще три здешних деревни – Долгий Лес, Мотыли, Омельники. Из печати мне было известно, что летом 1986 года из них эвакуировали 251 семью – более полутысячи человек. Куда их выселили, как они живут? Вот что прежде всего интересовало меня. Как обустраиваются психологически на новых местах?

В тот субботний день, когда я впервые после взрыва в Чернобыле приехала в Народичи, даже приблизительный масштаб бедствия и обмана (хотя бы в нашей области) выяснить мне не удалось. В выходной день никого из руководства не оказалось в райисполкоме. Я просто разговаривала с людьми на улицах, в магазинах, заходила в дома. Мне посоветовали поехать в первую очередь на окраину Народич, в поселок Мирный. Именно там для переселенцев построили 50 новых коттеджей. Люди не хотят в них жить. Почему?

Об этом у меня и состоялся разговор в Мирном с переселенцами из Нового Шарне. Вот что рассказывали сами эвакуированные.

Адам Пастушенко, инвалид Великой Отечественной войны, после переселения устроился на работу в Народичский райфинотдел: «На этом месте нельзя было строить дома. По двум причинам. Во-первых, здесь тоже не намного лучше, чем там, откуда нас выселили. Во-вторых, раньше много лет на этом месте был склад ядохимикатов сельскохозяйственной авиации. Здесь нечем дышать».

Услышав о приезде журналиста, в магазин, где мы разговаривали с жертвами мирного атома, начали сходитьсь эвакуированные, рассказывать о своих бедах, просить помощи. И все, буквально все, задавали мне один и тот же вопрос: кто дал приказ, кто решил строить здесь, рядом с опасными радиоактивными местами, новые дома для переселенцев, которые и так вдоволь настрадались у стен Чернобыля? Ответа у меня тогда еще не было. Я сама искала его. В том числе и здесь.

Крестьяне предложили мне пройти по двум улицам нового поселка. Многие из домов пустовали. В четырех новых строениях срывали полы и через окна выбрасывали землю, пропитанную ядохимикатами.

Кто-то из моих собеседников горько пошутил: у нас здесь даже мух нет, все передохли. Легкий ветер разносил вокруг тошнотворный запах аммиака.

В некоторых домах было совсем холодно. Вышли из строя паровые котлы. «Начальство говорит, – сетовали люди, – что старые бабки не умеют пользоваться паровым отоплением, поэтому котлы и взорвались».

На улице Жукова, рассказали жильцы, в восьми домах пришлось выбрасывать всю землю, сняв полы. Один из переселенцев, Федор Зайчук, пригласил меня к себе в дом, провел по трем комнатам. Потолки все почернели. Сырость. Холод. Он все спрашивал меня устало и безнадежно: «Как здесь жить, как здесь жить?»

Обойдя домики, мы вновь вернулись в магазин. Меня интересовало, как эвакуированных обеспечивают «чистыми» продуктами. Заведующая магазином Людмила Пастушенко пожаловалась, что они получают отвратительный хлеб, горелый, есть его невозможно. Нет минеральной воды. Не всегда всем хватает мяса. Те, кто работают, днем купить мясо не могут, а после работы оно бывает редко. Нет копченой рыбы. Нет кур. Бывают утки. Есть соки. Вообще же «рацион» питания, «спущенный» сверху, такой: в месяц на одного человека-переселенца положено по килограмму гречки, пшена, по две банки тушенки и сгущенного молока.

Но больше всего людей волновало здоровье. Инвалид войны Адам Пастушенко рассказал, что в его организме было обнаружено 17 микрокюри цезия. Двадцать четыре дня он лечился в больнице в Житомире. Выписался с показателем в 9 микрокюри.

Нина Мохоид: «У меня две девочки – Оля, двенадцать лет, и Люда, девять лет. Оля лежала недавно в детской областной больнице. Люда тоже болеет. Нам дали сейчас какие-то таблетки пить в течение двух месяцев. У детей увеличена щитовидная железа – до первой-второй степени».

Валентина Кавка, методист районного Дома культуры: «Мои двое детей – Богдан шести лет и Светлана четырнадцати – направлялись в Житомир и Киев. У Богдана увеличена печень, холецистит».

И опять все они возвращались к одному, главному для них вопросу: неужели нас из опасной радиационной зоны нужно было выселять именно сюда, буквально за несколько километров от огороженного колючей проволокой села нашего Новое Шарне? Разве не ясно, что это – из огня да в полымя?

Что я могла им тогда сказать?

Вечером я уходила из поселка Мирный с тяжелым чувством. Люди провожали меня к центру Народич, показав короткий путь через картофельные огороды. Тошнотворный запах аммиака перемежался с запахом осенней ботвы. То тут то там вспыхивали маленькие костры: здесь дети жгли ботву точно так же, как и в Рудне-Осошне. И точно так же смертоносный радиоактивный пепел осыпал все живое вокруг.

В воскресенье мы поехали в другом направлении. И тоже туда, где в селах построили новые дома для эвакуированных.

Село Межилеска, что в переводе с украинского означает «между лесом», «среди леса», действительно там и оказалось. Несмотря на то что возле школы снимали грунт, разобрали шесть ветхих домов, из одной хаты выбрали радиоактивную землю и возле семи усадеб тоже сняли слой земли, – несмотря на все это село считалось благополучным, «чистым». Здесь не доплачивали, как в иных режимных деревнях, ни 25 процентов к заработной плате, ни 30 рублей ежемесячных «гробовых». Зато сюда провели телефон. (Нет, оказывается, худа без добра). Построен и медпункт, хотя и не работает.

Летом после взрыва в Чернобыле здесь возвели пятнадцать новых домов для переселенцев. В тот день, когда я приехала, треть из них так и оставалась незаселенной. Вот свидетельства очевидцев.

Надежда Осадная, бухгалтер сельсовета: «Домики делались спешно, не для сельского жителя. Бабушки наши всю зиму так и просидели в сельсовете. Ведь им нужна печка. А печки нет. И печи нет. Если бы было центральное отопление, тогда другое дело. А так – бабки не умеют пользоваться котлами, водяным отоплением. Пусть бы им печки поделали...»

Сидящие здесь же Антонина Адамовна Кондратенко 1912 года рождения и Олимпия Михайловна Жовнирчук – 1905-го согласно кивали головами. Из их выцветших от времени глаз по морщинистым щекам тихо катились слезы.

В заселенных домах в основном жили переселенцы-пенсионеры. Из трудоспособных – два-три человека.

«Когда приезжали переселенцы, им выдавали по два поросенка, ящики с капустой, огурцами, помидорами, консервированными в банках, по три мешка зерна, по десятку кур», – рассказывали местные жители.

«А как тяжело было покидать свою хату, село. Какой крик стоял над деревней, просто гвалт. Как мы все рыдали! Подъезжает машина к дому – все выгружай на машину. И дома-то наши были лучшими. Теплыми. И все у нас было. Покупали только хлеб. А сейчас – все купи, – причитали древние бабушки. – У одной старухи умер муж, старик. Так она повезла его хоронить в Долгий Лес, к родным могилам. Хорошо, что разрешили».

В селе Межилеска, в заботе о переселенцах, купили им к этим новым пятнадцати еще три дома в колхозе. По 20 тысяч рублей за дом. Но и сюда не въехали пораженные радиацией. В двух из них поселились колхозные молодожены, еще один так и остался пустым.

Анатолий Коноватский, секретарь парторганизации колхоза «Маяк»: «В домиках провели в этом году ремонт. В эту зиму холодно не будет. Утепили потолок, подогнали двери. Райисполком дал наряды на отопление дровами – из Овручского лесхоззага. Нам не разрешают брать их в Народичском, так как дрова радиоактивны. А переселенцы возят их из своих оставленных сел – Омельников, Мотылей. А ведь этого нельзя делать! Там много радиации. Для старух поделали сейчас в хатах печки, обыкновенные сельские печки. Дадим им по пять-семь складометров дров, и пусть они себе целую зиму протапливают. Село наше не считается режимным, но дети болеют, проверяли их, осматривали, многих взяли на учет. У всех детей увеличена щитовидная железа: медосмотр проводили в школе. Рядом – село Осока. Тоже нашего колхоза. Уровень радиации в нем выше, чем, например, в Голубиевичах. Но здесь ничего не доплачивают. И село считается нережимным, хотя свое молоко, мясо, птицу есть нам запретили. В селе же есть ферма. Молоко с нее мы сдаем государству, и дальше оно идет на переработку в Овруч. Нам же молоко завозят из Коростенского района».

(Спустя четыре года выяснится, что и здесь повышены уровни радиации!)

Владимир Рудницкий, председатель сельсовета: «На ферме в Осоке работает одиннадцать человек. Триста пятьдесят голов крупного рогатого скота. На фермах и в Межилеске, и в Осоке проводили дезактивацию. Возле школы радиация была превышена в шесть раз, здесь снимали землю».

Хотя у переселенцев есть талоны на продукты, но им ничего не возят. Вот как выкричим, тогда что-нибудь привезут. Два раза дали нам в Межилеске сгущенное молоко. Были консервы».

Доярки в Осоке отказывались идти на работу.

В селе Голубиевичи, где для эвакуированных тоже построено двадцать домов, еще 6 августа 1986 года отобрали коров. Потому что молоко – радиоактивное. Детей целый день держат в школе, им организовали трехразовое «чистое» питание. Бесплатно.

Мария Коноватская, бухгалтер сельсовета села Голубиевичи: «Месяца два-три мы получали по 25 процентов доплаты и по 30 рублей на питание. Потом вдруг прекратили. Сказали, что ошиблись. Ошибка, мол, вышла: надо платить не нам, а в другом селе – Буда-Голубиевичи. Недавно сняли налог на землю. Своих продуктов кушать нельзя, а 30 рублей так и не платят. В новые дома люди не захотели поселяться. Они же видят, как мы здесь живем. Да и дома холодные. Вот у нас баба Юзефа все просится на зиму в свое село. А потом, говорит, приду назад. Несмотря на то что она еще 1914 года рождения, немного помогает в колхозе. А мы им, переселенцам, приготовили такую встречу – с хлебом-солью, цветами. Сказали: ждите, они приедут в июле-августе. Специально был назначен день. На встречу прибыл секретарь Народничского райкома партии Музгорин и сказал, что переселенцев не будет. А мы – стол поставили, букеты цветов, пришли школьники, и все село вышло их встречать. Не приехали... Дома пустовали до тех пор, пока уже осенью не разрешили заселиться своим. А то всё ждали...»

То же случилось и в селе Гуто-Марьятин.

Нина Волох, заведующая почтой: «Двенадцать из пятнадцати домов заселили наши молодые семьи, местные. Встречали мы только три семьи. Были цветы и хлеб-соль. У нас есть свой оркестр. На встречу приехал первый секретарь райкома партии Анатолий Мельник. Концерт переселенцам дали прямо на улице».

Виктор Терещенко, тракторист: «Мы приехали сюда с Броварского района Киевской области. Нет, тот район не радиоактивный. Просто мы поженились, у нас родилась Машенька, ей сейчас одиннадцать месяцев, и нам негде было жить. Вот мы и решили приехать сюда, зная, что здесь пустуют дома и нужны рабочие руки. Валентина, жена, с Машенькой дома, я устроился в колхоз „Маяк“ трактористом. Дом холодный. Идет дождь – течет в спальне и в коридоре. Зимой встаю в три часа утра, чтобы протопить. Так холодно, что пар идет. За полтора месяца истопил три воза дров. Газ балонный. Полтора месяца надо ждать. Зимой воды в колонке нет: перемерзает. До ближайшего колодца в селе – километра два. А ведь ребенка ежедневно купать нужно».

Из дома № 7 переселенцы уехали. По тем же причинам. Пенсионер Николай Харченко с женой из эвакуированного села Омельники выехал в Тычков. Купил там себе нормальную теплую хату.

Но особенно мне запомнилась горькая исповедь пенсионерки из села Долгий Лес *Марии Степановны Козыренко:* «Сразу нас перевезли на хутор Розсоховский. Нам больше некуда было ехать. У кого были родственники, те поехали к ним. А такие, как мы, – на хутор Розсоховский. Пробыли мы там с неделю. Со мной к тому же был мальчик моего сына, ему два с половиной года. Лето провели у сына, а вот на осень, 15 сентября, сюда переселились. Очень скучаем за своим селом. Здесь нас четыре семьи живет с Долгого Леса. Все почти пенсионеры. Молодых мало. А ведь нам говорили, что выселяют нас ненадолго, на несколько недель, ну, в крайнем случае, на месяц. Автобус за нами приехал 27 мая, в семь часов утра, а в десять мы уже выехали из села. Утром люди еще начали выгонять коров на пастбища, но милиция загнала обратно. А мы думали еще кабанчика колоть... Здесь холодно, далеко от села, на отшибе...» Мария Степановна не сдержалась, заплакала, вытирая слезы и пряча изможденное лицо в уголки белого в черные горошки платка.

Чтобы закончить сбор материала, мне необходимо было во что бы то ни стало встретиться с руководством Народничского района, узнать его позицию, выяснить общую радиологическую картину района. А может быть, и области. К тому времени я уже поняла, что мы ничего, абсолютно ничего не знаем

о реальном состоянии дел после взрыва. О масштабах его, о последствиях. В средствах массовой информации шли потоки дезинформации и наглой лжи.

Встретиться с официальными лицами я могла только в рабочее время. А в рабочее время я находилась у себя на работе. Как я уже сказала, официально меня в радиоактивный район не пустили. В поисках решения, как же мне выбраться в район хотя бы на один день в рабочее время (Народичи в пяти часах езды на автобусе от Житомира, на севере области), я написала заявление на имя редактора газеты Дмитрия Панчука с просьбой дать мне выходной день за свой счет среди рабочей недели в «в связи со сложившейся ситуацией». Что за ситуация у меня сложилась, я, естественно, написать не могла. Но в просьбе мне редактор все равно отказал. Заведующий отделом Григорий Павлов все добивался, чтобы я объяснила, что же это за «ситуация». Но я не сдавалась. Спустя некоторое время еще раз написала такое же заявление – выбора у меня не было. Вторично редактор, видимо, не решился отказать.

Ведь не я одна обращалась к нему с заявлениями личного характера. И никогда никому не было отказано. Этот день я обязалась отработать в субботу, на дежурстве по номеру в типографии.

Но заводделом Павлов, вероятно получив задание от начальства, все интересовался: зачем мне нужен выходной? Мне ничего не оставалось сделать, как сообщить ему, чтобы он наконец отстал, что я собираюсь в этот день сделать аборт.

Получив выходной, я немедленно выехала в Народичи, в райисполком.

Валентин Семенович Будько, председатель Народничского райисполкома, оказался очень простым и общительным человеком. Обычно у нас люди, занимающие такие должности – руководители советов, партийные секретари, – беспрекословно делают то, что им велят сверху. Возможно, Будько до взрыва на ЧАЭС тоже был таким же функционером. Но катастрофа, которая непосредственно коснулась его самого, семьи, родных и близких, та несправедливость и замалчивание реальностей сделали его другим. Таким, каким я его и застала. Простым и нормальным человеком. Он думал уже не о руководящем кресле. Он думал о людях.

Я рассказала ему о своих походах по живым и «мертвым» селам района. Попросила у него информацию о здоровье людей, об уровнях радиации в районе. Сказала, что хочу помочь, предав все это огласке. Валентин Семенович согласился, заметив, однако, что в район уже наведывалось немало журналистов, все они брали информацию и уезжали с обещанием, что статьи непременно выйдут в газетах. Однако никто и нигде ничего не напечатал. Единственная информация о детях района появилась в газете «Вечерний Киев», в которой начальник управления лечебно-профилактической помощи детям и матерям Министерства здравоохранения УССР Г. И. Разумеев писал: «Дети из Припяти и Чернобыля не пострадали, а вот у определенной категории юных жителей Народничского района была зафиксирована повышенная доза радиоактивного йода на щитовидной железе. Они были вовремя госпитализированы, и сейчас здоровье детей вне опасности». В общем, всё в порядке!

Сев в вездесущий председательский газик, мы прежде всего направились в закрытое село Новое Шарне. По дороге – а это в восьми километрах от райцентра – Валентин Семенович рассказал мне о том страшном дне: «Об аварии в Чернобыле я узнал утром 27 апреля. Нет, не из официального сообщения. В этот день мы устроили с первым секретарем ярмарку в районе. Ну, и утром шли туда. Вдруг видим – колонна машин движется в сторону Полесского Киевской области. Черная „Волга“. „Волга“ остановилась. Вышел Колбасенко (начальник областного автомобильного управления. – А.Я.) и говорит, что на Чернобыльской АЭС случилась серьезная авария...»

Что за авария и насколько она серьезна, никто не сказал, не сообщил. Поэтому ярмарку в тот роковой день провели в Народичах на славу. Со всех сел района свезли в центр продукцию – сало, мясо, огурцы,

помидоры, капусту, молоко, творог, масло, различные овощи, грибы – в общем, все, чем богат был наш полесский стол времен развитого социализма. А между тем, по данным начальника гражданской обороны района И. П. Макаренко, 27 апреля 1986 года в 16.00 в Народичах было зарегистрировано 3 рентгена в час. На следующий день, 28 апреля в 9.00 утра – 0,6 рентгена.

Когда мы проезжали через село Ноздрище, Валентин Семенович показал рукой направо, в конец села: «Вот здесь упало самое грязное радиоактивное пятно во всем районе – 160 кюри на квадратный километр».

Я посмотрела туда, куда показывал Валентин Семенович. Там простирался до самого горизонта великолепный изумрудный луг. Именно он-то и был засыпан цезием-137. На лугу беспечно паслись буренки, лениво пощипывая радиоактивную траву. Впереди, метрах в двухстах-трехстах, начиналась колючее ограждение – Новое Шарне. Машина наша остановилась. Правда, перед этим председатель предупредил: может, не стоит выходить. Странно. Я подумала: люди здесь рядом живут, а мне говорят, что не стоит даже выходить. Мы вышли.

Возле ворот, закрытых на увесистый замок, со знаком «Въезд запрещен!» стоит деревянная будка. Через окно видны телефоны, стол, стулья. Из будки вышел милиционер. Я попросила, чтобы он пропустил нас. Ворота открылись, и мы въехали в запретную зону. Унылый осенний сад возле крайней хаты роняет в буйные травы никому не нужные радиоактивные плоды. Ветки согнулись под их немислимой, кажется, какой-то особой тяжестью. Отгорают возле заколоченных хат последние чернобрицы и хризантемы. Одицавшие, они выросли едва ли не вровень с окнами. На окнах видны кое-где вазоны с засохшими цветами. Во дворе одного из домов развевается на ветру белая тряпка, на тыну висят трехлитровые, омытые дождями и снегами, банки и гладышки. Никому не нужны. «Котов и собак отстреляли в селе на третий день после выселения», – рассеяно сказал председатель.

Село это – памятник. Памятник Чернобылю. Преступный памятник. Дорогой, слишком дорогой ценой пришлось его оплатить жившим в этом селе крестьянам.

А рядом, по эту сторону проволоки, – Ноздрище. Неподалеку недавно построен новый детский сад. Всем приезжим его демонстрируют с гордостью. От детсада до самого радиоактивного луга – рукой подать.

По дороге обратно, в Народичи, председатель рассказывал о том, как выселялись деревни: «Все четыре села я эвакуировал сам. Честно скажу: мне было не по себе от всего того, что я увидел при этом и услышал. Помню, одну бабку закрыли соседи по ее же просьбе в хате. Она ни за что не хотела уезжать. Но мы не могли ее оставить в том аду. Мы ее нашли и забрали с собой. Первое село, которое мы эвакуировали, Долгий Лес. Был ясный, солнечный день. Мы прибыли в село в шесть утра, чтобы успеть, пока селяне выведут скот на пастбища... 27 мая эвакуировали Новое Шарне. Все делали спешно. Мы сами думали и людям говорили, что это – временно, на несколько недель. Мы ходили из хаты в хату, успокаивали людей. Но все были очень взвинченны, нервные. Женщины голосили, покидая свои подворья. Как будто навсегда».

Оказалось, да, навсегда. Навечно. Говорят, кто не пережил этого, тот не поймет. Полещуки с деда-прадеда, столетиями они жили здесь, на берегах чистейших и красивейших рек Украины – Уж, Жерев, Норины, Руденка. Что ни дом – произведение искусства. Резные наличники снаружи. Тканые ковры да вышитые рушники крестом и гладью – внутри. Тысячелетиями на этой древней земле пахали, сеяли, убирали. Здесь практически не было никакой промышленности. Воздух чист и прозрачен. Леса первозданно красивы и богаты грибами, ягодами, дичью. И все это так бездарно, безответственно и беспредельно уничтожено. Смирится ли с этим когда-нибудь человек?

У себя в кабинете председатель райисполкома, открыв сейф, положил передо мной карту радиационного загрязнения всего района. Почти вся она была, как израненный человек, окрашена в цвет крови. Только кое-где по краям зеленела. На ней не было практически живого места. Я быстро выписала в блокнот уровни радиозагрязнения. На карте сбоку было обозначено: предельно допустимая норма суммарного биологического эквивалента на квадратный километр – 40 кюри, нижний предел – 15. Так вот, как позже выяснилось, в иных местах этот «запредел» доходил до 1200 кюри и более. Я увидела, что новые дома для переселенцев построили в восьми других селах, здесь же, рядом, половина из которых уже была занесена в... число деревень жесткого радиационного контроля. Причем и сам райцентр, возле которого возвели новый поселок Мирный, и село Малые Клеши попали, как оказалось, в эти «черные» списки сразу после аварии. И сразу же, зная об этом, здесь, у разоренных гнезд, начали строить новые коттеджи, бани, дороги, детские сады, водопроводы. Вот уж правда – из огня да в полымя.

Ко времени моего расследования в новое строительство, в основном, в жесткой зоне радиации уже было вложено 105 миллионов рублей. И, похоже, никто не собирался останавливаться. Наоборот, строительство форсировали. Каждый четверг заместитель председателя Житомирского облисполкома Георгий Готовиц (ныне покойный) проводил в Народичах летучку. Там, за закрытыми дверями, и решалась фактически судьба и жизнь несчастных, обманутых людей. Зачем? Зачем там нужно было строить? Неужели не нашлось в области, в республике, в огромной империи СССР «чистого» места для хватанувших радиации людей, пострадавших у стен Чернобыля? Трудно, невозможно найти этому разумное объяснение.

Услышанное тогда в Народичской детской больнице и поликлинике, потрясло еще больше. Свидетельствуют медики. Октябрь 1987 года.

Любовь Голенко, заведующая детским отделением Народичской районной больницы: «Определенную дозу радиоактивного йода мы проглотили точно. По моему мнению, процентов на шестьдесят заболеваний щитовидки увеличилось. Особо тяжелые случаи идут у нас под грифом „Т“ и „Д“. Этих детей взял на себя Киев. Полностью ли безопасна зона для здоровья детей? Этого я не могу сказать. Приезжие специалисты отвечают так: будет видно через три-пять лет».

Леонид Ищенко, главный врач Народичской районной больницы: «Мы не раз обследовали всех детей района. Щитовидка увеличена у 80 процентов детей. А норма из ста процентов – десять. Ранее у нас было с увеличенной железой, ну, 10–15 процентов. Мы связываем это именно с аварией, а ни с чем-либо другим».

Александр Сачко, заведующий Народичской районной поликлиникой: «Меня никто не убедит в том, что со здоровьем наших детей все в порядке, и что если и есть увеличение щитовидки, то это никак не связано с аварией. Не надо делать вид, что все хорошо. Недавно я просмотрел все детские анализы за неделю. В ста восьмидесяти случаях из пятисот – изменения в крови».

«Знает ли об этом руководство в Житомире, Киеве, Министерстве здравоохранения республики?» – спросила я. «Знают, – ответили медики, – к нам приезжает много различных специалистов, берут кровь на анализы, правда, потом не всегда присылают результаты. Нас уверяют, что все мы больны радиофобией, что со здоровьем наших детей все в порядке, не стоит беспокоиться».

Медики вручили мне результаты исследования детей и взрослых района на наличие в организме цезия-137. Две небольшие, но обжигающие сознание справки. Из них следовало, что все пять тысяч детей района облучены радиоактивным йодом-131. Еще сто пятнадцать детей «засекречены» – со степенью риска таких заболеваний щитовидной железы, как различные опухоли, зоб, усиление или понижение ее функции, что может привести к умственной отсталости и другим тяжким последствиям.

С этой убийственной информацией я вернулась в Житомир. На следующий день пошла в областной отдел здравоохранения за объяснениями. Очень долго меня отправляли от одного специалиста к другому. Никто ничего вразумительного сказать не мог. Или, скорее всего, просто не хотел. Вероятно, боялись. Здесь мне стало окончательно ясно, что информация о подлинном состоянии дел в пораженных районах властями засекречена. Сразу и надежно. И хотя удалось поговорить с заведующим сектором охраны детства и материнства обл-здравотдела Виктором Шатило, его слова еще больше убедили меня в этом: «Заболеваний в связи с радиацией не выявлено. Когда мы сравниваем показатели за предыдущие четыре года – роста нет. Дело в том, что увеличение печени объясняется другими дополнительными критериями... Отклонений функций щитовидной железы не обнаружено. Компетентные люди в один голос утверждают, что никаких последствий быть не может».

Вот так. Не обнаружено. Не выявлено. Не оказалось. Не может быть. В общем, здоровью детей ничто не угрожает...

Обо всем увиденном и услышанном я написала статью. Но опубликовать его в своей газете так и не смогла. Вопрос о том, что «ее (то есть меня. – А.Я.) видели в селах Народичского района», возник на редакционном партийном собрании (кстати, я была в редакции партийной газеты единственным непартийным журналистом). В пожарном порядке в район был отправлен другой корреспондент Владимир Базельчук. Он-то и написал заказной материал о переселенцах, его-то и опубликовали немедленно. Мой коллега ничего лучшего, кроме как укорять этих несчастных людей, не придумал. Лейтмотив огромной, на полполосы статьи был таким: им новые дома построили, а они еще и жалуются!

Я решила срочно ехать в Москву, чтобы пробивать публикацию своей статьи в центральных изданиях. Мне снова пришлось писать заявление редактору с просьбой о том, что мне необходим свободный день. Его я отработаю в субботу. История повторилась: со второй попытки я его получила и тайно выехала в Москву. Там я обошла и обзвонила не менее шести изданий, но ни в одном из них и слышать о Чернобыле не хотели. Наконец в лучшей газете перестроечного времени «Известия» она все же была подготовлена к печати. Но радость моя оказалась преждевременной. Через некоторое время мне позвонили из «Известий» и честно сказали: не выйдет, потому что эта тема засекречена. А на дворе, между прочим, стоял уже январь 1987 года.

Неожиданно, спустя полгода после того, как я послала свою статью в газету «Правда», мне позвонил ее собкор из Киева Семен Одинец, и у нас состоялся такой диалог:

- Меня просил Владимир Губарев передать вам, что ваш материал не выйдет.
- Почему?
- Потому что подобный – другого автора – уже подготовлен к печати.

Но как ежедневно тщательно я ни просматривала «Правду», никакого подобного материала я в ней не обнаружила. Писать абстрактную пьесу о саркофаге оказалось куда как безопаснее, чем рискнуть опубликовать статью на запретную тему. Статью, публикация которой тогда могла бы помочь остановить безумие все новых и новыхстроек в радиоактивных районах, сохранить выселенным людям здоровье. Кто же ответит за это? Партийный журналист из «Правды» Владимир Губарев, на имя которого я отправила свой многострадальный текст с просьбой о публикации во имя спасения тысяч людей из радиоактивного ада, даже не удостоил меня письменным ответом. Но, может, так сподручнее – через третье лицо, устно, не оставляя никаких письменных свидетельств?

Впрочем, Владимир Губарев оказался не одинок в своем служебном рвении. Не успокоившись, я снова поехала в Москву, в журнал «Огонек», который в то время был ударным органом перестройки, необыкновенно популярным. Он печатал смелые статьи, развенчивающие многие советские мифы. Мы в

провинции восхищались смелостью редактора. Увы, много позже я узнала, что это была смелость, разрешенная секретарем ЦК КПСС и лично Горбачевым.

К главному редактору Виталию Коротичу попасть не удалось. Меня направили в отдел публицистики, к его заведующему Панченко. Им оказался пожилой, нервный человек. У него в кабинете все время, почти непрерывно, звонил телефон. Но трубку он не брал. А если и брал, то тут же ее бросал. Прочитав мою статью, он пообещал, что журнал ее напечатает.

Заведующий отделом публицистики Алексей Панченко меня обманул. Сколько раз я звонила ему из Житомира, писала письма и посылала телеграммы! Наконец снова поехала. Решила: во что бы то ни стало пробьюсь лично к редактору «Огонька» Виталию Коротичу. Как-никак, а он тоже с Украины, из Киева. Не может же он не понимать, насколько это важно! И, кажется, с совестью у него все в порядке.

Коротича я поймала в коридоре. И тут же, присев в фойе на диван, мы с ним и поговорили. Вспомнили Украину. Там как раз республиканские газеты развернули антикоротичскую кампанию, и ему это было безразлично. Правда, самих газет у меня не было. И меня интересовало совсем другое: будет ли опубликован и, если будет, то когда, мой материал о радиации в Народицах. Виталий Коротич пообещал: да, я знаю, у Панченко есть этот материал, пусть готовит его к печати.

И Панченко снова мне обещал. И снова я звонила ему из Житомира. Уже не затем, чтобы печатать материал, а затем, чтобы хотя бы его забрать. В последний раз, когда я приехала в «Огонек», Панченко долго при мне копался во всех ящиках своих столов, но статью мою так и не нашел. Между делом сообщил, что публиковать ее нельзя, так как «там (в Чернобыле 2 мая 1986 года. – А.Я.) был Долгих (секретарь ЦК КПСС. – А.Я.) и ничего „такого“, как в моей статье, после его посещения Чернобыля в газетах не писали». Затем Панченко между делом сообщил мне, что знает нашего первого секретаря Василия Кавуна, и написал о нем очерк, еще когда работал в «Правде». Тут мне сразу все стало ясно. Я поняла, что мой материал «пропал» в «Огоньке» навсегда.

На свое последнее письмо в адрес редколлегии журнала я не получила никакого ответа. Впрочем, ничего другого я уже и не ждала. Вместо моей статьи в «Огоньке» у нас в «Радянській Житомирщині» появился вдруг материал из Народицкого района о том, что там все хорошо. Это было похоже на циничное издевательство над людьми и здравым смыслом. Автором оказался не кто иной, как мой заведующий отделом Григорий Павлов. Это был своеобразный то ли ответ, то ли привет мне из «Огонька». У меня нет никакого сомнения в том, что моя пропавшая в недрах письменного стола Панченко критическая статья в результате оказалась на другом столе – в Житомирском обкоме партии. О, они умеют работать!

После этого я решила атаковать «Литературную газету». На то время это было одно из самых либеральных изданий в СССР. Но и здесь дальше обещаний дело не пошло. Мы оказались никому не нужны со своим Чернобылем. И наши дети тоже.

Украинские и московские СМИ делали вид, что ничего особенного не произошло. Недавно, разбирая свои архивы и просматривая дневник за то время, я обнаружила в нем такую запись: «31 августа 1986 года. Передача „Международная панорама“. Политобозреватель Станислав Кондрашов. Обо всем рассказал международный обозреватель: о сепаратистах Эфиопии, о детях-эфиопах, которые летят к своим родственникам на самолете „Аэрофлота“. О нацистском гимне, который стали исполнять в школах Нюрнберга. В программе спросили у японцев, что они думают о советском моратории. Рассказали о поездке по Миссисипи. Особенно много было рассуждений о новом мышлении. Я же ждала сюжет о Чернобыле – в анонсе было два слова о МАГАТЭ и Чернобыле. Но сюжет так и не показали. Как будто для нас важнее сейчас, какой гимн в ФРГ и сепаратисты Эфиопии, чем здоровье наших детей. Эта передача заставляет усомниться в профессиональной порядочности Станислава Кондрашова». Увы, он был не

одинок. Сегодня многие «мэтры» из прошлого превратились в сантиметры, сами этого, правда, не понимая. Знание – сила.

В один из своих приездов в Москву, в отчаянии от полного бессилия что-либо изменить, я пошла на Главпочтамт и еще раз отправила заказным письмом рукопись своей статьи на адрес известного поэта Евгения Евтушенко. Ответа я не получила. Когда весной 1989 года по просьбе его московских друзей я приехала в Харьков, где он баллотировался в народные депутаты СССР, чтобы поддержать на выборах – у меня они к тому времени уже прошли и я получила короткую передышку, – я спросила, почему он мне даже не ответил. Поэт сказал, что он не получил мое письмо. «Хотя, впрочем, – заметил он, – если ты посылала на московский адрес, то оно могло и затеряться, я ведь живу почти все время на даче, в Переделкине. В Москву, на квартиру, заезжаю только для того, чтобы взять почту...»

Итак, будем считать, что на этот раз мой крик о помощи затерялся среди московских квартир и подмосковных дач.

Виновата почта. Министр связи.

Глава 3 ПРОМЫВАНИЕ МОЗГОВ В ЖИТОМИРЕ

Эту главу я написала потому, что поняла: без нее, без объяснения того, что же происходило в моей жизни после неудачных многочисленных попыток предать огласке увиденное и услышанное в зоне поражения, мой рассказ будет неполным, односторонним. По мере того как мы узнавали из различных неофициальных источников истинное положение дел в радиоактивной зоне и за ее пределами, экология Чернобыля все больше превращалась в политику.

Не имея возможности напечатать все то, что я увидела и услышала на севере области в зонах радиоактивного поражения, я напечатала на пишущей машинке (тогда в СССР практически не было копировальных аппаратов и бюро) десятки экземпляров своей чернобыльской статьи и раздала друзьям и знакомым. Они читали и передавали другим. Это был самиздат уже перестроечного разлива.

К тому времени – тоже хочу пояснить – мне удалось в центральных газетах «Известия» и «Правда» выступить с двумя острейшими критическими публикациями о зажиме гласности в местной печати, о давлении обкома партии на газету, о двойных стандартах партийного руководства области и республики. Напомню: это было начало перестройки. Люди, превратившиеся за годы диктатуры в послушных рабов, десятилетиями прятавшие свои сокровенные чувства и мысли, прочитав эти статьи, стали моими горячими сторонниками. Когда вышла первая статья в «Известиях» под названием «Исповедь провинциального журналиста», в моем редакционном кабинете несколько дней в прямом смысле слова не умолкал телефон. Некоторые женщины, особо чувствительные, плакали прямо в телефонную трубку. Многие называли этот день в Житомире днем освобождения. Мои соотечественники реально почувствовали, что свобода слова возможна, что правда есть, что добро не может быть побеждено злом.

Так восприняло мой манифест свободы подавляющее большинство простых житомирян. Недовольной была партийная коррумпированная верхушка обкома партии, продажная номенклатура, бездарно оболванивавшая народ десятилетиями. Власти ринулись в бой против меня на защиту своего спецкорыта, почувствовав в этой статье провинциального журналиста угрозу своим устоям.

По команде сверху почти все мои коллеги, оправившись после шока, заклеили меня позором, как это всегда было в советские времена с инакомыслящими. (Хотя еще некоторое время назад они дружно выпивали у нас дома в честь рождения моего второго сына.) Партсобрание, на котором обсуждалась эта статья в присутствии второго секретаря обкома Компартии Украины Василия Кобылянского, длилось шесть часов. Оно превратилось, по сути, в слушание моего персонального дела (хотя, как я уже сказала, и не была членом партии). Всего несколько человек поддержали меня, и то молча. И только один, бывший узник фашистского концлагеря, журналист из отдела сельского хозяйства Григорий Столярчук позже, уже на другом собрании, не побоявшись ни редактора, ни секретаря обкома, встал и сказал: «Если бы у вас был пистолет, то вы бы уже эту Ярошинскую расстреляли!» Вероятно, их всех устраивала *разрешенная* гласность – от сих и до сих. Ведь у каждого из них в кармане лежал партбилет. И все они были заложниками собственной несвободы. По разным причинам. И не последняя – обыкновенная обывательская зависть к тому, кто, по Достоевскому, не «тварь дрожащая».

Тогда девятнадцать журналистов газеты «Радянська Житомирщина» направили письмо против меня в ЦК КПСС, и не кому-нибудь, а лично Егору Кузьмичу Лигачеву, секретарю ЦК, самой одиозной фигуре среди цеховских геронтократов. Хотя идеологией тогда на Старой площади «заведовал» Александр Николаевич Яковлев, архитектор, как мы его называли, горбачевской перестройки. Вероятно, взгляды Яковлева не устраивали моих оппонентов. Они искали в ЦК себе подобных. Они по привычке уповали на то, что после их письма немедленно поступит инструкция сверху и...

Но «и» так и не случилось. Хотя работать мне стало просто невозможно. Бесконечные придирки и третирование заставили меня перейти на полставки под тем предлогом, что у меня маленький ребенок. Я стала работать только три дня в неделю. Больше выдержать травлю в редакции было невозможно. Торжествующая серость пропитала собой кабинеты. Удушая все, выплескивалась на страницы газеты.

Рабочие завода «Автозапчасть» написали в обком письмо с требованием о встрече с опальным журналистом – они приветствовали и разделяли критику партийных властей и порядков в моих статьях. Письмо подписали около полутысячи человек. (В годы правления коммунистов невозможно было ничего сделать без разрешения обкома партии!) Их интересовала моя позиция по различным вопросам, факты злоупотреблений высокопоставленными местными партийными функционерами в распределении жилья в городе, засекреченные данные о последствиях Чернобыльской катастрофы, которые к тому времени уже многие прочли в моей распространенной нелегально рукописи. Но меня к рабочим не допустили. Обком партии просто испугался!

Трижды на заводе назначалось собрание для встречи с неугодным журналистом, и трижды туда из газеты направляли всех, только не меня. Я же оставить самовольно редакцию в рабочее время не могла: редактор Панчук предупредил меня один на один, что если я пойду на встречу с рабочими, то он меня тут же уволит за прогул. Умиротворять рабочих ходили второй секретарь обкома партии Василий Кобылянский, заместитель редактора газеты Станислав Ткач, секретарь райкома партии Николай Галушко.

Последний раз я попросила встретиться с заводчанами – объяснить им, почему я не могу к ним прийти в рабочее время – моего такого же опального коллегу журналиста Якова Зайко, редактора регионального агентства «Новости Житомирщины». Но и ему это так и не удалось – директор предприятия во главе с несколькими продажными партийно-профсоюзными активистами захлопнул дверь заводского клуба, где меня ждали рабочие, прямо у него перед носом.

Но страсти в городе не утихали. К тому же мне второй раз удалось прорваться в центральную печать с уничижительной критикой областного партийного руководства в статье «Фельетон... в корзине». В нем я обнародовала документы, доказывающие злоупотребления самых высоких партийных чинов области в распределении государственного жилья. Для них это была полная катастрофа – статья вышла в главной партийной газете страны «Правда». Я стала самым знаменитым журналистом не только в области и на Украине, меня узнали в стране. После этих двух публикаций в центральной прессе я получила несколько тысяч писем со всей страны. Писали просто: Житомир, журналисту Ярошинской. Это были письма искренней поддержки. Несколько десятков старых членов партии, все еще искренне верящих в идеалы коммунизма, прислали мне свои рекомендации... в партию. Но мне туда было не надо. Партия уже давно разлагалась, и ее зловонное гниение удушало все общество.

То, чего так и не удалось добиться рабочим житомирского завода «Автозапчасть», каким-то непостижимым образом добился Иван Иванович Королев, инженер многотысячного завода «Промавтоматика». Ему помогло, конечно, некоторое знание психологии партийной верхушки – он сам был лектором марксистско-ленинского общества «Знание» и под эту, так сказать марку, сумел убедить боссов, что такая встреча не принесет им вреда. Так в конце лета 1988 года мне впервые удалось встретиться с большим коллективом лицом к лицу.

Именно здесь, на этом предприятии, я впервые получила трибуну. Люди хотели увидеть меня, услышать, за что и против чего борюсь, что я думаю о ситуации в стране. Это был длинный, часа на три, откровенный и подробный разговор обо всем, что волновало тогда всех нас. Ведь в стране вот уже несколько лет как была объявлена перестройка, а о стены нашего города Житомира все еще разбивались другие волны – лжи, обмана, партийной коррупции. Здесь я впервые рассказала людям о том большом обмане, в котором мы все – и вся страна – жили почти три года после взрыва на Чернобыльской АЭС. Тогда

я сказала и об уже перестроечной цензуре, и о своем журналистском бессилии обнародовать все, что увидела в зонах радиоактивности. В Житомире это был первый публичный прорыв к гласности о последствиях аварии. Страну же продолжали заливать потоки лжи и дезинформации.

Тогда я призвала рабочих действовать вместе – только так мы могли чего-то добиться.

Приближались выборы народных депутатов СССР. Это была первая более-менее свободная предвыборная кампания за все годы советской власти. Все то, что было раньше, было ложью и беззастенчивой имитацией всенародных бурных аплодисментов партийной номенклатуре. Но вот несколько трудовых коллективов – предприятия и вузы – выдвинули меня своим кандидатом. Вначале у меня и мысли такой не было – баллотироваться. Я – журналист прежде всего и более всего. Мое дело, думала я, писать статьи, а не законы. Но вскоре мне пришлось изменить свои планы. Партийный аппарат, узнав о поддержке меня трудовыми коллективами города, развернул мощную «антиярошинскую» кампанию. Опыта им не занимать. Тут впору своим делиться, как ошельмовать и оболгать неугодного режиму человека.

Случилось так, что два больших завода – завод по производству станков-автоматов и «Промавтоматика» – назначили мое выдвижение на один и тот же день и час – после первой смены. В окно я видела, как две «команды» моих коллег усаживались в черные редакционные «Волги». Я поняла, что они направляются на предприятия, где через некоторое время должны были начаться собрания по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР. Я же не могла быть одновременно в двух коллективах, поэтому решила пойти на завод «Промавтоматика». Именно оттуда ко мне домой накануне приходил рабочий Леонид Борецкий, чтобы узнать, кто же я такая, за что борюсь и какие принципы исповедую. Надо сказать, когда он пришел, я увидела, что рабочий чем-то сильно расстроен. Оказалось, перед этим он побывал в редакции газеты «Радянська Житомирщина», где ему выложили весь скрупулезно собранный на меня «компромат». Этим-то и был озабочен Леонид Владиславович. Ведь если бы все то, что рассказали ему в редакции, было правдой, то меня, скорее всего, не в кандидаты в депутаты надо было выбирать, а сажать за решетку. Но вот мы начали разговаривать. Я показала ему документы, на основании которых написала свои критические статьи о злоупотреблениях должностных лиц (ведь говорилось и писалось в газете именем бюро обкома партии и газеты, что я оклеветала честных партийных деятелей). В конце концов рабочий сам разобрался, что к чему, кого защищает партийная газета и кого и что защищаю я.

Когда я приехала на «Промавтоматику», там меня уже ожидал полный зал людей. Люди стояли в проходах, толпились в дверях и даже в коридоре. Я увидела там все те же знакомые озлобленные, ненавидящие меня лица журналистов из моей газеты Галины Прониной, Михаила Пьеха, Людмилы Натякач и Ивана Гоцалюка. Так сказать, любимцев редактора, его посланцев.

Главной ударной силой в этой спецкоманде оказалась Галина Пронина, заведомо советского строительства. Маленькая, как всегда ярко накрашенная, с такими же крашеными серо-буро-малиновыми волосами и пухленькими пальчиками, униженными четырьмя золотыми перстнями, Галина Васильевна встала за трибуну и выступила с горячей обвинительной речью в мой адрес. Меня обвиняли в нечестности и даже в том, что я не хожу на партийные собрания. Но договорить до конца свой спич ей так и не удалось. Неожиданно в зале встал рабочий Владимир Мангейм и сказал примерно следующее: «Кто такая Ярошинская, мы знаем по ее публикациям в центральной печати в защиту таких, как мы, а кто такая вы, мы не знаем, хотя вы тоже работаете журналистом, мы не помним ни вас, ни ваших статей. Мы вас не знаем, и знать не хотим!» И сел. Его слова были встречены в зале громом аплодисментов. Галина Васильевна стоически переносила все это.

Потом рабочие у нее спросили, чем она может доказать свои голословные обвинения в мой адрес. Но ничего конкретного Пронина в ответ сказать не могла. В зале поднялся шум. Она хотела уйти с трибуны, но не тут-то было. Рабочие ей этого не позволили. Они продолжали и продолжали ее спрашивать. Я сидела с организаторами этого собрания на сцене, за столом. Трибуна – рядом. Я опасалась, что Галина Васильевна не выдержит, не дай бог ей станет плохо. Ведь я-то знала, что не так давно она перенесла инсульт, была четыре месяца на больничном. Я видела, как дрожат у нее руки и едва держат ноги. Мне стало ее жаль.

Следующим на трибуну вышел Иван Гоцалюк, кажется он тогда работал заведующим отделом сельского хозяйства. Но, будучи свидетелем полного провала обвинительной речи предыдущего оратора, умерил свой пыл, хотя отработывал свою роль: не допустить, чтобы рабочие меня избрали своим кандидатом в депутаты.

Хорошо спланированная и задуманная акция бригады верноподданных журналистов из моей газеты так же хорошо и провалилась. За мою кандидатуру голосовали почти единогласно: воздержались директор завода и парторг. И это, в общем-то, по-человечески понятно. Из-за меня им приходилось выдерживать самое большое давление со стороны партийных органов области.

На собрании завода «Промавтоматика» по выдвижению кандидатов в депутаты я впервые рассказала о своей предвыборной программе. Один из ее разделов назывался «Экология и медицина». Я изложила свое видение ситуации на пораженных территориях, конкретный план ликвидации последствий чернобыльской катастрофы в нашей области. О масштабах ее я тогда только догадывалась.

Мощная информационная атака против меня со стороны моей же газеты «Радянська Житомирщина» и партийных органов всех уровней, начиная с ЦК Компартии Украины, захлебывалась. Несмотря на бешеное давление, три рабочих коллектива – многотысячные заводы «Промавтоматика», «Автозапчасть» и «Электроизмеритель» – добились регистрации неугодного журналиста в качестве своего кандидата в народные депутаты СССР. Другие четыре коллектива – заводы «Вибросепаратор», станков-автоматов, политехнический и научно-исследовательский институты, – несмотря на поездки их представителей в Москву в центральную избирательную комиссию, на приезд ее председателя из Москвы в Житомир, добиться этого так и не смогли.

Последний шанс у моих противников – снять мою кандидатуру – появился на окружном предвыборном собрании. Ведь у нас начал действовать новый, хотя и более демократичный, чем ранее, но «хитрый» Закон о выборах народных депутатов СССР, призванный не столько обеспечить равное право на выдвижение кандидатур и их регистрацию, сколько, позволив поиграть в демократию на начальном этапе, в конце «забега» собрать окружное собрание представителей коллективов для того, чтобы отсеять неугодных кандидатов.

В огромном зале житомирского Дома политического просвещения, приблизительно на тысячу мест, вотчины обкома партии, и решался этот вопрос. Всего было выдвинуто восемь кандидатов. Некоторые из них взяли самоотвод. Партократия настаивала на том, чтобы оставить в списке всего две-три кандидатуры, которые были бы внесены в бюллетени для тайного голосования. Мои сторонники – рабочие и техническая интеллигенция – понимали и говорили мне об этом: зал подобран такой, что моя кандидатура, если будут ставить ее на голосование отдельно, вряд ли пройдет. В первых рядах сидели самодовольные партийные держиморды города и района. Однако сценарий не удался: на трибуну вышел рабочий из объединения «Житомирдрев» Юрий Олейник и зачитал несколько заявлений трудовых коллективов, которые свидетельствовали о том, что выборов представителей на окружное собрание у них не было. Парторги и руководители присвоили сами себе право представлять интересы коллективов. Рабочие протестовали против такой узурпации их законных прав и волеизъявления.

Заявление рабочего оказалось для собрания маленькой бомбой. В результате почти в два часа ночи было принято решение внести в списки для голосования всех кандидатов. Все они, кроме меня, были членами КПСС и почти все – членами бюро горкома и райкомов. Голосовали за весь список в целом. Так была одержана еще одна маленькая победа рабочего класса в Житомире.

Но предстояли тяжелые, изнурительные бои с властями предрежащими в предвыборных встречах на заводах, фабриках, в институтах, особенно – в колхозах. Ведь именно там устои были как нигде прочными и незыблемыми. Затурканные колхозники и пикнуть боялись. Председатели колхозов, партийные секретари запугивали своих «крепостных» тем, что, если они проголосуют за меня, то им не дадут лошадь для вспашки огорода, не привезут угля или дров. Да мало ли чего не дадут: ведь советский колхозник полностью зависел от своего господина – председателя. Что тот захочет, то и сделает. И все же колхозники тоже распрямляли спину, в основном молча поддерживая неугодного кандидата. Многие из них прочли мою вторую статью в «Известиях», напечатанную во время предвыборной кампании, «Босиком по битому стеклу». В ней я рассказала, в частности, о том, как пыталась защитить в своей газете «Радянська Житомирщина» гонимую председателем колхоза «Заря» Владимиром Галицким колхозницу Антонину Оборскую. И как после этого нашелся в газете журналист, Иван Ильченко, который, выполняя заказ партийного руководства, не только обелил председателя, в чьем хозяйстве круглый год в теплицах зрели свежие огурчики и помидорчики к столу партийного руководства, но и «заляпал», сколько мог, рядовую колхозницу Антонину Оборскую, а заодно и меня.

Люди, прекрасно зная колхозные порядки, отлично поняли подоплеку статьи Ивана Ильченко в защиту председателя колхоза – одного из любимчиков первого секретаря Житомирского обкома партии Василия Кавуна, который вышвырнул строптивую работницу за ворота теплицы, где она работала за копейки.

И так было не раз. Сначала газета публиковала мою критическую статью, потом герои статьи по наущению руководства газеты писали на меня жалобы редактору и в обком, потом редактор давал спецзадание спецжурналисту написать опровержение моей публикации. Таким образом, думали они, компрометируют меня. Но выходило, что они разоблачали себя.

Конечно, я не была уверена в том, что моя кандидатура победит на выборах, и только по одной причине: все мы опасались фальсификации. Ведь избирательных участков – много, партийных секретарей, продажных профсоюзных лидеров, председателей сельсоветов, различного оттенка партийных активистов – не счесть. Но порядочных людей оказалось больше! По 20–30 тысяч человек выходили на городские митинги, чтобы поддержать меня. В день выборов – 26 марта 1989 года – мы выставили на каждый участок свой народный контроль, чтобы не допустить массовой фальсификации, подтасовки результатов голосования.

Да, публикация в центральной газете секретных данных о состоянии здоровья людей в пораженных зонах, уровнях радиации дала бы возможность немедленно привлечь внимание всех к проблеме Чернобыля. Но публикации не было – на чернобыльскую тему было наложено жесткое партийное табу. И я решила использовать свою предвыборную кампанию для предания гласности всего, что узнала и увидела в зонах жесткого контроля радиации. За два месяца я провела около ста шестидесяти встреч в самых различных коллективах. И каждый раз говорила об опасности дальнейшего замалчивания чернобыльских последствий, о распространении дезинформации по поводу того, что происходит в северных районах нашей области, а значит, и в Киевской, Черниговской областях Украины, и в Белоруссии, которая также была засыпана цезием и стронцием. Тогда я еще не знала, что шестнадцать областей России, ряд регионов страны и даже другие государства мира тоже накрыло черным радиоактивным крылом. Все это стало мне

известно позже, когда, вопреки бешеному сопротивлению партократии, я стала народным депутатом СССР и получила доступ к секретным документам. Но об этом – ниже.

А тогда, весной 1989 года, даже из моей официальной кандидатской программы, публикуемой из-под палки в газете «Радянська Житомирщина», бдительным дежурным по номеру, специалистом по связям с КГБ Ириной Головановой были вычеркнуты самые важные слова о последствиях взрыва в Чернобыле. Хочу процитировать эту часть своей программы в том виде, в каком она появилась в газете 1 марта 1989 года: «Необходимо опубликовать последствия радиоактивного загрязнения в Народичском районе, которые до сих пор тщательно скрываются от населения. Есть много сел с особо жестким режимом радиации. На радиоактивно загрязненной местности активно ведется новое строительство, в него уже вложено 50 миллионов рублей. Следует глубоко изучить вопрос о целесообразности такого строительства». Из моего текста были выброшены фразы об увеличении числа сел с жестким режимом радиации (вместо этого вставлена безликая «... есть много сел...»), об ухудшении здоровья детей из Народич. Я называла и виновников этого беспредела – областное руководство. Но это тоже было беспощадно вырезано из текста прихвостнями партии.

Власти пустили в ход всю наработанную за семьдесят лет тоталитаризма «тяжелую артиллерию». Это был их «последний и решительный бой». Меня обливали грязью в местной и центральной партийной украинской прессе, на радио и телевидении. Я приходила на работу в редакцию, открывала свою газету и читала про себя умопомрачительные новости, например, что давеча я призывала вешать всех коммунистов на столбах. Оператор Киевского республиканского телевидения по заданию своего руководства выскакивал прямо на меня из-за кустов возле льнокомбината с телекамерой, чтобы потом смонтировать и показать за пару дней до голосования «грязный» фильм.

Они возбудили против меня уголовное дело за якобы оскорбление чести и достоинства партийных деятелей и ежедневно посылали мне судебные повестки. Они потащили в суд и засудили около сорока моих сторонников, в том числе и инвалидов Великой Отечественной войны. Они готовы были стрелять в народ, который, в свою очередь, был готов штурмовать обком партии. Они требовали от моего мужа-офицера развестись со мной, третировали старшего сына Милана на уроках (учительница перед всем классом оболгала его покойного деда, а моего отца, что он якобы был полицаем). Они угрожали по телефону и посылали оскорбительные письма с угрозами. Они... они... они...

Бедные люди! Им ничего не помогло. 90,4 процента избирателей поддержали меня и мою программу. Это был первый результат в СССР на альтернативных выборах (второй – у Бориса Ельцина в Москве).

Свой депутатский мандат я решила употребить прежде всего для того, чтобы с московской трибуны I съезда народных депутатов СССР рассказать о лжи, которой опутали государственные чиновники с помощью продажной журналистики чернобыльский ядерный взрыв и его последствия, а также чтобы получить доступ к секретным материалам, предать их гласности, помочь обманутым людям. Да, я подозревала, что ложь огромна. Но когда позже прикоснулась к ней – мне стало страшно. Ложь о Чернобыле оказалась такой же огромной, как и сама катастрофа.

Глава 4 ГЛАС ВОПИЮЩИХ В ПАРЛАМЕНТЕ

В Москве 25 мая 1989 года открылся I съезд народных депутатов СССР. Это было время эйфории и надежд. Вся страна, отложив дела, у телевизоров и радиоприемников следила за трансляцией заседаний. На народных депутатов СССР, на I съезд люди возлагали огромные надежды. В нем видели спасение от тоталитаризма, прорыв к гласности, демократии, которую один из народных депутатов СССР любовно назвал «юной девочкой».

Лавина проблем, которую привезли депутаты со всех городов и весей необъятной страны, еще не остывшие с пылу с жару предвыборной кампании, сорвалась с главной трибуны государства и долетела до самых отдаленных его уголков.

Иногда съезд превращался в митинг. К микрофонам в зале выстраивались длинные очереди. Две с половиной тысячи депутатов спешили показать своим избирателям, себе и всему миру, что они пришли. Говоря о важнейших региональных проблемах, о больной экономике, очень часто они просто не слышали друг друга. Каждому казалось, что его местная проблема важнее всех остальных: загрязнение Черного моря, смерть Арала, спасение священного моря Байкал, загазованность Запорожья, десятки тысяч людей за чертой бедности – советские нищие, скрытая безработица, отвратительное качество и промтоваров, и продуктов, все более ощутимая их нехватка, нарастающий дефицит, инфляция... Список можно продолжать до бесконечности. Именно таким оказался печальный итог семидесятилетнего хозяйствования однопартийной диктатуры в стране. На фоне всего этого запредельного кризиса экономики и морали для кого-то черновыльская тема могла показаться слишком региональной, слишком личной бедой украинцев и белорусов. Настолько туманным было представление общественности страны о масштабах и реальных последствиях аварии. Лживая пропаганда давала свои не менее лживые всходы.

Многие из украинских парламентариев записались на съезде на выступление. У нас с народным депутатом СССР из Киева Юрием Щербакком была договоренность: если ему не дадут слово – а он тоже хотел сказать о Чернобыле, к главному микрофону страны попробую прорваться я. Обе наши фамилии были в списке выступающих. Но Щербак еще входил и в состав Секретариата съезда. И это, естественно, повышало его шансы. Однако в дискуссиях, столкновениях и политических дебатах проходил день за днем, а слова не предоставляли ни ему, ни мне.

Мы собирались не только выступить и рассказать о том, что происходит у нас на Украине в пораженных зонах. Мы собирались также передать Горбачеву публично видеокассету с кинолентой «Запредел». Кадры на ней были отсняты в нашем многострадальном Народичском районе. Для многих из нас, кто побывал там, увидел, поговорил с людьми, Народичи стали символом уничтожающей все живое Системы.

А с видеокассетой получилось так: ко мне в гостиницу «Москва» во время съезда подошел народный депутат СССР из Киева, председатель Союза кинематографистов республики Михаил Беликов. Он рассказал, что у него есть кассета с пленкой, отснятой в нашей области в радиозагрязненных районах. И просил передать ее, если кто-то из нас будет выступать, Горбачеву. Кассета лежала в кейсе у Юрия Щербака.

В один из последних дней съезда я поняла, что слова не получу. И тогда решила: во что бы то ни стало попасть на трибуну, чтобы сказать хотя бы несколько фраз о Чернобыле. Я не могла, не имела никакого права вернуться домой без этого выступления. Меня бы никто из моих избирателей просто не понял. Кроме того, к всесоюзной трибуне съезда в те дни было приковано внимание не только страны, но и всего

мира. Даже пара слов о Чернобыле в прямом эфире одним махом могли бы опрокинуть всю ложь длиною в три года после катастрофы.

И я решила рискнуть. В конце одного из последних дней работы съезда на виду у всего зала я пошла к Горбачеву в президиум из своего сорок девятого ряда. Если честно – меня трясло от волнения. Я назвалась и твердо попросила дать мне слово для выступления о Чернобыле. Он удивился такому нахальству, но сказал: «Садись здесь, в первом ряду, после следующего выступающего Анатолий Иванович Лукьянов даст тебе слово». Юрий Щербак сидел недалеко – в третьем или четвертом ряду. Я помнила, что у него есть «радиоактивная» видеокассета. Тут же бросилась к нему, сказала, что сейчас буду выступать, попросила кассету. Но Щербак никак не отреагировал. Счет времени пошел на секунды. И я решила, что выступлю и без кассеты. Хотя бы так.

Анатолий Иванович Лукьянов, первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР, друг, соратник Горбачева и будущий путчист, назвал мою фамилию, и я шагнула к трибуне. В этот момент сбоку мне что-то ткнули в руку, я подумала, это какая-то книга. Но оказалось – кассета. Я решила, что ее в последний момент передал Щербак.

Уставший после тяжелого дня зал шумел, говорить было трудно. Но я сказала: «У меня есть большая просьба к нашему президенту, а также к вам, депутаты. То, что я скажу, касается не только меня и моих избирателей. Это общая проблема. Дело в том, что наша Житомирская область входит в зону особо жесткой радиации. Речь идет о Народичском районе Житомирской области – области жесткого молчания. Как журналист я полтора года не могу нигде опубликовать материалы о том, что там происходит. Если сразу после аварии у нас было восемнадцать сел, находившихся в зоне особо жесткой радиации, то теперь, спустя три года, таких сел около девяносто. И если раньше только Народичский район был поражен радиацией, то теперь прибавилось еще четыре района. А вот министр здравоохранения Украины Романенко говорит нам, живущим в той зоне, что там чуть ли не швейцарский курорт. Это просто возмутительно. Если посмотреть те кадры, которые сняли документалисты, то можно увидеть, что там на самом деле происходит. Это то, что касается нас с вами. Тбилиси – да, другие события – да. Но то, что происходит там, – очень важно. И я обращаюсь к президиуму с большой просьбой: вот у меня есть видеокассета, и я бы очень хотела, чтобы президиум дал возможность всем народным депутатам посмотреть ее. В ней – правда о Народичском районе после катастрофы в Чернобыле».

Несмотря на то что, согласно регламенту съезда, у меня было пятнадцать минут, уже на второй Анатолий Иванович Лукьянов стал звонить у меня за спиной. Закончив свою взволнованную речь, я продемонстрировала съезду кассету с кинообвинениями и тут же отдала ее в руки Горбачеву.

Вечером в гостинице «Москва» дежурная по этажу принесла мне десятки срочных телеграмм со словами благодарности не только от моих избирателей, с Украины, но и из Белоруссии. Это был первый серьезный прорыв в блокаде информационной лжи о ядерной катастрофе в Чернобыле и ее последствиях.

Позже, на других заседаниях съезда, к микрофону удалось пробиться еще нескольким депутатам из пораженных регионов. Слова правды о последствиях аварии в Чернобыле прозвучали на самом высоком уровне впервые за три года после катастрофы. Вот некоторые из выступлений:

Ткачева З. Н., заведующая отделением Славгородской центральной районной больницы Могилевской области: «На сегодняшний день у нас, жителей этих районов, отняли чистую землю, воду, воздух, леса и луга, без чего человек не может жить, а может только существовать. В прессе, в официальных заключениях Минздрава, в „Правде“ от 29 мая 1989 года нет должной обеспокоенности за здоровье людей и судьбу будущих поколений. Ведь подобная авария случилась впервые, и поэтому нет опыта наблюдения в мировой практике.

Необходимо сказать, что оценка врачей-практиков состояния здоровья населения, проживающего в загрязненных районах, все более расходится с таковой ученых-медиков и руководителей здравоохранения страны. Приезжающие к нам специалисты, особенно высоких рангов, побыв у нас несколько часов или суток, пытаются доказать нам, что состояние здоровья людей не ухудшается. Имеющиеся изменения они объясняют чем только угодно: нитратами, плохим питанием, отсутствием грудного вскармливания, но не наличием радиоактивного фактора.

...Я не могу забыть глаза своих избирателей, которые требовали немедленного отселения. Мы предлагаем им государственную колбасу, индивидуальные дозиметры, предлагаем им трактора с герметичными кабинами. Им ничего этого не надо. Они просили быстрее отселить, чтобы можно было жить нормальной жизнью, чтобы иметь свой приусадебный участок, чтобы заниматься хозяйством. Страшно просто об этом вспоминать».

Неожиданно раскрепостились и осмелели также и некоторые партийные деятели Белоруссии. Трудно было поверить, что *это* говорят они. Что мешало им раньше? Из их выступлений страна постепенно узнавала черныбыльские тайны кремлевского двора.

Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Е. Е. Соколов: «Время не притупит боль в сердцах жителей Белоруссии, где радиоактивному загрязнению подверглось 18 процентов сельскохозяйственных угодий. Если на первом этапе по этому вопросу действовала союзная правительственная комиссия, то сейчас ее усилий почти не ощущается. За три года комиссия так и не сумела обеспечить разработку убедительной и глубоко продуманной концепции безопасного проживания, гарантирующей здоровье и последующих поколений. По нашему мнению, позиция здесь должна быть однозначной. Там, где невозможно пользоваться продукцией, получаемой со своего подворья, жить нельзя. И это не тот случай, когда надо экономить».

А вот Председатель Совета министров Украины В. А. Масол в своей пространной пятнадцатиминутной речи говорил о чем угодно, даже о каких-то «достигнутых положительных результатах», но только не о том главном, что стонало (и стонет спустя десятилетия!) в разных областях Украины: Чернобыль!

Горбачев вспомнил о Чернобыле, Рыжков сказал две фразы о нем, говорил московский депутат профессор Яблоков, а руководитель республики – забыл. Ни слова. Господи, воля твоя!

Поразительно, что ни один «придворный» врач, ни один член правительства ничего не сказали в ответ на обвинения депутатов. Это тоже было показателем, своеобразным барометром отношения официальных структур к гласу народному. Гласу вопиющих в пустыне.

Долгое время я думала, что кассету, которую вручила Горбачеву, в последние секунды передал мне Щербак. Но, как позже рассказал мне депутат Беликов, у него в портфеле была еще одна видеокопия фильма. На съезде он сидел в первом ряду. Он-то и ткнул мне ее в руку, когда объявили мое выступление.

На следующий день я подошла к Лукьянову с вопросом о просмотре видеокассеты. Ведь до конца съезда оставался всего день или два. Анатолий Иванович сказал, что не уверен, успеют ли за это время организовать просмотр видеопленки для народных депутатов. Все якобы упиралось только в нехватку времени. (Несколько пленок – с кровавым побоищем в Тбилиси – депутаты к тому времени уже увидели.)

Съезд закончил свою работу, а времени для просмотра депутатами видеокассеты о том, как люди живут на радиационных землях, в зоне «ядерной войны» в центре Европы, так и «не хватило».

Через некоторое время началась первая сессия Верховного Совета СССР. И я снова подошла к Лукьянову с тем же вопросом: почему не показали депутатам «радиационный» видеофильм? Анатолий Иванович заверил меня в том, что его посмотрели в Совете министров СССР и Политбюро ЦК КПСС. Судя по последующим событиям, я думаю, что он не соврал.

Какими были лица, что чувствовали те, кто смотрел киноленту «Запредел», когда с экрана говорила медсестра Народичской райбольницы: «...В первые дни, когда было обследование детей, я сидела на аппарате, который назывался „ГВМ“, и видела все дозы. Это был кошмар!.. И нам тогда сказали: все эти копии, которые вы пишете, уничтожьте, чтобы ни одна копия не вышла за пределы этой комнаты...»? Или заведующий хирургическим отделением больницы А. Б. Коржановский: «Из обследованных пяти тысяч детей по йоду: от 0 до 30 рад – 1 478 детей, от 30 до 75 рад – 1 177, от 75 до 200 рад – 862, от 200 до 500–574, от 500 и выше – 467 детей. Это только на щитовидку... Эти цифры мы получили почти спустя два года».

Заговорила ли совесть у тех, кто преступно молчал в высоких правительственных кабинетах и креслах, имея власть над правдой, знал, но не предупредил людей об опасности?

Вряд ли.

Глава 5 «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО: ЧЕРНОБЫЛЬ ЗАПРЕТИТЬ!»

После I съезда народных депутатов СССР шлюзы гласности наконец были открыты, и в Народичский район хлынул поток журналистов из разных изданий. Советских и зарубежных. Часто за помощью в сборе материала они обращались к рабочей группе по экологии из моей общественной приемной, которую возглавлял доктор Юрий Резник. Всякий раз мы просили их не ехать в На-родичи. Уже не ехать. Вся страна и весь мир уже узнали об этой многострадальной земле. После съезда мне удалось наконец опубликовать серию материалов о жизни и страданиях людей в зоне жесткой радиации в популярном еженедельнике «Неделя», журнале «Сельская новь» (здесь мой очерк о Чернобыле был назван лучшим материалом года), напечатала мою статью также парижская «Русская мысль». (Редактор журнала «Огонек» после моего эмоционального выступления на съезде подошел ко мне и сказал: «Так давай нам свою статью, и мы ее опубликуем!», но у меня больше не было никакого желания иметь дело с этим журналом.)

Оказалось, что у нас в области, кроме Народичского, еще шесть радиоактивных районов – Овручский, Луганский, Ко-ростенский, Олевский, Емильчинский и даже в Малинском обнаружены зоны поражения. Спустя четыре года к ним прибавился еще и Новоград-Волынский район. В общем, едва ли не пол-области. Но об этом мало что было известно стране и миру. Пресса об этом не писала совсем. И поэтому мы просили журналистов поехать именно туда, в зоны всеобщего молчания.

Медленно, но тайна отворялась, мы узнавали ее творцов, по вине которых люди несколько лет сгорали в радиации. Мне также удалось достать некоторые документы с грифом «Секретно». Поговорим в этой главе о гласности в чернобыльской трагедии.

Распоряжение 3-го Главного управления Министерства здравоохранения СССР от 27 июня 1986 года «Об усилении режима секретности при выполнении работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС». Вот эти роковые указания: «4. Засекретить сведения об аварии. <...> 8. Засекретить сведения о результатах лечения. 9. Засекретить сведения о степени радиоактивного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Начальник 3-го Главного управления МЗ СССР Шульженко».

Еще один документ. Этот выдала сама правительственная комиссия «Перечень сведений по вопросам аварии на ЧАЭС, которые не подлежат опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению», № 423 от 24 сентября 1987 года. В нем предписывалось засекретить: «1. Сведения об уровнях радиационной загрязненности по отдельным населенным пунктам, превышающим уровень (ПДУ). 2. Сведения о показателях ухудшения физической работоспособности, потери профессиональных навыков эксплуатационного персонала, работающего в особых условиях на ЧАЭС, или лиц, привлеченных по ликвидации последствий аварии».

И это не просто бумажки. Все это наводило страх на редакторов газет, журналов, радио, телевидения, кино. И если мне никто лично письменно не ответил об истинной причине отказа в публикации, то в других случаях руководители, особо бдительные, не стеснялись выдавать распоряжения. Председатель группы экспертов из Госкоматомэнерго СССР П. М. Верховых сообщил председателю Госкино СССР А. И. Камшалову и директору «Укркинохроники» в письме № дд 142 от 1 февраля 1989 года: «Комиссия экспертов по Чернобылю, просмотрев документальный фильм „Микрофон“ <...> считает необходимым отметить, что тенденциозный и односторонний подбор фактов, многие из которых, по мнению специалистов, сомнительны, с политической точки зрения может нанести вред Советскому государству». Своеобразная забота у руководителя Госкоматомэнерго о благе нашего государства, не правда ли? Пусть свои, советские люди тихо глотают радионуклиды, лишь бы международная общественность не волновалась. Автор фильма – режиссер «Укркинохроники» Георгий Шкляревский. Снят фильм в Народичском районе.

Другой фильм – «Колокол Чернобыля» Роллана Сергиенко – рассматривали через лупу пять месяцев, пока наконец Министерство среднего машиностроения СССР разрешило выпустить его на экраны. Та же участь постигла и второй фильм Сергиенко «Порог». Фильм препарировали семь месяцев. Но и после того, как гриф секретности с него был снят, он еще несколько месяцев пылился на полке. Сверхбдительность наших чиновников – готовность к ней всегда была на высоте. Кажется, у нас при полном дефиците всего и вся одна лишь сверхбдительность и была в изобилии.

Приложило свою руку к удушению гласности в освещении последствий аварии и Министерство обороны СССР. Вот еще один документ – «Разъяснение центральной военно-врачебной комиссии МО СССР» от 8.07.87 г., № 205, разосланное военным комиссариатам: «1. К числу отдаленных последствий, обусловленных воздействием ионизирующего облучения и находящихся в причинно-следственной связи с ним, следует считать: лейкоemia или лейкоз через 5–10 лет после облучения в дозах, превышающих 50 рад. 2. Наличие острых соматических расстройств, а также признаков обострения хронических заболеваний у лиц, привлекавшихся к ликвидации последствий аварии и не имеющих ОЛБ (ОЛБ – острая лучевая болезнь. – А.Я.), не должно ставиться в причинную связь с воздействием ионизирующего облучения. 3. При составлении свидетельств о болезни на лиц, ранее привлекаемых к работам на ЧАЭС и не перенесшим ОЛБ, в пункте 10 не отражать факт привлечения к указанным работам и суммарную дозу облучения, не достигшую степени Л Б. Начальник 10-й ВКК полковник медицинской службы Бакшуттов».

Особая роль в этой большой лжи принадлежит Госкомгидромету СССР. Вот документ с грифом «секретно». Он датирован 12 июня 1989 года. То есть уже после I съезда народных депутатов, когда, казалось, пелена секретности вокруг аварии должна была рассеяться. Ан нет! Вот что в нем сообщается: «В соответствии с указанием Госкомгидромета СССР направляется информация о состоянии радиационной обстановки в Лугинском районе Житомирской области по результатам дополнительных обследований. Приложение: Сведения о радиоактивном заражении Лугинского района. Секретно». Подписал бумагу заместитель начальника управления Укргидромета П. В. Шендрик.

Когда некоторое время спустя в райцентре Народичи состоялась встреча жителей пораженных районов с членами правительственной комиссии, и мне как народному депутату СССР пришлось по иронии судьбы сидеть рядом с заместителем председателя Госкомгидромета СССР Юрием Цатуровым, я спросила у него, чтобы это значило. В ответ услышала: «Этого не может быть!» Получается одно из двух – или я не должна верить своим глазам и внушительным печатям с подписями высоких должностных лиц Укргидромета, или правая рука – Госкомгидромет СССР – не знает, что делает левая – его республиканская контора.

Позже, когда мне пришлось «выбивать» в Госкомгидромете СССР информацию об уровнях загрязнения в Краснодарском крае России, я позвонила Юрию Цатурову. Оказывается, начальник очень обиделся на меня за то, что я процитировала этот документ с грифом «Секретно» в газете «Московские новости». Он раздраженно сказал в телефонную трубку: «Мы здесь ни при чем. Мы же не виноваты, что какой-то там дурак на Украине так написал...» Поскольку Укргидромет является подразделением Госкомгидромета СССР, мне оставалось только посочувствовать Цатурову по поводу его же кадров...

А в день третьей годовщины чернобыльской трагедии, за месяц до I съезда, мне стало известно еще об одном официальном секретном документе – приказе министра энергетики и электрификации СССР А. И. Майорца. В нем предписывалось засекретить от общественности данные об авариях и пожарах на энергетических и строительных объектах Минэнерго СССР, загрязнениях окружающей среды, о выходе из строя основного оборудования и размерах материального ущерба, о человеческих жертвах и т. д. В связи с этим министр строго приказывает своим подчиненным: «Обеспечить контроль, исключающий разглашение

указанных сведений в открытой служебной документации и телеграфной переписке и в материалах, предназначенных для опубликования в открытой печати...» Кажется, это уже диагноз.

В этом смысле интересна еще одна случившаяся со мной почти детективная история. В начале мая 1989 года нас, только что избранных народных депутатов СССР от Украины, собрали в Киеве в роскошном Мариинском дворце (том самом, который в 2004 году так успешно блокировали «оранжевые революционеры»), чтобы назначить тех, кто будет работать в Верховном Совете СССР, чьи фамилии будут предложены в списки для голосования там, в Москве. (Надо отметить, что это действо было полным партийно-номенклатурным фарсом, направленным на то, чтобы не пропустить туда нелояльных.

Но и это коммунистам не помогло.) В один из перерывов, оглядываясь по сторонам, ко мне подошел знакомый работник аппарата Верховного Совета УССР и, отозвав за колонну, достал из недр пиджака и украдкой вручил пакет, шепнув при этом: «Я вам этого не давал. Фамилии тех людей, которые подписали документы, просьба не называть». Детектив, скажут читатели, да и только! Детектив поневоле, соглашусь я. Эта история говорит о том, что спустя уже и три года после ядерной катастрофы и объявленной перестройки вкупе с новым мышлением, люди из властных структур все еще боялись «засветиться», чтобы не нарваться на неприятности. Сегодня я могу назвать фамилию этого человека – это был сотрудник аппарата украинского советского парламента Евгений Бай. Кто-то сказал мне, что он сейчас служит послом.

В переданном пакете оказалось довольно объемное, на двенадцати страницах, исследование здоровья украинских детей и взрослых, живущих в пораженных областях республики. Первой страницы не было. Поэтому я не знаю точно, на каком бланке, какого учреждения оно написано, куда и кому адресовано. Но раз я получила этот документ таким таинственным образом, то ясно, что написан он был не для широкой публики и не для печати. К этому документу были еще и приложения – таблицы исследований на предмет различных заболеваний жителей радиационных областей Украины.

Изложенным в документах была сражена. Я не буду приводить здесь текст полностью (это длинное и слишком научное чтение). Но привести самые страшные цитаты из него, показывающие все мерзкое нутро Системы, я просто обязана. Итак: «Во всех медицинских учреждениях (за исключением Черниговской области) не оформлены регистрационные документы на умерших, а в документах на умерших не имеется данных о дате и причине смерти... Отсутствуют регистрационные документы на умерших детей... Проводящие работу дозиметрические бригады (имеющие в своем составе дозиметристов) в большей части не оставляют в медицинских документах результаты замеров и не оформили ни на одного обследованного лист учета данных дозиметрии».

Страшное преступление не только перед живыми, но и перед мертвыми: Система замечает следы, боясь оставлять документы, которые могут превратиться в обвинение – результаты обследований, причины смерти детей и взрослых.

Далее по тексту: «В Житомирской и Киевской областях не в полной мере обеспечивается выявление и учет лиц, подвергшихся радиационному воздействию, в частности, по эвакуированным (отселенным) из зоны воздействия. Поступающие из органов внутренних дел извещения на этих лиц остаются в областных отделах (во вторых секторах), не используются в работе отдела и не передаются в учреждения здравоохранения по их месту жительства... Установлено, что в поселке городского типа Полесское и прикрепленных селах проживает 206 эвакуированных, в то время как в спецкартотеку Всесоюзного научного центра радиационной медицины поступили извещения только на 54 человека. <...> Что касается лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии, то достоверной информацией об их численности здравоохранение не располагает? и учет их ведется только после выявления медработниками. Никаких сведений об их миграции здравоохранение не получает».

А вот интересное предписание: «С 1988 года по распоряжению Министерства здравоохранения СССР в регистр запрещено включать лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии после первого января 1988 года». А ведь работы по реконструкции четвертого энергоблока, дезактивации, ликвидации последствий продолжались даже после 1990 года. На них потеряли свое здоровье тысячи людей.

Вот еще страшные свидетельства преступления из секретного документа: «В Киевской области (Полесский и Иванковский районы) вскрытие умерших и мертворожденных не проводится в связи с отсутствием в этих районах патологоанатомической службы. Из 353 умерших в 1987 году в Полесском и Вильче не вскрыт ни один человек. Не проводится вскрытие умерших также в г. Славутиче. В Житомирской области в Овруче создан межрайонный патологоанатомический центр, но вскрываются только умершие в лечебных учреждениях».

Из прилагаемых к документу таблиц видно, что в результате профилактических осмотров в Житомирской области здоровыми признаны всего 43,7 процента пациентов, в Киевской – 39,7, в Черниговской – 66,3 процента.

Документ подписали (по тем временам это был смелый поступок): директор НИИ эпидемиологии и профилактики лучевых поражений Всесоюзного научного центра радиационной медицины АМН СССР доктор медицинских наук В. А. Бузунов, руководители лаборатории этого же центра доктор медицинских наук В. Н. Бугаев, кандидат медицинских наук Б. А. Ледошук, доктор медицинских наук профессор Н. И. Омелянец, кандидат медицинских наук А. К. Чебан, руководитель отдела Республиканского информационно-вычислительного центра Министерства здравоохранения УССР Н. И. Иванченко.

Такова правда. А официальная медицина нас всех обвинила в том, что мы больны – да, радиофобией. Утверждавшие это ученые медики, между тем, приезжая в зону из Москвы привозили с собой в целлофановых пакетах куриное мясо и минеральную воду, которой ополаскивали даже руки. А местных жителей уверяли, что никакой опасности нет. Единственное – перед тем, как топить сельские печки радиоактивными дровами, их рекомендовали... мыть. И это не анекдот. Это действительно было.

Секретная чернобыльская информация была «не показана» не только рядовому человеку и журналистам, но даже не всех специалистов, медиков посвящали в нее. Хотя, как уверял депутатов председатель Госкомгидромета СССР Ю. А. Израэль, «данные по Чернобылю были полностью доступны всем тем министерствам и ведомствам, которые могли внести какую-то свою лепту в ликвидацию последствий Чернобыльской аварии», «засекречивание было от населения». Признался-таки! – и только.

Но вот свидетельства члена-корреспондента Академии наук УССР Дмитрия Гроздинского: «Вместо того чтобы нам, радиобиологам, объяснить, что случилось, чтобы мы могли дать рекомендации населению, как правильно себя вести в первые часы после аварии, у нас опечатали счетчики. Нам сказали: то, что случилось в Чернобыле, – совершенно секретно. Делали это люди, которые в этом не понимали, но защищали власть, такие люди всегда считают: лучше закрывать глаза на все, что происходит вокруг, иллюзию выдают за реальность. Они могут сказать, что это все следствие застойного периода. Но чем же тогда объяснить, что те же люди сейчас (спустя четыре года после аварии) хотя и не опечатают счетчики, но просто засекречивают всю информацию, что касается последствий аварии? Почему? Откуда эта волна инстинктивного засекречивания?»

«...лаборатории, которые имели в своем распоряжении дозиметры, радиометры, были просто-напросто опечатаны для того, чтобы никто ничего не измерял в эти дни... И вместо того, чтобы как-то объяснить трезво, доступно, понятно, объективно сложившуюся ситуацию, здесь было какое-то молчание, умалчивание, какие-то заявления, что вот, мол, на такое-то число мы полностью овладели ситуацией, – это в те моменты, когда реактор горел, и каждая секунда была полна каких-то неожиданностей,

непредсказуемого поведения того же реактора – все это было в высшей степени, мне кажется, малооправданным...» – продолжает Гродзинский.

А вот что писала спустя несколько лет после катастрофы группа исследователей во главе с доктором биологических наук профессором Е. Б. Бурлаковой: «Для научно обоснованного прогноза радиобиологических последствий в этих зонах необходимы конкретные дозиметрические данные по всем видам ионизирующих излучений по загрязненным зонам УССР, БССР, РСФСР. Даже имеющиеся в настоящее время данные недоступны не только ученым-радиобиологам, но даже и для большинству ученых Минздрава и Академии медицинских наук СССР». Комментарии, как говорится, излишни.

Была еще одна форма удавки правды о Чернобыле: вместо грифа «секретно» ставился другой – «для служебного пользования». Так стыдливо сопровождала свою справку, например, заместитель директора Республиканского научного гигиенического центра Минздрава УССР О. И. Волощенко.

С таким же грифом вышло уже 1 февраля 1990 года и постановление бюро Житомирского обкома КПУ «О состоянии и дополнительных мерах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Подписал его первый секретарь В. Г. Федоров.

Что же такого из постановления бюро обкома не полагалось знать народу, который «с партией един»? Многого чего, но, вероятно, больше всего вот это: «Медлительность и непоследовательность в работе партийных, советских органов, дефицит гласности, аргументированного и оперативного информирования населения вызывают недовольство людей, социальную напряженность, порождают в сочетании со всевозможными слухами и домыслами паническое настроение». Меня это поразило больше всего. Говорят о дефиците гласности и опять же под грифом «для служебного пользования»! Каково? Гласность для служебного пользования.

Большинство из нас о страшной катастрофе на чернобыльском реакторе узнало из западных «радиоголосов». Первой объявила тревогу шведская атомная электростанция.

В своем чернобыльском архиве я обнаружила отчет ТАСС о пресс-конференции 6 мая 1986 года в пресс-центре Министерства иностранных дел СССР «К событиям на Чернобыльской АЭС», опубликованный во всех советских газетах. Вот что говорил на ней заместитель министра иностранных дел А. Г. Ковалев: «Наш подход нацелен на то, чтобы информация была ответственной, объективной, достоверной, взвешенной, а если сказать одним словом – честной...Как только у нас появились данные достоверные, о них было немедленно извещено... Радениями мы не занимаемся, опираемся на факты и данные, которые дают самые лучшие специалисты и приборы». Сегодня уже хорошо известно, чем занимались официальные лица – нет, конечно не «радениями», они элементарно лгали. Как всегда. Даже не задумываясь – лгали. Это входило в их служебные обязанности, стиль и образ жизни.

Тревожные новости о событиях на ЧАЭС, о которых в первые дни советские граждане узнавали из «вражеских» голосов, заместитель министра оценил как «очередную истерию», которая «организовывается и направляется из одного центра – США, и явно по однотипному сценарию. И дело, – вещал он, – совсем здесь не в атомной станции. Определенные милитаристические круги чувствуют, что под давлением мировой общественной мысли у них шатается почва под ногами». Вот оно, оказывается, что! Опять эти проклятые империалисты!

«Такие, – продолжал далее заместитель министра, – настоящие движущие пружины выброса потоков лжи, фальсификаций, подтасовок фактов, инсценировок, дешевых спектаклей...» Как стыдно! Особенно сегодня, когда известны истинные фальсификаторы и авторы «дешевых спектаклей» обмана, который девять миллионов людей уже десятилетия оплачивают своим здоровьем и здоровьем своих детей. Ау, товарищ Ковалев!

Только в 1990 году председатель Госкомгидромета СССР Ю. А. Израэль сообщил народным депутатам и экспертам: «Правительственная комиссия и оперативная группа Политбюро приняла решение о рассекречивании некоторых технических данных, которые в августе пошли в МАГАТЭ и были опубликованы. В частности, наша брошюрка была выдана на русском и английском языках». Где и каким тиражом она была выдана и кто ее читал? А на английском – кому? Шотландским овцам? В мае 1986 года финны уже выпустили для своих людей вторую брошюру «Внутренний доклад по радиационной ситуации в Финляндии. Май, 1986 года». По-фински. В ней – подробные рекомендации: как должен вести себя человек на зараженной территории, где и сколько можно гулять детям. Рекомендации фермерам, в каких районах и как пасти скот. Что есть и что пить.

У нас же, на Украине, только на десятый день по республиканскому телевидению выступил министр здравоохранения УССР А. Е. Романенко, который так советовал бороться с радиацией: «Не выезжать на природу, закрывать форточки и делать влажную уборку помещения». Лишь после 20 мая, то есть спустя почти месяц после аварии, вышло распоряжение для некоторых регионов: не пить свое молоко. Но зато вот какое замечательное беспокойство высказал наш Госкомгидромет СССР по поводу «грязного» молока... в Польше: «...Вопросы о запрещении потребления молока на территории Польши (наши предложения) – 0,1 миллирентген в час – об этом было сообщено Рыжкову». Трогательная забота о наших братьях-славянах из других стран, не так ли? Особенно если учесть, что высказана она была в то время, когда тысячи своих сограждан, живущих на сверхзагрязненных территориях (170–200 кюри на квадратный километр) продолжали попивать радиоактивное парное молоко. О них Рыжкову не было «предложений».

Парадоксально, но уже после I съезда народных депутатов СССР, когда многое стало известно, в средствах массовой информации на местах начался новый этап засекречивания. Уже безо всяких письменных инструкций. Вымарывались или просто скрывались фамилии хранителей чернобыльских тайн. У нас в Житомире, например, роль таких цензоров взяли на себя областные газета «Радянська Житомирщина» и радио.

В одном из выступлений на сходе жителей пораженных радиацией районов, на который собрались тысячи жертв Чернобыля и чиновничьего произвола, я публично предъявила счет первому секретарю обкома партии В. М. Кавуну за потерянное здоровье обманутых в зонах людей и засекречивание правды о последствиях аварии. Присутствовали там и журналисты из газеты «Радянська Житомирщина» и областного радио. Зная, что репортаж о событии готовит корреспондент Григорий Шевченко, зашла к нему с просьбой, чтобы он не вырезал из пленки эти мои слова. Григорий ответил, что репортаж готов, а слов моих нет. Так распорядился его начальник Петр Смоляр. Мне же Смоляр сказал, что в принципе он за то, чтобы дать мое выступление полностью, но, мол, уже поздно что-либо перемонтировать. И если я не против, то радио сделает это через несколько дней.

Шли дни, но радио молчало. Опять побывала у Смоляра. Петр Арсеньевич бесстрастно сообщил, что пленка с моим выступлением... в обкоме партии, мол, к нему там сделают комментарий. Согласилась и на это. Ведь для меня было важно, чтобы люди услышали (а в области – около полутора миллиона жителей), кто знал всю правду, но молчал, держал ее от них в секрете. Меня не пугал никакой комментарий. Но выступление в эфир не выпускали. Ни с комментарием, ни без него. Тогда я сделала официальный депутатский запрос председателю облтелерадиокомитета В. Я. Бойко. И получила потрясающий ответ: оказывается, это я сама попросила Смоляра, чтобы он отнес пленку с моим выступлением... в обком! В общем, первый секретарь был спасен. И на радио, и в газете «Радянська Житомирщина», которая эту часть встречи принципиально «не заметили».

Через некоторое время в Житомире состоялся большой экологический митинг. Говорили, конечно, о Чернобыле. Слово дали и мне. К тому времени, работая в Государственной экспертной комиссии по

Чернобылю, я собрала немало документов, которые позволили, выступая, назвать некоторые конкретные фамилии тех руководителей республики и области, кто знал, но скрывал от народа правду о последствиях аварии. Публично, в присутствии двадцатитысячного митинга, попросила работающих там корреспондентов областной газеты напечатать это мое выступление. Увы...

Газету не столько интересовала беда, сколько ей надо было в который раз пнуть неугодных аппарату тогда кандидатов в народные депутаты Украины, моих бывших доверенных лиц, людей независимого суждения журналиста Якова Зайко и экономиста Виталия Мельничука. Это ведь куда как безопаснее, чем назвать обличенных властью партийных боссов. И ничего, собственно, удивительного в этом нет. Партийная печать всегда была и оставалась, несмотря ни на какие перестройки, приводным ремнем партийно-репрессивной машины, а ее журналисты в большинстве своем – «подручными партии». И можете быть уверены, они спали спокойно.

Мое выступление было напечатано в первом же номере независимой газеты «Голос», редактором которой стал народный депутат Украины Яков Зайко. (Кстати, ее первый номер вышел только тогда, когда в Житомире на площади Ленина перед обкомом партии собралось несколько тысяч граждан, с требованием снять арест с тиража газеты, наложенный на нее по указке партийного органа области.)

А первым официальным документом за всю постчернобыльскую жизнь, в котором прямо было сказано о действительно существующем режиме секретности последствий аварии, стала резолюция совместного заседания трех комитетов Верховного Совета СССР – по охране здоровья народа, по экологии и рациональному использованию ресурсов, по делам женщин, охране материнства и детства. Спустя три года после взрыва. В ней говорилось: «В течение первых двух лет после аварии обобщенная медицинская и дозиметрическая информация была закрытой». И сразу же давалось поручение: «Минздраву СССР и АМН СССР обеспечить гласность по радиационной обстановке во всех регионах, пострадавших от ЧАЭС, и снять грифы секретности и „ДСП“ (для служебного пользования. – А.Я.) с материалов по общей заболеваемости в пострадавших регионах». Но и здесь, в этом важнейшем документе, есть серьезная неточность, которую, я уверена, удалось протащить депутатам от аппарата. Не два, а три года информация была тотально закрытой. Только накануне I съезда народных депутатов СССР, 24 мая 1989 года, было принято постановление правительства о том, чтобы кое-что рассекретить. Не сомневаюсь, это было сделано только из опасения праведного депутатского гнева, который мог возникнуть (и таки возник!) на съезде.

Пламя сбили, но угли тлели.

Глава 6 ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Сразу после съезда народных депутатов СССР в Народицах состоялся сход, на котором мне вручили обращение к Верховному Совету СССР: «...Вот уже четвертый год мы живем в постоянной тревоге за судьбы детей, за свои судьбы. Почти весь район оказался в зоне жесткого контроля. Вся продукция, выращенная на нашей „грязной“ земле, непригодна к употреблению. Уровни радиоактивности превышают предельно допустимые нормы для проживания людей.

Боль наша – дети, их здоровье. И это вызывает серьезные опасения. У большей части детей отмечается поражение щитовидной железы. Резко возросли хронические заболевания, глазная патология. Сонливость детей, невосприимчивость их на занятиях в школе, головные боли, жалобы на боли в ногах особо беспокоят родителей, тревожит рост онкозаболеваний у взрослых. Наши обращения в различные республиканские и союзные инстанции не находят понимания и поддержки.

...Мы требуем обеспечить гарантии сохранения здоровья, социальной защищенности населения Народицкого района в условиях, сложившихся после аварии на Чернобыльской АЭС. С этой целью: отселить людей из населенных пунктов, где уровни радиоактивного загрязнения превышают предельно допустимые нормы; предоставить право семьям (в первую очередь с детьми) переселиться в чистые зоны с получением жилья; перевести все население района на чистое питание с введением соответствующего коэффициента доплаты, включая пенсионеров; увеличить продолжительность отпуска населению района. Утверждено на сходе граждан 17 июня 1989 года».

Я отвезла это обращение на первую сессию Верховного Совета СССР и вместе со своим депутатским запросом вручила его первому зампреда А. И. Лукьянову. Я позволю себе процитировать его полностью. Это важно.

«Во время работы съезда я публично передала в президиум съезда видеопленку о происходящем в зоне, подвергшейся радиации в Житомирской области, с просьбой показать ее всем народным депутатам. К сожалению, президиум к этой просьбе не счел возможным прислушаться.

Вместе с тем, в Народицком районе (частично – еще в четырех – Лугинском, Коростенском, Овручском и Олевском) сложилась достаточно сложная радиационная обстановка. Согласно официальным документам, в районе увеличилось число различных заболеваний, в том числе и онкологических. На фермах колхозов рождаются мутанты. Уровень радиации местами превышает естественный фон в 100–160 раз. И здесь живут люди.

Значительная часть сельхозугодий приходится на земли, в которых содержится от 40 до 200 кюри радиоактивного цезия на километр. Предельно допустимая норма – 40 кюри. По заключениям специалистов выселять нужно не менее двенадцати сел района. В то же время в строительство в местах особо жесткого режима радиации вкладываются все новые и новые деньги. Из вновь построенных домов для переселенцев в зоне радиации нужно выселять людей. В новое строительство уже вложено более 100 миллионов рублей.

После съезда жители Народицкого района пригласили меня на свой сход. Здесь было принято обращение схода к Верховному Совету СССР. Сход уполномочил меня передать его по назначению, а также внести в Верховный Совет этот депутатский запрос:

1. Кто принял решение строить новые дома, школы, детсады в зоне жесткой радиации?
2. Кто понесет персональную ответственность за то, что десятки тысяч людей три года жили в неведении о радиоактивном загрязнении, и до сих пор настоящее положение дел содержится в тайне?

3. Когда конкретно и какие села Народичского и других районов будут наконец выселены в экологически чистые места?

4. В связи с тем, что четырем тысячам народичских детей, а также детям других районов, пораженных радиацией, необходимы обследование, лечение, отдых в „чистой“ зоне, прошу Верховный Совет СССР принять решение о передаче всех лечебно-санаторных учреждений 4-го Управления Минздрава СССР на Украине, в том числе и в первую очередь в Житомире, этим многострадальным детям. (Эти учреждения в то время принадлежали КПСС, и в них бесплатно лечилась ее руководящая верхушка.) <...>

6. Прошу также Верховный Совет СССР ответить на мой депутатский запрос, огласив его в течение работы этой сессии».

Несмотря на Закон о статусе народного депутата СССР, согласно которому запросы депутатов должны оглашаться, это сделано не было. Его просто передали в Совет министров СССР Николаю Ивановичу Рыжкову. Через две недели Николай Иванович сделал по нему такое распоряжение: «Тов. Марьину В. В. Прошу Вас переговорить с депутатом т. Ярошинской и рассмотреть поставленные в ее письме вопросы при подготовке соответствующих предложений». Вот и весь ответ. В этом факте – отношение наших властей предержащих к пострадавшим от взрыва в Чернобыле. Мы и так надоели им своими письмами, просьбами, мольбами, обращениями, а тут еще и депутатский запрос. Не слишком ли? Когда я получила этот, с позволения сказать, «ответ» от главы нашего правительства, видимо, по аналогии вспомнилась та самая заказная статья журналиста Владимира Базельчука в газете «Радянська Житомирщина», в которой он упрекал переселенцев, что им, дескать, новые дома построили, а они еще и жаловаться вздумали. Что там, внизу, что здесь, наверху, логика оказалась одинакова. На этом и держалась столько лет вся тоталитарная система.

И все же я пошла в Бюро по топливно-энергетическим ресурсам при Совете министров СССР к зампреда В. В. Марьину, члену Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Он пригласил на беседу также заведующего отделом Бюро В. Я. Возняка и старшего специалиста Ю. В. Дехтярева.

Владимир Владимирович Марьин рассказал, что решение о том, где именно строить дома для переселенцев, в 1986 году принимали исключительно местные власти, что отселение жителей двенадцати сел планируется провести в 1990–1993 годах. Собеседники горячо убеждали меня, что никаких запретов и засекречиваний данных о последствиях этой трагедии... не было (!). Они серьезно говорили о том, что любой крестьянин мог получить в своем сельсовете любую информацию.

Это была бессовестная ложь высокого должностного лица. Когда же я ссылалась на запретительные распоряжения (в том числе и Правительственной комиссии, членом которой являлся также В. В. Марьин), он отвечал, что они утратили силу (!). По меньшей мере странно, что я, журналист, сначала по крупицам собирала засекреченную информацию, потом почти три года не могла нигде опубликовать статью о ситуации в Народичском районе, а вот ведь, оказывается, каждый колхозник запросто мог получить любые интересующие его сведения. Лгал товарищ Марьин, лгал – решение об упразднении запретительных постановлений (и то далеко не всех) было принято, как я уже упоминала, буквально за день до открытия I депутатского съезда горбачевского призыва. И сделано это было исключительно из страха перед гласностью, которую неизбежно несли с собой новые депутаты.

Беседы в недрах Совмина СССР оставили тяжкое, гнетущее впечатление. Я поняла, что хрупким попыткам огласки информации о последствиях аварии, которые появились после съезда народных депутатов, еще долго будут перекрывать кислород. Ведь ни заключения врачей, ни официальные документы, которые я показывала, там никого не интересовали. У них были свои заключения и свои

документы – «удобные». («У вас – свои документы, – говорили они, – у нас – свои».) Мои собеседники зомбировали меня фразой, что здоровью людей ничто не угрожает.

Выходит, именно потому, что не угрожает, и было принято наконец правительственное решение о немедленном выселении двенадцати сел Народичского района. Немедленно! И это – спустя три года после аварии.

25 сентября 1989 года я сделала третий запрос в Правительство СССР – о радиационной ситуации в Житомирской области в целом, о том, сколько предполагается эвакуировать людей, кроме экстренного выселения двенадцати сел, а также просила выделить дополнительные продукты «чистого» питания в пораженные зоны. На два первых вопроса я получила ответ от... председателя Житомирского облисполкома В. М. Ямчинского. По поручению правительства он отвечал мне. До большего цинизма додуматься трудно.

По второму вопросу – о «чистых» продуктах – записку прислал мне зампреда Совета министров СССР Лев Алексеевич Воронин. Вернее, это была копия записки. Она адресовалась министру торговли СССР К. З. Тереху: «Прошу направить заместителя министра в Житомирскую область и на месте совместно с Советом министров Украинской ССР рассмотреть весь комплекс вопросов по обеспечению снабжения населения продуктами питания в зонах радиоактивного бедствия Житомирской области. О принятых мерах до 1 ноября с. г. сообщите народному депутату СССР т. Ярошинской и Совету министров СССР». Здесь же предписывалось направить мой запрос Председателю Совета министров УССР В. А. Масолу и председателю Государственного комитета Совмина СССР по продовольствию и закупкам В. В. Никитину. Ответа от них так и не последовало.

А замминистра торговли СССР П. Д. Кондратов, задержав на две недели указанный срок ответа в письме Л. А. Воронина, прислал классическую отписку. Вместо того чтобы действительно позаботиться об обеспечении жителей области экологически чистыми продуктами питания, заместитель министра написал мне о том, что было поставлено области... раньше. В последнем абзаце он уверял меня, что в 1990 году потребности области в консервах для детского питания будут полностью удовлетворены. Как будто бы дети питаются исключительно и только консервами! К сему был приложен список продуктов, которые область получила в 1989 году.

Ответ горе-заместителя свидетельствовал о полном безразличии к тому, о чем писала ему депутат, умоляя обратить свой взор на пострадавших людей, и в первую очередь детей, которые в своем отечестве оказались никому не нужными. Он лениво отмахивался пустой бумажкой от какого-то там депутата, как от назойливой мухи.

10 августа 1989 года в Народичах состоялась очередная встреча правительственной комиссии по чрезвычайным ситуациям с представителями «грязных» районов. Несмотря ни на что, прорыв к гласности украинских и белорусских и депутатов, появившиеся в то время первые правдивые статьи в газетах «подталкивали» правительство к тому, чтобы оно наконец вспомнило о своих терпящих бедствие гражданах.

Сход был назначен на 11.00, но еще задолго до этого зал районного Дома культуры был забит до отказа. Люди стояли на улице: сюда тоже были выведены динамики. С нетерпением ждали вновь назначенного главу правительственной комиссии В. Х. Догужиева. Что-то он скажет?

Комиссия задерживалась. Зал волновался. Приехали журналисты из Житомира, Киева, Москвы, осветители из «Укркинохроники» расставили юпитеры. Наконец по рядам прошелестел слух, что вертолеты приземлились. Как сказал кто-то в зале, ради этого за сутки сделали взлетно-посадочную полосу.

На сцене в ожидании гостей стоял длинный стол, накрытый красной скатертью, шесть-восемь стульев. Но когда комиссия начала заполнять места за столом, то оказалось, что мест катастрофически не хватает. Срочно принесли и поставили стулья в четыре ряда! А некоторым пришлось присесть в зале на пол.

Вероятно, количество официальных лиц высокого ранга, прибывших на сей раз в Народичи, должно было засвидетельствовать возросшую заботу правительства о пострадавших. Однако не все оценили это, и потому в адрес восседающих на сцене из зала сыпались обвинения, упреки, иногда граничившие с оскорблениями. Я не осуждаю людей. Их можно понять. Их жестоко обманывали, три года строили на «грязной» земле для них дома, проводили канализацию, газ – словом, делали всё, чтобы создать иллюзию заботы и безопасного проживания. Да ведь не зря говорится: обманом весь мир пройдешь, а назад не вернешься. Так оно и случилось.

Я не собиралась выступать. Но попросили из зала. Вел собрание председатель исполкома Житомирского областного Совета народных депутатов В. Н. Ямчинский. Рядом с ним в центре сидел член ЦК КПСС и ЦК компартии Украины, Герой Социалистического Труда, кавалер пяти орденов Ленина первый секретарь обкома партии В. М. Кавун. Когда ведущий собрания объявил об этом, в зале послышались шум, возмущение, кто-то крикнул: ну хоть через три года приехал!

Выступая, я задала первому секретарю несколько вопросов: почему после аварии народичские дети еще почти месяц глотали радиоактивную пыль, ели «грязные» продукты, почему их вовремя не вывезли из опасных мест? Почему он, пребывая за границей на отдыхе, не вернулся сразу после взрыва, немедленно, чтобы вывезти отсюда детей? Ведь без него, хозяина области, никто не решался это сделать.

Спросила также: кто конкретно принял решение строить на радиоактивных землях новые дома для эвакуированных? Почему он, первый секретарь, говорит, что не видел карты загрязнения Народичского района, если я, рядовой журналист провинциальной газеты, видела ее в райисполкоме?

Зал бурлил. Василий Михайлович, вероятно, впервые публично услышав о себе такое, встал и, не выходя к трибуне, начал объяснять приглушенным голосом, что решение о строительстве принималось коллективно с правительственной комиссией... И карт загрязнения не было. И информацией он не владел, во время взрыва был действительно в отъезде и, оказывается, «не мог обеспечить себя транспортом обратно», вернулся через двенадцать дней, когда строительство уже было начато без него...

Свежо, как говорится, предание. Или, выходит, обошли подчиненные первого секретаря обкома, не показали ему карту радиозагрязнения? А может, так спокойнее? Глаза не видят – сердце не болит? И кто же, в таком случае, лжет: заместитель председателя Бюро по топливно-экономическим ресурсам при Совете министров СССР Марьин, ответивший на мой запрос, что решение, где именно строить новые дома для переселенцев, принимали исключительно местные власти, или первый секретарь Житомирского обкома партии Кавун?

В газете «Труд» за 2 августа 1989 года в статье «Села жесткого режима» сообщалось: «Однако уже следующей весной чрезвычайная комиссия Совета министров СССР, облисполкомы Киевской и Житомирской областей располагали подробной картой радиационного загрязнения северных регионов украинского Полесья. Карта отмечала села и поля, где концентрация коварного для здоровья цезия-137 превышала 40–100 кюри (на квадратный километр. – А.Я.). Уже тогда было ясно: проживание них и постоянная работа человека недопустимы. Особенно в селах Ясень и Шевченково Полесского района Киевской области, в Малых Миньках, Шишаловке, Великих Клещах и Полесском Народичского района Житомирской области. Между тем, в них и по сей день обитают люди». И далее: «Впрочем, и без карты областной штаб гражданской обороны, руководители области знали, что 27–29 апреля 1986 года во дворе здешнего райисполкома уровень гамма-фона превышал... 1 рентген в час. Поясню: это в двадцать раз больше того предела, когда нужна немедленная эвакуация!»

Когда я сегодня перечитываю отчет ТАСС о конференции в пресс-центре МИД СССР от 6 мая 1986 года, не устаю удивляться тому, как это делается. «Ответственные товарищи» сообщили, что «за прошедшие сутки уровень радиации еще больше снизился». Заместитель председателя Совета министров СССР Б. Е. Щербина проинформировал: «Повышенные уровни радиации отмечались на территории, что прилегает непосредственно к месту аварии, где максимальные уровни радиации достигли 10–15 миллирентген в час. По состоянию на 5 мая (1986 год. – А.Я.) уровни радиации в этих районах снизились в 2–3 раза».

Потом, судя по официальным сообщениям, с каждым днем эти уровни все снижались и снижались. Порой мне казалось, что они и вовсе исчезли, испарились. Только вот почему же – мучает и мучает вопрос: спустя три года после аварии как гром среди ясного неба – нужно отселять людей! Неужели «ответственные товарищи» не ведали, что в Припяти радиоактивность на улицах весь день 26 апреля и несколько последующих дней составляла от 0,5 до 1 рентгена в час повсеместно (Г. Медведев. «Чернобыльская тетрадь»).

На том сходе в Народицах, 10 августа 1989 года, когда в район приехала вся правительственная комиссия во главе с ее председателем В. Х. Догужиевым, выступал также и заместитель председателя Совета министров УССР Е. В. Качаловский. То, что говорило это облеченное властью лицо, на чьей совести во многом лежат страдания и смерть детей, стыдно, невозможно было слушать. Только, вероятно, нашим сверхтерпеливым народом могли править такие убогие руководители.

Сначала Евгений Викторович попытался свалить все на иностранцев (цитирую дословно по магнитофонной записи, сохраняя стиль и язык): «И я вам скажу: неслучайно сейчас иностранцы бросятся за доллары приехать к нам и изучать уже достигнутое нами знание в этом деле, потому что...» Дальше его слушать не хотели. Это было просто кощунство. Приехать спустя три года в самый пораженный район и не найти других слов! Слов покаяния. Именно они тут были бы уместны. Не сказать о конкретных решениях, как жить этим людям дальше. Но большой начальник ничего этого так и не понял. Зал шумел, а он, видимо, чтобы не ударить в грязь лицом перед еще большими начальниками из Москвы, принялся бессовестно и косноязычно воспитывать людей: «...давайте себя вести как следует. Не надо, я могу не выступать. А кричать – это не базар. Давайте здесь слушать. Не нравится – выйдите. Не нравлюсь я выступать – давайте я пойду сяду, идите вы выступайте. Шо это за гудение такое? И там от дирижер сидит, женщина около микрофона, то вверх руки – кричите, то вниз руки – не кричите. Не надо создавать такую обстановку. Как вы себя ведете?!»

Ничтоже сумняшеся, Качаловский делал свои заявления дальше: «Поэтому мы не видим там вопроса о том, что мы тогда неправильно решали и отселили столько, тем более что решала тогда правительственная комиссия, Политбюро ЦК КПСС, окончательное решение – количество сел, количество людей, решалось там уже, мы давали только свои предложения, хотя наши предложения были до некоторой степени сокращены».

Качаловский зачитал записку, которую ему передали из зала: «Наши дети пострадали от этой аварии больше всех детей зоны, вывоз наших детей начался 24 мая и окончился 9 июня 1986 года. В самый опасный период дети были в зоне, и никто не предупредил об опасности. Кто за это ответит?»

Никакого вразумительного ответа.

А ведь не кто иной, как Е. В. Качаловский возглавлял на Украине Правительственную комиссию по ликвидации аварии на ЧАЭС. Но только приезд 2 мая 1986 года членов Политбюро Председателя Совета министров СССР Н. И. Рыжкова и секретаря ЦК КПСС Е. К. Лигачева из Москвы в Чернобыль заставил руководство республики выехать на место аварии, к сеющему страх и смерть реактору.

Из зала Качаловскому задали еще один, почти аналогичный вопрос: «Почему наши дети были вывезены позже, чем дети Киева, Киевской области, чем дети Белоруссии, которых вывезли в первой половине мая 1986 года, кто персонально принимал решение по нашему району?» В ответ – снова сплошной горячечный поток сознания: «Я вам отвечу, что мы проводили демонстрацию 1 Мая, стояло все Политбюро, стояли наши жены, дети, внуки, и тоже задают в Киеве такой вопрос: кто дал указание проводить демонстрацию, потому что не было запрета, и никто – ни ученые наши, ни специалисты, эти товарищи, которые сегодня выступали здесь красноречиво через три года, пожарник, когда приходит, дом сгорел, – товарищи, а у вас здесь... такой умный, а то, что он вчера приходил до пожара, он не знал, а после пожара все такие умные, поэтому понимаете, вы тогда тоже могли встать... Мы тогда тоже еще не знали, как может, где эта радиация, в каком количестве ее было тогда, вы не давали предложений, вы даже после демонстрации не пришли через полгода, а токо через три года, потому, ну хорошо, значит, получилось так с демонстрацией».

Слушая беспомощное выступление Качаловского, сгорая со стыда, я вспоминала события месячной давности. 12 июля 1989 года на первой сессии Верховного Совета СССР рассматривалась кандидатура Ю. А. Израэля на пост председателя Государственного Комитета по гидрометеорологии. Депутаты из Украины и Белоруссии задавали Юрию Антониевичу вопросы по Чернобылю, которые уже стали вечными: почему никто не знал о картах радиозагрязнения, почему не было информации об уровнях радиации, кто принимал решение о проведении Первомайской демонстрации, почему не вывезли детей из Киева своевременно? И так далее.

Тогда в стенах советского парламента и разыгралась настоящая драма, главными действующими лицами которой стали Ю. А. Израэль, председатель Госкомгидромета СССР, снова претендовавший на этот, член Политбюро ЦК Компартии Украины, председатель Президиума Верховного Совета республики В.С. Шевченко и председатель Совета министров СССР член Политбюро ЦК КПСС Н. И. Рыжков. Взаимообмен обвинениями, произошедший на виду у изумленных депутатов (к тому же сессия тогда еще транслировалась в полном объеме по Центральному телевидению на весь Советский Союз) многое прояснил. Как только Израэль, загнанный в угол Валентиной Семеновной Шевченко, начал называть, куда и кому поступала от него информация с первых дней аварии, она стала яростно обвинять Израэля в том, что он вместе с академиком Ильиным дал заключение о радиационной обстановке в Киеве и области, которая якобы не представляла никакой опасности для здоровья населения, включая детей.

С высокой трибуны парламента Валентина Семеновна обращалась к председателю Госкомгидромета СССР: «Вы очень хорошо помните, когда вы сидели за столом напротив меня, и я задала вам вопрос: „Юрий Антониевич, как бы вы поступили, если бы в городе Киеве находились ваши внуки?“ Вы промолчали. <...> Все остальные решения, которые принимала Государственная комиссия, политическое руководство Украины выполняло неукоснительно, очень оперативно работая круглые сутки, принимая абсолютно все меры и согласовывая все свои действия с политическим руководством страны».

Так, в предчувствии возмездия, они начали выдавать друг друга. Не где-то, а в парламенте. Кстати, В.С. Шевченко была народным депутатом СССР именно от Киевской области, чернобыльская зона – ее избирательный округ. Вот что написали в адрес Верховного Совета СССР в своем коллективном обращении ее избиратели: «У нас в Верховном Совете есть свой депутат – Шевченко Валентина Семеновна, но ни разу она с нами не встречалась. Не смогли мы с ней встретиться и в Москве. Предупредив Валентину Семеновну о встрече, мы прождали ее целый день на Калининском проспекте, 27 (здесь находились Комитеты Верховного Совета СССР. – А.Я.), но как выяснилось, в этот день она уехала в Киев. Больше на ее помощь мы не рассчитываем».

В конце этой эмоциональной речи, не сказав ни слова покаяния, Шевченко заявила: «Я думаю, что сегодня нужно Юрию Антониевичу, занимая такой высокий государственный пост, отвечая за исключительно важный участок работы, занимать не соглашательскую, а очень принципиальную позицию. И я буду голосовать против вас, Юрий Антониевич!» После этого заявления в зале послышались аплодисменты. Увы, аплодировали человеку, на совести которого во многом лежит потеря здоровья детей, замалчивание годами истинного положения в зонах радиации, утаивание информации. (После распада СССР Генеральная прокуратура Украины признает ее виновной, но об этом – впереди.) Все в сессионном зале напоминало фарс.

После Шевченко слово немедленно, вне очереди, было предоставлено Председателю Совета министров СССР Н. И. Рыжкову. Николай Иванович энергично парировал: «Вот здесь говорят о событиях 7 мая. Как заседало Политбюро Украины, я не знаю, не был на этом Политбюро. Но знаю, что 2 мая был у вас. Второго. Вы помните? Вы помните, что мы с политическим руководством поехали в зону? Это было до 7 мая».

В завершение своего выступления Николай Иванович высказал твердое убеждение в том, что «Чернобыль ему – (Израэлю. – А.Я.) в вину ставить нельзя». У меня да и, наверное, у других народных депутатов СССР сразу же возник вопрос: а кому можно? Кто же тогда на самом деле виноват в том, что не было информации, что страну заливали потоки слухов, кто давал распоряжение засекретить всю информацию? Кто, наконец, ответит за последствия этого засекречивания? Получается так: больные, обманутые люди есть, виновных – нет. Впрочем, это главный урок всей нашей истории. У нас всегда ЦК КПСС, политбюро и «лично» принимали решения, а отвечать было некому. А если и отвечают, то, как правило, стрелочники. И Чернобыль – не исключение.

Через шесть лет после Чернобыля, уже после распада СССР, мне удалось раскопать немало совершенно секретных документов Политбюро ЦК КПСС по Чернобылю. К постановлению Политбюро партии от 22 мая 1986 года под грифом «Совершенно секретно» приложена такая же засекреченная записка журналиста «Правды» Владимира Губарева (того самого, который отказался печатать мою статью). Вот что, в частности, он сообщает: «Уже через час (после аварии. – А.Я.) радиационная обстановка в городе была ясна. Никаких мер на случай аварийной ситуации там не было предусмотрено: люди не знали, что делать».

По всем инструкциям, которые существовали уже 25 лет, решение о выводе населения из опасной зоны должны были принимать местные руководители. К моменту приезда правительственной комиссии можно было вывести из зоны все людей даже пешком. Но никто не взял на себя ответственность. <...> Вся система гражданской обороны оказалась полностью парализованной. Не оказалось даже работающих дозиметров».

По сути, это приговор местной партийной элите во главе с первым секретарем ЦК КПУ В. В. Щербицким и председателем Президиума Верховного Совета Украины В. С. Шевченко. Но заметьте, журналист Губарев сообщает обо всем этом преступном безобразии не на страницах главной партийной газеты, а доносит в полном секрете – в ЦК КПСС. (Под совершенно секретным постановлением, к которому приложен этот донос, стоит подпись Генерального секретаря М. С. Горбачева.)

Когда я прочитала эту секретную бумагу от журналиста Губарева, я поняла, почему моя статья «У разоренных гнезд» – о подобном безобразии в чернобыльских зонах, которую я отправила в «Правду», – не была опубликована. Там на страже сидел Губарев. И такими Губаревыми, с двойными стандартами (в газету – одно, а в политбюро – другое), хоть пруд пруди. Корреспондент в своем доносе в ЦК КПСС сокрушается о нерасторопности местных партийных властей и попутно дает совет: «Большое влияние оказала пропаганда из-за рубежа, а по радио или телевидению не выступил ни один руководитель

республики (Украины. – А.Я.), который сказал бы очень простые слова, что, мол, нет основания для беспокойства и опасности для здоровья детей и жителей». Журналист учит ученых, как надо было бы поискуснее врать, чтоб народ не паниковал! Ведь уже – параллельно с чернобыльской ложью! – в стране шла перестройка. Как это объяснить и как это совместить?

А тогда обсуждение кандидатуры Израэля катилось дальше. Депутат академик Алексей Яблоков, заместитель председателя Комитета по экологии, характеризуя положительные качества претендента, привел даже такой экзотический пример беспрецедентной смелости претендента: «Наверное, впервые об этом скажу. Ситуация с китами, спасение трех китов у берегов Аляски. Через три часа после того, как последовал звонок из американского отделения „Гринпис“, наши ледоколы по указанию Израэля сменили свой путь и пошли на спасение китов. Через три часа. Только через три дня было принято официальное правительственное решение. Я раскрываю здесь, может быть, тайну. Может быть, Николай Иванович (Председатель Совмина СССР Н. И. Рыжков. – А.Я.) этого и не знает, что ледоколы пошли через три часа, за три дня до того, как было принято правительственное решение. Это было рискованное действие, но оно было предпринято. Эффект для мирового общественного мнения, товарищи, был невероятный».

Конечно, народный депутат СССР, сказавший это в защиту Израэля, таким образом хотел повлиять на позицию парламентариев при голосовании. Названный факт, безусловно, украшает человека. Да, но если бы до этого в жизни Израэля не было позорной страницы Чернобыля. Очень благородно, безусловно, спасти три кита. Но как быть с тысячами детей, людей, потерявших здоровье?

Юрий Антониевич был избран на высокий пост председателя Госкомгидромета СССР. В голосовании приняли участие 422 депутата. За – 294, против – 86, воздержались – 42.

Прежде чем объявить перерыв, первый заместитель председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов предоставил три минуты для выступления по мотивам голосования народному депутату СССР генеральному директору НПО «Грознефтехим» из Чечено-Ингушетии С. Н. Хаджиеву. Его краткое выступление стало эпилогом предложенного залу сценария обсуждения: «Мы вот сейчас утвердили Юрия Антониевича... И фактически мы сегодня одобрили всё, что сотворено с нашим народом, с нашими землями, с нашими реками, с нашими озерами, с нашими морями. Мы одобрили всё это. Ведь он констатировал, он знал это, а мы с вами не знали. Я, например, узнал реальные факты в 1988 году, но он все знал. И считал своей обязанностью только докладывать начальству, на этом он свои обязанности заканчивал, и теперь мы всё это одобрили... Я не знаю, как вы будете избирателям в глаза смотреть... Поэтому я лично считаю, что мы сегодня, в общем-то, забыли наших избирателей, забыли о тех миллионах детей, которые сегодня болеют из-за экологии, забыли о тех наших братьях и сестрах, которые сегодня лежат в больницах. Мы забыли о них. Мы должны были оценить компетентность Юрия Антониевича, но сказать: „Товарищ Юрий Антониевич! У вас нет гражданской позиции, у вас сердце не болит за наших граждан. И не болело все эти четырнадцать лет (его предыдущей работы на этом посту. – А.Я.), когда вы молчали и только докладывали начальству“».

Но ничто уже не могло изменить принятого минутой назад большинством членов карманного Верховного Совета СССР позорного решения. (Помните мой рассказ о том, как туда назначали нардепов из Украины? То же самое происходило и в других республиках.)

Воинственное косноязычие заместителя председателя Совета министров УССР, председателя Правительственной комиссии по ликвидации аварии на ЧАЭС Е. В. Качаловского на встрече с жителями Народничского района и горькое воспоминание о «битве» партийных вождей в парламенте страны за свою непричастность к преступлению перед жертвами Чернобыля не прибавляли оптимизма.

Глава 7 КРУГОВАЯ ПОРУКА

Теперь уже ясно, что одну из главных партий в советском чернобыльском атомном спектакле исполнил Госкомгидромет СССР, а точнее – его председатель Юрий Антониевич Израэль. В его обязанности входил доклад партийному и советскому руководству страны и республик о том, сколько чего изверглось из дьявольского жерла реактора, куда это все потом понесло ветром и где оно упало. В общем, в этой главе я попробую ответить на вопрос: какому же начальству и что именно докладывал Израэль? Это важно для понимания общей картины. Взвесим власть на весах Чернобыля.

Впервые эта информация стала известна народным депутатам СССР 24 июня 1989 года при обсуждении кандидатуры Ю. А. Израэля на пост председателя Госкомгидромета СССР на заседании Комитета Верховного Совета СССР по вопросам экологии. Выступая перед депутатами со своей программой и упреждая неудобные вопросы, Юрий Антониевич заявил: «Скажу о двух проблемах, в которых мы принимали участие. Это, во-первых, участие в ликвидации аварии на Чернобыльской атомной станции. Здесь Госкомгидромет принимал самое активное участие с 26-го числа. На третий-четвертый день после аварии там уже работало десять самолетов и вертолетов. Были задействованы все метеорологические станции на Европейской части страны. Это более тысячи станций. Эти данные *ежедневно* (курсив мой. – А.Я.) докладывались правительственной комиссии, которая находилась в Чернобыле и комиссии Политбюро, находившейся в Москве. По этим данным принимались важнейшие решения.

Было эвакуировано, как вы знаете, 116 тысяч человек. В дальнейшем по этим данным Минздрав, Госагропром вместе с нами рассчитывали возможные последствия. Минздрав и Госагропром принимали решения по поводу дальнейшей жизнедеятельности в тех районах, которые подверглись радиоактивному загрязнению.

Информация о загрязнении передавалась регулярно, кроме директивных органов, в Советы министров республик, подвергшихся загрязнению – в первую очередь это Белоруссия, Украина, Брянская область РСФСР – и в соответствующие облисполкомы.

Что касается данных по деревням, то у меня в папке все эти данные, и их передали в Советы министров и облисполкомы для доведения до сведения проживающих в деревнях.

...Теперь я абсолютно хочу заверить всех присутствующих, что все карты с огромным количеством данных, собраны. Все эти данные, начиная с 1986 года, в мае передавались по уровням радиации, а изотопный состав, начиная с июня-июля 1986 года, передавались в местные органы».

Это была первая, выданная из официального лица информация о том, в какие адреса направлялись замеры уровней излучения, карты загрязнения.

Следующий вынужденный акт «раздевания» тех, кто скрывал полученную информацию, Ю. А. Израэль провел через три недели – 12 июля 1989 года уже в сессионном зале, где снова от имени Правительства СССР была предложена его кандидатура на пост председателя Госкомгидромета СССР. Здесь Юрий Антониевич, понимая, что весь шквал депутатского возмущения будет обрушен на него, сказал еще больше: «С первого же дня после аварии и до сегодняшнего дня эти сведения передавались в комиссию Политбюро во главе с Николаем Ивановичем Рыжковым, в правительственную комиссию, которая работала в Чернобыле, в Центральный комитет КПСС, в Советы министров союзных республик, в облисполкомы. Все эти данные имеются в облисполкомах, и они обязаны доводиться до населения».

В кулуарах раздавались требования депутатов создать специальную парламентскую комиссию для рассмотрения причин аварии на Чернобыльской АЭС и оценки должностных лиц, которые скрывали

информацию о радиологической обстановке в течение трех лет после аварии. И чем громче звучали эти голоса, чем реальнее это становилось, тем интенсивнее выдавал Израэль депутатам информацию о том, как «оперативно» работала госкомгидрометовская машина. Начав в 1989 году с организаций и ведомств, куда направлялась информация с первых дней после аварии, Юрий Антониевич через год, 12 апреля 1990-го, перешел уже на конкретные фамилии высоких и высочайших должностных лиц. Именно в этот день состоялось совместное заседание двух Комитетов Верховного Совета СССР – по вопросам экологии и по охране здоровья. Оно предваряло парламентские слушания по Чернобылю.

Вот что сказал Ю. А. Израэль под давлением народных депутатов: «...27 апреля Госкомгидромет направил доклад о радиационной обстановке в районе Чернобыльской аварии со схемами с надписью сверху „В адрес ЦК КПСС“, никаких фамилий на этом документе не было. Понятно?» С места из зала раздался в тишине четкий вопрос: «Вахтеру, что ли, направляли?» В ответ Юрий Антониевич разъяснил: «Есть форма направления. Если я готовлю какую-то программу по поручению Совета министров, я пишу не товарищу Рыжкову, а пишу – „Совет министров СССР“. Есть такая форма. Вы понимаете меня или нет?»

Министр явно нервничал и раздражался. Да и было от чего – на кону стояло его руководящее кресло, он сидел в нем уже четырнадцать лет и очень хотел сидеть там и дальше. Только поэтому он одним махом назвал десятки фамилий высокопоставленных лиц, которым с первых дней направлялась секретная информация. Цитирую по официальной стенограмме парламентских слушаний: «В ЦК КПСС и Совет министров без фамилий – 27 апреля (здесь и далее 1986 г. – А.Я.), 30 апреля – Рыжкову Николаю Ивановичу и Совету министров СССР, 2 мая – Рыжкову Николаю Ивановичу, 3 мая – Рыжкову Николаю Ивановичу, 4 мая – Рыжкову Николаю Ивановичу, 7 мая – Мураховскому, я другие министерства не называю, 8 мая – Рыжкову, 9 мая – Гусеву, Совет министров РСФСР, 11 мая – Мураховскому, 12 мая – Мураховскому, 13 мая – Гусеву, 15 мая – Ковалеву, 18 мая – Щербине, 21 мая – Горбачеву, 21 мая – Рыжкову, 27 мая – Ковалеву, 24 мая – Мураховскому, 26 мая – Рыжкову, Лигачеву, Долгих, Чебрикову, Власову, Соколову, Воротникову, Мураховскому, Щепину. Пожалуйста, если нужно, то я продолжу дальше».

Это счет на дни. А ведь велся он и на часы. В ту же ночь, в три часа – то есть буквально через час-полтора после аварии – о ней сообщили В. В. Марьину – тогда заведующему сектором атомной энергетики ЦК КПСС. (Тому самому Марьину, которого позже пересадили в кресло председателя Бюро по топливно-энергетическим ресурсам и который – помните? – отвечал мне, депутату, что у нас в Народничском районе все в порядке, не стоит беспокоиться.) Все названные Израэлем – ответственные лица из Правительства СССР, РСФСР, Комитета государственной безопасности, члены высшего политического руководства страны – ЦК КПСС, Политбюро. С изумлением слушая его, я подумала, что это очень похоже на список лиц, которые виновны в зажиме правды о Чернобыле и которыми должна немедленно заняться Генеральная прокуратура СССР. Но, судя по всему, Генеральному прокурору такая простая мысль в голову не приходила.

Чем острее депутаты задавали вопросы, тем больше фамилий руководителей разных уровней, которым Госкомгидромет СССР посылал информацию, выдавал Израэль: «...пожалуйста, Тульский облисполком, Синегубову... 23 сентября 1986 года».

Как оказалось, не менее оперативно поставлялась она самым высоким должностным лицам на Украине и в Белоруссии. 20 июля 1990 года в Комитете Верховного Совета СССР по экологии Израэль сообщил: «Вот здесь мы подобрали материалы наших управлений – украинского и белорусского – кому, куда и когда и какие письма были написаны. Вот украинская, пожалуйста... вот тут есть „дело“, где написано, кому какое письмо пошло. В ЦК Компартии Украины, в Совет министров, Верховный Совет, КГБ УССР. Потом на Украине была организована оперативная группа, тогда стали, кроме этих товарищей, регулярно давать в оперативную группу и штаб гражданской обороны, который подсоединился к этому

делу. Ну и, естественно, ведомства. Видите – Академия наук УССР, Минздрав УССР и т. д. Кроме того, эти карты шли еще в облисполкомы или в обкомы, тут мы в то время не делали разницы. В Советы министров Украины и Белоруссии мы абсолютно всю информацию посылали, и несколько позже – в Совет министров Российской Федерации. 26 апреля 1986 года – в ЦК Компартии Украины, первому секретарю В. В. Щербицкому, секретарю ЦК КП Украины Качуре, в Верховный Совет УССР В. С. Шевченко, председателю его Президиума, члену Политбюро ЦК Компартии Украины, а также Бахтину, в Совет министров УССР – Ляшко, Бойко, Качаловскому, Коломийцу.

В документах, которые направлялись им, сказано, что 30 апреля 1986 года уровни радиации в Киеве резко возросли. Известно, что, например, на проспекте Науки они составляли 2,2 миллирентгена в час – максимально, 1,4 – минимально. К вечеру они снизились, – поясняет далее Израэль. – 1 мая – 0,61, 2 мая – 0,85, 7 мая – 0,7 и т. д. Дальше уже снижается.

То есть 30 числа (апреля 1986 года. – А.Я.) резкий подъем уровня радиации именно в 13 часов».

Знали, всё знали! Знали и ввали! Каждый на своем уровне.

«Эту информацию мы передавали и в Центральный комитет Компартии Украины, и в Совет министров Украины. И наша информация была известна руководству. <...> Щербицкому направлялась и Шевченко... Ряду секретарей ЦК».

И тем не менее руководители республики приняли решение проводить в Киеве первомайскую демонстрацию – пир во время радиационной чумы. На демонстрацию были приглашены детские творческие коллективы. Рядом со взрослыми, с транспарантами, флагами, цветами и воздушными шарами шагали пионеры и комсомольцы. О своих же внуках они успели позаботиться сразу – отправили подальше от радиации. Об этом журналист Губарев сообщает в секретной докладной записке, которая «дошла» до Горбачева и была приложена к совершенно секретному протоколу заседания Политбюро ЦК КПСС от 22 мая 1986 года. В ней, в частности, говорится: «Однако „молчание“ руководства республики <...> вновь подняло панику, особенно когда стало известно, что дети и семьи руководящих работников вывозятся из города. В кассах ЦК КПУ стояла очередь в тысячу человек».

И сегодня, спустя десятилетия, когда уже нет ни СССР, ни Советов, ни ЦК КПСС, по вине которого миллионы людей не были предупреждены об опасности, потеряли здоровье, многие его функционеры до сих пор пересаживаются из одного руководящего кресла в другое. Занимают важные посты – министры и заместители, депутаты национальных парламентов, лидеры партий, главы государственных корпораций.

Некоторые уже ушли на заслуженный, как у нас принято говорить, отдых, получают баснословные спецпенсии. (Я уже не говорю о том, что все они получили удостоверения чернобыльцев-ликвидаторов и пользуются льготами.) Например, как бывший первый секретарь Житомирского обкома Компартии Украины В. М. Кавун. Едва ли не сразу после того, как мне удалось своими критическими статьями в центральной печати и поддержкой народа снять его с должности, партия перевела Кавуна из Житомира в Киев, где ему немедленно предоставили государственную квартиру, дали спецповышенную пенсию. Кстати, об этом – и тоже совершенно секретно – я узнала от следователя по особо важным делам, председателя парламентской Комиссии по льготам и привилегиям Н. И. Игнатовича (позже он будет убит в Белоруссии при невыясненных обстоятельствах).

Он рассказал мне, с каким трудом его комиссия «выбила» в Совете министров список спецпенсионеров союзного значения. Оказывается, при «потолке» пенсии для гражданских лиц в 250 рублей, а для военных – в 300 есть еще сверхспецпенсии, видимо, за какие-то особые заслуги. Это те, кто получал 500 и даже 700 рублей. В представленном списке таких пенсионеров и оказался В. М. Кавун, кавалер пяти орденов Ленина, орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, бесчисленных

медалей и различных знаков. Герой Социалистического Труда. Кстати, свой пятый орден Ленина он получил через два года после ядерной катастрофы. Похоже, Кремль наградил его за молчание о Чернобыле? Ведь, как сообщил через четыре года после аварии на мой депутатский запрос председатель Житомирского облисполкома А. С. Малиновский, «с первых дней после аварии на ЧАЭС была развернута сеть наблюдения и лабораторного контроля гражданской обороны области за состоянием радиационной ситуации в населенных пунктах северных районов. Первые сведения о мощности дозы гамма-излучения по отдельным населенным пунктам начали поступать от штаба гражданской обороны области в облисполком с 28 апреля 1986 года. (А из Народич – с 26 апреля. – А.Я.). С момента аварии на протяжении 1986–1987 годов сведения о радиоактивном загрязнении отдельных населенных пунктов, прежде всего Народичского, Овручского и. Путинского районов, поступали из вышестоящих республиканских органов по спецпочте и возвращались обратно. С мая 1988 года Укргидрометом направлялись в область данные результатов исследований».

Это же подтверждает в своем ответе на мой запрос и заведующий отделом радиологии Госагропрома СССР С. А. Лященко: «Госагропромом СССР сводные материалы (о загрязненности радионуклидами. – А.Я.) были направлены Житомирскому облисполкому 12 сентября 1986 года, под № 1231-С. В мае 1987 года... после повторного проведения радиохимических анализов эти материалы были направлены Житомирскому областному агропромышленному Комитету 1 августа 1987 года под № 1319-С». Разве не было это известно «хозяину» области, первому секретарю?

Таким же спецпенсционером был и первый секретарь ЦК компартии Украины В. В. Щербицкий (ныне покойный, застрелился в день своего рождения из-за того, что никто из его бывших товарищей по партии так и не пришел его поздравить, никому оказался не нужен без приставки «первый секретарь ЦК компартии Украины»). Таким же спецпенсционером является и бывшая председатель Президиума Верховного Совета СССР В. С. Шевченко. А бывший в то время первый секретарь ЦК Компартии Украины В. А. Ивашко был переведен в Москву по предложению тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и стал его первым заместителем. (В 1995 году Чернобыль настиг Ивашко – он умер от рака щитовидной железы.)

Пошли на повышение и бывшие руководители областного уровня. Заместитель председателя Житомирского облисполкома Г. А. Готовчиц возглавлял в украинском правительстве Министерство по Чернобылю. (Умер несколько лет назад.) Бывший заведующий отделом здравоохранения облисполкома Ю. П. Спиженко стал министром здравоохранения в Украине, позже пробился в депутаты, и – невозможно поверить! – даже некоторое время был председателем Всеукраинской чернобыльской партии «За благосостояние и социальную защиту»! (Тоже отошел в мир иной в 2010 году.)

Не дали пропасть и бывшему министру здравоохранения СССР А. Е. Романенко, который упорно молчал в первые дни после аварии, потом врал, и из-за преступной бездеятельности которого сегодня десятки тысяч людей в пораженных зонах в Украине имеют большие проблемы. Его посадили в кресло директора Центра радиационной медицины, затем – генерального директора Научного центра радиационной медицины АМН Украины. А вдобавок – сделали еще и председателем комиссии «Медицинские последствия аварии на ЧАЭС». (В народе это называется «пустить козла в огород».)

Принимая участие в Киеве в телепередаче, посвященной 18-летию аварии в Чернобыле, я с удивлением обнаружила, что журналисты передачи «Двойное доказательство» киевского частного канала «1 + 1» записали с ним сюжет, в котором Анатолий Ефимович выступает уже не в роли цензора, признанного Генпрокуратурой Украины виновным в сокрытии правды, что повлекло тяжкие последствия для здоровья людей, а совсем наоборот – главного эксперта. И он уже уверенно и раскованно рассказывает нам, что произошло и что и как надо было делать! (К слову, передача эта так и не была

показана зрителям. Как пояснял редактор Вахтанг Кипиани – по технической причине. Но я уверена, что это совсем не так. Причина заключалась в моей тотальной критике на записи той передачи как самих неподготовленных журналистов-ведущих, которые просто ничего толком не знали о Чернобыле, так и украинских властей, которые за годы независимости почти ничего не сделали для его жертв. И вот после записи программы, оказалось, чисто «случайно» поверх нее эта же команда записала другую передачу.) Мне стыдно за такую журналистику.

Все антигерои Чернобыля вначале упорно заверяли общество и мир, что «здоровью детей ничего не угрожает», затем плакались, «что у них не было информации», они «не знали», «не ведали» и т. д. Сейчас же они полагают, судя по вальяжным рассуждениям бывшего министра Романенко в несостоявшейся передаче, что многое из их чернобыльских «подвигов» забыто и уже настало время снова рядиться в белые одежды. Не забыто!

Когда один из народных депутатов спросил у Израэля о первомайской демонстрации в Киеве после взрыва, Юрий Антониевич твердо ответил: «Я еще раз повторяю: ни я лично, ни один представитель Госкомгидромета не участвовали в обсуждении этого вопроса и не знали о том, будет демонстрация или нет».

Еще через три месяца, 20 июля 1990 года, Ю. А. Израэль в Комитете по экологии в беседе с депутатами и экспертами продолжил рассекречивать, уже вплоть до подробностей едва ли не по каждому радиоактивному облаку, которое вылетало в атмосферу, куда и когда оно направилось, кому об этом сообщалось, какие представлялись документы.

Ю. А. Израэль: «Вот на этой карте показано основное... Да, если так четко говорить, то вот это верная карта, все верные карты, вернее, схемы, которые мы направили в ЦК и Совет министров...Съемки проводились каждый день. Через три-четыре дня у нас уже было восемь самолетов и вертолетов, которые измеряли и общее гамма-излучение – мощность дозы и спектр гамма-излучения. Но самое главное, что мы наконец на земле уже могли построить линии. Вот это уникальная карта, которая сделана уже на поверхности земли, в отсутствии атмосферного загрязнения... Дальше я хочу показать одну из карт, которые передавались в правительственную комиссию. Случайно у меня осталась одна карта, потому что Силаев, который после Щербины возглавил правительственную комиссию... – это рука Силаева – памятная карта. <...>

Я тут демонстрировал самые первые карты. Вначале я демонстрировал те схемы, которые были предоставлены руководству 27 числа. Здесь было еще трудно отделить эффекты от струи мощной и того, что формировалось на поверхности земли. Мы работали авиационными средствами. Вот, пожалуйста, это уже первый след. Это сохранившийся черновик от первого мая, который в себя включает данные целого ряда самолетов и вертолетов. Демонстрировал я также карту, которая *каждый день* (курсив мой. – А.Я.) передавалась в правительственную комиссию.

...Самая интересная вот эта карта.

...Вот эта карта очень важная, и она действительно сыграла свою серьезную роль. Она была изготовлена в первых числах мая. Ею стали пользоваться начиная с 4 мая, когда отселяли тридцатикилометровую зону, и карта уточнялась, примерно до десятого мая. На конец периода мы ее выдали.

...Вот здесь карты, даты, числа. Это отчет за ноябрь.

...У нас есть два больших „дела“, в которых ежедневные наши доклады. Мы ежедневно писали доклады, куда – я сейчас скажу.

...а участвовали в работе Министерство обороны, Министерство здравоохранения, Академия наук СССР, Академия наук Белоруссии, Академия наук Украины, Агропром, Министерство среднего машиностроения.

...военные докладывали по своей линии, и в том числе в Политбюро. Химические войска по самой ближней зоне непрерывно докладывали.

...поскольку я был в Чернобыле и в Киеве, я из Киева регулярно давал телеграммы на имя Рыжкова (через день) и на имя секретаря ЦК КПСС Долгих, но реже, а чаще – Рыжкову».

В конце концов Израэль перешел на оперативную группу Политбюро и – поименно – на правительственную комиссию.

Ю. А. Израэль: «Докладывали оперативной группе политбюро. Но это докладывали мы в конце июля. Три записки было. От каждого Совета министров, я подчеркиваю. Совет министров работал сам по своей линии с облисполкомами Украины, Белоруссии и России. Группу политбюро возглавлял Рыжков, которая звучала как оперативная группа... Заседала эта комиссия исключительно оперативно и часто. В течение мая она заседала, ну, я не знаю точно, по крайней мере, через день. Потом несколько реже.

Правительственная комиссия возглавлялась зампредами Совмина. Первым был Щербина, вторым был Силаев, третьим был Воронин, четвертым был Маслюков, пятым был Гусев, шестым был Ведерников...»

Знали. Все знали. И всё знали. Зачем менялись главы оперативной группы? Я думаю, для того, чтобы повязать всех общей ответственностью.

Юрий Антониевич изо всех сил старался доказать, что он свою службу нес исправно. Что он ни в чем не виноват. И что это не его дело: предавать информацию гласности. Вот ответ, повторенный им в течение нескольких часов общения в различных вариациях: «Что касается официальной информации – да, мы посылали в Советы министров полную информацию. И если говорить об областных комитетах, то мы эти данные посылали в Гомельский обком. Гомельский обком, кстати, самый активный был изо всех. Мы посылали эти данные в Могилев. Эта информация у меня есть. У меня есть даже карта. Другое дело, что до них позже сам изотопный состав дошел. Они разослали – у меня есть доказательства – даже в районные комитеты партии, райисполкомы они разослали...»

Депутаты задали ему главный вопрос: если все так хорошо было известно с первых часов и дней, то почему же не было информировано население? На что Израэль, не моргнув глазом, резанул: «Вы этот вопрос задайте Советам министров республик. Потому что наша обязанность – информировать руководство, которое доводит». Если перевести с бюрократического на русский, то это значит приблизительно следующее: я вот вижу, что дом соседа горит, а в нем – спящие люди, я могу позвонить 01, а уж приедут пожарные или нет – не мое дело, и с ведром воды бежать заливать этот пожар – нет уж, увольте, господа! Там ведь можно и самому пострадать. Своя рубашка ближе к телу!

Тогда председатель Комиссии по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС Верховного Совета Белоруссии И. Н. Смоляр справедливо заметил: «Можно много говорить о грифе секретности, но есть еще гражданская позиция. <...> Почему ни один из членов государственной комиссии, которая выехала 27 апреля в Чернобыль, не выступил по телевизору и популярно не разъяснил?»

На всех слушаниях и во всех прениях Израэль никак, похоже, не мог понять, чего же хотят от него эти зловредные депутаты. Он никак не мог понять (или не хотел?) того, что для каждого совестливого человека лежит на поверхности: предупреди об опасности! Ведь он знал, докладывал по инстанции, видел, что оно должно «доводить», но «не доводит», понимал, чем это грозит, особенно – для детей. Мы не знали.

Потому что знал он. Знали они. Знали и преступно молчали. Он знал и молчал. Три года исправно докладывал «наверх» информацию. Получил орден Ленина за Чернобыль.

Хороший человек Юрий Антониевич: помните, трех китов спас, без разрешения правительства. Слава Богу, а то, неровен час, что бы подумали о нас в мире?

Глава 8 ВИЗАНТИЯ В КРЕМЛЕ

«Здоровью детей ничего не угрожает!» Эти утешительные слова-заклинания в адрес жертв Чернобыля, автоматически слетающие из уст людей, занимающих самые разные должности, я слышала десятки раз. Но чаще – от прокремлевских медиков высокого ранга. В годы чернобыльского безмолвия мы не раз встречали эту фразу в различных изданиях страны. Но для людей, и сегодня живущих в радиационно опасных местах, эти слова означают только одно – откровенное издевательство над ними и их больными детьми.

И вот почему. За один послечернобыльский год официальная советская медицина – Министерство здравоохранения СССР во главе с Е. И. Чазовым – трижды (!) официально меняла предельно допустимую дозу облучения. Сразу после Чернобыля она составляла 70 бэр за 70 лет человеческой жизни, затем – 50 и, наконец, начиная с 1987 года, – 35 бэр. А ведь до Чернобыля она составляла всего 25 бэр. Если перевести с языка физики на общедоступный, то этот норматив означает тот предел приемлемого риска, за которым у человека начинаются проблемы со здоровьем. Зная уровни загрязнения окружающей среды, радиационного фона, вполне можно рассчитать, за какое время человек «наберет» эту критическую дозу. Это дает возможность определять места, опасные для человека, откуда нужно отселять людей на «чистые» земли. Это очень серьезный и важный показатель для жизни человека. Поэтому такое вольное обращение с роковой цифрой не просто удивляет – настораживает. Какова она, эта цифра российских медицинских светил: научная или «потолочная»?

Отцом 35-бэрной концепции в СССР по праву считается бывший глава Национальной комиссии по радиологической защите Минздрава СССР академик Л. А. Ильин. Едва ли не главный аргумент официоза в защите ее позиции – обвинение всех несогласных (и коллег, и журналистов) в некомпетентности, а всех заболевших в результате облучения – в радиофобии.

Вот что заявил Ильин журналистам во время научной-практической конференции «Медицинские аспекты аварии на Чернобыльской АЭС», которая состоялась в Киеве в мае 1988 года: «В синдроме радиофобии повинны мы все. Здесь я выделил бы два аспекта: подавляющую неграмотность населения в области радиационной защиты и неотвратимое стремление журналистов акцентировать внимание на тех вопросах, которые у человека с улицы всегда вызывают повышенный, болезненный интерес». Позиция академика, мягко говоря, странная. Весной 1988 года, когда Л. А. Ильин обвинял их в этом, журналисты были напрочь лишены возможности публиковать то, что они видели в пораженных районах, – это было запрещено. И медицина здорово, в том числе и лично он сам, приложила руку к утаиванию информации о последствиях воздействия радиации на здоровье людей. Здесь можно было бы напомнить врачам, которые ревностно выполняли предписание медицинских начальников, клятву Гиппократу, которую они давали в молодости. Но, думаю, в этом конкретном случае – бесполезно. Это первое.

И второе. Как можно обвинять «человека с улицы» в проявлении «болезненного интереса» к здоровью собственных детей?

Правда, зря Ильин корил журналистов так огульно. Ведь последняя фраза двух спецкоров главной газеты страны «Правды», органа ЦК КПСС, в отчете об этой конференции под названием «Слухи...», была такой: «Наступление на радиофобию развивается». Один из журналистов – ее собкор по Украине Михаил Одинец. Тот самый Одинец, который передал мне по телефону ответ из своей газеты, что моя статья у них не выйдет. (Позже, сразу после развала СССР, он еще и напечатал обо мне злобную заметку под заголовком «Метит в президенты!» – тогда как раз разворачивалась первая президентская кампания на Украине, и если бы я решила баллотироваться, то имела все шансы ее выиграть. Но судьба распорядилась

по-другому: свою кандидатуру от демократов выдвинул многолетний узник советского политического ГУЛАГа Вячеслав Чорновил и попросил меня стать у него доверенным лицом. Я не смогла ему отказать в этом. К сожалению, по многим причинам Чорновил проиграл бывшему партийному секретарю Леониду Кравчуку. Народ избрал своим первым президентом того, кто много лет душил партийными догмами все живое. Это для меня загадка. А Вячеслав Чорновил, спустя годы, при весьма странных обстоятельствах попал в автомобильную аварию. Его сын Тарас, депутат Верховной Рады Украины, уверен, что отца убили. Но это уже тема для другого расследования.)

19 октября 1989 года на открытых слушаниях в Комитетах Верховного Совета СССР Л. А. Ильин убеждал присутствовавших: «...35 бэр – не опасный уровень, а уровень, с которого должны начинать принимать решения...»

Точку зрения академика Л. А. Ильина разделяли и поддерживали его московские коллеги – В. А. Книжников, А. К. Гуськова, Е. И. Чазов, группа украинских ученых И. А. Бебешко, В. Г. Лихтарев, министр здравоохранения А. Е. Романенко и другие. Именно этот круг «придворных» ученых, чья концепция «35 бэр за 70 лет» ложилась в основу важных правительственных решений, должен сегодня чувствовать бремя ответственности за тех, кто еще четыре года после аварии – пока не восторжествовала гласность – оставался жить в зараженных районах. За тех детей, которые за два года почти «залпом» набирали более 120 и даже 500 бэр. Это именно они вместе с правительствами страны и республик, политическим руководством должны отвечать на всех собраниях, митингах и забастовках, которые и спустя десятилетия сотрясают радиационные регионы, на вопросы убитых горем матерей и инвалидов-ликвидаторов: *почему?*

На одной из таких встреч в Народичах профессор В. А. Книжников, заведующий лабораторией института биофизики Академии Медицинских наук СССР, вполне серьезно говорил: «Нигде в мире при изучении последствий облучений (ни в Хиросиме, ни в Нагасаки, ни у нас после аварии 1957 года на Урале, где средняя доза была 52 бэра, ни по другим данным – шахтеры рудников, врачи-рентгенологи и так далее) не было зарегистрировано учащения генетических нарушений или рака при дозах 100 или 50 бэр».

Из зала на это ему раздраженно сказали: «При чем здесь Хиросима, если у нас другие радионуклиды выпали?» Профессор мгновенно парировал: «Ну, если вас больше интересуют сказки...» Но вот как раз «сказки» разгневанного многолетним обманом людей не интересовали. И поэтому зал дружно «захлопал» профессора Книжникова. И действительно, правомочны ли подобные сравнения? Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, весила всего (если уместно здесь это слово) 4,5 тонны. Напомню: реактор же четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС выбросил в атмосферу в виде мелкодисперсных частиц 50 (!) тонн двуокиси урана, высокорadioактивных нуклидов йода-131, плутония-239, нептуния-139, цезия-137, стронция-90 и многие другие радиоизотопы с различными периодами полураспада. Еще около семидесяти тонн топлива было выброшено с периферийных участков активной зоны. Плюс к этому – около 700 тонн радиоактивного реакторного графита взрывом разбросало вокруг аварийного блока. Чернобыль – это триста Хиросим только по долгоживущему цезию-137, который вылетел за пределы реактора. Разве это неведомо ученому?

Однако, несмотря на реальные факты, официальная медицина продолжала гнуть свое, отыскивая все новые и новые подпорки для удерживания позиций. Один из «аргументов», который выдвинул на том же собрании в Народичах профессор В. А. Книжников, был таков: «В Аргентине правительством принята доза 100 бэр за 20 лет». Ну и что из этого следует? Очевидно, людям полагалось утешиться этой информацией. Можно подумать, что именно в Аргентине, а не у нас люди до сих пор живут в центре последствий локальной ядерной войны в Европе. По сути, Чернобыль по своим масштабам таковым и является. И именно так, как мне удалось выяснить через несколько лет после этой встречи, называли катастрофу между собой члены Политбюро ЦК КПСС на своих закрытых заседаниях. (К этому мы еще вернемся.)

Чернобыль просто не с чем сравнивать. Ни с Аргентиной. Ни с Хиросимой. Ни с Уралом. Неужели этого не понимают профессор Книжников, профессор Ильин, профессор Гуськова, профессор Чазов и другие?..

Да, обыкновенный человек «с улицы», хочет знать, разобраться, сколько же это на самом деле 35 бэр для здоровья его ребенка – много, мало, нормально? Потому что мы не верим на слово людям, которые нас годами обманывали и продолжают обманывать. Это они нас уверяли, что «здоровью детей ничто не угрожает», и вдруг, на четвертом году после аварии, оказалось, что надо немедленно выселять десятки сел. Неужели потому, что здоровью людей в тех селах ничего не угрожает? Могу ли я доверять при таком повороте «придворным» медикам и своему правительству, которое и санкционировало этот не менее глобальный, чем сама катастрофа, обман?

Я открываю один из самых авторитетных в стране источников информации – Большую Советскую Энциклопедию – и читаю: «Доза. Эквивалентная доза 5 бэр в год считается предельно допустимой при профессиональном облучении». Все коротко и предельно ясно – даже для «человека с улицы». Выходит, жители только двенадцать народичских сел только одной области, сами того не ведая, более трех лет провели в режиме профессионалов, работающих на АЭС! И, замечу, без положенных профессионалам дополнительных льгот – отпуск, ранняя пенсия, медицинский контроль, бесплатное лечение и отдых.

Но вернемся к выступлению перед жертвами Чернобыля профессора В. А. Книжников: «При неоднократном облучении в дозе 25 бэр и ниже у отдельных наиболее чувствительных лиц наблюдается преходящие изменения со стороны крови, которые в течение трех-четырех недель исчезают. Никаких нарушений здоровья не возникает». А теперь читаем дальше в Большой Советской Энциклопедии: «Минимальная доза гамма-излучения, вызывающая подавление способности к размножению некоторых клеток после однократного облучения, составляет 5 бэр. При длительных ежедневных действиях дозы в 0,02–0,05 бэра наблюдается начальное изменение в крови, а при дозе в 0,11 бэра – образование опухолей. Об отдаленных последствиях облучения судят по увеличению частоты мутаций у потомства». Что тут неясного для профессора, которому и 25 бэр нипочем? (Не у него, правда, у других.)

Увы, сегодня начинают проявляться и эти самые отдаленные последствия облучения. В последние годы в Народичском районе значительно возросло число животных-монстров. Через три года после аварии на фермах появилось на свет 119 поросят и 37 телят мутантов. У одних нет конечностей, у других – глаз, ребер, ушей, у третьих – деформированы черепа. В одном хозяйстве родился восьминогий жеребенок. Его страшное фото обошло газеты мира. Все эти ужасики можно было увидеть в заспиртованном виде в спецлаборатории в моем родном городе Житомире. А документальный фильм Ади Роше «Чернобыльское сердце», который в 2003 году получил приз «Золотой Оскар», не оставляет никаких надежд даже самым яростным адвокатам чернобыльской ядерной благодати. Я смотрела его в битком набитом зале Ассамблеи ООН – все плакали.

Приведу еще два очень важных вывода ученых. «Уместно напомнить, что в соответствии с гипотезой о беспороговом действии ионизирующих излучений риск развития отдаленных радиологических последствий может проявляться при действии сколь угодно малых доз...» И второй: «Принимаем для расчетов отдаленных последствий глобальных выпадений значение дозы в 2,15 бэра. Для всего населения планеты число смертельных опухолей, которые возникли бы в результате облучения среднего человека земли за 20 лет после ядерной катастрофы дозой в 2,15 бэра, составит 1 миллион 200 тысяч случаев, общее количество генетических эффектов, соответственно, 380 тысяч человек». Неслабый прогноз, не правда ли? Кто же автор этих устрашающих прогнозов? Невероятно, но я нашла их в книгах, которые написали те же профессора – Чазов, Ильин, Гуськова. Эти ученые книги называются «Опасность ядерной войны» и «Ядерная война: медико-биологические последствия». Так в чем проблема? Да в том, что книги написаны

соответственно в 1982-м и 1984 году. До Чернобыля. Кто же тогда мог предположить, что все эти риски надо будет соотносить с атомными жертвами в своей же стране?

Так когда же ученые были честными? Когда писали свои монографии, за два-четыре года до ядерной катастрофы на Украине, или после нее, когда на все общество (и на них в том числе) оказывалось беспрецедентное идеологическое давление? Мы должны были доказать проклятым империалистам с помощью таких ученых, что и взрыв атомной станции у нас самый лучший в мире – без жертв и трагических последствий. Хотя, не сомневаюсь, именно за несколько лет до взрыва эти академические светила справедливо предостерегали мир, приводя в своих трудах именно научно, а не идеологически обоснованные данные о допустимых рисках и возможных атомных жертвах. Хотя, как справедливо заметили эти же академики в своих книгах, написанных до Чернобыля, согласно беспороговой концепции, и сколь угодно малая доза радиации может навредить здоровью. Об этом мы еще поговорим в отдельной главе.

После чернобыльской катастрофы академик Л. А. Ильин выдвинул в защиту скороспелой теории «35 бэр за 70 лет жизни» вот такие далеко не академические аргументы: «Вопросы переселения сотен деревень – это сложная акция, нарушения привычного образа жизни, когда люди будут лишены привычного комфорта». И поэтому, мол, пусть лучше люди остаются жить в радиации. В статье «Запредел», опубликованной в газете «Советская культура» 18 ноября 1989 года, известный режиссер, лауреат Государственной премии, член Государственной комиссии по проблемам Чернобыля Джемма Фирсова в связи с этим резонно спрашивает: какой именно комфорт имел в виду академик? Тридцать рублей «гробовых»? «Грязное» молоко, больше напоминающее жидкие радиоактивные отходы или бесконечные болезни детей?

Не по первому ли изданию концепции московских академиков Ильина киевские дети были эвакуированы только через две недели после аварии – 7 мая, хотя, как известно, именно в первомайские дни город превратился в один большой рентгенкабинет?

Ю. А. Израэль: «7 мая состоялось заседание Политбюро ЦК компартии Украины, на которое пригласили в качестве экспертов меня, Ильина, академика и еще одного представителя Института биофизики... Сначала устно запрашивали наше мнение именно об эвакуации города Киева, поскольку уже до этого числа часть населения стихийно стала уезжать из Киева. Не только детей (вывозили. – А.Я.), но и взрослые стали уезжать. Кассы были переполнены. И я не знаю, видимо, под влиянием этих причин на заседании Политбюро ЦК компартии Украины этот вопрос рассматривался. Они спросили мнение – мое и Ильина. Я сказал, что могу предоставить (и предоставил) данные об уровнях радиоактивных загрязнений. Вместе с Ильиным мы оценили дозовые нагрузки в сравнении с теми критериями, которые были установлены для эвакуации. На основании этого мы как эксперты сказали, что причин для эвакуации населения из города Киева при этих уровнях радиации не имеют места...Тут же мы, когда Щербицкий сказал „напишите это письменно“, сидели и несколько часов писали. Мы понимали, что выполняем ответственную роль экспертов, мы это сделали, мы написали, Щербицкий положил этот документ в сейф, закрыл его... „Хорошо“, – сказали они. Значит, они решили, что с решением двух экспертов, какое бы оно ни было, они согласились с этим решением. Решение об эвакуации города принято не было.

Я понимаю, что если руководители считают недостаточным или сомнительным решение, они могли бы привлечь экспертов любой другой или этой же специальности, из того же Киева, из той же Украины (почему они, кстати, не привлекли, я до сих пор не понимаю). Но, тем не менее, они приняли такое решение».

Вот эти роковые выводы экспертов Л. А. Ильина и Ю. А. Израэля, которые стали сегодня своеобразным щитом для прикрытия (уже бывших) властей Украины: «Радиационная обстановка в Киеве и

в области (особенно в области! – А.Я.) в настоящее время не представляет опасности для здоровья населения, включая детей, находится в пределах норм, рекомендованных национальными и международными нормами МАГАТЭ на случай аварии на ЧАЭС». А вот и рекомендации двух светил: «Анализ радиоактивной обстановки в Киеве свидетельствует об отсутствии в настоящее время показаний к эвакуации населения, и в частности детей, в другие районы».

Вероятно, именно потому, что показания «отсутствовали», в этот же день все же было принято запоздалое на две недели решение властей о том, чтобы вывезти, начиная с 8 мая, киевских детей, дошколят, подальше от опасного места. А школьники продолжали учиться еще до 15 мая. Лишь после этого их отправили в пансионаты, пионерские лагеря, дома отдыха. И то не всех, а только учащихся до 7 класса. Старшеклассники же все остались дома – после первого радиоактивного удара и прогона через первомайский рентгенкабинет на Крещатике и дальше накапливать радиоактивный цезий в печени и такой же стронций – в костях.

После выступлений депутатов на съездах и сессиях, после первых правдивых статей в печати с вопиющими фактами безразличия государства к миллионам человеческих судеб своих граждан, стало ясно, что Чернобыль в нашей стране превращается в нечто большее, нежели просто экологическая проблема. Чернобыль стал своеобразным барометром намерений нового руководства страны во главе с Михаилом Горбачевым. А когда ложь о катастрофе и людях, которых она накрыла, зашкалила, Чернобыль похоронил под собой и всю страну вместе с перестройкой и главным перестройщиком.

Стало очевидно, что Украина и Белоруссия не в состоянии самостоятельно обуздать ядерного монстра: элементарно не хватало денег. Кроме того, все более явным становился разрыв между тем, что говорили академики в Москве, и тем, что происходило на самом деле с людьми в очагах поражения.

На II съезде народных депутатов СССР, весной 1990 года, когда обсуждалась правительственная программа оздоровления советской экономики, когда до высекания искр скрещивались шпаги между демократами и партократами – принять ее или выбросить в корзину, – я оказалась в сложном положении. С одной стороны, мне было очевидно, что программа правительства Николая Рыжкова в том виде, в котором она была предложена, только продлит агонию нашей хронически больной экономики. С другой – мне было также ясно, что если даже я буду голосовать против ее принятия, то съезд все равно подавляющим большинством ее одобрит. С тем составом депутатов это было неотвратимо, как восход солнца. Нам же, украинским и белорусским парламентариям, особенно важно было убедить Горбачева и съезд в том, что необходимо хотя бы и через три года принять общесоюзную программу ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Для нас важны были деньги, материалы и, конечно, концепция действительно безопасного проживания людей, немедленного отселения тех, кто продолжал страдать в радиоактивном угаре, согласно рекомендациям официальной медицины.

И вот – ради тех несчастных людей и детей я вынуждена была согласиться на трудный для меня компромисс: коль скоро программа экономического развития страны, предложенная правительством, все равно будет принята большинством, значит, надо соглашаться. Ради того, чтобы потребовать от депутатов внести в нее строчку об общесоюзной программе ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Именно в этом и заключался смысл моего обращения к съезду с его главной трибуны в Кремле.

Мое предложение поддержали и другие выступившие украинские и белорусские депутаты. И мы своего добились: съезд записал это в своем постановлении. Была создана Государственная экспертная комиссия Госплана СССР по государственным программам РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990–1995 годы. Возглавил ее известный академик, автор теории «ядерной зимы» Н. Н. Моисеев. После многих лет «диалога глухонемых» между

общественностью и правительством страны это была первая гласная государственная экспертиза последствий аварии.

В состав экспертной комиссии вошли опытные специалисты – ученые из Академии наук СССР, МГУ, сотрудники академических институтов Украины и Белоруссии, социологи, психологи, юристы, работники транспорта, связи, коммунального хозяйства, аграрии, представители рабочих коллективов, а также впервые была организована группа общественных союзов и народных движений. В Государственную комиссию входило около ста экспертов, а также несколько народных депутатов СССР, в том числе и я. Почти половина членов комиссии так или иначе уже занимались проблемами Чернобыля, многие выезжали в пораженные зоны, вели исследования. Все это оказалось как нельзя более кстати.

Я работала в комиссии, которую возглавлял доктор биологических наук, заместитель председателя Государственной комиссии Госплана СССР А. Г. Назаров. Вот его первые свидетельства: «Знаете, я долго занимался радиобиологией, двадцать лет участвую в разных экспертизах и у нас, и за рубежом. Но то, с чем столкнулся на этот раз, потрясло. Самое тяжелое – разговаривать с жителями пострадавших районов. У меня возникло желание просто исчезнуть, провалиться сквозь землю. Стыдно смотреть в глаза этим людям. Стыдно от беспомощности, от лживых обещаний, которые им давали высокие чиновники, руководители ведомств. Наобещали, потом уехали и всё забыли. Масштабы случившегося невозможно было представить!»

Комиссии пришлось основательно поработать, чтобы распутать клубок лжи, пробиться сквозь завесу ведомственной секретности. Не все документы, которые интересовали нас, мы получали с первого раза. Некоторые вообще не получили. Карты радиозагрязнений из Госкомгидромета СССР поступили в Комитет по экологии только 4 марта 1990 года.

Мы с экспертами работали практически без выходных: за три месяца нам нужно было дать Верховному Совету СССР заключение по представленным в Правительство СССР трем республиканским программам ликвидации последствий аварии – РСФСР, Украины Белоруссии. Следовало подробнейшим образом рассмотреть ильинскую концепцию «35 бэр за 70 лет» и на основании документов, замеров, обследований, консультаций с зарубежными учеными поставить ей точный диагноз. От этого зависели миллионы человеческих судеб, практически здоровье целых наций. Ведь 80 процентов, например, Белоруссии, накрыла своим черным крылом радиоактивная птица. Изучали опыт ФРГ, США, Швеции. Объем информации был немыслимый. К тому же приближалась четвертая годовщина аварии. И это тоже обязывало.

В ходе работы над анализом программы возникло немало проблем, о которых я скажу дальше. Но, как и ожидалось, камнем преткновения в обсуждении на комиссии стала именно концепция безопасного проживания на загрязненных территориях. Массовые поражения радиофобией или все же что-то иное? Некоторые эксперты утверждали, что Ильин прав, потому что практически уловить «что-то на уровне шороха» невозможно. Под «шорохом» подразумевались малые дозы радиации. Другие возражали, приводя такой аргумент: австрийцы улавливают «шорох» всего в один бэр. Для своих исследований они использовали нашу аварию! В Зальцбурге, где также выпали радиоактивные осадки, они взяли под постоянный мониторинг тех, кого наблюдали еще до аварии. И им удалось зарегистрировать изменения самочувствия при одном бэре. Достоверные результаты были получены при 5 бэрах. Уже на этом уровне наблюдался процесс «распада» здоровья людей. Это было потрясающе невероятно! И обидно за нас, за нашу медицину и науку, больно за наших жертв Чернобыля.

Мнение большинства экспертов склонялось к тому, чтобы отбросить концепцию «35 бэр за 70 лет» как антинаучную и антигуманную. Неожиданно мы сделали для себя открытие: весь мир, оказывается, говорит, и давно – о беспороговой концепции влияния радиации на человека. Это означает (популярно),

что любая доза радиации не проходит бесследно для здоровья. Да, в человеческом организме тоже есть радионуклиды. Но это наши, так сказать родные, а не привнесенные извне. Вот как писал об этом известный ученый Э. Д. Стернгласс: «...Чувствительность к дозе подчиняется логарифмическому или дробностепенному закону, то есть чувствительность увеличивается быстрее при малых дозах, чем при больших...» И далее то, что обнаруживалось при послечернобыльском обследовании населения: «Наиболее важно, что многие заболевания, которые никогда ранее не связывались с уровнем радиации, например, инфекционные (грипп, пневмония), и также хронические заболевания (эмфизема, болезни сердца, заболевание почек и паралич) в действительности существенно зависят даже от малых доз облучения».

Когда работа экспертной комиссии подходила к концу, неожиданно выяснилось, что пресловутая концепция «35 бэр за 70 лет» не является научно признанной даже в нашей стране. Это всего лишь гипотетическая концепция одной из групп ученых. Ни более ни менее. Для того чтобы она стала научно признанной, ее должен был утвердить съезд радиобиологов страны. Но он ее тоже отверг! Остается только догадываться, почему именно эту концепцию безопасности проживания на загрязненных территориях приняло, поддержало и приветствовало наше правительство и Политбюро ЦК КПСС. Хотя были и другие концепции других ученых. И в Москве, и на Украине, и в Белоруссии. Был, наконец, большой зарубежный исследовательский опыт.

Но если белорусские ученые решительно отбросили концепцию «35 бэр», осудив ее на двух сессиях своего парламента, то украинская программа ликвидации последствий аварии по-прежнему упорно ориентировалась на нее. Более того, оказалось, что она никем не подписана. Анонимная! В программе были представлены данные только о загрязнении территорий цезием-137, ни слова не было сказано о радиоактивном плутонии, десятке других радионуклидов. Не представлена оценочная стоимость дезактивационных работ, их эффективность. Разделы не стыковались один с другим. Оказалось также, что и на сессию Верховного Совета Украины она не выносилась. Депутаты украинского парламента не знали и не ведали, что это за программа и каковы ее критерии. Вот так заботилось украинское руководство о своем пострадавшем народе.

Позже в Верховном Совете УССР я получила некоторые документы, касающиеся Чернобыля. Одним из них оказалось решение двух Комиссий Верховного Совета УССР – по промышленности, охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. Оно называлось так: «О предложении депутата Ситника К. М. о внесении на рассмотрение Верховного Совета Украинской ССР вопроса об экологической ситуации в республике и неотложных мерах по ее коренному улучшению». Депутат предлагал рассмотреть, в том числе, и последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Решение было принято 22 сентября 1989 года. Предварительно этот вопрос был даже внесен в план подготовки сессии, назначенной на 25–27 октября 1989 года. Чернобыль стоял в нем четвертым вопросом. Ответственным работникам аппарата Ю. Г. Бахтину и И. О. Тетеруку предписывалось «обеспечить своевременную подготовку доклада Совета министров УССР о состоянии и мероприятиях по дальнейшему ускорению работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС», а также – «проект, представленный Советом министров УССР Верховному Совету УССР». Все это планировалось сделать до 10–15 октября 1989 года. А 17 октября Президиум Верховного Совета УССР во главе с В. С. Шевченко отменил этот пункт в плане депутатской сессии, мотивируя... другими неотложными мероприятиями. Уж какие такие неотложные дела могли появиться в Украине, чтобы депутатское руководство отказалось от рассмотрения самого жизненного для населения страны вопроса? Тем не менее, было принято решение перенести его на 1990 год. Но и тогда ни о какой специальной программе ликвидации последствий речи не шло. Был заслушан доклад, содоклад, выступили депутаты. Для галочки.

Почти за четыре года после катастрофы это было первое слушание в парламенте Украины последствий национальной трагедии мирового масштаба. И это страшно. Страшно за всех нас. За то, что мы позволяем, чтобы нами руководили такие люди, и за то, что с нами можно сделать все, что угодно.

Возможно ли еще подобное где-то в мире?

И даже после этой, запоздалой почти на четыре года сессии Верховного Совета Украины, когда почти все депутаты отбросили концепцию «35 бэр за 70 лет», даже после этого правительство Украины не внесло никаких корректив в свою анонимную программу, представленную нашей экспертной комиссии. Как же расценивать после этого заверения заместителя председателя Совета министров УССР К. И. Масика на парламентских слушаниях о чернобыльской трагедии в Москве, уже после окончания работы экспертизы: «...концепция 35 бэр, она не признается учеными нашей Украинской республики, не признается и нами. Пусть она не утверждена правительством страны, но ложилась и ложится по сей день в концепцию безопасного проживания населения»?

Чем меньше времени оставалось до конца работы государственной экспертизы, тем более странные вещи происходили за нашей спиной. На одном из заседаний мы вдруг узнали о том, что в обход нас, до окончания работы, заместитель председателя экспертной подкомиссии академик С. Т. Беляев, даже не проинформировав нас, подписал документ под названием «Основные целевые задачи и критерии для формирования союзно-республиканской программы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Это была недостойная попытка торпедировать работу экспертов, удержать любой ценой концепцию «35 бэр». Хотя, как говорил академик Сахаров, с мыслью можно бороться только мыслью. Среди подписантов липового документа оказались все те же знакомые лица: «от Минздрава СССР А. И. Кондрусев, Л. А. Ильин, от Госкомиссии Совмина СССР по продовольствию и закупкам Н. В. Краснощеков, А. П. Поваляев, от Госкомгидромета СССР Ю. С. Цатуров». (Через пятнадцать лет после Чернобыля Поваляев уже стал публично хвалиться, как он здорово работал.)

Научные методы борьбы за сохранение своей концепции, вероятно, у них были исчерпаны. Поэтому аргументом стало ведомственное, административное давление. Как будто, если издать приказ Совмина СССР об отмене, например, Закона Ньютона, то он сразу же перестанет действовать.

В пояснительной записке к своему «труду» вышепоименованные вновь заклинали: «При невозможности обеспечения предела индивидуальной дозы за жизнь от суммарного внутреннего и внешнего облучения равного 35 бэр, установленного Минздравом СССР, должно быть проведено отселение». В самих «Основных целевых задачах и критериях» они предлагали «обеспечить производство сельскохозяйственной продукции (в том числе и в личных подсобных хозяйствах), не содержащих радионуклидов выше установленных временных допустимых уровней». Правда, авторы умалчивали, на сколько же лет или десятилетий рассчитаны эти самые временные допустимые уровни? Они и так существовали уже почти пять лет. И их упразднение пока не предвиделось. Так это было еще временно или уже постоянно? Согласно мировому опыту, временные уровни разрешается вводить только на год.

На практике с этими временными нормами доходило до парадоксов: допустимые нормы для картофеля, который шел на корм скоту, были в два раза ниже, чем тот, что было разрешено потреблять людям. В семнадцати колхозах, например, Народичского района «свой» картофель можно было есть только людям, а для скота он оказался слишком радиоактивен.

В этих же рекомендациях ученые мужи пошли еще дальше: они предлагали пахать и сеять, выращивать технические культуры при плотности радиоактивного загрязнения цезием-137 от 40 до 80 кюри (!). Это при том, что уже были известны случаи, когда скот выпасался на лугу в один кюри, а буренки все равно приносили радиоактивное молоко.

Экспертная комиссия не успела еще закончить свою работу, а этот документ втайне от ее членов, в том числе и депутатов, был уже направлен в адрес Правительства СССР и даже обрел распорядительную силу в форме решения № 587 Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Оно состояло из двух пунктов, в первом предписывалось: «Согласиться с разработанными координационным советом Президиума Академии наук СССР... „Основными целевыми задачами и критериями для формирования союзно-республиканской программы ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС на территориях РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР и необходимыми мерами к их осуществлению“». Во втором пункте союзному Госплану и республиканским Совминам давалось указание руководствоваться при формировании союзно-республиканской программы «Основными целевыми задачами и критериями». Подписал это распоряжение Председатель правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС В. Х. Догужиев.

Вот такие византийские игры велись за нашей спиной в Кремле, пока мы работали. Это было крайне непорядочно и неприятно. Выяснив на заседании лично у академика С. Т. Беляева все обстоятельства этого закулисья, мы обратились с письмом в адрес Председателя Госплана СССР Ю. Д. Маслюкова с изложением своего отношения к подобным методам «научной» борьбы. Почти через месяц, уже после окончания нашей работы, я получила ответ от председателя государственной экспертной комиссии Госплана СССР Ю. К. Арского. Он сообщал: «В письме правильно указывается, что т. Беляев С. Т. не должен был подписывать до окончания экспертизы документ, затрагивающий одно из спорных положений, положенных в основу разработанных Программ». Но поезд, как говорится, уже ушел! Нас просто обманули.

Последним аргументом команды Ильина в защиту своей концепции стала апелляция девяноста двух специалистов к президенту страны М. С. Горбачеву. (Среди них оказалось несколько человек, которые вообще никакого отношения к радиобиологии не имели.) Стыдно. Письмо президент получил. Наверняка прочитал. Но ожидаемого указа о введении в науку концепции 35 бэр так и не последовало.

Затем была еще одна попытка повлиять на общественное мнение. В журнале «Медицинская радиология» и в газете «Трибуна НТР» тоже было опубликовано заявление группы ученых, работающих в области радиационной безопасности и радиационной медицины, в связи с ситуацией после аварии. Главная мысль такая же: облучение человека в пределах 35 бэр совершенно безопасно. И пока эта доза не набрана, беспокоиться не о чем. Здоровью людей ничто не угрожает.

Неужели никто из них ни разу не задумался о таком простом примере: набираю дозу я, взрослый человек, 35 бэр, допустим, за десять лет. Постепенно. Это – одна ситуация. Но вот годовалый ребенок или двухлетний. Набирает дозу он такую же, но не в течение, скажем, десяти лет, а за год или два. Разве это сравнимые вещи с точки зрения безопасности? С точки зрения адекватности реакции моего организма и организма ребенка? Не надо быть ни академиком-врачом, ни радиобиологом, чтобы понять простые вещи. И это не просто мои рассуждения, это та реальность жизни, с которой мы столкнулись у себя в области. У нас есть села, в которых дети только за два первых года набрали более 20 бэр. Так сказать, залпом. А есть и такие, которые «глотнули» 500 бэр за пару лет. Для хрупкого детского организма такие дозы за короткое время стали сильным ударом. А если добавить, что об этом не знали их родители (ведь все годами скрывалось), то нетрудно представить, каким чудовищным ударом это открытие явилось для «людей с улицы», как назвал их академик Ильин в одном из своих докладов.

Специально для академика Ильина и его концептуалистов я хочу назвать – поименно – двенадцать сел только Народического района, в которых жители, в том числе и дети (а не профессионалы с ЧАЭС!), получили только за первые два года официальной лжи о Чернобыле от 10 до 20 бэр. (А сегодня уже прошло двадцать пять лет! Иных уж нет, а те – далече.) Это – Рудня-Осошня (первое село, куда я прорвалась втайне от властей), Звиздаль, Малые Миньки, Шишаловка, Малые и Большие Клещи,

Перемога, Полесское, Христиновка, Старое Шарне, Ноздрище, Хрипля. Даже спустя и пять лет после аварии люди все еще жили в этих радиоактивных гетто. Государство оказалось несостоятельным. Людей некуда было выселять: нет квартир. Нет материалов. Некому строить. Нет рабочих рук. Нет, нет, нет...

Не в этом ли главная «научная» причина упорного цепляния коллектива ученых при активном участии «группы поддержки» со стороны союзного правительства за тезис «35 бэр за 70 лет»? Он был рассчитан не на то, чтобы защитить жизни миллионов опаленных радиацией людей, а на то, чтобы создать у нашего правительства с помощью этой модели иллюзию, что все хорошо и здоровью людей ничто не угрожает. Оказывается, бывают удобными не только вещи – стол, кресло, газовая плита, но и «научные» расчеты. Дорого же приходится платить народу за комфорт своего правительства.

Вот какие оценки концепции Ильина были даны на парламентских слушаниях в Комитетах Верховного Совета СССР:

Назаров Г. А., доктор биологических наук: «Мы исследовали этот вопрос не только с медицинской, а с точки зрения социально-психологической, социологической, экологической и даже ландшафтно-экологической и других точек зрения. Так вот, с точки зрения комплексного подхода, то, что называется „концепцией 35 бэр“, не отвечает понятию концепции. Потому что и сам критерий – конечно, можно взять 35, можно и 40, и 30 – он численно не имеет такого очень серьезного обоснования. Мы просмотрели все научные материалы, которые представили нам Академия медицинских наук и Министерство здравоохранения, и пришли к выводу, что в том виде, как сейчас это изложено, подается, 35-бэрная концепция не может являться руководящей концепцией для принятия решения».

Боровецкая Э. М., эксперт: «Концепция „35 бэр за жизнь“ игнорирует распределение данной дозы во времени, тем самым создавая впечатление, что острое облучение в дозе 35 бэр эквивалентно такому же облучению, растянутому на семьдесят лет. Но это противоречит всей совокупности научных данных. В действительности при концентрации облучения во времени его вредное действие резко возрастает. <...> Концепция „35 бэр за жизнь“ полностью игнорирует различия в радиочувствительности людей разного возраста...Она учитывает только такие последствия, как острая или хроническая лучевая болезнь, но игнорирует такие хорошо известные специалистам, но пока еще недостаточно изученные его последствия, связанные с нарушением иммунитета, как повышение восприимчивости к различным заболеваниям и повышение чувствительности к разным вредным воздействиям, в том числе вызывающим и рак. Доза 35 бэр близка к дозе облучения, удваивающая у человека частоту мутирования разных генов. Это означает, что, если такая доза будет получена людьми до окончания репродуктивного периода, вероятность рождения у них детей с наследственными заболеваниями увеличится».

Текст, который зачитала Э. М. Боровецкая, подписали четыреста ученых. Это была коллективная отповедь от имени участников совещания «Генетические аспекты воздействия радиации на популяции и экосистемы в связи с аварией на Чернобыльской АЭС» на письмо группы ученых, исповедующих 35-бэрную концепцию, опубликованное в журнале «Медицинская радиология» и в газете «Трибуна НТР».

Будько В. С., народный депутат УССР, председатель Народничского райисполкома: «Мы поняли, что это концепция более экономическая, нежели медицинская. Это предательство живущих на тех территориях. Почему я так говорю? Потому что ничего не было учтено – то, что было там в апреле-мае месяце 1986 года».

Тихоненко Э. П., народный депутат СССР, член Комитета Верховного Совета СССР по экологии и рациональному использованию ресурсов: «В основу этой политики, проводимой центральными ведомствами с первых дней Чернобыльской катастрофы, с конца 1987 года положена концепция „35 бэр за жизнь“, призванная решать следующие задачи: успокоить общественное мнение, снять ответственность за последствия аварии с партийных и государственных органов и конкретных лиц, как можно больше

сократить объем компенсаций пострадавшим людям и жителям загрязненных регионов за причиненный ущерб, а также представить необоснованность тревоги за жизнь и здоровье людей. По своей природе эта концепция является антигуманной, о чем свидетельствует ее повсеместное и решительное неприятие. <...> Она цинична».

Действительно, в этом случае концепция Минздрава СССР явилась универсальным обоснованием подобной политики.

Интересно, что за время бурных дебатов на парламентских слушаниях изменилась позиция председателя Правительственной комиссии по ликвидации стихийных аварий и катастроф В. Х. Догужиева. Это именно он еще до окончания работы государственной экспертизы издал распоряжение № 587, поддерживающее эту самую пресловутую 35-бэрную концепцию. После того же, как эксперты категорически отбросили ее как несостоятельную, Виталий Хусейнович вдруг сам заявил: «Если говорить о чисто радиологическом аспекте – доза и всё – может быть, это и понятно... но правильно говорят товарищи: а как же быть с тем, что мы не знаем действия малых доз в течение длительного времени? Действительно, это вопрос, который, наверное, еще ответа не имеет. Поэтому, когда кто-то говорит, что вот эта „концепция 35 бэр“, ну... она же правительством не принята». Вот как – не принята! Тогда почему же после парламентских прений он так и не отменил свое распоряжение?

Выступал на этих слушаниях также и академик Л. А. Ильин, предварительно проглотив немало горьких пилюль в свой адрес. Возможно, именно доказательность в выступлениях экспертов, ученых, факты глобального «полураспада» здоровья людей, проживающих в зонах бедствия, которые приводили руководители России, Украины и Белоруссии, народные депутаты СССР и республик, – возможно, все это каким-то образом повлияло и на самого академика. У него не оказалось достаточно серьезных аргументов в защиту своей концепции.

Зная напористость Леонида Андреевича, многие из нас были удивлены изменившейся тональностью его речей. В этом зале он ни разу не рискнул произнести слово «радиофобия». Свою позицию он пояснил так: «Когда предполагался этот уровень предела дозовой нагрузки 35 бэр за всю жизнь, предполагалось, что будут автоматически сниматься все ограничения для проживания населения в тех или иных местах. Поскольку ионизирующая радиация обладает, как считается, беспороговым эффектом, то положение сводится к тому, что теоретически при сколь угодно малой дозе излучения с соответствующей вероятностью имеется возможность возникновения тех или иных патологий. Это два класса патологий. Это опухоли злокачественные и генетические повреждения. Так вот, для того, чтобы эти вопросы решить, необходимо, прежде всего, определиться на том пределе уровней доз, которые можно допустить. Доаварийные нормативы для населения, проживающего вокруг районов расположения атомных предприятий, составляют примерно 0,5 бэра в год. Юридически принципиально неправильно людей, оказавшихся в зоне радиоактивных выпадений, относить к этой категории людей. Это антигуманно, это неправильно. То есть люди не виноваты, что произошла авария. Они должны жить в обычных условиях дозовых нагрузок». Bravo! Неужели это тот самый Ильин?

Дальше – больше. «Теперь обращаемся к другой ситуации, если мы примем 7 бэр за 35 лет. Это легко сосчитать, мы такие расчеты делали. Я могу их просто продемонстрировать. По нашим расчетам оказывается, что если принимать такой уровень воздействия, то вместо 166 тысяч человек, которые сейчас предполагаются к отселению в общей сложности, мы должны сейчас эту цифру увеличить примерно в десять раз. Речь идет о переселении более полутора миллиона людей».

Конечно. А если взять за основу для расчетов вообще дозу 7 бэр за 70 лет, как в других цивилизованных странах, что же получится у нас в таком случае? Не полтора миллиона, а десятки

миллионов. И не в этом ли экономическом аспекте проблемы и есть вся «медицинская» суть ильинской концепции?

Ильин Л. А.: «Теперь общество должно взвесить весь риск и всю *выгоду* (курсив мой. – А.Я.) от такой акции. Мне представляется, что как раз эти вопросы нужно решать очень фундаментально, потому что приведенные мною ранее вам цифры о том, как выполняется решение, и правительство, и рекомендации медиков на сегодня, убеждают меня в том, что вот эти цифры, когда речь шла о каких-то четырнадцати-пятнадцати деревнях и Советы министров республик не обеспечили (выселение. – А.Я.) там, где по-настоящему нужно было обеспечить... Поэтому я повторяю, что вопрос принятия любой цифры требует всестороннего анализа. <...> У нас твердая позиция в отношении этой концепции, а точнее не концепции, а принятия решения по 35 бэрам...» Из зала кто-то задал риторический вопрос: «Вся ваша 35-бэрная концепция и сегодняшнее только что состоявшееся выступление свидетельствуют о том, что вы перед нами выступали не как медик, а как экономист. Скажите, пожалуйста, а не противоречит ли это медицинской этике?»

Да, именно здесь, пожалуй, и зарыта собака. Доктор, вместо того чтобы обсуждать концепцию безопасного проживания человека, говорит о выгоде. Превращается в бухгалтера: жизнь – плюс, жизнь – минус, – ну и что? Допустимо ли это?

И еще один вопрос, коль мы перешли на экономику: в самом деле, что же выгоднее – переселять людей в «чистые» места, в нормальную жизнь или «гробить» деньги на доплаты и строительство в «грязных»? Белорусский писатель Василь Яковенко рассказывал мне, что в Могилевском облисполкоме специалисты показали интересные расчеты. Если оставить людей на зараженной земле, обеспечивать их всем необходимым в течение многих лет (период полураспада цезия-137, например, 30 лет), то это обойдется государству в два с половиной раза дороже, чем переселить людей в безопасные места. Этот факт еще раз подчеркивает несостоятельность не только научных, но и экономических подпорок так называемой 35-бэрной концепции.

Смоляр И. К., председатель комиссии по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС Верховного Совета Белоруссии: «...Мы говорим о силах, о цене, об экономической выгоде. А ведь речь идет о самом большом богатстве – здоровье человека, а мы начинаем сопоставлять – тридцать миллиардов, сорок миллиардов и прочее. <...> Очень большое огорчение принесло выступление представителя Госплана СССР, когда начинает с нами, как купец, рядиться, как бы не продешевить и каким бы образом нам хотя бы не передать или не создать у нас цветущую жизнь на Гомельщине...»

Эта неприкрытая торговля государственных чиновников здоровьем людей была отвратительна. Речь уже шла не просто о научной добросовестности (ученый вполне может сознательно заблуждаться), речь шла об этике ученого, его нравственности. Ведь по сути 35-бэрная концепция была предложена Минздравом СССР как альтернативная общеизвестной беспороговой концепции радиационного облучения, которую разделяют по существу все неангажированные специалисты в области радиологии и радиобиологии и у нас, и за рубежом. Эта концепция как раз и построена на нравственном императиве «недопустимости жертв». По определению Альберта Швейцера – «благоговения перед жизнью». А бухгалтерско-экономическая концепция нашей «придворной» медицины, убаюкивая легендами, предопределяла судьбы и заведомую смерть людей, живущих в «грязных» зонах, на несколько лет отодвинув их эвакуацию из опасных мест.

35-бэрный пороговый советский норматив – антипод беспороговой концепции, основанной на недопустимости человеческих жертв, своего рода глубоко безнравственная альтернатива. Основываясь на предоставлении о коллективной безопасной дозе облучения, она стыдливо допускает «статистически незначительную» численность возможных жертв. Разумеется, все это в свете закона больших чисел.

Эксперты, анализируя так называемую 35-бэрную концепцию, пришли к выводу, что ее следует обозначить как «концепцию допустимой жертвы».

При обосновании своей концепции Национальная комиссия радиологической защиты Минздрава СССР уверяла нас, что при дозах 35 бэр за жизнь гарантировано отсутствие «учащения раковых заболеваний, генетических нарушений и патологии у потомства, вызванного облучением плода, поддающегося реальному обнаружению». Но все же какой риск ожидаемых заболеваний и связанное с этим изменение качества жизни? Сколько можно ожидать смертельных исходов от этих заболеваний для нынешнего «чернобыльского» поколения, и для тех, чьи гены уходят в будущее? Как отразится это в целом на нациях, подвергшихся беспрецедентному удару проникающей радиации, – прежде всего на украинской и белорусской? Ответ у академиков-бухгалтеров на все один: «здоровью людей ничто не угрожает».

Гарантии от раковых заболеваний, то есть оценка риска в концепции Ильина делается – как нас уверяли – на основании ранее полученных данных. Но ведь есть точные эпидемиологические и дозиметрические данные Международной радиологической комиссии, которые свидетельствуют о том, что риск проявления злокачественных новообразований в действительности в 2,4 раза выше, чем предполагалось раньше. Международная комиссия собиралась пересматривать предельные дозы облучения и величины риска для населения. Не думаю, что это было неведомо официальным идеологам концепции предполагаемых жертв.

В заключении специалистов Государственной экспертизы последствий аварии на ЧАЭС есть такие данные. С точки зрения генетической опасности, по расчетам, основанным на материалах Научного комитета ООН по действию атомной радиации, ожидается от 50 до 347 случаев появления серьезных наследственных аномалий при дозе в один бэр на миллион новорожденных потомков облученных родителей. При дозе 35 бэр за жизнь ожидается уже 1 750 – 12 100 случаев серьезных наследственных аномалий. Значит, при этом ожидаются реальные генетические изменения у потомков облученных, пренебречь которыми было бы кощунственно.

При хроническом воздействии ионизирующего излучения через ряд последовательных поколений ожидается приблизительно десятикратное увеличение уровня мутаций по сравнению с эффектом, который наблюдается в первом полугодии. Это составляет 450 – 3 400 случаев наследственных аномалий при дозе всего один бэр на поколение и на миллион новорожденных.

В докладе этого же Комитета ООН, сделанном в 1982 году, для оценки генетического ущерба использованы также показатели неполноценной жизни (пребывание в больницах и т. д.), сокращение ее продолжительности. Эта научная информация особо интересна для нас, страны, где человеческая жизнь никогда ни во что не ставилась. Так вот: при допущении, что средняя продолжительность жизни составляет 70 лет (на один миллион новорожденных – 70 миллионов лет), представленные оценки генетических рисков приводят к таким оценкам ущерба: при дозе в 35 бэр генетический ущерб в первом поколении на один миллион новорожденных составит 39 000 – 247 000 лет неполноценной жизни и 46 500–358 000 лет сокращения ее продолжительности.

К тому же, это научные данные ущерба, так сказать при «чистой» дозе. О чем нельзя говорить в послечернобыльской ситуации. Ведь в значение 35 бэр должна быть непременно включена и доза, полученная сразу после аварии. Известна ли она вообще кому-то? Вероятно, лишь приблизительно, и то далеко не во всех случаях. Из приведенных в предыдущих главах документов видно, что полученные в первые дни дозы врачам запрещалось вносить в медицинские карточки как населения, так и ликвидаторов. Значит, достоверность этого и без того сомнительного критерия оказывается еще более сомнительной, а последствия еще более непредсказуемыми. Нет, не в общей массе человеческих жизней – прикинем костяшками на счетах: жизнь – туда, жизнь – сюда, мол, какая разница, а в благоговении перед

каждой, единственной, полноценной и неповторимой человеческой жизнью. Каждой. И это нормально. Разумеется, для нормального человеческого общества.

Вот что на практике означала бы так называемая концепция «35 бэр за 70 лет». Только почему-то никогда и нигде в открытой печати, в выступлениях перед депутатами, жителями загрязненных регионов я ни разу не слышала ничего подобного от ее основателей. Всему прогнозируемому учеными риску, всем предполагаемым смертям, всем сокращениям жизней – всему этому для «человека с улицы» был поставлен один диагноз: «радиофобия».

У писателя Джона Уиндема есть великолепная фантастическая повесть «Отклонение от нормы». О мутантах на Земле постатомной эры. Девочку, у которой обнаружили на левой ноге шесть пальцев, должны были непременно убить, чтобы таким образом исправить генетические «поломки», не пропустить их в будущее. Это страшно.

В столкновениях мнений, борьбе идей, осмыслении мирового опыта, собственных, хотя и неполных, не всегда достоверных данных, ученые, члены государственной экспертной комиссии пришли к выводу: концепция «35 бэр за 70 лет» не является научно обоснованной.

Из заключения государственной экспертизы: «Основной критерий, который используется в программах (ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. – А.Я.) – плотность загрязнения территории и продуктов питания радионуклидами, основанный на величине допустимости получаемой населением дозы 35 бэр за 70 лет, не учитывает сложившееся на момент аварии состояние здоровья жителей и наличие в его составе групп риска. Использование в качестве единственного критерия дозы за жизнь невозможно и потому, что ретроспективная оценка полученных доз за счет короткоживущих радионуклидов сделана с большой ошибкой на величину, которую методами физической дозиметрии оценивать практически нельзя. Отсутствует и прогноз динамики доз, составленный без учета возможной миграции загрязнений радионуклидами».

Конечно, было бы совсем замечательно, если бы это решало все проблемы. Но вот что получалось. Нас – сотни депутатов из трех самых больших республик, которые пострадали от катастрофы. Мы два года бились изо всех сил, чтобы хоть как-то облегчить страдания обездоленным людям. «Выбить» в центре деньги. Ведь реактор – не украинский национальный, а союзного ведомства – Минатомэнерго СССР. Оно, по идее, и должно было возместить, нанесенный республикам ущерб. Но что значило в нашей Системе возместить ущерб из кармана Минатомэнерго СССР? Был ли у него такой карман? Ведь у нас все было напроць централизовано и закручено гаечными ключами. Его карман был и нашим карманом. Один большой общий карман. У нас взяли – ему дали. Так что мы требовали не чужое, а свое, у нас же и отобранное.

И вот деньги мы «выбили». Худо-бедно, но десятки миллиардов «центр» дал. Добились того, что антигуманная концепция – «35 бэр за 70 лет» – в республиках отброшена. А дальше? Надо экстренно отселять людей. Но вот незадача: деньги есть – нет стройматериалов. Есть материалы – нет строителей. (У каждой союзной республики была своя беда и свои проблемы: ужасное землетрясение в Спитаке, Армения; побоище в Тбилиси, Грузия; противостояние в Риге, Латвия.)

И именно в этом, как ни грустно, заключается для нас вся трагедия Чернобыля: дозу можно менять, но кто, куда и как будет отселять людей в нашем Отечестве? Это страшная правда. Но это правда. Так значит, и нужно было сказать ее гражданам, какой бы горькой она не была. Правду о бессилии государства перед лицом катастрофы, а не прикрывать его убожество 35-бэрной концепцией, обвинениями всех в радиофобии и уверениями, что со здоровьем пострадавших все в порядке и нет повода для волнений. Правду о том, сколько людей на самом деле подвергается риску.

Сколько уже потеряно безвозвратно времени! Сколько потеряно здоровья наций!
И сколько будет потеряно еще?

Глава 9 ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ ЭКСПЕРТЫ

Между тем, несмотря на победу здравого смысла на парламентских слушаниях и в Государственной экспертной комиссии по Чернобылю, где было отказано в доверии доморощенной 35-бэрной концепции, борьба двух идей – пороговом и беспороговом влиянии радиации на здоровье чернобыльских жертв – в советской науке продолжалась. В то время в СССР практически не было переводной научной литературы о малых дозах радиации и их влиянии на человека. Собственно, этим и пользовались кремлевские академики, проталкивая свою антигуманную концепцию в жизнь «людей с улицы». (Таким же образом в свое время протолкнули свою конструкцию реактора РБМК-1000 академики Александров и Доллежаль. Чем это закончилось в Чернобыле – известно.)

Но время в СССР менялось, и мы – вместе с ним. Слабые ростки запретных для ученых и всех прочих граждан идей о влиянии малых доз радиации и о беспороговом ее влиянии на человека постепенно пробивались сквозь бетон советского официоза. Впервые я узнала об этом как раз не в Кремле, а в пронизанных лучами кабинетов руководства Народничского района. Там мне показали письмо московского профессора-радиобиолога Елены Борисовны Бурлаковой в адрес общественной группы по радиационной защите населения. За годы послечернобыльской жизни десятки разных общественных организаций, органы местной власти умоляли о помощи самые различные инстанции и ни разу не были удостоены ответа. А здесь – группа от общественности (тогда у нас еще не было неправительственных организаций в западном понимании этого слова) получает письмо. От профессора, председателя Научного совета по проблемам радиобиологии Академии наук СССР. Прямо из Москвы. Оно было датировано июлем 1989 года и стало для маленького городка целым событием.

Елена Борисовна сообщала, что после того как команда ученых побывала у них, ее научный совет отправил в парламент страны и в некоторые другие важные адреса письмо «с просьбой безотлагательно решить вопрос о переселении людей из загрязненных районов». «Кроме того, – писала профессор, – мы сейчас стараемся организовать поездку к вам и работу у вас группы генетиков и врачей-офтальмологов для того, чтобы попытаться определить действительные дозы, полученные жителями района. Этот вопрос решить непросто, мы ведем переговоры с институтами АН СССР и Центром микрохирургии глаза...»

Признаться, я была удивлена. Десятки ученых приезжали и уезжали, но никакой обратной связи не было, если даже они и брали какие-то анализы, то, как правило, о результатах не сообщали. Это были своего рода диссиденты в радиобиологии. Инакомыслящие эксперты.

Копию их письма мне прислали из Народничского райкома партии, который тоже начал «бузить», то есть говорить правду. К тому времени уже была написана и напечатана в ежемесячном научно-практическом журнале «Терапевтический архив», № 6 за 1987 год, том 59, статья ученых М. Д. Бриллианта, А. И. Воробьева и Е. Е. Гогиной «Отдаленные последствия малых доз ионизирующей радиации на человека». А доктор биологических наук В. А. Шевченко, заведующий лабораторией экологической генетики Института общей генетики АН СССР, на основе материалов, собранных в Народничском районе, подготовил статью в журнал «Природа» – также о влиянии на организм животных малых доз радиации. Над этой же темой работали и другие не ангажированные властью специалисты.

Они, побывав на загрязненных территориях, увидели то, что там на самом деле происходит, а не то, что рисовали в своих отчетах доктора от кремлевской пропаганды и представители международного ядерного лобби.

Так в советской радиобиологической науке образовалось жесткое противостояние. С одной стороны – родоначальники 35-бэрного бухгалтерского учета жизни и смерти со своей командой. С другой – те, кто не мог согласиться с таким подходом, мучительно искал ответы на поставленные жизнью вопросы. Те, кто не спешил подогнать свои выводы под рубль, в который обойдется казне переселение людей, а думал об их здоровье и о репутации исследователя.

Еще не раз ученые из радиобиологического Совета поедут в зоны поражения, напишут письма государственным чиновникам, будут требовать доступа к закрытым данным обследования людей, которые горько сами себя окрестили «подопытными кроликами» – в том числе и в ильинском Институте биофизики Министерства здравоохранения СССР.

Во многом благодаря их поискам и результатам исследований Государственная экспертная комиссия по Чернобылю пришла к выводу о несостоятельности и порочности концепции «35 бэр за 70 лет». Большая группа ученых из России, Белоруссии и Украины несколько лет доказывала, что проблемы и оценки радиационного риска отдаленных последствий чернобыльской катастрофы – вещь комплексная. Именно их заключения и вошли в правительственную экспертизу. А что дальше? Ведь, отбросив то, что протаскивала официальная медицина, нужно было предложить что-то свое. И предложить быстро и эффективно. Люди в зонах ждать не могли.

В заключении экспертной комиссии были приняты решения о чрезвычайных и быстрых мерах по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на ближайшие два года. Все остальное упиралось в концепцию, в научный принцип. В обоснованные выводы о результатах влияния малых доз радиации, об отдаленных последствиях их ежедневного в течение долгих лет воздействия на человека.

Ученые, которые с большим научным боем добились «упразднения» 35-бэрной концепции в заключениях Государственной экспертизы, чувствовали ответственность за то, чтобы как можно быстрее предложить свои, более точно проработанные оценки последствий аварии на ЧАЭС. Исследования, которыми они занялись, скорее были похожи на кропотливую работу древнекитайского художника: выписывание маленькой кисточкой мельчайших деталей, тонкостей сюжета. Чтобы все – каждая полутень, каждая прожилка – были видны на древе облучаемой жизни.

Первого сентября 1990 года было принято постановление Президиума Верховного Совета СССР «О создании Комиссии для рассмотрения причин аварии на Чернобыльской АЭС и оценки действий служебных лиц в послеаварийный период». Для работы в ней были привлечены также и ученые из Научного совета по радиобиологии АН СССР, исповедовавшие концепцию единственной и неповторимой человеческой жизни – беспороговую модель влияния на нее малых доз радиации. И это было логично.

23 января 1991 года состоялось очередное заседание этой парламентской комиссии. На нем с большим научным докладом выступила профессор Елена Бурлакова. Она говорила о действиях малых доз радиации на человека. В основу ее выступления была положена работа группы ученых над различными данными, обследованиями людей в зонах жесткой радиации, ликвидаторов. То, что мы услышали, стало для нас первым проблеском истины. Одним из немногих почти за пять лет после взрыва на ЧАЭС. И потому все, что она сказала, было чрезвычайно важно не только для нашей, но и мировой науки.

Перед учеными стояло множество вопросов, ответы на которые могли влиять на результаты исследований. Была ли своевременно проведена эвакуация? Были ли реально приняты меры по уменьшению йодной нагрузки у населения, и у детей в особенности? Какова роль 35-бэрной концепции по отношению к здоровью населения? «Я хотела бы сразу сказать, – отметила Бурлакова, – что опрос врачей, который мы провели на Украине, в Белоруссии, РСФСР показал, что йодная профилактика либо не была проведена, либо была проведена в крайне ограниченных размерах. Более того, в тех районах РСФСР, где она была начата, ее затем отменили. Некоторые из специалистов-медиков прямо заявили, что когда после

взрыва начали проводить йодную профилактику, им позвонили сверху и сказали: прекратите это делать, вы сеете панику. Не проводилось никаких разъяснительных бесед с населением, как это все делать, в результате чего не только не было предотвращено повреждение щитовидной железы, но многие люди, не зная, как пользоваться йодом, сами себе навредили, поранив слизистую. А другие проводили йодную профилактику через три-четыре месяца после аварии. (Она эффективна только в первую неделю – таков период полураспада радиоактивного йода-131. – А.Я.) Естественно, эта ситуация лежит на совести нашей официальной медицины».

Второй вопрос, который ученым предстояло выяснить: были ли у нас раньше такие ситуации, которые позволили бы врачам отнестись к чернобыльской аварии и ликвидации ее последствий с должным пониманием проблем? Ведь в партийных газетах писали, что все, что случилось в Чернобыле, произошло в стране впервые, мол, вот все и растерялись, не знали, как себя вести, или опирались на неправильные данные.

Бурлакова Е. Б.: «Для того чтобы выяснить, были ли такие основания, такие знания, мы глубоко проанализировали состояние здоровья населения, облученного на реке Теча (после ряда аварий на закрытом военном комплексе „Маяк“ в 1948–1951 гг. – А.Я.) в результате сбрасывания туда радионуклидов, населения, которое оказалось в зоне заражения после Кыштымской аварии (1957 г. – А.Я.) и населения, попавшего в зону так называемого восточно-уральского радиоактивного следа. При анализе этих данных выявилось очень много интересных фактов, на которые своевременно никто не обратил серьезного внимания».

Оказалось, что хроническая лучевая болезнь была диагностирована у людей, живущих на реке Теча, спустя шесть-восемь лет после сброса в нее радионуклидов. Исследования показали, как нарастают эти признаки. Было совершенно ясно сформулировано: это возникшая хроническая болезнь. Она имела так сказать «стертые» черты, проявились ее признаки, не описанные ранее в литературе. Однако комплекс признаков давал возможность считать это хронической лучевой болезнью.

Во всех публикациях на эту тему написано, что хроническая лучевая болезнь возникает тогда, когда доза облучения достигает ста рентген. А вот в результатах обследования населения с реки Теча было указано, что хроническая лучевая болезнь возникла у людей, получивших разные дозы. Многие из них получили дозы, весьма далеко отстоящие от ста рентген.

Бурлакова Е. Б.: «Это уже наводило на мысль, что в действительности говорить о пороге, общем для всех, нельзя. И уже были основания предполагать, что для населения с реки Теча, населения, отягощенного различными заболеваниями или склонного к различным заболеваниям в данной конкретной экологической обстановке, могут быть ситуации, когда хроническая лучевая болезнь будет протекать при более низких дозах. При анализе ситуации на Урале было выявлено второе очень важное обстоятельство: во многих случаях возникало и резко увеличивалось число заболеваний, которые не описаны в отечественной радиобиологической литературе как радиогенные».

И вот выводы группы независимых ученых: если мы с вами сравним болезни, которые наблюдались после сбрасывания радиоактивных отходов в Течу и после взрыва в Чернобыле, то увидим очень близкий спектр всех заболеваний. Например, в данных, представленных в комиссию (Государственную экспертную. – А.Я.) из Украины, было показано, что число сердечно-сосудистых заболеваний увеличилось в 1,8 раза, эндокринных, в частности, сахарный диабет – в два раза. Целый спектр резко увеличенного числа других заболеваний. Ни в каком учебнике это не написано. Никто никогда ни в каком эксперименте не показал, что под действием облучений могут возникнуть инфаркты. Однако анализ данных, полученных в результате загрязнений Течи, дал основания независимым ученым так думать. Одни группы сердечно-

сосудистых заболеваний уменьшались, а например, стенокардии увеличивались. И у тех, кто облучился на реке Теча, и у тех, кого достал Чернобыль.

Значит, все данные, которые были получены после обследования населения на реке Теча и жителей, попавших в зону восточно-уральского радиоактивного следа, давали основание прогнозировать заболевания, всплеск которых наблюдался и наблюдается в чернобыльских зонах? Независимые радиобиологи считают: да, давали такие основания. Почему же в таком случае официальная прокремлевская медицина об этом умалчивает?

Бурлакова Е. Б.: «Было показано, что в области малых доз, при интенсивности облучения, превышающего фон в десять – сто раз, нет простой зависимости от дозы. Эта зависимость имеет нелинейный, немонотонный характер. Например, до уровня дозы в 50 мкЗв/ч – обычная линейная зависимость, затем, с увеличением дозы, эффект снижается, а на следующем этапе вновь эффект нарастает с дозой, появляется, так называемая на языке радиобиологов, петля. Не только данные, полученные на животных, но и повреждения кроветворной системы у людей, полученные после аварий на атомных станциях, включая Чернобыль, говорят о том, что тяжесть заболеваний из-за гетерогенности людской популяции получается одинаковой для людей, получивших 8 рентген или 175, 15 рентген или 300.

Почему же не приучена наша с вами природа к длительному действию слабых раздражителей? Мы живем при определенном фоне, и переход от одного фона к другому является для нас трагическим. И поэтому та догма, которая проповедовалась, что действие ста рентген однократно гораздо более сильно, чем сто рентген за год – правильна. Десять рентген однократно гораздо более сильно, чем десять рентген за год. Тоже правильно... А вот один рентген за год и один рентген однократно уже поворачивает ситуацию в обратную сторону».

Вот квинтэссенция новых знаний независимых радиобиологов после катастрофы в Чернобыле. Эти данные, однако, по словам профессора, отрывочны, фрагментарны и пока неполны. Они были обнаружены в экспериментах над животными только спустя три-четыре года после Чернобыля. Было выяснено также, что эти дозы облучения не являются смертельными. Но они изменяют адаптационные возможности организма. Что из этого следует? Не курение усиливает действие облучения, а облучение усиливает действие курения. Не пестициды усиливают действие облучения, а наоборот. И мы с вами, облучаясь, оказываемся более беззащитными перед окружающей средой, чем без облучения.

Значит, можно предсказать: в тех областях, где какие-то болезни прогрессируют, облучение будет способствовать увеличению их числа. В регионах, где повышена смертность от инфарктов, их будет еще больше. Там, где есть рак и без радиации, с ней он будет увеличиваться.

Итак, новая концепция? Возможно – момент истины?

Как я уже отмечала, не только журналисты много лет не имели доступа к засекреченной чернобыльской информации, но и не посвященные в тайны кремлевского двора ученые. Еще в 1986 году, когда случилась ядерная катастрофа в Чернобыле, мало кто знал слово «экология», а радиобиология и радиоэкология (так же, как когда-то генетика и кибернетика) ничего, кроме зубной боли, у властей не вызывали. Даже в среде узких специалистов не было (как нет и сейчас) единого мнения, что же это такое – самостоятельная наука или междисциплинарный курс.

У нас даже в среде ученых было не так много людей, кто выезжал за рубеж на профессиональные международные симпозиумы (обязательно через отделы КГБ и с обязательным условием написать потом отчет в эти органы об увиденном и услышанном). Единицы могли читать зарубежные научные журналы, которые также приходили определенному партийными властями кругу лояльных режиму лиц. А так как иностранные языки мало кто знал, то в различных закрытых НИИ и КБ сидели группы таких же секретных

переводчиков, которые и доводили до сведения «придворных» ученых западные знания. Таковы были правила жесткой тоталитарной Системы.

Я лично впервые «живьем» увидела известного за Западе ученого, профессора из США Джона Гофмана, автора ряда открытий в области ядерной энергии, а впоследствии активного исследователя влияния малых доз радиации на здоровье человека – в Стокгольме, в 1992 году, когда приехала получать вместе с ним международную премию «За жизнь, достойную человека» (The Right Livelihood Award). Ее называют «Альтернативной Нобелевской премией».

Джон Гофман был одним из участников Манхэттенского проекта, но после того как занялся проблемами малых доз радиации и обнародовал вместе с профессором А. Тамплином данные о том, что вероятность возникновения рака из-за воздействия радиации в 10–20 раз выше официальных показателей, был выброшен из всех официальных исследовательских структур США. Председатель Объединенного комитета Конгресса Хомефилд, который курировал работу Комиссии по атомной энергии, заявил Гофману во время одной из встреч в комитете: «О чем вы думаете, выступая против программ Комиссии по атомной энергии? Некоторые уже пытались это делать. Мы с ними разделились. Сумеем разделить и с вами». Слово свое Хомефилд сдержал.

Судьба профессора Гофмана в науке в некотором смысле напоминает мне судьбу опального Андрея Сахарова. Изучая последствия влияния радиации на человека, получив клеймо неблагонадежного ученого, будучи выброшенным из официальных исследовательских лабораторий США, Гофман учредил и возглавил неправительственную организацию «Комитет за ядерную ответственность», в который входит много серьезных ученых с мировым именем, в том числе Нобелевские лауреаты. Похожая судьба и у еще одной американки, доктора Розалии Бертелл, которая также после публикации результатов исследования малых доз, не понравившихся официальным лицам, вынуждена была эмигрировать в Канаду. Ее всеобъемлющая и очень серьезная монография «Отсроченная опасность» («No Immediate Danger»), к сожалению, до сих пор не переведена ни на русский, ни на белорусский, ни на украинский.

Вот там-то, в Стокгольме, в шведском парламенте, на церемонии вручения премии в выступлении доктора медицины и доктора химии Джона Гофмана я впервые и услышала неизвестные в нашем закрытом обществе научные результаты исследования воздействия малых доз радиации. И не просто абстрактной радиации, но нашей родной, чернобыльской. Собственно, именно за эти исследования профессору Джону Гофману и была присуждена Альтернативная Нобелевская премия. То, что он говорил, было созвучно выступлениям независимых российских, украинских и белорусских экспертов на парламентских слушаниях. Я вдруг поняла, что параллельно в разных странах ученые изобретали, образно говоря, один и тот же велосипед. Но это именно тот случай, когда велосипед и надо изобретать в разных исследовательских группах, чтобы затем сверить результаты.

Гофману в его объемном труде «Чернобыльская авария: радиационные последствия для настоящего и будущего» (на русском языке впервые вышла только в 1994 году в Минске) удалось сформулировать методологию и описать результаты своих трех направлений в исследованиях последствий аварии на ЧАЭС.

Первое направление касалось оценки ранних последствий радиации. Контингент лиц, входящих в него, составляли 116 тысяч человек, эвакуированных во время аварии из зоны, а также большое количество людей, проживающих в районах с повышенным уровнем радиационного загрязнения плюс 600 тысяч (сейчас уже известно, что их было 800 тысяч) ликвидаторов – военных и гражданских лиц.

Второе направление исследований – предсказание долгосрочных последствий проникающей радиации еще до их проявления. Это то, о чем говорила в своем докладе Бурлакова, – использование опыта наблюдения за жертвами предыдущих ядерных аварий.

И третье – оценка скрытых эффектов воздействия облучения на миллионы людей, проживающих на территориях с небольшим радиационным загрязнением и подвергающихся ежедневно облучению малыми дозами радиации. Это Украина, Белоруссия, Россия, а также страны Западной и Восточной Европы. Гофман доказывает, что исследования, проведенные до чернобыльской аварии, свидетельствуют о том, что совокупное число заболеваний среди миллионов людей очень велико даже при чрезвычайно малых дозах облучения. По данным профессора, количество онкологических заболеваний со смертельным исходом, вызванных чернобыльской радиацией, вырастет на Земле до 340 000–475 000. И на такое же количество увеличится число раковых заболеваний без летального исхода.

Главный вывод Гофмана о влиянии малых доз радиации, в том числе и чернобыльской, заключается в том, что не существует безопасной дозы облучения и что при любой, даже самой малой дозе облучения есть риск возникновения целого ряда тяжелейших заболеваний. При низких дозах, считает Гофман, вероятность ракового заболевания на единицу поглощенной дозы выше, чем при средних и высоких дозах.

Позиция ученого Гофмана импонирует еще и его гражданственностью: «Я хочу подчеркнуть, что категорически против любой попытки преувеличить отрицательные последствия воздействия радиации на здоровье. Но я также против попыток преуменьшать роль радиации в возникновении рака, лейкозов, генетических нарушений. Если научно обоснованные данные подтвердят, что радиация менее вредна, чем я думаю, или не приносит вреда вообще, то я буду только счастлив. Но если происходит сокрытие или используются ненаучные методы для обоснования безвредности радиации, то я как человек, ученый, врач должен выступить против».

Гофман хорошо знал из западной печати о режиме секретности вокруг чернобыльской аварии и о сомнительных околонуточных играх, которые вели проядерные международные организации, действуя заодно с тоталитарным режимом в СССР. Именно Джону Гофману принадлежит большая заслуга в раскрытии манипуляций дозами облучения, нечистоплотных подходов и методов исследования чернобыльской радиации на здоровье людей, которыми пользовались Международное агентство атомной энергии (МАГАТЭ) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). «МАГАТЭ, – пишет Гофман в своей чернобыльской книге, – просто отбросило показания доз облучения, превышающие заранее установленные уровни, которым эти дозы „должны“ были соответствовать. <...> В соответствии с принятой ВОЗ установкой в ходе реализации программы изучались лишь заболевания, связанные с нарушениями функции щитовидной железы, изменением состава крови и лейкозы, то есть традиционно ожидаемые радиационные эффекты. <...> Данные приоритеты, похоже, отражают пренебрежение ко всему человечеству, лишая его уникальной возможности знать что-либо определенное по поводу ранних последствий ядерных аварий для здоровья людей». Гофман выступил с идеей создания глобального института независимых международных экспертов для оценки ядерной безопасности, так называемой системы «следающего пса» (watchdog).

Доктор медицины и доктор химии Джон Гофман как в воду глядел, говоря о нечистоплотности некоторых ученых. Уже после Чернобыля выяснилось, что Институт биофизики Министерства здравоохранения России владеет всеми данными о последствиях аварии на реке Теча. Долгие годы к ним не имел доступа почти никто. Все было надежно засекречено режимом. Но почему же группа Ильина (собака на сене?) не воспользовалась ими для сравнения с теми результатами, которые получали после Чернобыля в пораженных зонах? Это именно то, о чем говорил Гофман, – предсказание долговременных последствий облучения еще до начала их проявления, основанное на результатах предыдущих ядерных аварий. Или воспользовалась, но выводы, как всегда, оказались засекреченными? Ответа на этот вопрос нет ни для специалистов, ни для журналистов, ни для общественности и спустя десятилетия после Чернобыля. Это к вопросу о добросовестности ученых.

Шестисотстраничная монография Гофмана о последствиях чернобыльской аварии для настоящего и для будущих поколений стала первой переведенной уже после распада СССР на русский язык бесцензурной книгой, в которой честно говорилось о главной проблеме чернобыльской аварии – здоровье людей, подвергающихся долгосрочному воздействию коварных малых доз радиации. Она стала настоящим бестселлером, как в научных кругах, так и среди журналистов и населения пораженных зон.

Вслед за прорывом Гофмана в Москве появился и перевод книги эксперта по вопросам ядерной энергетики швейцарца Ральфа Грейба «Эффект Петко». (Причем, это не заслуга нашего официоза, книга была переведена энтузиастом ядерных исследований доктором технических наук Владимиром Яким-цом.) В ней мы впервые получили полную хронологическую картину того, как ученые всего мира постепенно исследуя радиацию, начиная от первого описания (1902 г.) рака кожи, возникшего в результате рентгеновского облучения, пришли к феноменальным результатам о влиянии малых доз радиации на человека.

Главным из них стало открытие в 1972 году канадским ученым А. Петко того факта, что чем больше время облучения, тем меньше величина поглощенной дозы, достаточной для прорыва мембраны. (Он использовал для своих опытов облучение искусственных клеточных мембран в водной суспензии.) Из его опытов следовало, что хроническое облучение в малых дозах может быть более опасным по последствиям, чем кратковременное облучение в больших. Это противоречило всем предыдущим представлениям о коварстве радиации. Это стало настоящей революцией в науке!

Следом за ним американский ученый Э. Штернгласс впервые показал действие «эффекта Петко» в биологических системах. Было подтверждено, что малые, но хронические дозы радиации вследствие выбросов АЭС, в 100–1000 раз опаснее доз, полученных пострадавшими от атомных бомбардировок в Японии.

Оказывается, что к 1980 году радиация считалась уже в тысячу раз более опасной, чем в 1958-м.

Для нашего закрытого от мира общества все это стало потрясающим воображение открытием. Но кто же знал обо всем этом у нас и после аварий на ядерном комплексе «Маяк» на Урале, и после катастрофы в Чернобыле?

Безусловно, прокремлевские медики в полной мере владели подобной информацией. Но даже выступая в парламенте перед депутатами, на заседаниях Государственной экспертной комиссии по Чернобылю, они ни разу никогда ни словом не заикнулись о том, что за нашим занавесом уже почти сто лет (!) бурлила другая научная жизнь, происходили чрезвычайно важные для нашей ядерной державы исследования и открытия о сосуществовании радиации и человека, и особенно малых доз, от которых на глазах у всего мира угорали в СССР (и угорают до сих пор уже в независимых государствах) миллионы людей.

Но вернемся к нашим инакомыслящим ученым. В поисках истины группа исследователей из Радиобиологического совета Академии наук побывала не только в пораженных зонах, исследуя здоровье населения, но и принялась за изучение здоровья ликвидаторов. Этих забытых Богом и отечественной медициной людей. Профессору Бурлаковой пришлось побывать в связи с этим в Ереване, в Радиологическом институте, где стоят на учете местные ликвидаторы. Подумать только – где Чернобыль, а где – Ереван! Люди ехали в самый ад, ни с чем не считаясь. Но государство, цинично использовав, сразу же их и забыло. Ничего, как говорится, нового.

Профессор Бурлакова рассказывала: «Эти молодые парни жалуются на то, что плохо себя чувствуют, ослаблены, у них постоянно головные боли, даже легкая прогулка вызывает одышку. Но существует упорно насаждаемая точка зрения на жалобы ликвидаторов: они всё придумывают. Неужели сотни, тысячи людей

придумывают? В Ереване, Народичах, Киеве, Белоруссии? И как-то все придумывают одинаково... Да что говорить, если даже детей с заболеваниями щитовидной железы далеко не во всех пострадавших районах ставят на учет как заболевших в связи с аварией!»

Все в мире течет, но у нас, похоже, ничего не меняется. Тайны первоначально накопленных данных о здоровье людей на Урале и в чернобыльских зонах надежно погребены в архивах Института биофизики Академии наук России. Никаких исследователей туда и близко не допускают. Ни наших, отечественных, ни с Украины, не говоря уже о любознательных японцах. А директор института, пользуясь своей привилегией, иногда пишет обличительную беллетристику в адрес несогласных с ним ученых, а также тех журналистов, что разносят по всему миру эту ужасную «радиофобию».

Глава 10 «ЧУДИЩЕ ОБЛО, ОГРОМНО И ЛАЯЙ»

Да, именно так можно сказать о Чернобыле: «Чудище обло, огромно и лаяй». Это глобальная катастрофа. Такой вывод впервые спустя четыре года после Чернобыля сделала Государственная экспертная комиссия. «Авария на Чернобыльской атомной электростанции по своим долгосрочным последствиям явилась крупнейшей катастрофой современности». Что это значит? Продолжительность жизни нашей голубой планеты оценивается приблизительно в десять-двенадцать миллиардов лет. Более трети отпущенного времени Земле уже прошло. Так вот – в эту треть не было по своим разрушительным последствиям более крупной рукотворной катастрофы.

Да, были и другие неприятности, связанные с «мирным атомом». В США самая большая авария, сегодня которую расценивают как предупреждение о Чернобыле, случилась в 1979 году в штате Пенсильвания на АЭС «Три Майл Айленд». До нее и после – еще десятка два более мелких аварий на ядерных реакторах.

В Советском Союзе в какой-то мере предтечей Чернобыля можно считать три аварии, начиная с 1949 года, на закрытом производственном объединении «Маяк» на реке Теча. Это – Урал. «...В одиннадцатой пятилетке на станциях допущены 1042 аварийные остановки энергоблоков, в том числе 381 на АЭС с реакторами РБМК. На Чернобыльской АЭС таких случаев было 104, из них 35 – по вине персонала. На блоке № 1 этой станции в сентябре 1982 года произошла ядерная авария с разрушением технологического канала и выбросом тепловыделяющей сборки графитовую кладку». Это цитата из совершенно секретного протокола заседания Политбюро от 3 июля 1986 года. Локальное радиоактивное загрязнение трижды было отмечено после аварий на Ленинградской, Чернобыльской (1982), Курской АЭС. Мы об этом ничего не знали!

Но все это вместе взятое – капля в том радиационном море, которое разлилось после взрыва на Украине. Масштабы глобальной чернобыльской катастрофы, которые приведены даже в официальном заключении Государственной экспертной комиссии, поражают воображение. В 1986 году на заседании МАГАТЭ в Вене в докладе от советской делегации отмечалось, что во внешнюю среду поступило 50 миллионов кюри радиоактивности различных радионуклидов. Особо выделялось – один миллион кюри радиоактивного цезия и 0,22 миллиона кюри радиоактивного стронция. На международном совещании по безопасности АЭС в ноябре 1989 года в Дагомьсе некоторые ученые дали свои оценки: по их расчетам выброшенная радиоактивность цезия была больше. Иностранные специалисты называли цифры, которые отличались от советских в полтора-два раза. Например, если Советский Союз в отчете, представленном МАГАТЭ, утверждал, что выбросы йода-131 составляли 7,3 миллиона кюри, Ливерморская лаборатория США называла вдвое большее значение – 14,4 миллиона кюри. Эта же лаборатория зафиксировала более чем в два раза больше выброшенного цезия-137. А по исследованиям ряда специалистов ВНИИ атомных электростанций суммарный выброс радиоактивности равен одному миллиарду кюри. Выброс только по цезию-137 равняется 300 Хиросимам.

Ежесуточные выбросы миллионов кюри радиоактивности, вплоть до 9–10 мая 1986 года, ветры, которые понесли ее в различных направлениях по всему миру, сложнейшие процессы «перегорания» радионуклидов в разрушенной активной зоне, где температура доходила до 2 500 градусов по Цельсию, – все это весной 1986 года привело к поистине катастрофической картине радиоактивного загрязнения огромных районов страны и мира. Казалось, из реактора вылетела вся таблица Менделеева плюс еще что-то неведомое науке.

Вот оценка последствий катастрофы доктора Н. Н. Воронцова: «...так или иначе, в зону Чернобыля входит, в широком смысле этого слова, весь земной шар и, в частности, все население Советского Союза. Есть карта „разносов“ <...> можно увидеть, что один из языков потянулся через центр Европейской части Союза и пошел на Урал и на Западную Сибирь».

Повышенный радиационный фон был зафиксирован не только нашими ближайшими соседями – в Польше, Румынии, Норвегии, Финляндии, Швеции, но также – подумать только! – в Бразилии, Японии, Австрии, Италии, других странах. Вот как рассказывал об этом председатель Госкомгидромета СССР Ю. А. Израиль: «Загрязнение прошло через Швецию, в Польшу, Болгарию, Германию, Англию, в Южную Германию. В перечисленных странах уровни загрязнений больше одного кюри на квадратный километр. Но незначительно – 1,2–1,5 кюри... <...> по этой карте, которую я получил не только от своих метеорологов, но и от зарубежных, показаны очень сильные границы, по Северной Италии в это время шло, в Баварии. И там, где были дожди, там осаждались (радионуклиды. – А.Я.), тоже в основном цезий».

В парламентском Комитете по экологии Ю. А. Израэль показал небольшую книжечку, в которой было зафиксировано направление ветра. По ней можно было проследить не только по дням, но и по часам, куда пошли радиоактивные облака. «Вот смотрите, – показывал Израэль, – тут прямо указано: 26 числа, три часа, 26 – в пятнадцать часов, 27 – в три. Уже захвачена часть побережья Прибалтики на нашей территории. Но 27-го, ночью, облако было уже вот здесь, Копенгаген. Это то, что вышло в три часа ночи 26 апреля». Значит, за сутки радиоактивный «дым» достиг берегов Дании.

Эта правда была буквально «выколочена» из Израэля депутатами. Он спасал свою шкуру, когда почуял, что запахло жареным. А вот какие сценарии с его участием принимало Политбюро в приложении к совершенно секретному постановлению ЦК КПСС «О плане пропагандистских мероприятий в связи с годовщиной аварии на Чернобыльской АЭС» (протокол № 46, п. 46гс, 10 апреля 1987 г.). «Секретно. Перечень публикаций в печати, передач по радио и телевидению и материалов ТАСС о мерах, принятых в СССР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. <...> 3. Чем пахла апрельская роза ветров? На Западе утверждают, что в период аварии значительное количество вредных веществ было перенесено на территории ряда европейских стран. Комментарий председателя Госкомгидромета СССР А. А. Израэля, который на основе целого ряда данных опровергает подобные домыслы. <...> Л. Кравченко, первый заместитель председателя Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию». И он опровергал...

По данным, которые депутатам представил председатель Госкомгидромета СССР, и спустя четыре года после аварии считалось, что интенсивному радиоактивному загрязнению в Советском Союзе подверглись четыре области России, пять областей Украины и пять – Белоруссии. Как известно, в первые дни после аварии было эвакуировано 116 тысяч человек. Около 144 тысяч га сельхозугодий, засыпанных радионуклидами, «законсервировано» навсегда. Это мертвая зона.

А ведь на радиоактивных землях пашут, сеют, убирают урожай! До сих пор, только по официальным данным, в трех республиках, подвергшихся особо активному «опылению» радионуклидами, цезиевые сельхозугодья с уровнем от одного до ста и более кюри занимают около десяти миллионов гектаров. Из них более трех миллионов – плодороднейшие пахотные земли.

Посмотрим более детально на глобальную экологическую катастрофу после Чернобыля в трех самых пораженных республиках.

Украина. В этой, как ее называли в советское время, житнице страны «грязных» земель, по официальным данным, представленным в Государственную экспертную комиссию, – от пяти и выше кюри на квадратный километр – 377,5 тысячи гектаров. Плюс к этому – 3 миллиона 316 тысяч гектаров – до пяти кюри. Эти цифры вызвали у меня сомнения, и я сделала запрос в отдел радиологии Госагропрома УССР.

Ответ превзошел все ожидания: «грязные» сельхозугодья в Украине, сообщалось в нем, составляют 7 миллионов 220 тысяч гектаров. Особо поражены Киевская и Житомирская области. Как сообщил заместитель председателя Киевского облисполкома Н. Степаненко, радиоактивному загрязнению столичной области подверглись свыше 1 миллиона 600 тысяч гектаров земель. В Житомирской области общая площадь «грязных» территорий составляет 466,7 тысячи гектаров.

Неизвестны до конца и сегодня, спустя двадцать пять лет, истинные масштабы загрязнения территорий радиоактивными стронцием, плутонием, америцием и горячими частицами, которые, попадая человеку в желудок, превращают его в своеобразный микрореактор. Загрязнение радиоцезием в официальных справках усредняется. Часто эти величины явно занижены. Например, в селе Остапы Лугинского района Житомирской области они были реально едва ли не вдвое выше, чем на официальной радиологической карте. Когда я слышу разговоры специалистов о средних уровнях радиации, то вспоминаю старый анекдот о средней температуре по больнице. (Госкомгидромет страны только через три года после взрыва удосужился выпустить своеобразный «краткий курс» о средних уровнях радиозагрязнения территорий Украины. Такая, знаете ли, псевдоуспокоительная таблетка тиражом... 425 экземпляров на всю страну с населением в 250 миллионов.)

Например, по данным Укргидромета в поселке Полесском Киевской области средняя плотность загрязнения составляла 24,7 юри на квадратный километр. А по сведениям производственного объединения «Комбинат», этот уровень колеблется от 15 до 300 и более юри. В парке отдыха (!) через четыре года после аварии он составлял 67 юри. Так кому же верить? Данные «Комбината» получены на основе детального исследования территории и 1 700 проб. Данные же Укргидромета получены на основе анализа всего двухсот проб. Этот пример весьма типичен. Не только для Украины, но и для России и Беларуси.

Но и эти данные объединения «Комбината» едва ли корректно называть точными. Ведь здесь учитывается только радиоактивный цезий. В Полесском же кроме него выпали стронций, плутоний, другие радионуклиды. Плотность загрязнения плутонием здесь практически равна временно допустимым уровням.

Через много лет после аварии увеличилось также число городов и деревень в Украине, отнесенных к загрязненным территориям. Такой является практически вся моя родная Житомирщина. Но и спустя двадцать лет после катастрофы, по признаниям депутатов Верховной рады Украины, в стране нет точного списка всех пораженных деревень. Власти это выгодно: точный список – это дополнительная головная боль, как обеспечить всех пострадавших льготами.

Беларусь. По первичным данным, представленным в Государственную экспертную комиссию по Чернобылю, здесь насчитывалось в 1989 году семь тысяч квадратных километров радиоактивных земель. Пятая часть пахотной почвы – особо опасна для человека. А вот по данным, приведенным в 2004 году группой специалистов Минского института радиационной медицины и радиологических исследований, 43 500 квадратных километров загрязнены долгоживущими изотопами цезия и стронция. Это более чем в шесть раз превышает первоначальные показатели. Значит, что миллионы людей жили на пораженной земле многие годы, вдыхали радиацию и заедали ею, ничего не подозревая об опасности! Самый тяжкий крест в Беларуси выпал на многострадальные Могилевщину и Гомельщину.

Россия. В программе ликвидации последствий аварии, которую представил экспертизе Совет министров республики, была обозначена всего... одна Брянская область. Указывалось, что здесь в семи западных районах поражена тысяча квадратных километров земель. Из неофициальных источников было известно, что эта цифра более чем в пять раз выше. Экспертиза же установила, что существует еще и Орловско-Калужско-Тульское пятно, плотность загрязнения которого по цезию-137 около пяти юри на

квадратный километр, а в городе Плавске Тульской области – до 15 кюри. Пятно расплозлось более чем на две тысячи квадратных километров.

Фактически Совет министров России проигнорировал поручение Правительства СССР разработать республиканскую долгосрочную программу ликвидации последствий. Вот что сказал в своем выступлении 12 апреля 1990 года на парламентских слушаниях зампреда Государственной экспертной комиссии доктор биологических наук А. Г. Назаров: «Здесь прозвучало несколько странное для нас выступление товарища Табеева (первый заместитель председателя Совмина России, председатель комиссии по ликвидации последствий аварии) в части трактовки республиканской программы...Мы рассматривали и рассматриваем две республиканские программы – Украины и Белоруссии и областную программу по Брянской области, представленную в качестве республиканской правительственной от Российской Федерации. Никаких сведений, никаких известий об огромном пятне, которое изображено на карте Госкомгидромета – Тульская, Калужская, Орловская, – нигде, ни на каких этапах не рассматривалось, никакой цельной программы по РСФСР до сих пор нет». А ведь к тому времени прошло уже четыре года после катастрофы!

Как выяснилось только через шесть лет после аварии, население не четырех, а шестнадцати областей России – это два миллиона людей! – ежедневно, само того не ведая, подвергалось малым дозам радиации, не получая от государства никаких компенсаций за утраченное здоровье. Никто до сих пор так и не ответил ни перед ними, ни перед законом за это преступное замалчивание.

Карты радиационного загрязнения, представленные экспертной комиссией Госкомгидрометом, не давали полного представления о глубине и масштабах разрушительных последствий аварии. Изолинии концентрации радионуклидов цезия-137 проведены на них с ошибкой плюс-минус 30 процентов, иногда погрешность достигала до 50 процентов. Совсем слабо была представлена информация по стронцию-90. И совсем ее не было по плутонию-239. Не говоря уже о других выпадениях, которые щедро размело окрест.

В заключении Государственной экспертизы отмечено, что радиоактивные пятна упали также в Краснодарском крае, в районе Сухуми, Прибалтики. А ведь Краснодарский край – это Черноморское побережье Кавказа. Это сотни здравниц, санаториев, домов отдыха, пионерских лагерей. Ежегодно миллионы людей устремляются к морю, в горы, чтобы поправить здоровье. (И я с детьми в мае 1986 года уехала именно сюда, в Краснодарский край, полагая, что здесь-то их хотя бы несколько недель не достанет никакой Чернобыль. Выходит, достал.)

Чтобы уточнить, что же именно там происходит, я направила депутатский запрос в адрес председателя Госкомгидромета Ю. А. Израэля. Просила «сообщить мне, в каких именно местах, населенных пунктах упали радиоактивные пятна на территории Прибалтики, Краснодарского края и Сухуми, каковы уровни загрязнений почвы, гамма-фон». Ответ получила от давнего знакомого по нашей официальной переписке, заместителя председателя Ю. С. Цатунова. Вот что в частности он сообщал: «В результате аварии на Чернобыльской АЭС произошло повышение радиоактивности атмосферы и атмосферных выпадений на всей территории страны, включая и Краснодарский край, г. Сухуми и территорию Прибалтийских республик. Так, на отдельных участках западной границы СССР и в западной части Грузии в конце апреля – начале мая 1986 года подразделениями Госкомгидромета СССР отмечались существенные, но кратковременные повышения до-аварийных значений радиоактивности атмосферного воздуха, однако не достигшие предельно допустимого значения». Далее он называл уровни фона в конце апреля и начале мая 1986 года в Вильнюсе, Риге, Сухуми, Цхалтубо, Тбилиси.

Перейдя к вопросу загрязнения почв, Цатунов сообщал: «В 1986 году на Черноморское побережье Кавказа в районе Сухуми и Батуми плотность загрязнения местности цезием-137 достигала 0,2–1 кюри на квадратный километр, при доаварийных уровнях – 0,06–0,1 кюри. В Краснодарском крае и республиках

Прибалтики плотность загрязнения цезием-137 была значительно ниже – менее 0,3 кюри на квадратный километр. В августе-сентябре 1989 года была проведена повторная аэрогаммаспектрометрическая съемка территории Прибалтийских республик, которая подтвердила полученные в 1986 году значения». Далее Ю. С. Цатуров отмечал, что плотность загрязнения получена съемкой территорий «с шагом в несколько километров». А это значит, что между этим «шагом» все еще остались локальные «грязные» пятна.

«Наземное экспедиционное обследование 1986 года выявило в районе Батуми небольшие участки, на которых плотность загрязнения цезием-137 достигала 1–1,5 кюри на квадратный километр». (Кстати, в Швеции для тех, кто подвергается чернобыльскому радиозагрязнению на территории даже в один кюри, установлены определенные льготы.) «...В 1990 году на территории Пионерского парка г. Батуми, – сообщается дальше в письме, – обнаружены повышенные уровни мощности дозы... с максимальным значением в одной точке до 400 микрорентген в час. Загрязненный грунт был оперативно изъят и вывезен в места захоронения».

Вот практически и вся информация. Мне, правда, не совсем понятно было из ответа, с каких это пор в Краснодарский край входят Батуми, Цхалтубо и Тбилиси? Ведь я спрашивала именно о радиационной обстановке в Краснодарском крае, а не в Грузии. Замечу, что такая манера – не слышать, о чем спрашивают, неважно кто – депутат или избиратель, – давно стала стилем работы у многих чиновников. Пришлось обратиться повторно. Настоять на более четкой и точной информации о загрязнениях в Краснодарском крае, отстоящем от Чернобыля на тысячи километров.

И вот что ответил уже председатель Ю. А. Израэль лично: «...в начале мая 1986 года после выпадения осадков были зарегистрированы значения мощности доз, достигающие, например, в Сочи 120 микрорентген в час, в Анапе, Лазаревском, Каневской – 60 микрорентген в час, в Кушевской и Горной – 35 микрорентген в час. В связи с распадом короткоживущих радиоизотопов мощность дозы быстро снижалась. В 1987 году, например, в Сочи она не превышала 35 микрорентген в час, в 1988 году – 20 и в настоящее время находится на уровне естественного фона – 10–15 микрорентген в час.

Что касается загрязнения местности цезием-137, то она составляет, в среднем, в Сочи – 0,4–1,4 кюри на квадратный километр, в Туапсе – 0,34, в Геленджике, Новороссийске, Анапе и Краснодаре – 0,1 кюри на квадратный километр. Аналогичные и более низкие значения характерны и для других населенных пунктов края, а мощность дозы гамма-излучения существенно не отличается от значений, характерных для естественного радиоактивного фона – 10–20 микрорентген в час». В ответе также предупреждают, что на территории края возможно существование локальных пятен, которые по загрязнению «несколько выше указанных значений. Примером могут служить выявленные в 1989 году с помощью агрогаммаретроспективной съемки 206 локальных аномалий с интенсивностью гамма-излучения от 90 до 600 микрорентген в час и площадью от одного до десятков квадратных метров. Наиболее широкое по площади загрязнение наблюдалось в районе аэропорта Адлер (до 250 микрорентген в час) и водозабора в г. Сочи (до 160 микрорентген в час)».

Напомню, эти запросы я направляла в адрес Госкомгидромета СССР летом 1990 года. Ответы успокоительные: мол, было кое-что, но прошло. И вот через полгода газета «Известия» публикует заметку «Следы Чернобыля в центре Сочи». Оказывается, только спустя пять лет после аварии было обнаружено девятьсот радиоактивных пятен в Центральном районе Сочи! Оказывается, это плюс к тем четырестам, которые выявили ранее. В самых неожиданных, как отмечается, местах: жилых микрорайонах, на улицах, Цветном бульваре, возле зимнего театра, на газонах возле горисполкома. Двести из девятистот пятен уже дезактивированы. Снимается зараженный грунт, захоранивается в могильнике в районе Мамайского перевала.

Тысяча триста новых старых радиоактивных пятен только за два года в центре международного курорта – не слишком ли? А ведь почти пять лет по этим пятнам ходили, на них отдыхали, ими дышали. Сколько людей? Сотни, тысячи, миллионы? И где они все теперь? В Ленинграде, Душанбе или Берлине?

И сколько еще времени – пятилеток ли, десятилеток – потребуется правительству, чтобы провести такие же детальные обследования на всей территории не только Краснодарского края, но и других регионов, которые попали под радиоактивный выброс? Правда, если оно оказалось не в состоянии выселить тех, кто уже получил в зонах жесткой радиации достаточные дозы, так что же говорить о каких-то там других городах и весях, долинах и взгорьях, находящихся за тысячи километров от центра атомной войны в Европе? Да, именно так. Центра атомной войны. Ведь если по официальным данным суммарный выброс из реактора составлял 50 миллионов кюри радиоактивности, то типичный взрыв атомной бомбы в атмосфере дает «всего» 150 тысяч кюри. Когда писала эти строки, ко мне в руки еще не попал совершенно секретный документ, в котором говорится, как на заседании по Чернобылю члены Политбюро называли эту катастрофу – да, именно! – «малой войной в центре Европы», по последствиям сравнимой с «применением оружия массового поражения». (Правда, всему миру они говорили совсем другое.)

После распада СССР каждая из трех республик, наиболее подвергшихся радиоактивному загрязнению, пытается решать свои проблемы самостоятельно. К моменту создания СНГ (конец 1991 года) площадь, загрязненная цезием-137 в результате аварии на ЧАЭС с плотностью в 1 кюри и выше на один квадратный километр, составила в целом по России, Украине и Белоруссии более 100 тысяч квадратных километров!

Глобальны гуманитарные масштабы катастрофы. В зоне радиоактивного бедствия оказалось огромное количество людей. По официальным данным, через четыре года после взрыва правительство насчитало их 2 миллиона 504 тысячи человек. (Ну не издевательство ли над здравым смыслом – ведь только в России в шестнадцати областях на пораженных территориях проживает 2 миллиона населения.)

Сегодня, по данным ООН, в радиоактивных чернобыльских зонах (включая Европу) проживает девять миллионов человек!

Как сказал на предпарламентских слушаниях представитель Комиссии Верховного Совета Белоруссии по проблемам ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, «жизнь распорядилась таким образом, что трагическая история белорусского народа повторилась. Если в Великой Отечественной войне мы потеряли каждого четвертого, то в чернобыльской аварии теряем каждого пятого».

Чтобы представить всю глубину отчаяния людей, живущих в зонах поражения, приведу такой факт. В двенадцати районах Гомельской и Могилевской областей поражено пятьсот деревень. В зонах жесткого контроля находится сто восемьдесят четыре. Уровни радиации достигают здесь 140 кюри на квадратный километр. В одном из сел Краснопольского района на плитах двора детского сада – более 100 микрорентген в час. Возле песочницы – более 200, на траве газона – 450. И это – при предельно допустимом уровне – 20. А рядом, во фруктовом саду, мощность излучения около 400 кюри на квадратный километр.

По последним данным 2,1 миллиона белорусов (это 23 процента населения) и сегодня, спустя двадцать пять лет после взрыва, живут на территории с уровнем загрязнения радиоактивным цезием более 40 кБк на квадратный метр. 135 тысяч были переселены в «более чистые» места в этой же республике. Почему «более чистые», а не «чистые»? Потому что таковых практически нет.

На Украине по первым открытым официальным данным (спустя четыре года) считалось, что на «грязных» территориях проживает 1 миллион 480 тысяч человек.

На мой депутатский запрос в Совет министров республики о переселении жителей из опасных для проживания районов в «чистые» места ответил заместитель председателя Госплана УССР В. П. Попов: «В 1990–1991 годах необходимо будет переселить около 45 тысяч человек». Более 20 тысяч человек предполагалось переселить из радиоактивных сел Житомирской области в южные ее районы. Хотя на пораженной территории спустя и четыре года после аварии в четырехстах пятидесяти пяти населенных пунктах проживало 93 тысячи человек, в том числе почти 20 тысяч детей.

Встал вопрос и о выселении людей и из тех новых домов, которые были построены в Житомирской области для переселенцев в заведомо радиоактивной местности. Это сотни миллионов угробленных, выброшенных на ветер народных денег. Не говоря уже о моральном ущербе, невосполнимом здоровье тысяч и тысяч ни в чем неповинных людей. С чьего ведома и благословения все это делалось? Кто принимал решения?

Я безуспешно пыталась выяснить это еще тогда, когда ездила по радиоактивным селам после аварии. В предыдущих главах я рассказала о том, как руководители разных рангов, едва об этом заходила речь, позорно сваливали вину друг на друга. Сегодня мне досконально известны эти адреса. На мой депутатский запрос их сообщил председатель Житомирского облисполкома А. С. Малиновский. Оказалось, строительство в зонах жесткой радиации (!) велось «в соответствии с постановлением ЦК Компартии Украины и Совета министров УССР».

Таких бездарных и безответственных постановлений – партии и правительства Украины – было в общей сложности шесть. Были изданы также соответствующие циркуляры в количестве четырех – совместно Житомирского обкома Компартии Украины и облисполкома. По официальным данным, девяносто три эвакуированных семьи переселили из опасных зон проживания в новостройки в таких же «грязных» местах. Это ли не преступление? Сегодня же пан-товарищ Малиновский преподает студентам Житомирской экологической академии (бывший сельхозинститут). Вряд ли он рассказывает о своем героическом чернобыльском прошлом на посту председателя облисполкома.

Такая же убийственная ситуация сложилась и в Киевской области. Более чем в семидесяти деревнях плотность загрязнения составляла от 5 кюри и выше. Особо пострадал Полесский район. Поселки Ясень и Шевченко еще и в 1990 году не были полностью выселены. Как сообщал депутатам академик Л. А. Ильин, деревня Ясень была включена в план выселения только в 1993 году. Что это значило для ее жителей? Даже по данным официоза их дозовая нагрузка к тому времени уже составляла бы около 35 бэр. Киевский облисполком собирался переселить тринадцать деревень. Это почти 20 тысяч человек. На спасение здоровья большего количества людей банально не хватало денег.

Оставался также вопиюще непонятным вопрос: почему человек, который хотел бы выехать из зоны, не мог сделать это самостоятельно? Почему его непременно должны были переселять власти? Одна женщина, выступая в Народичах на сходе, в сердцах сказала в адрес этих самых властей: «Мне не нужно от вас ни денег, ничего. Разрешите мне уехать. Я не хочу здесь жить. Помогите мне уехать, чтобы в другом месте, „чистом“, прописали и дали работу». Ну разве это не крепостное право в советском исполнении?!

Почти через пять лет после аварии возник вопрос о переселении шести сел из Ровенской и Черниговской областей, а жители Ивано-Франковска (это западная Украина) узнали о радиоактивных пятнах, упавших и на них в ту роковую весну.

Сегодня, как утверждают российские эксперты, на радиоактивных территориях Украины проживает 2,4 миллиона человек, в том числе более полумиллиона детей до четырнадцати лет. Это на миллион (миллион!) людей больше, чем спустя четыре года после катастрофы. Выходит, чем дальше от Чернобыля, тем страшнее его объятия.

Но в самом сложном положении в первые годы после чернобыльской аварии оказались россияне. Если в Белоруссии и на Украине хоть что-то делалось, то о Калужско-Орловско-Тульском следе стало известно только спустя несколько лет. Никто толком в правительстве не знал, сколько людей живет в этой зоне. Вся радиационная ситуация в России свелась только к Брянской области. Здесь на пораженной территории находилось более семисот деревень. В них проживала пятая часть населения области. В зоне жесткого контроля – почти 30 тысяч детей. До апреля 1990 г. было выселено всего 20 процентов населения. В деревнях Заборье, Цуковец, Кобали, Порки, Николаевна, где сама жизнь стала опасной, люди не были отселены еще и спустя некоторое время после распада СССР. Среди них – немало детей, которые успели набрать даже сверх ильинских критериев.

Как отмечается в докладе российских специалистов М. С. Маликова из Всероссийского центра уровня жизни при Минтруде России и эксперта Государственной Думы О. Ю. Цитцер, сегодня в России под чернобыльской катастрофой 138 административных районов, 15 городов областного подчинения и более 7 700 населенных пунктов с населением в 2,7 миллиона человек.

По их же данным, в Российской Федерации за годы после Чернобыля была произведена дезактивация городов и весей на пораженных территориях, более чем с 630 тысяч квадратных метров снят загрязненный грунт. Из зон радиоактивного поражения Брянской области переселено 13 тысяч человек. Полностью – из 18 населенных пунктов. До 1993 года отселено и выехало добровольно из пораженных территорий Российской Федерации около 50 тысяч человек.

В последние годы высказывается немало различных предположений о том, мог ли выброс в Чернобыле иметь несколько другой след? Белорусский писатель Алесь Адамович на страницах центральной газеты опубликовал письмо заместителю председателя Совета министров СССР, председателю Бюро по топливно-экономическому комплексу Б. Е. Щербине и министру атомной энергетики Н. Ф. Луконину. Он задает вопрос: правда ли, что удаленные от Чернобыля районы Могилевской области – Краснопольский, Славгородский, Чериковский, частично Костюковичский, Быховский, Климовичский и некоторые другие (а также часть брянских районов), получили столь угрожающую дозу радиации по той причине, что на них «посадили» чернобыльскую тучу? Расстреляли ее и «посадили». Ту, которая неслась к Москве.

Некоторые ученые тоже высказывают подобные предположения. А жители Могилевской области в этом просто уверены. Но так ли это? И если так, то какой же иной конфигурации мог быть радиоактивный шлейф, если бы злополучное радиоактивное облако несло дальше, дальше и дальше... Где бы оно в таком случае вероятнее всего «приземлилось» в виде радиоактивного дождя?

Этот вопрос неизбежно возник также и в Комитете по экологии – в беседе депутатов и экспертов с председателем Госкомгидромета СССР Ю. А. Изразлем. Он объяснял это так: «...Около 10 мая Николай Иванович Рыжков позвонил мне и сказал: „Давайте попробуем сделать все, чтобы дожди в зоне Чернобыля не выпадали. Идет радиоактивный распад. Наиболее высокоактивные вещества распадутся. Для этого необходимо бы на подходах обычных облаков, которые шли (в какие-то дни их не было, в какие-то дни они шли довольно интенсивно), и кучевые облака, довольно мощные, – послать самолеты и вызвать осадки из этих кучевых облаков“. Мы это делали начиная с 10 мая. <...>

Далее возник такой вопрос. Украинцы и белорусы сказали: „А знаете, не может ли это привести к засухе?“ Было такое предположение, и опять Николай Иванович сказал мне: „Давай, заканчивай эту работу, мало ли что это может вызвать – в смысле засухи“. И я еще раз подтверждаю, что наши самолеты летали только в этом секторе и только в чистые облака, и высаживали облака там, где можно было, в осадки. Первый дождь в районе Чернобыля пошел после 15 июня, после того как мы закончили эту работу».

Юрий Антониевич решительно отверг версию Алеся Адамовича о том, что облако было принудительно «посажено»: «...Откуда-то совершенно нелепые мысли возникли, что пятно было осаждено на белорусские земли. Кстати говоря, след там образовался в самые первые дни, осадки там действительно интенсивные шли 27–28 апреля. И вот это дальнее пятно – и тульское, и могилевское, и гомельское, вот здесь близко подходит, оно не только дождями образовалось, но и осаджениями...»

Значит, версия «расстрела» облаков неверна? Впрочем, верно то, что если бы облака не «приземлились» на белорусские поля и на брянские леса, то они бы доплыли до Москвы. Этого, кажется, не оспаривает никто. Тяжелые же частицы до столицы «долетели». Их обнаруживали даже на московских балконах в горшках с цветами. Вполне возможно, что они «пикировали» и в открытые форточки...

Еще одна глобальная по своим последствиям катастрофа после взрыва на Чернобыльской АЭС – это бездумная пахота на засыпанных радиоактивным цезием полях, лугах, уборка излучающих урожаев и их переработка. Когда еще весной 1989 года депутаты жестко потребовали вывести из оборота все радиоактивные угодья, пока не начался сев, председатель Госкомиссии по Чернобылю В. Х. Догужиев успокоил, что вопрос этот будет решен. Никто, мол, там пахать и сеять не будет. Но и это был обман – никто ничего не решил. Поля засеяли, урожай собрали.

Вот докладная записка Председателя Госагропрома СССР В. С. Мураховского, приложенная к совершенно секретному постановлению Политбюро ЦК КПСС от 8 мая 1986 года. В ней, в частности, сообщается: «В районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению (кроме зоны эвакуации), организовано ведутся плановые сельскохозяйственные работы, которые являются средством снижения поступления радиоактивных веществ в растения и организм животных. (Только вчитайтесь в этот партийный бред! – А.Я.) По состоянию на 5 мая посеяно всего яровых 83 процента, в том числе в Киевской области – 84 и Гомельской – 88 процентов». Это именно две из наиболее загрязненных областей.

В Агропроме Белоруссии спустя пять лет после аварии были проведены такие расчеты: чтобы довести производимую на «грязных» полях «грязную» продукцию до требований хотя бы повышенных временно допустимых уровней, ежегодно в республике надо тратить миллиард рублей! А через пять лет, предполагалось, эта сумма возрастет до трех миллиардов рублей. Ну, не абсурд ли? Вкладывать такие громадные деньги (при нашей нищете!) в облагораживание выращенной заведомо «грязной» продукции? Где же здравый смысл?

Недавно бацька Лукашенко в Белоруссии дал указивку снова пахать на радиоактивных землях, вернуть их в сельхозоборот – и уже без всяких там облагораживаний.

Идет двадцать пятая весна радиоактивной посевной уже в независимых государствах.

Втихую разворачиваются работы и на цезиевых землях в России. Здесь на радиоактивно пораженных территориях, оказывается, проводились специальные агрохимические исследования, направленные на снижение поступления радионуклидов в сельскохозяйственную продукцию. В некоторых районах Брянской, Орловской, Тульской, Калужской областей расширены посевы кормовых культур (и сокращены – зерновых, не сеют гречиху и рапс). Как утверждают некоторые специалисты (например, бывший председатель Государственного комитета России по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС В. Я. Возняк), проводимые мероприятия позволили повысить уровень почвенного плодородия и снизить в 1,5–4 раза уровень поступления радионуклидов в растения.

Лично у меня эти цифры, а тем более из уст В. Я. Возняка, с которым у меня состоялся разговор еще в 1989 году, когда все было шито-крыто в том числе и при его молчании, вызывают глубокие сомнения. Так же, впрочем, как и сам факт необходимости пахать, сеять и убирать что-либо на заведомо радиоактивных полях для употребления в пищу человека или даже для корма животным. Такая логика чиновника из

московского кабинета, определяющего, что нужно людям, живущим в зоне глобального ежедневного риска для своего здоровья, мне непонятна и неприемлема. Кроме того, неужели на огромных российских просторах не нашлось больше чистых земель для пахоты? (Этот бывший партийный молчальник, кстати, пару лет назад защитил докторскую диссертацию... по Чернобылю. Не было бы счастья, да несчастье помогло.)

Сегодня на зараженных радионуклидами полях продолжают пахать и сеять, собирать радиоактивные урожаи, пасти на цезиевых лугах коров и овец, растить на фермах свиней. И все это идет к нашему столу. Радиоактивные грибы, картофель, мясо отправляются повсюду. Даже в черноморские здравницы. Мол, пусть поправляются на здоровье. Радиация развозится по сей день практически бесконтрольно, как «дым Отечества», который «сладок и приятен».

На Украине как анекдот рассказывали, что Народичский район – самый радиационно грязный – в первом полугодии 1989 года вышел победителем Всесоюзного социалистического соревнования, награжден переходящим Красным Знаменем. Но это не анекдот, это была просто глупость партийных вождей. В закрома Родины было сдано на тысячу тонн больше мяса, чем в предыдущий год. Картофель, овощи, яйца, мясо из этого района отправляли не только в области Украины, например, шахтерам Донбасса, но и в Московскую и Ленинградскую, в республики Средней Азии.

Над всеми нами многие годы царили ВДУ (временно допустимые уровни) и ПДУ (предельно допустимые уровни). Временно – это, как правило, не более чем на год. Но, как говорят у нас, нет ничего более постоянного, чем временное. ПДУ – предельно-допустимый уровень содержания радионуклидов. Он еще и спустя 4 года был в говядине в 8–9 раз, а в свинине и баранине – в 5 раз выше. После Чернобыля появился новый околонаучный термин: «выравнивание уровня внутреннего облучения». Например, «грязное» мясо из Гомельской области отправляют в Минск. И сегодня минчане получают тот же уровень облучения, что и жители одной из самых пораженных областей. Спустя десятилетия эти уровни так «выровнялись», что сегодня, по данным белорусских ученых, заболевания раком в Минской и Витебской областях догоняют уровень этих заболеваний в Гомельской и Могилевской.

В первые пять лет после аварии Житомирский мясокомбинат то и дело возвращал в колхозы «грязное» мясо, в котором радиации было накоплено много больше даже для повышенных ПДУ. Главный зоотехник колхоза «Свитанок» Народичского района В. Пузийчук писал в своей объяснительной записке проверяющим из области: «В 1988–1989 годах была сдана продукция скота. Скот был принят при высоких дозах радиозагрязнения по моей просьбе».

А профессор Елена Бурлакова рассказывала, как один высокопоставленный работник бывшего Госагропрома СССР, выступая перед радиобиологами, сказал с гордостью: «Благодаря повышению ВДУ государству сэкономлено 1,7 миллиарда рублей!» На чем экономим? На здоровье людей? На своем будущем?

Все еще острой остается проблема потребления жителями пораженных районов «грязных» продуктов с собственных подворий, прежде всего это молоко, продукты его переработки, мясо. К тому же – дикорастущие плоды, ягоды и грибы из леса. Еще – рыба. Если в первые годы после аварии хоть какая-то проверка этой продукции велась, то теперь практически никакого контроля за этим нет.

Остается открытой проблема поставки «чистых» продуктов для населения, проживающего на загрязненных территориях. Например, на Украине в 1995 году на эти территории поступило лишь 8–20 процентов от уровня 1991 года «чистого» молока, растительного и животного масла, мяса, овощей, сахара. А по сравнению с 1994 годом поставки овощей, мяса, растительного масла и различных круп уменьшились наполовину, молока, сахара – более чем на две трети. То же относится и к России и Беларуси во многих пораженных регионах.

Вот что отвечал на депутатский запрос заместитель Генерального прокурора СССР В. И. Андреев: «Госагропром СССР не обеспечил жесткий радиационный контроль за ходом сельскохозяйственных работ в зонах радиационного загрязнения, а также за реализацией продукции в результате чего за период с 1986 года по 1989 год в указанных зонах произведено 47,5 тысячи тонн мяса и 2 миллиона тонн молока выше допустимых уровней загрязнения. Значительная часть продукции отправлялась за пределы загрязненных районов – УССР, БССР и РСФСР. Только за пределы Белоруссии отправлено 15 тысяч тонн загрязненного радионуклидами мяса. Указанные обстоятельства повлекли загрязнение радиоактивными веществами продуктов питания практически по всей стране и могут оказать отрицательное воздействие на состояние здоровья населения».

В Белоруссии после аварии было произведено 28,1 тысячи тонн радиоактивного мяса. Почти четыре тысячи тонн его «похоронили». Пять тысяч пустили в дело – переработали на сухой корм. Братьям в союзный фонд передали 15 тысяч.

По официальному разрешению Совета министров РСФСР «грязное» мясо из Брянской, Могилевской, Киевской, Житомирской областей направлялось в Архангельскую, Калининградскую, Горьковскую, Ярославскую, Ивановскую, Владимирскую и другие области, а также в Чувашию и Коми АССР.

Заместитель Генерального прокурора СССР отмечал, что сами «временно допустимые уровни содержания радиоактивного йода в питьевой воде и пищевых продуктах, допустимые уровни содержания радиоактивных веществ в пищевых продуктах Минздравом СССР были разработаны и утверждены спустя десять и более дней после аварии, что вызвало дополнительное облучение населения в результате потребления пищевых продуктов, загрязненных радионуклидами». Вдумайтесь в эти слова. В этот полный прокурорский бред. Ведь от того, что какой-то дядя в Москве написал на бумаге, что это яблоко можно есть, потому что он, этот дядя, повысил допустимый предел, оно не стало менее радиоактивным. Оно как было заражено, так и осталось. Это не «дополнительное облучение», а дополнительный обман. Впрочем, вряд ли сам прокурор понял, что он на самом деле подписал.

То же касается и глобальной дезактивации. Для ее проведения были задействованы 220 тысяч военнослужащих химических войск. Эксперты пришли к выводу, что никакого научного обоснования она не имеет. Ожидаемого эффекта не получилось. Верхний слой почвы срезали, сбрасывали в могильники – их только на Украине уже 800, – а через некоторое время свежие срезы опять «натягивались» радиоцезием. Сразу после аварии ежедневно на такую дезактивацию тратился миллион рублей, через пять лет цена ее достигала уже миллиарда. Это цена головотяпства. Выступая на заседании чернобыльской комиссии Верховного Совета СССР, эксперт-координатор доктор химических наук Г. С. Сакулин назвал дезактивацию на территориях с запредельными загрязнениями неэффективной. Но армия просто выполняла чей-то неумный приказ.

А в какой же валюте, какой единицей измерить потерянное при этом молодыми ребятами, солдатами которые ее проводили, здоровье? Их коллективная доза облучения составила около миллиона бэр! (Ау, г-н Ильин со товарищи!)

Глобальная катастрофа уничтожила не только цветущие земли, но и прекрасные леса. Поражены миллионы гектаров. Всему миру известен «рыжий лес». Он мертв. В конце концов он был «утилизирован» как радиоактивные отходы, и сегодня на его месте – новая поросль.

А что же происходит с природой в зонах жесткого контроля? Здесь появились гигантские мутанты – листья дуба, иглы сосны, акаций, других деревьев. У березы вырастают особые сережки – сдвоенные. (Жители Народичского района рассказывают о том, что у них на огородах вызревают гигантские огурцы, какие-то странные стебли у тыквы.)

Определенные отклонения от нормы зафиксированы и у мелких млекопитающих. Уже в первые два года после аварии до 34 процентов увеличилось число погибших животных эмбрионов. При норме – 6. У наших братьев меньших нарушается деятельность костного мозга, клеточное строение печени и селезенки. Некоторые из них – лысые.

В экономическом выражении последствия глобальной катастрофы на ЧАЭС по официальным оценкам составляют для страны более 10 миллиардов рублей (в ценах 1986 года). Авария на АЭС «Три Майл Айленд» (США) – 135 миллиардов долларов. Хотя последствия – несравнимы. И это наводит на размышления о том, что цифра эта не вполне корректна. После аварии в США всего лишь несколько человек получили дозу в 0,35 бэра – по официальным сообщениям американских властей. У нас же такую дозу и больше «проглотили» несколько миллионов человек. Эта скромная цифра от советского официоза о чернобыльском ущербе наводит на размышление о том, что и здесь не обошлось без идеологических манипуляций: мол, ничего такого страшного, глобального не произошло. А ведь сегодня одна только Беларусь тратит 25 процентов своего бюджета на преодоление последствий катастрофы. В денежном выражении, по словам президента А. Г. Лукашенко, это ежегодно выливается в один миллиард долларов.

По оценкам некоторых независимых ученых, потери страны от чернобыльской катастрофы только до 2000 года составили 180–200 миллиардов рублей. Учтены ли в этой цифре потери, связанные с заболеваниями и ухудшением качества жизни тысяч и тысяч людей? Вряд ли.

Распад Советского Союза, системный экономический кризис, поразивший молодые государства, только усугубляет глобальную ядерную катастрофу, с которой теперь каждый бьется в одиночку.

В состоянии ли слабые экономики новых независимых государств преодолеть глобальность чернобыльской катастрофы?

Похоже, пока Чернобыль одолевает нас.

Глава 11 РЕАКТОР НА ШЕЕ

Вряд ли крестьяне села Ладыжино Винницкой области знают о том, что Бог их миловал, 15 марта 1966 года. Именно в этот день Минэнерго СССР утвердило размещение Центрально-Украинской АЭС возле села Копачи Киевской области. Хотя вначале альтернативой этому решению было именно Ладыжино. Коллегия Госплана УССР согласилась с «посадкой» АЭС в Киевской области, недалеко от столицы. Ее-то и нарекли черновыльской из-за названия райцентра – Чернобыль. Решение Госплана УССР от 2 февраля 1967 года было подтверждено постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР. Таким было начало. Конец известен.

Чем больше мы отдаляемся от Чернобыля, тем ближе мы становимся к нему. По мере того как разбираем завалы нагроможденной лжи. Анатолий Дятлов, набравший почти 500 бэр, отсидев три года в тюрьме, возвратился на свободу. Но это теперь для него тоже было условно. Быть свободным от того, что произошло, от своих тяжких и бесконечных дум, он, конечно же, не мог. Анатолий Дятлов был освобожден только благодаря хлопотам общественности, народных депутатов СССР и, наконец, вмешательству Горбачева. (Горбачев знал, что осужденные были всего лишь козлами отпущения.) Дятлов умер не так давно – тихо и незаметно для страны. Главный участник и свидетель страшной рукотворной катастрофы умер, а последствия ее для жизни на земле останутся навечно.

Спустя почти двадцать лет в своем черновыльском архиве я раскопала еще один любопытный документ о том судебном фарсе. «Секретно. ЦК КПСС. О судебном разбирательстве уголовного дела, связанного с аварией на Чернобыльской АЭС».

В углу штамп: «14 апреля 1987, второй сектор 1301. Подлежит возврату в общий отдел ЦК КПСС». Вот что в нем сообщается: «В соответствии с поручением по записке Председателя Верховного Суда СССР т. Тербилова о порядке проведения указанного судебного разбирательства и некоторых связанных с ним организационных вопросах. <...> В настоящее время за рубежом усилилась антисоветская кампания, связанная с приближающейся годовщиной аварии на Чернобыльской АЭС. Поэтому следовало бы начать этот процесс позднее (июнь-июль 1987 г.). Проведение судебного заседания в г. Киеве представляется нецелесообразным. Его можно провести в одном из городов Украины, в частности, в г. Чернобыле или в поселке Зеленый Мыс Киевской области. <...> давать подробные публикации по данному делу не стоит. <...> Местным государственным и партийным органам, а также Минатомэнерго СССР, Минсредмашу ССР следует поручить оказать необходимое содействие Верховному Суду СССР в организации проведения этого процесса. Просим согласия. Н. Савинкин, Ю. Скляр, И. Ястребов, В. Петровский, Г. Агеев». Подписи авторов секрета. Титулы и статус не указываются. Все они – руководители разных уровней ведомств и ЦК КПСС, часть – завсегдатаи секретных заседаний оперативной группы. Согласие было получено незамедлительно, на самом высоком уровне, в тот же день! «Согласиться. Лигачев, Лукьянов» и еще несколько неразборчивых подписей от руки, которые мне не удалось идентифицировать.

Спустя четверть века уже мало кто, наверное, помнит, что в ходе судебного разбирательства летом 1987 года в отдельное производство было выделено уголовное дело о конструктивной надежности реактора РБМК, который эксплуатировался не только в Чернобыле, но и еще на девяти атомных электростанциях (и на них эксплуатируется до сих пор). Вот что ответил мне по этому поводу в конце 1989 года заместитель Генерального прокурора СССР В. И. Андреев: «Прокуратурой Союза СССР для выяснения вопроса о конструктивной надежности данного вида реакторов было возбуждено уголовное дело, в ходе расследования которого проводилась техническая экспертиза с участием признанных и авторитетных специалистов атомной энергетики. Экспертиза пришла к выводу, что технические средства системы

управления и защиты реактора при соблюдении регламента обеспечивали безопасную работу энергоблока. В связи с указанным заключением уголовное дело было прекращено, так как авария явилась результатом многочисленных нарушений правил безопасности эксплуатации реакторной установки, в том числе отключения ряда технических средств защиты». В общем, все нормально.

Но нормально ли? Нашей парламентской комиссии по рассмотрению причин аварии на Чернобыльской АЭС и оценке действий должностных лиц в послеаварийный период не без труда удалось востребовать для ознакомления это дело в Верховном суде СССР. Через несколько дней из Верховного суда СССР позвонили и настоятельно попросили срочно вернуть им дело. Но мы решили не возвращать, пока тщательно его не изучим. Нашей комиссии и Прокуратуре СССР была предложена экспертная помощь семи прокуроров.

В увесистом деле «в отношении лиц, не принявших своевременных мер к совершенствованию конструкций реакторных установок типа РБМК-1000» есть немало интересного, что присыпано не только радиоактивной пылью. Приведу всего несколько примеров вопросов суда и ответов экспертов: «Повлияли ли конструктивные особенности реактора на развитие аварии?» Ответ: «Да, повлияли. На это указано и в докладе правительственной комиссии: „Развитие аварии, приведшей к разрушению реактора, произошло из-за недостатков конструкции реактора. <...> Непосредственной исходной причиной начального роста реактивности явилось возникновение кипения воды в активной зоне. <...> В этом начальном росте радиоактивности проявился недостаток конструкции реактора: положительный паровой эффект, обусловленный структурой активной зоны.

Первоначальный рост реактивности не был подавлен на начальном этапе движения стержней СУЗ (системы управления и защиты. – А.Я.) после ввода в действие аварийной защиты реактора. В этом проявился второй недостаток конструкции реактора – неудачная конструкция стержней СУЗ“.

В нашу комиссию в течение нескольких месяцев поступило немало интереснейших документов, проливающих свет на тайну так и не состоявшегося второго уголовного дела – о конструктивных недостатках реактора.

Мы обнаружили человека, специалиста с Курской АЭС, А. А. Ядрихинского, который, оказывается, еще за полгода до взрыва в Чернобыле обращался в Госатомэнергонадзор с письмом, в котором предупреждал об опасности реакторов типа РБМК, объяснял необходимость независимой их экспертизы, говорил об их остановке для реконструкции той самой СУЗ. Ответ был таков: выводы безосновательны.

Что это? Самоуверенность? Ошибка? Пренебрежение (подумаешь, какой-то там инженер-инспектор по ядерной безопасности, пенсионер, – что он понимает?)

А говорят, что нет пророка в своем Отечестве... Страшное пророчество Александра Александровича еще более страшно сбылось. Через полгода. После аварии на ЧАЭС А. А. Ядрихинский был направлен туда. Получив доступ к документации и тяжело дышащему, умирающему реактору, еще раз все пересчитал и просчитал. Его скрупулезный труд – доклад „Ядерная авария на четвертом блоке Чернобыльской АЭС и ядерная безопасность реакторов РБМК“ – превратился уже в своего рода легенду. Многие слышали. Мало кто читал. В распоряжение нашей комиссии поступил его оригинальный вариант.

Здесь я хочу сделать небольшое отступление. 24 июня 1989 года состоялось заседание Комитета Верховного Совета СССР по экологии и рациональному использованию ресурсов, на котором проходило обсуждение кандидатуры на пост председателя нового комитета – Госпроматомнадзора СССР. Понимаете, было два комитета – Госгортехнадзор и Госатомнадзор, а стал один – Государственный Комитет СССР по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и атомной энергетике. Хорошо это или плохо?

Одно было ясно: международные обязательства, подписанные СССР, требовали, чтобы у нас был независимый комитет по надзору за безопасностью в атомной энергетике.

Вот как объяснял это претендент на пост председателя нового объединенного Комитета В. М. Малышев: „В мире только в США имеется настоящий надзорный орган по безопасности в атомной энергетике. Это комиссия, которая возглавляется председателем, назначенным президентом. Эта Комиссия (3 400 человек) имеет 400 миллионов долларов бюджет, 120 миллионов – это научно-исследовательские работы, что централизованно обеспечивают соответствующую политику по обеспечению безопасности, т. е. обоснования, исследования и так далее. Это единственный пример. Во всех остальных странах существуют эти комиссии или комитеты в составе различных комитетов. <...> Когда мне эту должность предложили, я сразу отказался. Когда спросили, в чем дело, я ответил, что считаю, что это неправильно“.

Сомнения в таком решении высказывали и депутаты. Но мы, как всегда, идем „другим путем“.

27 февраля 1990 года приказом вновь образованного Госпроматомнадзора СССР была создана комиссия для изучения причин и обстоятельств аварии на четвертом блоке ЧАЭС. Ее доклад, который подписал председатель Николай Штейнберг, занимает почти 80 машинописных страниц. Один только перечень научных публикаций, имеющих отношение к аварии, отечественных и зарубежных исследований, проектных данных, нормативно-технической документации на пяти страницах. Работа проведена огромная.

Не странно ли – к тому времени, когда был подготовлен отчет Штейнберга, прошло пять лет после аварии, были проведены десятки семинаров, научно-технических советов, отечественных и международных симпозиумов, наконец, представлены отчеты в МАГАТЭ, а страсти по реактору чернобыльского типа в научном мире не утихли? Не от того ли, что за годы после аварии в научной литературе не появилось обстоятельной объективной публикации, расставляющей все точки над „и“? На тот момент для меня лично, для многих членов нашей комиссии именно таким явился доклад Штейнберга.

Неожиданным и чрезвычайно интересным фактом стал результат анализа докладов, представленных СССР на совещании экспертов МАГАТЭ 25–29 августа 1986 года в Вене и 28 сентября – 2 октября 1987 года на международной конференции по безопасности ядерной энергетике „Авария на Чернобыльской АЭС: год спустя“. В обоих этих докладах официальной версией нашего правительства о причинах аварии называлось „крайне маловероятное сочетание нарушения порядка и режима эксплуатации, допущенное персоналом энергоблока“. Здесь была поставлена точка.

Но вот что интересно. В отчете Института атомной энергии имени Курчатова, который был утвержден уже после доклада для МАГАТЭ, указывается, что „первопричиной аварии явилось крайне маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации, допущенных персоналом энергоблока, *при которых проявились недостатки в конструкции реактора и стержней СУЗ* “. Выделенные мною курсивом слова в официальной версии для МАГАТЭ отсутствуют. Что это? Правда для внутреннего потребления и правда на экспорт? Вот что, в частности, пишет в своем докладе комиссия Штейнберга: „...об отступлениях, допущенных в проекте реактора РБМК-1000, от требований норм и правил по безопасности в атомной энергетике и конструктивных недоработках проекта, было известно уже в конце мая – начале июня 1986 года. Такие сведения содержатся в различных справках и отчетах, представленных в правительственную комиссию. Однако вскрытые дефекты конструкции реактора и его неудовлетворительные физические характеристики не стали достоянием широкого круга специалистов и общественности страны. Отсутствуют они и в материалах, представленных в МАГАТЭ. Значительно раньше, еще 28.12.84 г., решением Межведомственного научно-технического совета по атомной энергетике утверждены предложения экспертных комиссий 4-й и 5-й, созданных советом для разработки

мероприятий по частичному приведению действующих энергоблоков РБМК-1000 в соответствие с требованиями нормативных документов по безопасности. Однако, экспертные комиссии совета, к сожалению, не обратили внимание на некоторые особенности реактора РБМК-1000, которые оказались существенными для возникновения и развития аварии 26.04.86 г.”.

Оказывается, еще в 1967 году народному хозяйству страны предлагалось три варианта реактора: РБМК-1000, газового – РК-1000 или реактора ВВЭР-1000. Техничко-экономические показатели первого варианта были самыми плохими. Зато состояние разработки и поставок оборудования – гораздо лучше остальных. Поэтому первоначальное решение о применении газографитового реактора было отменено и принято другое, роковое – РБМК-1000.

В своем докладе комиссия Штейнберга приводит десятки пунктов нарушений „Правил ядерной безопасности атомных электростанций“ и „Общих положений обеспечения безопасности атомных электростанции при проектировании, строительстве и эксплуатации“. И вот печальный вывод: „Приведенный набор негативных свойств реактора рассматриваемого типа скорее всего предопределяет неизбежность аварийной ситуации, а вовсе не свидетельствует об их исключительности при крайне маловероятном сочетании порядка и режима эксплуатации персоналом энергоблоков. <...> Разработчикам характеристики реактора, опасные последствия их проявления и пути повышения безопасности реактора РБМК-1000, видимо, были понятны до аварии. Это подтверждается тем, что уже через полтора месяца после аварии были названы первоочередные технические меры для повышения безопасности РБМК-1000... Очевидно, что сущность этих мероприятий неадекватна официальной версии о том, что причины аварии кроются только в ошибках персонала“. За что же, спрашивается, в таком случае отсидели в тюрьме несколько человек этого самого персонала?

Как же так получилось, что в МАГАТЭ пошла односторонняя информация? Были ли ученые, специалисты, которые понимали и указывали на конструктивные ошибки реактора типа РБМК-1000? Кроме А. А. Ядрихинского, который стал предтечей этой версии, именно на это уже после аварии указала 5 мая 1986 года межведомственная комиссия под председательством нового заместителя министра среднего машиностроения СССР А. Г. Мешкова.

Еще на неделю раньше, 1 мая 1986 года, со своей версией аварии, которая „обусловлена не действиями обслуживающего персонала, а конструкцией активной зоны и неверным пониманием нейтронно-физических процессов, протекающих в ней“, обратился к директору Института атомной энергии имени Курчатова начальник группы по надежности и безопасности АЭС В. П. Волков. Такое же письмо он написал и в адрес руководства страны 9 мая. Да кто их, эти тревожные письма, там читал?

О конструктивных недостатках реактора направила дополнение к акту расследования аварии и группа специалистов Минэнерго СССР.

А завершилось все это тем, что, несмотря на то что на двух заседаниях межведомственного научно-технического совета 2 и 17 июня 1986 года (уже после катастрофы) под председательством академика А. П. Александрова были продемонстрированы конструктивные недостатки реактора, их не приняли в должной степени во внимание. Практически все причины аварии были сведены исключительно к ошибкам персонала. Эта позиция и стала официальной. Она же пошла и в МАГАТЭ от имени СССР. И могло ли быть иначе: Александров против Александрова?

В „Литературной газете“ 17 мая 1989 года был опубликован чрезвычайно интересный диалог-расследование политического обозревателя Игоря Беляева „По тому ли пути?“. Его собеседник В. А. Бобров, исполняющий обязанности начальника лаборатории государственной экспертизы изобретений ЦНИИ-атоминформ, рассказывал о том, почему реактор РБМК-1000 не был зарегистрирован как изобретение. Авторами заявки выступили тогда директор Института атомной энергии академик А. П.

Александров и другие сотрудники. „В 1967 году первый вариант заявки (полторы страницы машинописного текста без формулы изобретения и чертежей) я возвратил авторам на переоформление. Затем началось невероятное. Переоформленная заявка на РБМК от 6.10.67 г. еще не была рассмотрена, а уже всего через месяц, 10 ноября 1967 года, академик А. П. Александров объявил в газете „Правда“ (статья „Октябрь и физика““) „что советским ученым удалось решить задачу повышения экономичности атомных электростанций“. Хотя „одной из причин непризнания конструкции изобретением было отсутствие промышленной полезности способа снижения стоимости электроэнергии путем использования РБМК с допотопным КПД – всего около 30 процентов“. Именно эту причину отказа оспаривал заявитель после его силового внедрения, в атомную энергетику в 1973 году. Напомню: на Ленинградской АЭС, там, где впоследствии произошло несколько аварий, которые скрыли. Утверждение академика А. П. Александрова о якобы „передовом техническом уровне“ реактора РБМК оказалось несостоятельным, так как Государственная патентная экспертиза тоже не признала этот реактор изобретением в СССР».

Академику Александрову все же удалось навязать широкомасштабное внедрение своего детища в народное хозяйство страны. В очередную пятилетку 1971–1975 годы две трети мощностей АЭС планировались именно с этими опасными реакторами.

Недавно в своем архиве я нашла любопытный документ, относящийся к периоду строительства Чернобыльской АЭС. Оказывается, еще на том этапе здесь многое шло вкривь и вкось (впрочем, как почти везде в СССР). «Секретно. Подлежит возврату в общий отдел ЦК КПСС. Комитет государственной безопасности СССР. 21.02.79 г. О недостатках в строительстве Чернобыльской АЭС. По имеющимся в КГБ СССР данным, на отдельных участках строительства второго блока <...> имеют место факты отступления от проектов, а также нарушения технологии строительных и монтажных работ, что может привести к авариям и несчастным случаям. Колонны каркаса машинного зала смонтированы с отклонением от разбивочных осей до 100 мм, между колоннами в отдельных местах отсутствуют горизонтальные связи. Стеновые панели уложены с отклонением от осей до 150 мм. Раскладка плит покрытия произведена с отступлением от предписания авторского надзора. <...> Во многих местах повреждена вертикальная гидроизоляция... [это] может привести к проникновению грунтовых вод в помещение станции и к радиоактивному заражению окружающей среды. <...> При укладке особо тяжелого бетона были допущены перерывы в бетонировании, что привело к образованию раковин и расслоению фундамента. <...> Председатель комитета Ю. Андропов».

Несмотря на то что речь здесь идет о втором блоке, у меня нет никакого сомнения, что то же происходило и на всех остальных. За почти пятнадцать лет работы журналистом отдела промышленности и капитального строительства областной газеты я приобрела в этом плане богатый опыт, напечатала (иногда с большим трудом, с последующими вызовами в обком партии на ковер, выговорами и даже судебными преследованиями) немало статей о советском партийном очковитирательстве и разгильдяйстве. Но вот в случае с Чернобыльской АЭС (как, впрочем, и с другими) даже «железный» Андропов с КГБ не помогли.

Из доклада комиссии Госпроматомнадзора СССР «О причинах и обстоятельствах аварии на 4-м блоке Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года»: «Персоналом действительно были допущены нарушения технического регламента. Часть этих нарушений не оказала влияние на возникновение и развитие аварии, часть позволила создать условия для реализации негативных проектных характеристик РБМК-1000. Допущенные нарушения во многом определяются неудовлетворительным качеством эксплуатационной документации и ее противоречивостью, обусловленной неудовлетворительным качеством проекта РБМК-1000. Персонал не знал о некоторых опасных свойствах реактора и, следовательно, не осознавал последствий допускаемых нарушений. Но это как раз и свидетельствует о недостатке культуры безопасности не столько у эксплуатационного персонала, сколько у разработчиков реактора и эксплуатируемой организации».

В докладе комиссии приводится интересный факт, как отреагировали проектировщики на аварию на АЭС «Три Майл Айленд» (США). Они меньше всего пытались обвинить персонал, потому что инженеры «могут анализировать первую минуту инцидента несколько часов или даже недель для того, чтобы понять случившееся или спрогнозировать развитие процесса при изменении параметров». А оператор должен «описать сотни мыслей, решений и действий, предпринимаемых в течение переходного процесса». Эдвард Р. Фредерик, американский оператор, принявший ночью 28 апреля 1979 года ошибочные решения, но не преследовавшийся за них, писал: «Как бы я желал вернуться и изменить эти решения. Но это не может быть переделано, и не должно случиться снова; оператор никогда не должен оказаться в ситуации, которую инженеры предварительно не проанализировали. Инженеры никогда не должны анализировать ситуацию без учета реакции оператора на нее».

Главная причина, приходит к выводу комиссия Н. А. Штейнберга, не в ошибках персонала. Не в его каких-то психологических или профессиональных проблемах. Любая другая бригада в любом другом составе ничего не могла бы изменить. Авария – вольно или невольно – была запрограммирована.

«Недостатки конструкции реактора РБМК-1000, эксплуатировавшегося на четвертом блоке Чернобыльской АЭС, предопределили тяжелые последствия аварии». Таков окончательный диагноз комиссии Госпроматомнадзора СССР.

Спустя и двадцать пять лет после катастрофы на ЧАЭС ни Прокуратура СССР до его развала, ни прокуратуры уже независимых государств Беларуси, России, Украины так и не смахнули пыль с закрытого уголовного дела о конструктивной надежности реакторов РБМК-1000. Будет ли восстановлена вообще когда-нибудь историческая справедливость?

Взрыв в Чернобыле поставил перед будущим атомной энергетики большой знак вопроса. На этой волне выросли и окрепли в западных странах антиядерные движения. Обрели более широкую поддержку партии «зеленых», выступающие за демонтаж АЭС.

Первой от использования столь рискованным методом полученной электроэнергии отказалась на национальном референдуме Швеция. В южной части этой страны работает двенадцать ядерных реакторов. Они обеспечивают половину всей электроэнергии в стране. Правительство Швеции приняло решение о демонтаже всех реакторов до 2010 года. (Хотя, замечу, это реакторы и не чернобыльского типа.)

И вот в 1999 году Швеция начала длительный процесс закрытия своих АЭС – первый шведский реактор был остановлен навсегда, несмотря на то что энергетическая компания «SYDKRAFT» протестовала против правительственного решения. Вопрос о его правомочности – закрыть частную АЭС – рассматривался в шведском суде высшей инстанции, а также в Европейском суде. В конце концов «SYDKRAFT» отказалась от своего иска и разумно согласилась на компенсацию.

После Чернобыльской аварии забеспокоилось и правительство Швейцарии. Группе экспертов было поручено разработать проект долгосрочной программы развития энергетики. К февралю 1988 года такая программа была выполнена. «Доклад экспертов, – отмечает газета „Ревю экономик франко-сьюис“, – произвел эффект разорвавшейся бомбы». Программа предусматривает к 2025 году остановку всех АЭС. Конечно, при условии жесточайшей экономии электричества и развития неэнергоемких отраслей промышленности.

Решительную борьбу с АЭС повела общественность не только скандинавских стран, но также и партия «зеленых» во Франции, где АЭС поставляет 70 процентов всей электроэнергии страны.

В сентябре 1990 года «зеленые» французского парламента пригласили меня на международный форум «Переверни страницу». Он проходил как альтернатива международному совещанию в Лионе по

дальнейшему развитию атомной энергетики. Главным и самым мощным аргументом «против» для французских активистов стал наш Чернобыль.

Тогда неожиданно мы встретились в Лионе с кинорежиссером Георгием Шкляревским, который по просьбе «зеленых» привез сюда свой документальный фильм «Мик-ро-фон!». Тот самый, который, по заключению экспертов из Госкоматомнадзора, мог скомпрометировать Советский Союз. Мы провели две пресс-конференции об аварии на ЧАЭС и ее последствиях. Одну – для журналистов. Вторую – для активистов антиядерного движения. В обоих случаях зал был набит до отказа. Присутствующих интересовало все. Особенно – последствия.

Французов также волновало, что делает их профессор П.Пеллерен, когда посещает Советский Союз. Им было известно, что 19–25 июня 1989 года профессор П. Пеллерен, директор службы радиационной защиты Министерства здравоохранения Франции, вместе с профессором Д. Бенинсоном, директором департамента комиссии по атомной энергии Аргентины, а также доктором Вэйтом из Канады, руководителем группы радиационной защиты Секретариата ВОЗ прибыли в нашу страну по просьбе правительства СССР. В качестве экспертов Всемирной организации здравоохранения. Это была реакция советского правительства на критику в свой адрес со стороны народных депутатов СССР на Первом съезде. Высокие гости должны были рассеять все сомнения, которые заронили парламентарии и журналисты. Тогда первый секретарь Житомирского обкома партии В. М. Кавун радостно говорил: вот приедет международная комиссия и даст заключение. Он как будто наперед знал, каким оно будет, это заключение. И неудивительно. Группа экспертов была надежно защищена от внешних контактов знакомыми нам лицами: Ильиным, Кондрусевым, Гуськовой, Романенко. Впрочем, они и сами хотели именно этого.

Первый секретарь не ошибся. Эксперты ВОЗ дали заключение, которое едва ли не слово в слово повторило доморощенную ильинскую концепцию. Они согласились с тем, что 35 бэр «обеспечивает очень небольшой риск для здоровья по сравнению с другими видами риска за время человеческой жизни» (!). Это напомнило мне выступление одного из ученых на парламентских слушаниях, когда он сравнивал атомную аварию с дорожно-транспортным происшествием.

Зарубежные эксперты успокоили нас, заявив, что «если бы их попросили установить допустимые значения пожизненной дозы, они выбрали бы значения в два, в три раза превышающие 35 бэр». Как будто они ничего не ведали о малых дозах радиации, о беспороговом ее воздействии на человека, о первом радиоактивном ударе, который получили все, включая младенцев. Это была заведомая лоббистская деятельность, уже не только советский, но и международный обман, которому мы должны были верить. Подконтрольные коммунистическим властям газеты и телевидение (других тогда не было) передавали все это с упоением. Мол, видите, как там у них, на Западе, сурово? То-то же. Лучше уж сидите и молчите. А то хуже будет.

Профессор Пеллерен из Франции приезжал и к нам, в Житомирскую область, в Народичи. Вот что рассказывал об этом на встрече за «круглым столом» в газете «Московские новости» председатель Народничского райисполкома В. С. Будько, народный депутат Украины: «Профессор Пеллерен был у нас в Народичах, и когда я в своем выступлении говорил, что у нас села делятся на „чистые“ и „нечистые“, то есть в одни завозятся „чистые“ продукты, а в другие – нет, он был совершенно поражен и трижды через переводчика спрашивал меня, правда ли, что, живя на территории с плотностью радиации кое-где свыше ста кюри на квадратный километр, мы не обеспечены полностью „чистыми“ продуктами. Он не мог в это поверить». Но об этом смятении французского ученого партийная печать не сообщала.

Поездка зарубежных экспертов по радиационным местам Украины и Белоруссии родила новый поток лжи и на страницах местной печати. Газета «Радянська Житомирщина» 7 августа 1989 года опубликовала

«актуальное интервью» с директором Института клинической радиологии Всесоюзного научного центра радиационной медицины Академии медицинских наук УССР доктором медицинских наук В. Г. Бебешко. Оно называлось «Облучение и здоровье». С красноречивым подзаголовком: «Выводы экспертов Всемирной организации здравоохранения совпадают с мнением советских ученых и медиков». Понятно также, почему для этих совпадающих выводов был избран в интервьюируемые не кто иной, как Бебешко. Его проправительственная (читай – продажная) позиция была известна. Даже тогда такое «актуальное интервью» читать было противно.

Как здесь не согласиться с мнением профессора МГУ А. Мищенко, высказанным на пресс-конференции 8 февраля 1991 года «Экологические катастрофы: факты, причины, следствия»: «Правительство обращается к иностранным ученым, когда советские не согласны с правительственными проектами. Вот тогда и ищут консультантов более послушных. И находят за рубежом».

В последнее время в различном контексте все чаще встречаются слова «ядерная мафия», «атомное лобби». Профессор Елена Бурлакова уверена в том, что «радиационная медицина была наукой политической», что «существует некое радиологическое лобби. Радиационная медицина находится в руках лобби, ядерщиков, атомщиков, которые ее создали не для того, чтобы в действительности защищать, а пропагандировать атомную энергетику».

Спустя несколько лет после катастрофы в межреспубликанской газете «Набат», которую издает белорусский писатель Василь Яковенко, появилось любопытное сообщение Александра Люцко, доцента кафедры ядерной физики Белорусского государственного университета. Он пишет о том, какие порядки царят в самой МАГАТЭ. «Привезенные мною образцы почвы, продуктов питания, предварительно проверенные на радиоактивную загрязненность в Белоруссии, неожиданно оказались „арестованными“». После консультаций в штаб-квартире директор лаборатории Роберто Данези провел со мной мучительные для него переговоры: МАГАТЭ убедительно просит не настаивать на получении результатов радиометрии этих образцов, ибо агентство не хотело бы оказаться замешанным в их использовании для политических целей...» Ни больше ни меньше. Получается, ложь вполне можно использовать для политических целей, а правду – ни-ни.

Александр Люцко рассказал об обстановке секретности вокруг независимой международной экспертизы о последствиях аварии в Чернобыле, созданной по просьбе нашего правительства. Особое распоряжение на этот счет подписал генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликке. По словам Люцко, оно было вывешено на дверях Зайберсдорфской лаборатории МАГАТЭ (под Веной).

Уже давно стало понятно, почему вокруг независимой международной экспертизы была создана завеса секретности. Как сообщили депутаты украинской парламентской Комиссии по вопросам чернобыльской аварии, международные эксперты фактически перечеркнули всё, что было положено в основу принятых Верховным Советом УССР законов о статусе радио-загрязненных территорий и о статусе граждан, которые пострадали в результате этой аварии. Возникает вопрос: так это была научная экспертиза или урок преступной дипломатии по отношению к правительству, которое бесконечно виновато перед пострадавшими? В какой же роли выступали и в этот раз «независимые эксперты» и от чего или кого они были независимы? Похоже, от обычной человеческой совести.

Вот интересная статистика: в период между мартом 1990 и январем 1991 в Советском Союзе высадилось около пятидесяти международных десантов – почти двести экспертов! Все они побывали у нас с подачи МАГАТЭ. Понятно, чьи интересы они представляли. «Все ядерно-энергетические, – пишет в своей книге „Чернобыльская авария: радиационные последствия для настоящего и будущего поколений“ независимый исследователь малых доз радиации американский профессор Джон Гофман, – и исследовательские программы по воздействию радиации контролируются непосредственно

правительствами. Из-за отсутствия финансового субсидирования независимая экспертиза последствий воздействия радиации на здоровье – очень редкое явление».

Гофман приводит показательный пример: 21 мая 1991 года агентство «Ассошиэйтед Пресс» цитирует Линна Р. Анспауха, занимавшегося медицинской частью отчета МАГАТЭ, что, мол, вся беда «не от радиации, а от страха перед ней». Но агентство не сообщает читателям, что Анспаух работает в Министерстве энергетики США, в его Ливерморской лаборатории. Более того, является одним из авторов так называемой модели «нулевого риска» при оценке последствий инцидентов на объектах ядерной энергетики. Ну что еще другое может сказать Анспаух и его коллеги? Именно такие люди подбирались для поездок в чернобыльские зоны и правительством СССР, и МАГАТЭ, чтобы авторитетом международной «экспертизы» прикрыть срамные места советской атомной энергетики и заткнуть распоясавшимся журналистам и депутатам, например, мне, рот.

Но вернемся во Францию. На том международном форуме «Переверни страницу» было размножено, в том числе и на русском языке, письмо комитета «Стоп Ножан», которое подписали представители движения «Ученые против атомной энергии» – независимой французской лаборатории, общественности городка Ножан, что в восьмидесяти километрах от Парижа, где была построена новая АЭС, члены партии французских «зеленых». Я позволю себе привести это письмо почти полностью, сохраняя правописание и стиль. Оно многое объясняет. Итак...

***

«Париж, 18 сентября 1990 года

Дорогие друзья, как вы, вероятно, уже знаете, противоатомные активисты из Франции – ни многочисленны, ни мощны. Эта ситуация страшная: французская атомная индустрия вторая или третья в мире. Можно теперь сказать, после катастрофы Чернобыля, что даже советская атомная программа замедлилась. Только во Франции это не так. И, к сожалению, эта проблема не одна: мы узнали, что некоторые ответственные французские специалисты из французского атомного комплекса убеждали Ильина и власти СССР замедлить эвакуацию из регионов, пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Но белорусские, русские украинские и другие граждане должны узнать, что во Франции тоже есть активисты, которые попробуют противостоять этой чудовищной деятельности. Дело в солидарности, конечно, но не только потому, что французские АЭС тоже опасны. Впрочем, профессор Пеллерен был бы, в случае атомной аварии в нашей стране, главным по принятию официальных решений о здоровье! Об этом письме вы можете прочитать в печати, в тексте конференции, которая состоялась в Париже 5 марта 1990 года. Тема – деятельность профессора Пеллерена в Белоруссии, Украине и во Франции. Причиной этой конференции стало открытое письмо министру здравоохранения. (Профессор Пеллерен практически зависит от администрации.)

В марте и апреле этого года французские СМИ наконец рассказали о последствиях Чернобыля в СССР. До этого почти ничего не говорили и теперь снова молчат.

Люди в Восточной Европе часто верят, что массовые информационные средства у нас – честные. Это совсем неправда: особенно что касается атомной энергетики. Население здесь понимает, что французский атомный комплекс зависит от страшной бюрократии, но люди не знают, что делать. Все это значит, что нам очень трудно найти хорошую информацию о положении атомной индустрии в СССР. <...> Как вы знаете, Франция продолжает подземные ядерные испытания в Полинезии, и там – люди и болезни! За мир без атомной энергии. Комитет Стоп Ножан».

Подписи, адреса.

Вскоре после того как о моей еще неизданной книге «Чернобыль с нами» в 1990 году узнали депутаты Европарламента (я по их приглашению выступала там с сообщением о Чернобыле), они решили перевести и издать книгу на французском языке. Огромную роль сыграла в этом советник Европарламента Жаклин Трелон. Когда перевод книги был завершен, ко мне неожиданно обратились мои парижские издатели с невероятной для меня просьбой: убрать из ее французского перевода те страницы, в которых речь идет об этой конференции, и в первую очередь – рассказ о письме общественного Комитета «Стоп Ножан». Честно говоря, я была в шоке. Ведь мы все были уверены, что там, на Западе, демократия и полная свобода слова. Оказывается, издатели опасались, что будут иметь неприятности, если напечатают в моей книге критические слова в адрес французской атомной индустрии и французских ученых, которые поддерживают миф о ее безопасности.

Получалось, что во Франции, одной из самых демократических стран мира, нет никакой свободы слова, если это слово касалось святая святых – ее ядерной энергетики. Получалось, что критиковать советское правительство и советские реакторы во Франции можно, а французские – боже упаси!

У меня не было выбора – публикация на французском языке книги о большой чернобыльской лжи была единственной на тот момент возможностью прорваться на Запад с правдой о ее катастрофических последствиях. И я скрепя сердце вынуждена была согласиться. Во французском издании моей книги «Чернобыль. Запрещенная правда» эта история купирована.

В отчете о визите группы международных экспертов ВОЗ Пеллерена – Беннисона – Вейта, представленном Министерством здравоохранения СССР и опубликованном в «Информационном бюллетене» межведомственного совета по информации и связям с общественностью в области атомной энергии за 1989 год сказано: «Эксперты с удовлетворением отметили, что имели доступ ко всей информации и что данные были доступны советским ученым». Кому и каким именно ученым, не уточняется. Чтобы обмануть собственный народ официальной отечественной медицине пришлось позвать на помощь официальную зарубежную.

К слову, весь этот сборник – «Информационный бюллетень» – может быть образцом извращенной ведомственной гласности. Его составитель Е. В. Гулый умудрился собрать в нем статьи о последствиях аварии в Чернобыле, ласкающие слух на начальственном Олимпе.

После пресс-конференции в Лионе местные журналисты сообщили нам, что полиция разогнала демонстрантов, выступавших за закрытие АЭС возле городка Ножан. На следующий день в Париже на rue Titon, 19, в штаб-квартире партии «зеленых» нам показали газету со статьей об этом событии и с фотографией одного из участников демонстрации протеста с разбитым лбом. Так во Франции граждане борются против мирного атома.

В один из тех дней, когда я была в Лионе, в Швейцарии проходил референдум о будущем национальной атомной энергетики. Его результаты – мораторий на строительство новых АЭС на 10 лет – стали праздником для моих новых друзей во Франции. Забегая вперед, скажу, что в 2003 году швейцарские экологи потерпели досадную неудачу, мораторий на следующие десять лет продлен не был. Ядерное лобби – 40 процентов электроэнергии дают здесь АЭС – победило. Уроки Чернобыля забыты?

Украинская община в Лионе, узнав о том, что в составе делегации есть представители с Украины, пригласила нас на встречу. Они тоже хотели знать, что же происходит после Чернобыля, как помочь бывшим соотечественникам. Встреча состоялась в православном храме. Организатором ее стала Геня Кузин, французская украинка, которая буквально бредила своей родиной. Эмигранткой из Западной Украины была ее мать. Пани Геня родилась уже здесь, во Франции. Так же, как и ее сын. Но, тем не менее, свой язык они знают, свои песни поют, читают украинские книги. В семье – культ Украины. Пани Геня Кузин больше всего на свете любит украинские вышиванки и рушники. В ее квартире на видном месте – портрет

Тараса Шевченко в рушниковом убранстве. Тем летом пани Геня впервые собралась на Украину. И очень волновалась. Глядя на нее, слушая, я ловила себя на мысли о том, как далеки они от наших реальностей, нашей прозы. Вдали от нашей Украины они сами себе выдумали свою Украину. Они верят в нее. Это для них религия, тот опиум, в который, наверное, так хочется погрузиться, если нельзя просто взять билет до Киева и обратно.

Спустя некоторое время после моего возвращения из Лиона я получила письмо от пани Гени Кузин. Она поздравляла меня с Рождеством Христовым. Сообщала, что община уже собрала 30 тысяч франков для детей Чернобыля, спрашивала, куда их направить. Я позвонила в штаб движения «Зелений свгг» в Киев, и мы решили, что лучше всего пусть они у себя в Лионе купят на эти деньги лекарства для одной из клиник Киева, в которой лечатся чернобыльские дети.

Взрыв на ЧАЭС бумерангом ударил и по отечественной энергетике. В каком она состоянии? Быть ли ей вообще? А если да, то какой быть? Это отдельная большая тема, которая неожиданно для меня открылась новыми, ранее засекреченными гранями, спустя шесть лет после Чернобыля, и подробно об этом невероятном журналистском везении я намерена рассказать в отдельной главе.

Здесь же я хочу привести мнения, высказанные и экспертами, и народными депутатами во время предпарламентских слушаний и назначений. Тогда мы мало что знали. Тогда, несмотря на глобальную аварию и продвижение к «глобальной» гласности в стране, ядерная энергетика все еще была для нас тайной за семью печатями. Информацию приходилось выуживать буквально по крохам.

Претендент на пост главы нового комитета Госпроматом-надзора В. М. Малышев при обсуждении его кандидатуры в парламенте сказал, что «при обследовании выявлено в атомной энергетике 24 500 нарушений. Привлечено к ответственности две тысячи четыреста человек». Контролировал гражданские реакторы Госатомэнергонадзор, который как раз и упразднили. Но ведь кроме гражданских были (и есть) еще и исследовательские ядерные реакторы. Их более семидесяти. И только четырнадцать из них находились под надзором у этого комитета. Остальные – у своих ведомств. К тому же и после катастрофы на ЧАЭС у нас эксплуатировалось четырнадцать реакторов чернобыльского типа. Как быть?

Малышев В. М., председатель Госпроматомнадзора СССР: «Строящиеся... атомные станции соответствуют мировому уровню, а в целом уровень безопасности у нас ниже уровня передовых капиталистических стран. В чем дело? А дело в том, что у нас в стране в свое время начали строить атомные станции, не имея соответствующей нормативной базы. Было построено 16 энергоблоков первого поколения, которые не имеют защитной оболочки, хотя они имеют другие устройства. К сожалению, наши правила не требовали непосредственно защитной оболочки. По этим блокам имеются замечания, т. е. неполное качество систем безопасности. С чем мы столкнулись? Мы столкнулись с тем, что научные, конструкторские эксплуатационные организации в большинстве своем считают возможным продолжение эксплуатации этих блоков в проектом ресурсе. А проектный ресурс, вы знаете, тридцать лет, а некоторые станции был пущены в 1980 году, значит, должны до 2010 эксплуатироваться.

Мы поставили вопрос таким образом, что все эти блоки должны быть выведены из эксплуатации до 2000 года. Но критерий их вывода будет зависеть от того, что по плану должны быть в 1989 году выданы проекты реконструкции с обоснованием безопасности, должно быть проверено фактическое состояние, что это за блок, в каких он условиях, как он оказался в соответствии с новыми нормативами, на каком расстоянии от городов. Я представляю, что нам очень серьезно придется ставить вопрос о досрочном выводе из эксплуатации двух блоков: Ленинградский (первый-второй), Воронежский (третий-четвертый). Этот вопрос будет определяться, какова полнота аргументации, обоснования, безопасность этих блоков».

Слова-предупреждения были сказаны двадцать пять лет назад. Но ничего такого с тех пор так и не произошло. Все атомные реакторы чернобыльского типа (за исключением закрытой в 2000 году ЧАЭС, а

также – Игналинской станции в Латвии) до сих пор продолжают работать. Ни один опасный атомный реактор досрочно так и не был выведен – ни на Ленинградской АЭС, ни на Воронежской. Более того, даже после выработки Ленинградской АЭС своего ресурса (а это первая советская АЭС с реакторами типа РБМК-1000), срок ее работы продлен еще на десять лет.

В Германии несколько лет назад был принят специальный закон о запрете АЭС. В 1998 году партия «зеленых» главным условием своего участия в правящей коалиции с социал-демократами выдвинула отказ от атомной энергетики. Германские власти в 2002 году планировали в течение двадцати лет закрыть девятнадцать АЭС и полностью перейти на альтернативные источники энергии. 14 ноября 2003 на севере страны начался процесс закрытия одной из старейших атомных электростанций «Штаде». Однако в 2010 правительством Ангелы Меркель было принято решение о продлении в среднем на двенадцать лет срока эксплуатации действующих в стране атомных реакторов. Оно мотивировалось тем, что продление срока принесет бюджету около 30 миллиардов евро, которые будут направлены на развитие возобновляемых источников энергии. Ядерные лоббисты всего мира поспешили объявить это новым атомным ренессансом.

Однако вернемся ко временам позднего СССР. «Я должен сказать о том, – продолжал В. М. Малышев, – что нас сегодня беспокоят, конечно, и некачественные проекты, значительные замечания по конструкциям. С 1990 года, с января месяца, должна быть программа качества, с 1991 года (в ней. – А.Я.) должны быть разделы о выводе из эксплуатации, потому что нет таких разделов, разделы захоронения отходов и т. д.» Мы сталкиваемся с явлениями, когда имеет место остановка блоков, а вот ответственных не найдешь, никому ничего нельзя предъявить.

А вот что заявила депутат Усилина Н. А.: «Жители подписали протест строительству и пуску Горьковской атомной станции. Нет полной гарантии безопасности для трех миллионов человек. Пуск станции создает угрозу населению, выхода из строя десятков предприятий, угрозу загрязнения бассейна реки Волга.

У нас в Горьковской области (ныне Нижегородская. – А.Я.), Семеновский район, где идет захоронение отходов, люди очень болеют, особенно дети. Мои избиратели спрашивают, когда это прекратится?»

Депутат Тихоненков Э. П.: «...на Крымской атомной станции в „рубашке“ блока установлено 20 процентов пустот».

Председатель Госкомгидромета СССР Израэль Ю. А.: «Сейчас рассматривается общее новое положение о безопасности строительства атомных станций. Очень четко указаны те расстояния, ближе которых вообще не разрешается работать. И второе – надо смотреть конкретные ситуации. Я, например, считаю, что на атомных станциях надо работать сейчас как можно безопаснее. Как бы дорого государству не было. Я скажу главную мысль. Дело в том, что самая большая авария на земле не Чернобыль, а „Три Майл Айленд“ (США). Она была под колпаком. И все, что вышло из реактора, осталось под колпаком. Колпак треснул, но во внешнюю среду вышло очень мало радиоактивности. А из реактора вышло больше, чем в Чернобыле. Поэтому надо строить защитные колпаки и погружать атомные станции под землю».

Я хочу закончить эту главу оценкой Сахарова: «Ядерная энергетика сейчас дороже, чем получаемая с помощью привычных источников, но нефть и газ в перспективе будут истощаться, уголь экологически очень вреден, любые тепловые станции создают парниковый эффект. По-видимому, в перспективе все большую и большую роль должна играть все-таки ядерная энергетика. Во всяком случае, на протяжении достаточно длительного времени, на которое мы можем делать технические прогнозы. Ее, конечно, надо сделать безопасной. Тут есть разные пути.

Прежде всего, усовершенствование ядерного реактора. Созданы водо-водяные реакторы, в которых нечему гореть; реакторы с газовым охлаждением, в которых не образуется взрывчатая смесь – гремучий

газ; реакторы, в которых при любой аварии происходит уменьшение реактивности. Все это, в принципе, возможно. И все же стопроцентной уверенности в полной безопасности нет. К примеру, проблемы терроризма, обстрела ракетами и бомбардировка с воздуха с применением обычных взрывчатых веществ остаются до тех пор, пока мы живем в таком мире, как сейчас. <...> В общем, вывод у меня такой – кардинальным решением безопасности является подземное расположение реакторов».

Это последнее предложение Сахарова о размещении ядерных реакторов под землей вызывает волну справедливой критики со стороны экологов и общественности – реакторы могут протекать, тогда под угрозой заражения окажутся все подземные воды, которые соединены с Мировым океаном.

Так что безусловно только одно: выживая после Чернобыля, человечество отныне и всегда будет взвешивать на чашах весов Жизнь и Реактор.

Глава 12 ПРИК Ю РИВАЮТ ЛИ МЛАДЕНЦЫ ЧЕРНОБЫЛЯ?

На первый взгляд, в том, что международный Сахаровский конгресс, посвященный 70-летию со дня рождения отца советской водородной бомбы, ставшего позже первым в СССР адвокатом запрета ядерного оружия, выбрал для обсуждения в числе других тему «Глобальные последствия Чернобыльской катастрофы и будущее ядерной энергетики», не было ничего необычного. Он проходил 21–25 мая 1991 года в Москве.

Это была особенная дата – прошло почти полтора года со дня внезапной смерти одного из самых известных советских академиков-диссидентов. Я хорошо помню последний вечер с Сахаровым, когда мы, члены Межрегиональной группы депутатов, – первой оппозиционной в советском парламенте, – допоздна обсуждали документы, с которыми собирались выступить на очередном заседании парламента в Кремле. Андрей Дмитриевич выглядел уставшим, и порой казалось, что он дремлет. Но это было обманчиво. Как только он был не согласен с выступающим, тут же начинал активно вступать в диалог.

На самом деле он уже несколько дней болел, но и слышать ничего не хотел о том, чтобы остаться дома. Накануне мы уединились с ним на задней скамье сессионного зала, и я передала ему пачку писем поддержки от моих избирателей. Он был благодарен (его все еще травил леворадикальная коммунистическая печать). А когда после нашего разговора он встал и, растерянно оглядываясь по сторонам в поисках своего места, направился не в ту сторону, я помогла ему сориентироваться. Тогда я подумала, что ему совсем худо, и робко сказала, что, может, ему лучше все же пойти домой отлежаться.

А он не только не пошел домой, но остался и на вечернее заседание Межрегиональной группы, лично правил документ, который мы готовили к следующему дню. Разошлись поздно, а утром нас всех оглушила весть – Сахаров умер!

Так что конгресс этот был особым, сахаровским, но уже без Сахарова. И так важно было, чтобы на нем сохранился сахаровский дух.

Среди его участников были «звезды» советской и зарубежной науки, коллеги и друзья академика: директор Института физики Леонид Келдыш, председатель Национального собрания Чехословакии Александр Дубчек, доктор Стэнфордского университета Сидней Дрелл, президент Португалии Марио Суарес, итальянский писатель Витторио Страда.

Оргкомитет конгресса возглавляла вдова академика Елена Боннэр. Заявленная на конгрессе тема Чернобыля, безусловно, привлекла к себе внимание специалистов, и особенно миллионов людей, проживающих в зонах поражения. Результатов дискуссии, освященных именем академика Сахарова, которое ассоциировалось, прежде всего, с бескомпромиссностью, ждали с особой надеждой. Ведь пять лет прошло после взрыва, а всей правды о Чернобыле мы всё еще не знали.

Несколько удивляло, что приглашения в качестве экспертов получили всего трое советских ученых. Остальные тринадцать – из других стран. Но предполагалось, эта странность – ведь кто же должен знать чернобыльские проблемы лучше нас самих? – будет компенсирована компетентной независимостью суждений западных экспертов. Это было тем более важно, что в то же самое время в Вене проходило заседание ООН, на котором делали доклад эксперты из МАГАТЭ по результатам своей работы в зонах чернобыльской катастрофы. И далеко не со всеми ее выводами в России, на Украине и в Белоруссии были согласны.

На первом же пленарном заседании конгресса по теме Чернобыля у тех, кто хоть немного владел информацией, крайнее недоумение вызвал доклад профессора Гарвардского университета Ричарда

Вильсона. Вначале он сказал о том, что «мы лишь через четыре месяца после взрыва получили информацию с Украины», что «Легасов не дал нам всей информации», что «я не врал, но я не говорил всей правды». Потом сообщил, что западные ученые, узнав подробности о Чернобыле только в 1988 году, «получили большой шок», что «полная информация не опубликована даже в 1990 году», что «покров тайны вызывает недоверие». Сказав все это, тем не менее, профессор Вильсон затем «остроумно» сравнил последствия чернобыльской катастрофы с эффектом от курения («20 рэм равносильно выкуриванию 20 тысяч сигарет»). Далее он успокоил нас, что «пожары в Кувейте хуже по своим последствиям, чем Чернобыльская авария», а также сравнил радиационную катастрофу с наводнением в Бангладеш. И в заключение рекомендовал всем нам «чаще бывать на свежем воздухе».

Вдобавок профессор продемонстрировал счетчик Гейгера, заметив попутно: «Мы были в Чернобыле на станции. Он еще тикает, сохранилась остаточная радиоактивность», что повергло присутствующих в полный шок. (Правда, позже пояснил, что, мол, радиации в счетчике нет, в зале – тоже, «это было ошибкой переводчика».)

С трибуны конгресса то и дело звучали нарекания западных ученых о том, что они не обладают достаточной информацией, что в основу их выступлений положены не собственные выводы, а заключения других, в том числе и советских ученых. А в зале сидели и слушали эти беспомощные заявления другие ученые – парламентские эксперты, которые несколько лет занимались исключительно проблемами Чернобыля и обладали самой обширной информацией о различных аспектах последствий взрыва. Но слова никто им не предоставил. Ситуация, прямо скажем, парадоксальная.

Не потому ли, что, как бы программируя именно такой ход событий, вдова академика Сахарова Елена Боннэр в своем выступлении процитировала слова из отчета комиссии МАГАТЭ: «стресс и неуверенность в политическом будущем – вот причины заболеваний»? И это уже ей вторил в своем докладе Ричард Вильсон: «Риск облучения невелик, однако больше риск, связанный со стрессом и покровом тайны».

Казалось, правозащитница Елена Боннэр взвалила на себя непосильную ношу ядерного лоббиста. Хотя по всей логике вещей все должно было быть как раз наоборот. Мы не понимали, зачем ей это надо и что вообще происходит на сахаровском конгрессе.

Скандально-безответственный доклад Вильсона бурно дискутировался в перерывах между заседаниями конгресса, в его кулуарах. Ни депутаты академик Юрий Рыжов и писатель Алесь Адамович, ни профессор Анатолий Назаров – никто не ведал, как же так случилось, что ни один из тех, кто обладает достаточно полной и достоверной информацией о последствиях катастрофы, не был допущен и близко к трибуне сахаровского конгресса. У кого-то с горечью сорвалось: «Воланд снова правит бал». Кто-то предложил в знак протеста покинуть заседание, но большинство отвергло это предложение: надо идти и работать в группах, найти способ доказать приглашенным западным экспертам всю ошибочность их представлений о благодати на постчернобыльских территориях. А уж если не удастся – тогда и сделать особое заявление для прессы.

В перерыве я высказала Елене Боннэр опасения: если то, что вещали о последствиях Чернобыля западные ученые, будет положено в основу рекомендаций, скомпрометируется имя Сахарова. Ведь Ричард Вильсон едва ли не один к одному говорил то, что пять лет мы слышали у себя дома от официальной медицины. Хотя спустя пять лет, под грузом очевидных фактов, даже сам академик Ильин вынужден был признать, что полутора миллиона детей, которые испытывают ежедневно на себе воздействие малых доз радиации «сегодня в таком состоянии, которое вызывает опасения». Однако Боннэр, смутившись, как мне показалось, ответила: «Ну надо же кому-то верить!» Да, надо. Люди и врачи в зоне верят прежде всего собственным глазам и собственным результатам исследований, а не байкам о

сравнении глобальных последствий катастрофы с эффектом от курения (неужели более полутора миллиона детей тоже прикуривают? Или прикуривают?), даже если эти байки заокеанские.

Нет, я не была против того, чтобы свою точку зрения высказали западные ученые, наоборот, я обеими руками – за. Но я также и за то, чтобы мы наконец начали уважать прежде всего самих себя. Почему в такой огромной стране организаторы конгресса, будучи хорошо осведомленными о том, что на самом деле происходит на зараженных территориях (а беседа об этом состоялась у меня с супругой бывшего президента США Розалин Картер по ее просьбе именно на квартире Елены Боннэр и при ее участии), не нашли не зависимого от официальной медицины советского ученого, который бы компетентно и авторитетно сделал доклад о катастрофе в Чернобыле на основании собственных исследований и выводов? Такие люди, слава Богу, у нас есть.

То, что произошло с оценками Чернобыля вообще, меня не удивляет: проядерная лоббистская война против жертв Чернобыля ведется давно. И у нас, и в проядерных кругах за рубежом. Удивило другое: такая же беспардонная попытка была сделана на Сахаровском конгрессе! И именно это было неожиданным и обидным.

Организаторы конгресса, преследуя свои собственные цели, не постеснялись и на пленарном заседании объявили в микрофон, чтобы без приглашений никто не смел приходить на заседания рабочих групп (!). Такого унижения участников и такой бесцеремонности я больше нигде не встречала. На свой страх и риск, мы, группа заинтересованных депутатов и экспертов, все же прибыли на заседание секции конгресса по проблемам Чернобыля. (Официальное приглашение на эту секцию получила только Елена Бурлакова.) В маленькую комнату набилось сорок пять человек!

На этом заседании, в узком кругу, парламентские эксперты, не допущенные Еленой Боннэр к главной трибуне сахаровского конгресса, взяли своеобразный реванш. Черед удивляться настал иностранцам. Они впервые за много лет услышали разоблачения сделанных на Западе лживых сообщений официальной медицины о том, что якобы сразу после аварии в Советском Союзе 5,4 миллиона человек были подвергнуты йодной профилактике. «Это дезинформация, – сказал доцент кафедры ядерной физики Белорусского университета Александр Люцко, – в Белоруссии своевременной йодной профилактики практически не было. А там, где и была, проводилась только на 5–7-й день. И эта акция оказалась не только бесполезной, но и вредной».

Он рассказал о скандальных подробностях поездки западных экспертов в чернобыльские зоны. «Пеллерен и Беннинсон ничего в Белоруссии сами не измеряли, – сказал Люцко, – зато делали успокаивающие заявления».

Впервые западные ученые услышали и правду о масштабах катастрофы, о количестве подвергшихся радиации, о действии малых доз на здоровье человека. «В документах у военных дозы записаны 3–5–7 бэр. Эти дозы „назначали“ старшие офицеры. Данные же попали во всесоюзный регистр. Это преступление не только перед людьми, но и перед наукой. Все фальсифицировано», «в статистике нет военнослужащих, десятков тысяч заключенных».

Услышали эксперты и оценку деятельности их коллег из МАГАТЭ: «Отчет этой комиссии основывается большей частью на официальных данных советской стороны. Она работала всего два месяца. А ведь за пять лет накопилось столько материала! В Белоруссии комиссия побывала всего в двух городах, в то время как здесь поражено почти 80 процентов территории».

В этой жаркой профессиональной дискуссии меня больше всего удивило выступление педиатра из Греции, эксперта МАГАТЭ, замечу, молодой женщины, которая деловито рассуждала о допустимых жертвах среди детей. Поддержала «теорию» Вильсона о курении и радиации. Заметила, что «восприятие

риска зависит от того, как этот риск подают средства массовой информации». Ну почти по Ильину! А в конце своего выступления заявила, что «катастрофа имела положительные результаты, несмотря на то, что люди пожертвовали жизнью. Зато проявились солидарность, гуманизм, и мы почувствовали, что мы все связаны». Вот так солидарность! Может, ради еще более опьяняющих чувств солидарности и гуманизма пусть рвануло бы еще разок-другой? Трудно понять подобную логику, если не знать, что автор этих заявлений получает за них зарплату в МАГАТЭ.

Профессор Вильсон извинился перед профессором Бурлаковой за то, что он «только вчера вечером по телефону нашел ее». А ведь, согласно программе, предполагалось, что его выступление на пленарном заседании (там, где он так неудачно демонстрировал счетчик Гейгера) должно было стать квинтэссенцией и ее научных исследований. Но зато уважаемый профессор нашел время встретиться с Олегом Павловским, ближайшим соратником академика Ильина, ведомство которого создавало «покров тайны», на что он так сетовал в своем публичном выступлении. Странно, не правда ли?

Заведующий лабораторией Института биофизики Министерства здравоохранения Олег Павловский присутствовал и выступал на заседании экспертов сахаровского конгресса как живое воплощение официальной лживой советской медицины. Несмотря на то что Прокуратура СССР по фактам сокрытия информации уже возбудила уголовное дело. Но, судя по всему, это ничуть не смутило организаторов проядерного сахаровского конгресса. Вероятно, Павловскому, так же, как и его патрону, было чрезвычайно важно освятить преступное замалчивание данных о последствиях аварии авторитетом западных экспертов именно на сахаровском конгрессе. Ведь у простого народа это имя ассоциировалось с правдой и порядочностью.

Несмотря на весь драматизм положения на конгрессе независимых экспертов и депутатов, нам все же удалось преодолеть «полосу отчуждения», за которой мы оказались по воле организаторов. Нам удалось убедить западных коллег, что грудные дети, живущие в зонах жесткой радиации, болеют не потому, что с младых ногтей прикуривают, что наводнение в Бангладеш – это нечто иное, чем взрыв в Чернобыле; то же и с пожарами в Кувейте. В конце дискуссии, изумленный потоком неизвестных ему, но потрясающих воображение фактов, доктор из Японии Тосиуки Куматори не удержался: «Я никогда не ожидал услышать такого рода дискуссию, и я не готов...»

Официальная медицина пичкала (и пичкает) зарубежных экспертов только теми фактами, которые выгодны ей. А как же иначе, скажите, оправдаться перед грядущими поколениями за преступный обман? Каждый раз, когда приезжали к нам зарубежные ученые, они надежно были защищены от всего живого знакомыми лицами: Ильин, Гуськова, Поваляев, Романенко, Бебешко...

Что-то похожее, несмотря на то что официальная команда в это время «парила мозги» западникам в Вене, должно было произойти и на конгрессе. И может, впервые хорошо отлаженная система дала сбой. Конгресс принял рекомендации по чернобыльской теме без обычных официозных вариаций. Доклады доцента Люцко и профессора Бурлаковой «поехали» тогда в различные страны. Мир получил информацию, которую в Советском Союзе так долго и так тщательно оберегали от постороннего глаза. В рекомендациях секции по правам человека черным по белому записали: «Есть опасность подмены истинного положения вещей в Чернобыле легендой о радиофобии».

Вспоминая об этом досадном происшествии вокруг Чернобыля, произошедшем на Первом международном конгрессе памяти Андрея Сахарова, я понимаю, что организаторам его гораздо важнее был международный политический резонанс, что он был ориентирован на громкий западный интерес. Возможно, это было важно, чтобы привлечь внимание международной общественности к различным проблемам в стране. Но делать это ценой трагедии чернобыльских детей нельзя. И пренебрегать

больными детьми недопустимо, а тем более пытаться прикрыть именем Сахарова преступление против человечности в зонах радиации.

Глава 13 КОРОСТЕНЬ, ЛУГИНЫ, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

Спустя годы после Чернобыля я вновь решила проехать по радиоактивным селам своей области. Если после аварии таких было десятки, то теперь – сотни. О многих из них мало кто знает и мало кто слышал. В основном – это глухие полесские села, окруженные со всех сторон лесом. Иногда кажется, что цивилизация сюда еще не добралась. Что же изменилось здесь за годы после аварии?

Только спустя более чем три года, первого июня 1989-го, жители села Воронево Коростенского района узнали, что они находятся в зоне жесткой радиации, и начали получать 25 процентов «гробовых».

В центре села, возле магазина, вместе с представителями местной власти меряем гамма-фон на почве. Прибор показывает 0,112 миллирентгена в час. Воздух на уровне метра от земли – 0,046. Естественный фон для этих мест 0,015–0,017. Вокруг нас собираются крестьяне, дети. Говорим о жизни, о здоровье.

Валентина Петровна Бех, уборщица сельской школы: «Моему сыну Вове семь лет. Болеет, стоит на учете, шум в сердце. Недавно был бронхит. Дочь Таня, десять лет. После взрыва в Чернобыле у нее постоянные кровотечения из носа. Головные боли – все время».

Оказалось, что в селе нет даже медсестры. Нет аптеки. И никакого сообщения с райцентром! Выращенные на огороде овощи – «грязные», молоко от своих буренок – «грязное». А в магазине – ничего. «Два раза завозили свинину. Паек детям – одна банка сгущенного молока. Еще тушенка, да ее нет. Соки в трехлитровых банках. Детского питания нет».

В таком же положении и жители другого села жесткого режима – Обиходы. Правда, оно было занесено в списки еще в 1986 году. Как раз на Первое мая.

Все та же нищета в магазине. Все те же слезы матерей. «Приезжие комиссии говорят: мойтесь два раза на день и будете жить». Рекомендуют также «два раза варить картофель», «денег – „гробовых“ – не платят».

Я поинтересовалась, есть ли в Обиходах больница. Мне показали ее. Мы подошли к развалюхе, которую руководство и назвало таковой. Начальство сетовало на то, что нет денег для строительства. А напротив красовался новый сельсовет. Власть не забыла позаботиться прежде всего о себе. Кстати, это гордость не только местных властей. Это – политика области. Председатель облисполкома В. М. Ямчинский (ныне уже покойный) показывал мне альбом с цветными фотографиями великолепных зданий сельсоветов в различных поселках. Это представлялось большим достижением советской власти. О таком опыте житомирян в «застойные» годы писала даже центральная газета. Лучше бы больницы для людей построили.

Старики же и старухи лежали в убогих «палатах». Зато – с видом на новый сельсовет. Кто-то из них с горечью сказал: «У нас на ферме лучше, чем в больнице. Там кафель».

Председатель райисполкома показал мне список «объектов, которые нужно построить (другие – отремонтировать) для удовлетворения потребностей социально-культурного развития села Обиходы Коростенского района». Такое вот название. Чего же всю жизнь не хватало Обиходам для «социально-культурного развития»? «Клуб на 300 мест. Участковая больница на 25 мест. Мост через реку Олешня. Водопровод протяженностью 47 километров. Асфальтирование дорог – длина 45 километров. Баня. Строительство тракторного парка. Газификация 450 домов. Реконструкция фермы. Котельная. Перекрытие соломенных крыш – 103 дома». Ну и так далее. Всего 14 позиций. Вот и получается: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Мы пошли по улицам села замерять уровни радиации. Нам посоветовали прежде всего сделать замер во дворе Натальи Гриценко, матери двоих детей. Прибор показал на ее подворье 0,150 миллирентгена в час. Возле хаты председателя сельсовета – 0,117.

В среднем же в Обиходах уровень загрязнения почвы составляет 22,6 кюри на квадратный километр.

Был конец августа. На улице стояла жара. Сельские дороги разбили машины. В песке играли дети. В Обиходах их – 130.

Через четыре года после чернобыльской аварии объявили о том, что Обиходы надо выселять...

Игнатенко М. Ф., председатель Коростенского райисполкома: «У нас даже нечем измерять уровни радиации. В районе нет ни одного своего прибора. Вот одолжили два у народи-чан. Приезжало к нам пять комиссий, проверяли гамма-фон. В тридцати двух населенных пунктах – „грязное“ молоко. В двенадцати – больше 15 кюри на квадратный километр. Но только в два села по отдельным фондам – Воронево и Обиходы – идут „чистые“ молоко и мясо. И то их катастрофически не хватает. Вот, например, в третьем квартале для Воронево нужно было 660 килограмм мяса. Получили только 209. Птицы нужно было – 870 килограмм, получили – 80. Молоко дает Киев. Ежедневно не хватает его сто тонн».

Михаил Федорович листает документы: начальнику областного управления торговли Вербило П.И., заместителю министра торговли УССР Стеблянко Г. К., председателю правления Укоопсоюза Литвиненко С. В., председателю Житомирского облисполкома Ямчинскому В. М., члену Политбюро ЦК Компартии Украины, первому заместителю председателя Совета министров УССР Качаловскому В. Е., председателю Совета министров УССР Масолу В. А., председателю Президиума Верховного Совета УССР Шевченко В. С., опять Масолу, председателю Верховного Совета СССР М. С. Горбачеву, первому секретарю Коростенского РККГУ В. Я. Беню, народному депутату СССР В. П. Кришевичу... И одна просьба, одна мольба: «включить в список жесткого контроля населенные пункты...», «выделить „чистое“ питание» – молоко, сметану, творог, сахар, масло, рыбу, мясо, овощи... Газ. Больница. Радиометры. В общем – всё. Как будто бы до того и не жили. А может, действительно не жили?

Иваненко П. Ф., председатель Коростенского райпотребсоюза: «Нам дают только то, что выбьем, выкричим. Свой мясокомбинат есть, а мяса – нет».

Гутевич А. П., заместитель главного врача центральной районной больницы: «Ситуация у нас уникальная: поликлиника в райцентре, больница – в Ушомире. Это – в двадцати пяти километрах. Неврологическое отделение – в селе Бехи. Здание в Ушомире – дореволюционных времен – 1902 года».

Как рассказали местные жители, во время Второй мировой войны это строение в Ушомире использовалось под конюшни. В палатах – восемь-десять больных. Оно пришло в такое состояние, что пришлось закрыть родильное отделение, травматологию и хирургию.

А в восьми километрах от поликлиники в селе Грозино началась новая стройка века – прекрасное административное здание. Еще одна контора. Для руководителей Научно-исследовательского института Нечерноземной зоны УССР... Неужели им нужнее, чем больным, обманутым властями людям?

Во всех селах всех радиоактивных районов, где я побывала в разное время после аварии, люди требовали денежной доплаты, «чистых» продуктов, компенсации за переселение. (И это понятно. Это для них – жизнь.)

Но в одном селе выставили особое требование. В Вехах Коростенского района, которое тоже находится в зоне радиоактивного загрязнения, меня встретили сотни людей. Они не говорили ни о мясе, ни о деньгах. Они умоляли об одном: вернуть им церковь, отобранную властями еще до войны. Это было удивительно.

Об этом случае, о борьбе верующих за спасение душ своих в радиоактивном селе расскажу отдельно. Это была борьба за возвращение церкви не только в село, но и в сердца.

Вот трогательное письмо, написанное мне полуграмотными стариками: «Просим Вас, помогите вернуть наше святое место, нашу старую церковь. Она была построена в 1904 году на старом кладбище. Один ее иконостас в то время стоил одиннадцать тысяч рублей. На старинном кладбище лежат наши отцы, братья, сестры.

В 1934 году нашу церковь забрали и сделали там клуб. Во время фашистской оккупации служба в церкви была восстановлена и отправлялась до 1949 года. А потом церковь снова забрали у верующих. Все в ней переломали, обложили с улицы кирпичом, внутри стены обили древесной плитой, повесили на них зеркала и назвали домом культуры.

Мы обращались в исполком в Коростене и в Житомире – к уполномоченному по делам религий. Они дали нам ответ, что нет оснований для возвращения церкви. А какие надо основания? Это – имущество верующих.

Сейчас везде верующим возвращают церкви. И мы хотим иметь свою церковь. Большинство в селе – старые люди. Мы не можем ездить по чужим храмам. Все автобусы едут через село переполненные, и нам приходится ходить пешком в соседнюю церковь.

Мы свой век отработали в колхозе, и теперь там больше пенсионеров, чем молодежи. А наш председатель написал, что в селе сто десять молодых людей. Это он вписал в этот список молодежь из сел Воронево и Сокорики. А в этих селах клубы есть, так пусть наша молодежь ходит в те клубы. А нам пусть вернут нашу церковь. Просим поступить по справедливости. Ветераны войны и труда села Бехи: Бех Василь Петрович, Бех Федор Ефимович, Бех Виктор Сергеевич, Бех Мария Арсеньевна». Всего под письмом стояло более пятисот подписей.

Я обратилась с просьбой о помощи в Совет по делам религий при Совете министров СССР, а также к Владыке Пители-му, митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому. Из его канцелярии пришла отписка.

В апреле получила письмо из Совета по делам религий при Совете министров УССР от первого заместителя председателя П. Д. Пилипенко. Ответ был более чем странным. Я просила о передаче верующим отобранной у них церкви, а мне сообщали, что «в исполком Коростенского районного Совета народных депутатов обратились верующие с. Бехи с заявлением о регистрации религиозного объединения Украинской православной церкви и строительстве молитвенного здания, которое рассматривается в установленном порядке». И это при том, что строчкой выше Пилипенко сообщал, что «религиозная обстановка в с. Бехи изучалась с выездом на место работников Совета по делам религий».

Вероятно, местным властям удалось обмануть не только верующих села Бехи, но и представителя из Киева. Это до чего же надо дойти, чтобы, препятствуя возвращению церкви верующим, в пожарном порядке создать еще одну, альтернативную, «общину». Она-то, эта «община», в которую, по словам верующих, записались сельские активисты, и требовала регистрации и «строительства молитвенного здания». Да так спешили, что в списке «общины» оказался даже покойник.

Обман прошел. Инспирировали его в Веховском сельсовете, Коростенском райсовете и Житомирском облисполкоме. Ложь дошла до Совета по делам религий в Москве. И уже оттуда, из заоблачных высот, на мой запрос отвечали: «По представлению Житомирского областного совета народных депутатов и предложению Совета по делам религий при Совете министров УССР Совет по делам религий зарегистрировал православное общество с. Бехи Коростенского района Житомирской области и разрешил ему строительство здания для молитвенных целей, как это пожелали сами верующие»(!).

Чтобы еще раз убедиться в том, чего же желают «сами верующие», я поехала в Бехи. Как они ждали! Пожилые, старые и совсем древние старики и старухи. Мы зашли в церковь-клуб. Он был полон. По моей просьбе кто-то из колхозников пошел в сельсовет – пригласить на разговор и его председателя. Он отказался, сославшись на то, что занят. На глазах у селян сел в машину и куда-то уехал.

Мы разговаривали с верующими в их оскверненной церкви несколько часов. Под конец все же явился председатель сельсовета. Ничего вразумительного о «новой» общине, которая хочет зарегистрироваться и строить новую церковь, Михаил Ульянович Бех сказать не мог. Заявил, что он вообще первый раз об этом слышит.

После собрания, на котором единогласно было решено церковь вернуть верующим, мы вышли на улицу. Состоялся своеобразный крестный ход – старушки обвели меня вокруг здания. «Здесь, – рассказывали, – было очень старое кладбище.

Сровняли трактором. Вот только две могилы и осталось. На одну мать легла, обхватив руками, с криком, что там ее дочь. Остальные все разворочены».

Кое-где до сих пор валяются надгробные плиты. Буйно плетется вокруг «клуба» кладбищенский барвинок. Старушки тыкали пальцами в землю: вот здесь лежит моя мать, а вот здесь – отец...

Здесь же, на двух могилах, выкопали общественный туалет. Для удобства развлекающихся по вечерам. «Туалет поставили на грудях деда Александра и бабы Галки». Их родственники еще живы.

При входе во двор церкви-клуба, слева, положен совсем свежий кусок асфальта: для летних танцев, если в «клубе» будет очень уж душно. Его положили накануне моего приезда в село.

Показали мне и пристройку к бывшей церкви. Как раз на месте братской могилы.

Когда мы уже прощались, один из стариков остановил меня, и несколько человек запели «Многая лета!». Затем кто-то передал письмо, пояснив: это написала старая женщина, такая старая, что уже почти и не ходит. Его, написанное дрожащей немощной рукой, я прочитала по дороге в Житомир. «Я коренная жительница Бехов, видела, как церковь строили, но знаю, как ее ломали, купола и кресты выбросили, а могилы трактором разгребли... Я прошу Вас, успокойте наши сердца, верните нашу церковь. Я закончила четыре класса и не могу хорошо написать. Мы идем за правдой, чтобы снова открыть церковь».

Я ехала домой поздно вечером и думала о том, что если за что-то Бог наказал нас Чернобылем, то, наверное, и за это тоже – за беховскую церковь, за беховское развороченное кладбище и за туалеты на могилах. Господи, прости!

После моей поездки к верующим я обратилась снова в облисполком – уже с настоятельным требованием передать им то, что у них отобрали. И получила два ответа – один от заместителя председателя Коростенского райисполкома о том, что сессия решила не возвращать церковь. Другой из облисполкома о том, что есть несколько вариантов. Упрямство властей удивляло: мало того что отобрали церковь, надругались над мертвыми, мало того что село находится в радиационно пораженной зоне, что старики несколько лет фактически брошены на доживание, так им еще и помереть не дадут по-человечески, с Богом.

Село восстало. Восстали сотни пенсионеров, которые здоровье отдали местному колхозу, дальше села-то за всю свою жизнь так и не бывали. И чем больше противодействовали им местные народные депутаты и коммунисты-активисты, тем настойчивее добивались своего верующие.

Через некоторое время мы, уже с народным депутатом Украины Яковом Зайко, по просьбе селян снова поехали к ним на сход. С нами на этот раз поехал и заведующий отделом культуры облисполкома Р. Р. Петронговский.

Было воскресенье. Конец лета. Как раз цвели астры. Задержавшись в Житомире, мы немного опаздывали. Но люди нас ждали. Сотни их собрались возле церкви-клуба. Нас встречали хлебом-солью, чернобривцами и рушниками.

Мы пошли к зданию, чтобы провести, как в прошлый раз, там встречу. Но... дверь клуба оказалась запертой. Стояли несколько депутатов сельсовета, приехали депутаты райсовета, наконец, с нами был Роман Рафаилович Петронговский, представитель областной власти. Заведующий клубом объявил, что ключа нет. Ну нет ключа!

Вот так и стояли мы все во дворе. На древних церковных ступенях, разговаривая с людьми. Теперь я абсолютно уверена, что если и есть где-то у нас гомо советикус, так это коммунисты-руководители из Бехов. С какой ненавистью, едва не с кулаками, набрасывались они на стариков и старух, которые, простояв несколько часов перед клубом, еле на ногах держались от усталости. Были среди «ораторов» и учителя. Стояли рядом со своими воспитателями и воспитанники. Они выскочили из боковой двери церкви-клуба после того, как мы начали сход. Так же, как и их наставники, орали благим матом на своих отцов и дедов.

Одна из активисток закричала мне в лицо, что я хочу отправить ее детей в церковь. Как будто бы, если ее ребенок будет ходить в церковь, он станет непременно хуже, чем если он будет танцевать ламбаду на костях своих предков и испражняться в раскопанную могилу. Такова мораль строителей коммунизма.

И на этот раз сход постановил, причем даже молодежь под конец, кажется, что-то поняла: церковь вернуть верующим.

А через несколько дней в газете «Радянська Житомирщина» вышло интервью заведующей отделом идеологии Ирины Веровой-Головановой с начальником отдела культуры облисполкома Романом Петронговским. Они уверяли читателей области, что депутаты Ярошинская и Зайко хотели захватить клуб, требовали отдать им ключи... Мои друзья в связи с этим язвительно спрашивали, не подъехала ли я ненароком к церкви на бронетранспортере.

К концу сентября вся эта бюрократическая и идеологическая возня наконец закончилась. А к Рождеству Христову мне пришло приглашение в Бехи: церковь освящалась, восстанавливалось кладбище.

Позже я получила от Марии Федоровны Бех, главной возмутительницы спокойствия местных властей, грустное письмо.

Она писала о том, что радиация замучила, что очень трудно с материалами на реставрацию церкви.

Спустя годы после аварии выяснилось, что и в самом райцентре Коростень не все благополучно. «Вдруг» появились места – на улицах, во дворах – чрезвычайно высокого уровня – 100 и даже 200 кюри на квадратный километр. Как издевательство звучало название статьи о ситуации в этом районе заместителя редактора газеты «Радянська Житомирщина» Станислава Ткача «В зоне особого внимания». Какое уж там внимание, если несколько лет коростенцы не знали и не ведали о настоящих масштабах бедствия в своем городе и районе? Секретарь парторганизации газеты росчерком своего лукавого пера превратил зону особого обмана в «зону особого внимания».

Мои походы далее, по радиоактивным селам уже Луганского района, были такими же безрадостными. Из сорока девяти его населенных пунктов двенадцать отнесены к категории «жесткого» контроля. Причем два села были внесены в списки таковых спустя почти полтора года после аварии на ЧАЭС, остальные через четыре года. С непозволительным для здоровья людей опозданием.

В центре села «жесткой» радиации Мощанице заходим в магазин. Заводим разговор с местными жителями. Жалобы, жалобы, жалобы...

Раиса Ивановна Демчук, заведующая магазином: «Все говорят, что плохо себя чувствуют. Нам собираются что-то строить, дороги в том числе. Но думаю, будет дешевле переселить. Вся молодежь – за это, а старики – против. А ведь у нас много детей десяти-одиннадцати лет. Проверяли их в школе. Но никаких рекомендаций не дают. Мы ничего не знаем».

Сельчане рекомендуют нам померить радиацию возле дома Кобылинских. Туда уже проложен новый асфальт. Как раз прошел дождь.

Мы подошли к большому добротному дому. Калитка. Тропинка ведет к порогу хаты. С обеих сторон – высоченные мальвы – белые, розовые, красные. Выходят хозяева, и мы объясняем им, кто и почему пришли.

Василий Федорович Кобылинский, пенсионер: «У нас есть дети, внуки. Но приезжают сейчас редко. Не хотят приезжать. Боятся. Денег на жизнь пока хватает. Вот со здоровьем плохо. Утром дышать не дает, говорить нельзя, что-то в горле. Сдавали мы анализы. Пробы грунта. И свеклу, и картошку, и лук – всё сдавали на анализы. Но нам ничего не говорят: можно ли тот продукт кушать или нет. Но мы кушаем. Другого нет. Все свое. Дали нам накопители. Мы их носили все время. Приехали – забрали. Что там – неизвестно, не говорят. Возле нашего хлева делали дезактивацию. Выбрали 10–25 сантиметров грунта. Но через некоторое время здесь снова повысился уровень».

Василий Федорович ведет нас на огород. За сарай. Мы тоже меряем уровень здесь же, где выбирали землю. На грунте – 0,175 миллирентгена в час. Кусок огорода не вспахан. Здесь – березы, трава. Небольшая лужайка. Стог прошлогоднего сена. Меряем – 0,705. Во дворе пшеница – 0,110.

Уходя, измеряем гамма-фон на уровне метра от земли: в пять раз больше естественного фона. А люди живут здесь. Жизнь продолжается. Если это, конечно, жизнь.

За Мощаницей заходим в благоухающий лес. Пахнет хвоей, прелым листом... Тепло. Август. Поют птицы. Все как будто бы так, как всегда. Внешне, во всяком случае. Но вот кладем дозиметр на землю, под деревом. Сорок секунд – и 0,106. Делаем еще два замера. То же самое. Лес опасен для человека.

Представитель районного исполкома сообщает, что раньше древесину отправляли на экспорт. Сейчас просто так не берут, просят представлять сертификат в связи с радиацией.

«Несмотря на то что в районе три тысячи гектаров леса, сами мы не можем даже и жерди одной взять».

Дальше наш путь лежал в Малаховку. При въезде – памятник. Гранитная плита, на ней – портрет юноши и слова: «Именное поле имени А. Мартынчука, погибшего при исполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан». Возле памятника на траве – 0,110, в воздухе – 0,050 миллирентгена в час. Напротив поля и памятника – прекрасный сад.

Место встречи изменить, вероятно, нельзя: мы опять разговариваем в центре села, возле магазина.

Тамара Алексеевна Герасимчук, школьный повар: «Радиации больше поддаются дети. Их у меня трое. У младшей, четыре года, – 0,64 кюри цезия, у старшего – один кюри, его отправили в Одессу, в „Молодую гвардию“. Анализы у детей опять взяли, но результаты не говорят. За день обследуют двести детей. А если хотим что-то спросить, так не отвечают».

Лидия Афанасьевна Глевчук, заведующая библиотекой: «Я сама из Липников. Здесь работаю. Моему мальчику одиннадцать лет, у него вторая степень увеличения щитовидной железы, больная печень. В школе случаются приступы. Дети на линейке в школе падают».

Екатерина Ивановна Свиденюк, бригадир полеводоов: «У меня трое детей. Со здоровьем плохо. Младшему четыре года, стоит на учете в Житомире. Увеличены лимфоузлы. В селе не платят 30 рублей на

„чистое“ питание. Если работаешь здесь – 25 процентов доплаты, а если идешь работать через два километра – доплаты уже нет».

Галина Ивановна Рябчук, колхозница: «Зимой здесь работы нет. Заработки – 20–30 рублей в месяц выходит. А семь дней ходим на работу. Таких двадцать восемь женщин.

Если человек живет в Малаховке, а работать едет в Липники, 25 процентов к зарплате не получает. Бывает так: работают в одной бригаде, но на разных полях. Несмотря на то что они рядом, одно поле считается „чистым“, а другое „грязным“. Кто и как определял это – неизвестно. Работает человек в конторе в селе – 25 процентов. А рядом – ученик, пенсионер. Ничего! Какая логика? Непонятно. Вот и жалуются люди, пишут, пишут. А добиться чего-то так трудно».

Григорий Григорьевич Власюк, директор совхоза «Липники»: «В наш совхоз входит четыре села. Два – жесткого контроля, два – нормальных. Жесткого – Мощаница и Малаховка. Осны и Липники – нережимные. От Малаховки до Осен – два километра. Вот поле, через дорогу, разделено канавой. Здесь дают доплату, там – нет. А ведь пыль не спрашивает, режимное это место или нет, она летит себе, куда ей хочется. В Мощанице молоко „грязное“. Перестали принимать коров. Люди потеряли интерес к жизни. Болеют, жалуются на боли в суставах.

В Мощанице – восемьдесят один двор. Думаем, что его надо выселять. Радиация там выше, чем в 30-километровой зоне. Там цезий – до 30 кюри на квадратный километр».

Мы побывали в Липниках, на центральной усадьбе совхоза. Это благоустроенное село, утопающее в цветах. Асфальт. Прекрасное кафе. Столовая. Здесь все свое, поэтому дешево. В общем, рабочие не жаловались на быт. Но озабоченно говорили о радиации.

Рассказывали о том, что, когда главный врач Липникской участковой больницы И. Е. Невмержицкий выступил на сессии Лугинского районного Совета народных депутатов, то через несколько дней из облздравотдела приехала комиссия. Проверять, как он работает. Чем же провинился Иван Евгеньевич? Сказал правду о здоровье своих пациентов. Выразил недоверие официальной медицине. Предложил начать строительство полесского «Артека» в районе сел Мощаница или Червоной Волюки. Задал неудобные вопросы представителям Министерства здравоохранения Украины: «Можно ли жить в Мощанице, где радифон колеблется от 340 до 1500 микрорентген в час? Правильно ли поступают те ответственные (или безответственные) лица, готовые ежедневно повышать уровень безопасности дозы накопления радионуклидов? Почему умерший в Хиросиме и Нагасаки от ран объявляется жертвой американской агрессии, а умерший от рака в нашей зоне в связи с радиационным поражением не имеет статуса жертвы?»

Ответы на эти вопросы главврач вместе со своими пациентами ждет до сих пор.

По дороге из Липников в Лугины нас «перехватила» Нина Ивановна Данилюк, директор совхоза «Остаповский». И хотя времени было в обрез и надо было еще заехать в райисполком, в различные районные ведомства, мы не посмели отказать этим людям.

Нина Ивановна Данилюк: «Мы принадлежим к идеально чистому пункту, и все нам говорят, что мы очень здоровы. Но если это так, то почему из пятидесяти проверенных у тридцати семи оказалась гиперплазия щитовидной железы второй степени? Тринадцать наших детей лежат в Киеве, в республиканском радиационном центре. Разве туда кладут здоровых? Еще семьдесят человек, взрослые, тоже получили направления. Приехали проверять нас на наличие цезия в организме. Проверяли в двух комнатах. Так вот, сначала я проверяла свою дочь Галину в одной комнате – 0,9 микрокюри цезия, потом повела в другую, рядом, так там оказалось 0,1. А в третий раз – 0,57. Что же это за проверки? У нас „грязное“ молоко. И нет детского сада. Дети вместе со взрослыми едут в поле. Вот акт обследования

сельхозугодий. В нем сказано: запретить выпас молочного скота на следующих пастбищах, где содержание радиоактивного цезия в зеленой массе трав и приземной части травостоя превышает определенной уровень. И назван этот уровень. У нас всего 139 гектаров пастбищ. Если следовать этим рекомендациям, то всего на 25 гектарах можно пасти коров, на остальных – нельзя. Пасем на всех. А что делать? В урочище Старица в 36 раз повышен уровень радиации, в Круглом – в восемь. Во всем районе брали подписки, что мы не будем пить домашнее молоко. И в Остапах – тоже. О том, что не будем его пить сами и давать своим детям. Каждый хозяин расписывался за это. Дважды по району брали такие подписки. Но ведь „чистые“ продукты не привозят! Ни мясо, ни молоко. Топим дровами. Лес „грязный“. Нужно провести газ, воду, а то страшная пыль. Отсев нам возят из Жеревецкого карьера. А ведь Жеревцы – село жесткого режима. Нам нужны „чистые“ продукты, особенно для детей, другие льготы – отпуск, доплата. Школа у нас строится. Нет бани. Нет мыла и порошка. Чем мыться механизаторам, хмелеводам? А многодетные семьи?»

Валентина Ивановна Применко, председатель Остаповского сельсовета: «Нам несколько лет говорили, что у нас все хорошо. И уровни у нас небольшие. Так почему же теперь у меня на руках направление в онкологическую больницу? Почему мой восьмилетний ребенок не выходит из больницы? Почему у него увеличены лимфоузлы на 5 сантиметров?! Он потерял зрение на 70 процентов. Кто ответит за это?»

После поездки по радиоактивным селам мы возвратились в Лугины. В райисполкоме мне сообщили, что до 15 июня 1989 года (!) у них не было даже карты радиозагрязнения района.

А как же хозяйничали на цезиевых полях совхозы? Специалисты-аграрники уверяют, что если придерживаться их рекомендаций, то на «грязных» землях можно получать «чистую» продукцию. Возможно, это и так. Хотя трудно поверить. Только неплохо бы еще от кого-то получить рекомендации, как пользоваться предложенной технологией возделывания сельхозугодий, не имея карты их радиозагрязнения?

Надежда Павловна Ковалева, директор Лугинской ветеринарной лаборатории: «По приказу облисполкома я все время вожу туда пробы на радиологические исследования. Результатов никогда не сообщают. Дважды был у нас Лоцилов, директор Киевского института сельскохозяйственной радиологии, взял пробы молока, грунта, кормов в Остапах. Каковы они, нам до сих пор неизвестно.

В Киеве мне сказали, что молоко в продажу идет по разным временно-допустимым уровням. В Москве – самое „чистое“, в Киеве – „грязнее“, в Житомире еще „грязнее“. По исследованиям Лугинской санэпидемстанции, значительная часть проб лесных ягод, почти половина лекарственных трав, более половины рыбы, сухих грибов, две трети меда превышали допустимые уровни. Мне показали также итоги проверок Лугинской ветеринарной лаборатории: пробы воды, силоса, зеленой массы, молока в частном секторе – практически все с превышением даже временно допустимых уровней. Изучая эти обжигающие сознание документы, я вспомнила, как на встрече правительственной комиссии с жителями северных районов области одна из отчаявшихся мам со слезами на глазах рассказывала с трибуны: „Когда я неожиданно застала своего пятилетнего малыша возле крынки с молоком, он испуганно начал просить: „Мамочка, не ругай меня, я не пил молочко, я макнул в него только пальчик...“»

Долгие годы не спешили приезжающие медики сообщать населению результаты обследований. Иногда проходил год, пока удавалось их «выбить» из Киева. Да и осмотры велись все больше для успокоения, чем для активного лечения. Иногда за день «осматривали» двести детей. О каком качестве может идти речь? К слову, на пять тысяч населения, проживающего в селах жесткого контроля, всего одна больница, да и та в мало приспособленном помещении.

Через три года после аварии результаты обследований буквально парализовали общественное сознание: на треть увеличилось заболевание щитовидной железы, органов кровообращения, вдвое –

крови и т. д. И при этой экстремальной ситуации району «спустили» план заготовки донорской крови – 260 литров (!) в год. У кого же брать эту кровь? И кому ее вливать? Бездумно. Безумно. Жестоко.

В своих выводах о радиационной обстановке в районе руководитель Центра экологических проблем ядерной энергетики Академии наук Украины В. К. Чумак и старший научный сотрудник Н. П. Белоусова пишут: «Возможные максимальные дозы облучения населения (Лугинского района. – А.Я.), обусловленные потреблением пищевых продуктов местного производства, могут достичь 10 бэр в год. Дозовые нагрузки на население за счет внешнего облучения <...> могут достичь 0,8 бэра в год».

Только за первые несколько лет годы после Чернобыля во все инстанции из района отправлено более трехсот писем, телеграмм, жалоб, заявлений. О драматической ситуации в районе инициативная группа общественности сообщила в тревожном письме на имя председателя Президиума Верховного Совета УССР В. С. Шевченко и Председателя Совмина УССР В. А. Масола. Это письмо в Киев доставил нарочный. «Через месяц после этого, – рассказывал мне начальник общего отдела РМ-10 С. К. Василюк, – радиационную обстановку и настроение жителей района приехал проверять... сотрудник КГБ».

Через три года после взрыва на ЧАЭС я получила письмо из Киева от кандидата юридических наук А. А. Покрещука, преподавателя Высшей партийной школы при ЦК Компартии Украины. Вот что, в частности он писал: «21 июня я побывал на сессии. Путинского райсовета. На следующий день меня с утра срочно вызвали на работу. Ректор сказал мне, что звонил первый секретарь Житомирского обкома партии и говорил, что я будоражу в районе людей. (Хотя первый секретарь вообще на сессии не был. – А.Я.) Мне было предложено написать заявление об уходе по собственному желанию. А мои действия оценены как провокационные. Я не согласился. Тогда ректор предложил подать мне объяснение, копию которого я прилагаю...»

В объяснении доцент кафедры советского государственного строительства и права, написанном на имя ректора высшей партийной школы И. П. Грущенко и секретаря парткома П. И. Скрипки, почему-то ни в чем не раскаивался и не просил прощения. Он сообщал, что его официально пригласили из Лугин, что он «принимал участие в редактировании проекта решения сессии... а также предложил творческой группе программы „Земля моя“ Украинского телевидения сделать передачу о работе сессии».

Я связалась с ректором высшей партийной школы профессором И. П. Грущенко. «Да, – подтвердил Иван Павлович, – мне действительно звонил первый секретарь обкома В. М. Кавун и сообщил, что Покрещук на сессии вызывал панику среди людей, вместо того чтобы помочь нагнетал обстановку. Я попросил обком дать мне письменную объективную справку, как он там себя вел. Мне ее уже прислали. Партгруппа рассмотрит его поведение на сессии».

В письме на имя ректора второй секретарь Житомирского обкома партии В. А. Кобылянский сообщает о «поведении» Покрещука: «В своем выступлении он не внес ясности в вопрос, пытался отрицательно оценить работу партийных и советских органов, выразил необоснованные замечания в адрес руководителей республики, предложил направить пленку в адрес II съезда народных депутатов СССР». И в конце: «Это не способствовало установлению нормальной обстановки в районе <...> вызывает неудовлетворение у людей».

Получается так: закрытость радиационных данных не стала поводом для взволнованных протестующих звонков и писем из обкома, видимо, потому, что это «вызывает удовлетворение», а рассекречивание их – наоборот.

Не только на Покрещука был направлен высокий начальственный гнев. В немилость попало и руководство района. Виданное ли дело – оно решилось в кои-то веки провести несанкционированную «сверху» сессию! Да еще о том, что так тщательно скрывалось от населения: о последствиях аварии в

Чернобыле. И консультанта посмели пригласить из Киева, телевидение, представителей из четырех соседних таких же радиоактивных районов! За несколько дней до несанкционированной властями области сессии последовал грозный звонок из облисполкома – предупреждали и стращали разными карами. После сессии непослушного председателя райисполкома вызвали «на ковер» в облисполком. Звонили также из обкома партии – что там позволял себе Покрещук?

Нет, не уровнями радиации, не здоровьем людей беспокоилась партийная рать. Никто (!) из областного руководства так и не приехал на жизненно важное для граждан района событие. Заволновались по другому поводу – не допустить гласности! Наказать смутьянов и бунтовщиков!

Несанкционированная сессия. Путинского районного Совета народных депутатов транслировалась, а люди стояли на улице, слушали. Зал на четыреста мест был забит до отказа. Это – при семидесяти пяти депутатах. Впервые в стране за несколько лет чернобыльского безмолвия лугинские депутаты начали действовать так, как и должны действовать народные избранники. Сессия в присутствии тысяч людей (если учесть и зал, и улицу) обсудила драматическую ситуацию в районе, сформулировала и направила в адрес Генерального прокурора СССР и Главного государственного арбитра СССР письма с требованием привлечь к ответственности Минатомэнерго СССР. Была подсчитана сумма ущерба, который понес район в результате взрыва, – 1 миллион 314 тысяч 630 рублей.

Разве могло все это понравиться тем, кто с садистским рвением защищал от собственного народа правду о последствиях Чернобыля?

Вот где должен был показать свою принципиальность и честность, независимость и порядочность редактор областной газеты «Радянська Житомирщина» Дмитрий Панчук. Но ни слова правды о том, что произошло на этой бунтарской сессии, когда люди попытались сами себя защитить и попали в опалу к властям, в газете не появилось.

Рашевский С. К, первый секретарь Лугинского райкома партии, депутат: «Тридцать процентов района уже отнесено к зоне жесткого режима. Но не лучше положение и в других районах, селах. Даже в Лугинах есть места, где гамма-фон достигает 0,32 миллирентгена. „Практически, – я цитирую вывод специалистов из института ядерных испытаний Академии наук УССР, – нет ни одного населенного пункта, в котором уровни цезия в молоке были бы ниже временно допустимых уровней, как в личном, так и в общественном секторе, а в отдельных населенных пунктах превышение временных допустимых уровней достигает десять и более раз“. <...> Дети из села Рудня Повч получили облучение радиацией намного больше, чем дети Овручского района. <...> Комиссия, которая приезжала, пробовала доказать нам, что в районе все хорошо и тут почти курортные условия. Непонятную позицию занял и министр здравоохранения УССР т. Романенко, перед которым мы не раз поднимали вопрос о состоянии здоровья населения района. Он все время делает вид, что не знает настоящего положения и что для здоровья людей угрозы нет. Да и со стороны руководителей нашей республики Масола и Шевченко не проявляется беспокойство о жизни и здоровье наших людей в этой сложной обстановке».

В.Путинском районе повторялись ошибки, допущенные в Народичском. И об этом тоже откровенно говорили на сессии. На ликвидацию последствий лугинцам выделены миллионы рублей. В Малаховке – «жестком» селе – планировалось строительство фельдшерского пункта и бани, дорог с твердым покрытием. В Мощанице, где всего 81 двор, прокладывается водопровод, строятся новые заборы. Зачем? Зачем зарывать деньги в цезиевую землю?

Кобылинская С. В., учительница из села Мощаница: «Зачем нам та дорога, баня, водопровод и газопровод, когда через несколько лет, а, может, уже и через год, они никому не будут нужны?

За эти деньги можно было бы отселить людей. Потому что у всех жителей нашего села ухудшилось здоровье. И жизнь в селе невозможна. У нас побывало много различных комиссий. А комиссия из Киева сказала, что уровень радиации в нашем селе выше чем в 30-километровой зоне. И возле клуба – 2,1 миллирентгена в час».

П. М. Кравчук, тракторист колхоза «Украина», депутат райсовета: «Никто из руководителей республики на I съезде народных депутатов даже не вспомнил о проблемах Чернобыля. наших депутатов волновало все: и какие значки носят на пиджаках депутаты из Прибалтики, и как строится больница в Якутии, и то, что в Грузии, наверное, организовываются отряды боевиков, и что под дверь кто-то подбросил в гостинице записки о поддержке Гдляна и Иванова (опальные прокуроры, которые вели расследования о связи коррупционеров в советских республиках Средней Азии с московскими чиновниками. – А.Я.). Только у нас в республике, оказалось, не нашлось проблем, достойных их внимания. Мы были самой беспроblemной республикой на съезде».

И это правда. Как я уже писала, никто из руководства республики не вспомнил о Чернобыле на I съезде.

Козел П. Г., главный врач Черноволочкой участковой больницы: «...Компетентные органы здравоохранения уверяли нас, что нам нечего тревожиться за наше будущее, что дышать стало лучше. Потом нас обзывали паникерами, радиофобами. А что мы видим теперь? А то, что нас просто обманывали. Теперь мы видим, что 70 процентов наших детей имеют изменения в щитовидной железе, при областном показателе шесть – на тысячу... Я только недавно узнал, что при облисполкоме существует чрезвычайная комиссия. Если бы она занималась своей работой, то мы с вами знали бы, что у нас нельзя собирать ягоды, лекарственные растения, нельзя топить дровами из нашего леса. И почему она ни разу за три года не приехала к нам, почему прятала и дальше прячет от нас настоящие уровни радиации в нашем районе?»

Несмотря на то что в зале присутствовали представители из облздравотдела, Укргидромета, никто из них так и не дал вразумительный ответ на вопросы депутатов. А заместитель министра здравоохранения УССР Ю. П. Спиженко бессовестно заявил: «...я не могу сказать об экологической обстановке в районе, потому что специально не готовился». Через три года после катастрофы Спиженко, кстати, заведовавший Житомирским облздравотделом, когда случилась беда, – предложил сессии: «...создать объективную комиссию, в состав которой вошли бы медики, представители местной власти и печати, которые освещали бы работу и объективность данных этой комиссии».

Не странно ли? Кто же должен был создавать эту комиссию? Может, тракторист из колхоза «Маяк»? Или председатель райсовета? Во уж действительно, замминистра не готовился... Тогда зачем было вообще ехать к людям?

Из зала ему сказали: «Складывается впечатление, что вы не готовы отвечать на сегодняшние предложения, нет у вас и предложений по улучшению экологической ситуации. А приезд заместителя министра здравоохранения республики в район – для очередной галочки». На что Юрий Петрович с оскорбленным достоинством отвечал: «Не вам об этом судить».

Через некоторое время замминистра здравоохранения Ю. П. Спиженко пересел в кресло министра.

И уже в своем новом качестве отвечал по поручению правительства на мой запрос и приложенное к нему коллективное письмо из села Остапы. Путинского района: «В настоящее время все материалы, обосновывающие необходимость введения дополнительных льгот населению, в том числе в селах Малаховка, Мощаница, Остапы. Путинского района Житомирской области, находятся на рассмотрении в правительстве республики».

Ответ удивил. А читал ли вообще министр мое письмо? Слышал ли то, что говорили на сессии Лугинского райсовета? О каких дополнительных льготах для Мощаницы и Малаховки может идти речь, если все льготы они уже и так имели? И «гробовые», и 25-процентную доплату. Речь же шла об ином: зачем закапывать новые миллионы в радиоактивные земли в этих селах? Люди хотят, чтобы их выселили в безопасные места!

Или ответ министр прислал депутату тоже для галочки?

Что же страшнее: радиация или отечественные бюрократические редуты, о которые разрушается личность?

Не лучше оказалась ситуация спустя годы и в многострадальном, ставшем печально известным Народичском районе. За несколько лет из восьмидесяти «чистых» сел района шестьдесят девять превратились в «грязные». Считалось, что в одиннадцати «чистых» селах района можно пить местное молоко, есть все из собственного сада-огорода. Хотя на самом деле, например, в Болотнице уровень радиоактивного загрязнения молока превышал допустимую норму в 36 раз, Червонном, Рубежовке, Славковцах, Старом Кужеле – в 50, Вязовке – в 100 раз! Радиометрический контроль воды в колодцах был тоже неутешительным: в Сингях уровень ее радиоактивности оказался в 52 раза выше нормы! В Рубежовке – почти в 15, в Славковцах – почти в 17 раз.

Житомирский мясокомбинат отказался принимать мясо из Вязовки – уровень радиационного загрязнения был в нем запределный.

В этих одиннадцати селах проживало почти три тысячи человек. Около шестисот из них – дети. Если в «грязных» деревнях малыши получали в месяц хотя бы «банку сгущенного молока и один апельсин», то здесь и этого не было. Кто, какой чинуша и в каком кабинете обрек этих детей пить радиоактивное пойло вместо молока?

По данным Народичской центральной больницы, в этих «благополучных» селах интенсивно росло число онкобольных, а в одном только селе с поэтическим названием Ласки за три первых года после аварии более чем полусотне детей поставлен диагноз «гиперплазия щитовидной железы 1–2-й степени». До взрыва на ЧАЭС таких детей здесь было всего четырнадцать.

Так какие же эти места «чистые»?

Все грустно. Я всегда возвращаюсь из радиоактивных сел с тяжелым сердцем...

Подгатье, Овручский район. Семь домов – вся деревня. Семь стариков. Жить здесь нельзя. А как бросить?

Рудня-Радовельская, Овручский район. Село разделилось на два лагеря. Одни – ехать. Другие – куда? А ехать, наверное, надо.

В новых селах люди почему-то не сажают деревьев.

Бросить все, оставить – страшно. Рвутся сердца. Бьются, как птицы в излучающей клетке. В Народичах, Мощанице, Полесском, далее везде.

Глава 14 «Я МАКНУЛ В МОЛОЧКО ТОЛЬКО ПАЛЬЧИК...»

Так испуганно объяснял своей маме малыш, которому родители запретили пить парное молочко от домашней буренки. Письма из зоны радиации – обжигающие человеческие документы. Исповеди. Коллективные. Личные. От жителей. От инициативных групп. От трудовых коллективов. От общественных организаций. Даже от местных властей. Иногда отчаявшиеся люди присылали полные боли стихи. Дневники. Со временем они не только не утрачивают свою актуальность, но – этим письмам, как «драгоценным винам, настанет свой черед». (Так писала когда-то Цветаева о своих стихах.) Я публикую их без прикрас и без грамматической и стилистической шлифовки. Это *настоящие*, а не выстроенные, дописанные и домысленные под коммерческий промысел или амбиции репортера *документы*, когда трудно понять: это еще говорит (или пишет) пострадавший из чернобыльской зоны или это уже пришивает бантики на шинель сам репортер.

...

«Мне нет еще 32 лет, а я по несколько раз в год попадаю в больницу. И все мои четверо малолетних детей (до 12 лет) тоже бесконечно болеют (слабость, в суставчиках болят ручки и ножки, низкий гемоглобин, увеличена щитовидная железа, лимфоузлы, головные боли, боли в животике, бесконечные простудные заболевания). И так в каждой семье.

Мы хотим жить. Мы хотим, чтобы жили и росли здоровыми наши дети и чтобы у них было будущее. А через бездушность, черствость, жестокость тех, от кого зависит наша судьба и судьба наших детей, мы обречены на самое страшное, потому что сами это хорошо понимаем. Только не понимают или не хотят понять этого бюрократы в мягких креслах.

Народичам обещают хотя бы несколько сел переселить, а о нашем районе молчат. И мы вынуждены сколько лет есть, пить радиацию и дышать ею и ждать последнего дня. И это в Советской стране, где всегда и везде (по радио, в газетах, в школе) говорят, что в центре внимания стоит человек!

Неправда это! Никому мы не нужны. Куда обратиться? Если бы знала адрес, написала бы в ООН, потому что наши местные органы, да и печать, такие же бессильные, как и мы. Просим, умоляем: помогите нашему горю, помогите спасти наших детей! Охремчук Валентина Николаевна, мать четырех сыночков, все матери Олевщины».

...

«Пишут Вам жители сел Норинцы, Клочки, Марьяновка, Савченки, Нивочки, Латаши, Старый Дорогинь, Снитыща, колхозники колхоза имени Горького Народического района Житомирской области.

Мы обращались во все инстанции, но к нашему горю, к судьбе наших детей все остались равнодушными. Прошло три года, а эхо чернобыльской трагедии все больше отражается на здоровье наших детей. Все мы находимся в шестидесяти километрах от Чернобыля. Кровью обливается материнское сердце, когда смотришь на них. За последнее время здоровье детей резко ухудшилось. Дети часто испытывают слабость, недомогание, частые головные боли, ухудшение зрения, бывают случаи потери сознания, участились переломы конечностей. Резко снизилась трудоспособность детей на уроках. Школьные журналы фиксируют огромное количество пропусков. Исчезла жизнерадостность. И это всего лишь за три года. А что будет дальше – через 5–10 лет? Что ожидает тех, кому предстоит появиться на свет?

Два раза в год наши дети обследовались (если это можно назвать обследованием), но нас оставляют в полном неведении. Хотя даже те данные, которыми мы располагаем, приводят нас в беспокойство. Из 132 детей Норинцевской средней школы и 65 детей Латашовской средней школы обследовались 42. У 39 – патологические отклонения в здоровье. Они были направлены на более глубокое обследование в Республиканский радиологический диспансер. Это нас настораживает. Мы боимся отпустить их на речку, в лес, а все это составляет детство ребенка. Только бюрократ может делить зону на „чистую“ и „нечистую“. Нас волнует то, что говорят: обстановка нормальная, за всю жизнь, а это за 70 лет, человек наберет 35 бэр. Но мы видим, что кому-то нужны подопытные кролики. Когда у нас только в одном проверенном селе за один год люди накопили в организме 1,087 бэра. Спрашивается: кто будет в ответе за наше здоровье, что будет с нашими детьми? Почти у всех детей выявлено увеличение щитовидной железы, у многих детей увеличилась печень, участились сердечно-сосудистые заболевания.

У взрослого населения наблюдается рост онкологических заболеваний. В данный период на онкологическом учете в диспансере состоит 40 человек. По нашему колхозу только за два года – 1987 и 1988-й – поставлено на учет 14 человек. Когда в район приезжала с Киева целая бригада врачей для обследования, в марте этого года, то для наших детей у них не хватило срока командировки. Хотя мы знаем, что количество больных детей в селах нашего колхоза не меньше, чем в селах жесткого режима. По этим вопросам мы неоднократно обращались в Минздрав СССР, в Совет министров, в редакцию передачи „Прожектор перестройки“, в Совет министров УССР лично к тов. Качаловскому (наша делегация была у него на приеме), но ни одного ответа непосредственно из этих инстанций мы не получили.

После чернобыльской аварии мы надеялись, что к нам отнесутся с пониманием, как в области, так и в республике. Но случилось наоборот: вот уже третий год на нас никто не обращает внимания. Посещавшие нас областные службы стараются только успокоить, а на все остальное закрывают глаза. И никто не хочет войти в наше положение. Нас оставили один на один с нашей бедой. Поэтому мы просим Вашего внимания и вмешательства как народного депутата в разрешении следующих вопросов: решить вопрос о доплате к заработной плате и выплачивать 30 рублей на каждого члена семьи на чистое питание; завоз чистых продуктов.

Поймите наше положение как мать. У нас и наших детей может не оказаться будущего. Подписи жителей села нашего колхоза прилагаем».

Под этим письмом – около шестисот фамилий.

***

«Мы, жители села Марьяновка Народичского района Житомирской области обращаемся к Вам за помощью. Все оставили нас один на один со своей бедой. Апрель 1986 года нам запомнился навсегда. Хотя уже прошло три года, но авария на Чернобыльской АЭС все больше нас беспокоит. Она все больше отражается на здоровье наших детей. Со слезами на глазах мы смотрим на них, а помочь мы им не в силах. Уже сейчас видно, что наши дети не те, что были раньше. Куда девались бодрость, радость, смех? Они часто болеют. И это не отдельные случаи. Да еще еду мы готовим для себя и для детей из того, что выращиваем на своем огороде. Хотя знаем, что этого делать не надо. Но по-другому поступить не можем. По всему колхозу загрязненность молока сама высокая, она превышает допустимую норму в несколько раз. В магазин овощи и фрукты не завозят совсем. Молоко привозят очень редко. А колбасу и мясо привозят только тогда, когда она останется в тех селах, куда завозят „чистые“ продукты. Села эти размещены вокруг нашего в трех-четырех километрах. Село наше

небольшое. Проживают здесь почти все колхозники, работы такой нет, поэтому и заработки невысокие. В среднем за месяц по 60–70 рублей. Есть семьи, в которых по трое-четверо детей».

Под письмом тринадцать подписей колхозников села Марьяновка.

***

«Немало жителей села Межилеска поменяли место жительства. Но большинство из нас осталось жить здесь. Верим, что наше государство не даст в обиду своих трудящихся. Только вот что заставило нас обратиться с этим письмом: рядом с нашим селом – Базар, Голубиевичи, Большие Миньки и в других – люди получают доплату 25 процентов и еще по 30 рублей на душу населения. Мы не знаем, какая разница между состоянием у них и у нас. Ведь приезжала к нам на ферму радиологическая лаборатория, и из беседы с ее работниками мы поняли, что лабораторные показатели у нас такие же, как и у них. Чтобы не быть голословными, подтверждаем это тем фактом, что уже вывезли в соседние районы овец из нашей фермы. Потому что шерсть, из-за определенных радиологических показателей, из нашего хозяйства ни в прошлом, ни в этом году принять невозможно для широкого ее употребления. Также меряли радиацию на коровах, так очень высокая, даже откормочную группу сдавать на мясокомбинат нельзя. В 70 процентах наших детей дошкольного и школьного возраста есть изменения в сторону заболевания щитовидной железы. Детям назначалось лечение сроком на шесть месяцев, рекомендовано им не употреблять домашнего молока. И вообще готовить пищу из „чистых“ привозных продуктов. В нашем селе есть начальная школа. Почему-то солдаты приехали и сняли, вывезли верхний слой земли возле нее, а засыпали щебенкой. Когда люди спросили, зачем это, то в ответ услышали, что высокая радиация.

И вот это заставило нас обратиться для справедливого решения вопроса. Ведь мы работаем на совесть на фермах и в поле, будем и дальше работать, хотя очень волнуемся за наших детей. Но нам объясняют, что со временем обстановка нормализуется. Просим, чтобы и у нас, как в соседних селах, давали доплату. Мы могли бы покупать „чистые“ продукты для наших детей. Трудящиеся села Межилеска и Осока».

Десять подписей.

***

«К вам обращаются жители села Рокитно Овручского района Житомирской области, которые находятся в зоне радиоактивности. Специалисты, которые неоднократно проверяли почву, воду, продукты местного производства, говорят нам, жителям, что радиация превышает естественный фон в несколько раз. Нам сказали, что должны платить 25 процентов от зарплаты и 30 рублей, как в селах с повышенной радиоактивностью. Мы неоднократно обращались в Москву, но Вы знаете, что все письма возвращаются в область, а там, в областном отделе Агропрома, сидит Быстрицкий и дает ответы на наши письма, что радиация в пределах нормы.

Приезжает санстанция, представители с Киева и говорят, что нам должны платить и завозить „чистые“ продукты. Продукты изредка завозят. Обратились в райисполком по поводу оплаты за повышенную радиоактивность, нам сказали, что деньги выделяются, но этот вопрос решается уже три года. Люди нашего села пострадали во время войны. Село пережило беду, подобную Хатыни.

От имени жителей села Рокитно Барановский Анатолий Иванович».

***

«Пишут Вам жители с. Прилуки Житомирской области Овручского района и сотрудники второй Житомирской областной психиатрической больницы, расположенной в этом же селе. В с. Прилуки после аварии на Чернобыльской АЭС радиационный фон был повышен, продукты питания и вода загрязнены. С июля 1986 года по февраль 1987 года производилась доплата 25 процентов к заработной плате. Затем доплату прекратили, мотивируя тем, что обстановка нормализовалась. В то же время дважды (в июне и октябре 1988 года) проводилась дезактивация поселка и территории больницы подразделениями войск противохимической защиты. При медицинском обследовании детей (90 человек) у 43 процентов их выявлена патология: пятеро детей из обследуемых были направлены в г. Киев для более углубленного обследования и лечения. Результаты анализов крови держатся в секрете. Дети жителей и сотрудников больницы, проживающих в с. Прилуки, перевозятся в школу автобусом в поселок Первомайский, так как она является ближайшей. Дети находятся в школе с 7 часов 40 минут до 16 часов. И это в „грязном“ поселке, население которого получает денежную компенсацию на усиленное питание и 25 процентов надбавки к заработной плате. Мы же, живя и работая в подобной зоне, дополнительных выплат не получаем и обеспечить питание „чистыми“ продуктами своих детей не можем. Ближайшие села (Бережесть, Рудня Мечная, Пехоцкие, Думинские, Выступовичи, расстояние от 4 до 9 км) обеспечены „чистыми“ продуктами, 25 процентов к заработной плате и 30 рублей на каждого члена семьи. Через наш поселок проложена трасса Минск – Измаил. Весь транспорт из сел с жестким радиационным режимом проходит по ней.

В апреле 1989 года по настоятельному требованию жителей с. Прилуки Овручской районной санитарно-эпидемиологической станцией были взяты пробы продуктов питания. В результате радиометрических исследований выявлена непригодность к употреблению молока, грибов, ягод.

Мы обращались в райисполком, облисполком, облздравотдел, к председателю Укргидрометеослужбы с просьбой изучить экологическую обстановку местности и принять меры, чтобы свести к минимуму ее отрицательное воздействие на здоровье людей. Но никаких результатов до сих пор пока нет. Сотрудники второй Житомирской областной психиатрической больницы и жители с. Прилуки».

***

«Наш санаторий „Новая Рача“, что в Народичском районе, до сего времени функционирует на 400 коек. К нам приехала главврач облтубдиспансера, собрала сотрудников и объявила, что наш санаторий ликвидируется, легочное отделение переводится в туберкулезную больницу в Белокоровичи, костное отделение – в село Садки Житомирского района. <...> Так как наш район подвергся радиоактивному заражению, у нас сложилось впечатление, что санаторий ликвидируют из-за радиоактивного загрязнения. Если это так и у нас радиационный фон не позволяет, чтобы был санаторий, – ликвидируйте. Но об этом надо честно сказать людям и выселить, как выселяют из радиоактивно зараженных зон.

Сейчас мы живем во время демократизации нашего общества, честных и чистых разговоров. Так и поступайте честно. Ведь, как пишет пресса, у нас самое низкое радиоактивное загрязнение».

В августе 1989 года на встрече в Народичах одна из выступавших женщин передала мне свой дневник. Школьную тетрадь в клеточку. Эта исповедь – открытая рана. Многие ли сельские жители ведут дневники? Что же должно произойти с человеком, внутри него, чтобы он взялся за ручку и писал сам себе? Вот лишь один день из дневника.

«17 июня 1989 года. Самое страшное для человека – потерять веру. Веру в правду, пусть даже самую горькую. Мне тяжело, мне больно, мне до слез обидно за людей, за ученых, за руководителей, в чьих руках – законы, обидно за их лукавство, за ложь. Говорят, мы больны. Все люди района больны одной болезнью. Имя ей – радиофобия. Почему же мы все до единого, такие разные по возрасту, по физическому развитию, по характеру, а болезнь – одна? Нет, уважаемые товарищи Романенко и Спиженко, мы не больны радиофобией, мы больны чернобыльской бедой. А вы и вам подобные, которые все эти три года скрывали от нас все, чем нас наградила чернобыльская беда, потеряли доверие людей. А что стоит такой человек, которому не верят? Я мать, у меня четверо детей, четверо внуков. 23 года проработала в школе, где меня знает каждый ребенок с первого по десятый класс. Хотя я и не учительница. Но как мать и женщина я присматриваюсь к детям. Что же я наблюдаю? Последние годы дети изменились до неузнаваемости. Они стали безразличны ко всему, их ничем не удивишь и ничем не порадуешь. Они зевают, сонливые, усталые, раздражительные. У них нет аппетита, изменился цвет лица, они бледные, желтые, серые. Детские глаза потускнели, нет озорной искорки. Наши дети теряют сознание на школьной линейке, когда постоят 15–20 минут. Все – и взрослые, и дети – жалуются на боль и резь в глазах, сухость во рту, жжение и першение в горле, головокружение, ноющие боли в суставах рук и особенно – ног. Это что – радиофобия?

А почему вы и подобные вам не хотите признать, что три с половиной года мы получаем стронций, а из свежих овощей – цезий. Ведь мы и наши дети три с половиной года живем на земле, которая светится, дышим воздухом, который полыхает, едим выращенное на земле своей, которое излучает. Ведь мы лишены даже чистой воды. Проверьте нашу воду – это же химреактив. Я лаборант химического кабинета народической средней школы. На уроке мне нужно было сделать раствор сульфата меди. Когда я всыпала медный купорос в пробирку и налила воды из крана, то вместо голубого раствора, дети увидели зеленый. Пришлось в аптеке просить дистиллированную воду. Наш организм получает отравление от воды, земли и воздуха. И еще – стрессово-психологическая нагрузка от лжи и бюрократизма. Раньше, если мы собирались и вели праздные разговоры, их тема была такова: сколько чего посадили, сколько чего накосили, сколько чего собрали и законсервировали. Давно я не слышу этих разговоров. Стоит сойтись двум или трем женщинам, как разговор идет о болячках детей.

В нашем районе – 26 тысяч человек. Уже израсходовано на новое строительство 65 миллионов рублей. А на этот год еще планируется 37 миллионов. По простым подсчетам, за эти деньги можно построить 90 пятиэтажных домов, на три подъезда, где поселился бы весь район. Куда же вкладывают эти деньги, если вопрос стоит так: отселить людей с этой земли? Кому выгодно выбрасывать эти миллионы? Кому выгодно скрывать радиационную обстановку в районе? Почему не направить эти деньги на строительство жилья в „чистых“ зонах и отселить туда людей? Ведь государство получило бы больше выигрыша от спасения наших жизней, чем от медленной нашей смерти. Зачем нам завозить „чистые“ продукты, если мы сами их будем выращивать на „чистых“ землях? Нам провели воду, тянут газ, асфальтируют дороги, строят на наших засвеченных цезием землях дома и детские сады. Но это нас не радует. Для наших детей закрыты речка, лес, луга. Разве можно так жить?

После врачей, которые приезжали к нам, мы выносили бутылки с протекторами. Они мыли руки минеральной водой. Ели консервы из жестяных банок. Пусть переезжает к нам со всем Министерством здравоохранения СССР министр Романенко. И живет так, как мы. Для науки это будет полезно. Вот только на этой неделе прогнали в Любар машину за картошкой – приехала пустой. В Херсон погнали за помидорами – то же самое. Вот и питайся „чистыми“ продуктами. Как?

В моем огороде раньше тыква росла слабо, а в 1986 году выросла такая, что я не в силах была ее донести до двора. Кукуруза изменила цвет листьев, стала полосатой. Корова родила уродца, родились щенки без хвостов, кошка родила лысого котенка, который сдох, и она сама тоже сдохла. Это что у них, животных, тоже радиophobia? У них тоже стресс?

Чем же мы перед государством так провинились, что нас будто не существует? Ведь знают же о нас, знают. Если бы не знали, кто бы давал нам 30 рублей дотации? Если бы не знали, кто платил бы 25 процентов надбавки? Знают и о 12 селах, которые надо выселять немедленно.

Мы три с половиной года живем в третьей зоне – зоне отчуждения. Только возле райкома партии, в центре Народич, загрязненность почвы – 1,5 миллирентгена в час, возле райпотребсоюза – выше одного, по улице Свердлова, где поликлиника, на усадьбе Карась Нины Александровны – до двух. А загрязненность воздуха – 0,2–0,5 миллирентгена в час. Сколько за это время мы написали писем в различные инстанции. Наверное, сотни. Сколько было комиссий. Десятки. И сколько же еще их нужно, чтобы, наконец, нас поняли, что мы не жалобщики какие-то, что мы ничего не просим, нам не нужны „льготы“ и подаяния. Мы ни в чем не виноваты. Мы хотим нормальной жизни».

Жительница Народич прислала мне стихи. Они далеки от литературного совершенства. Но это крик души, который должен быть услышан:

Что ждет детей – нам непонятно.

Бумажные журавлики в руке?

*На все нам медики невнятно
лишь объясняют на «мудрейшем» языке.*

*Я мать, жена, мое призвание –
рожать детей, воспитывать, любить.
Одно лишь все стучит в моем сознание:
Что будет с нами, как же дальше жить?*

Рожать? Нет, лучше абортируй...

А крик души – зачем же жить?

О Боже праведный, спаси, помилуй!

Как женщине да матерью не быть?

Рабочий одного из заводов города Смила Черкасской области, получив письмо от своей тетки из Народич, тоже написал горькие строчки:

Не приезжайте, родные! Письма летят, летят...

Это жители Народич во все концы кричат.

Я слышу голос тетушки. Не голос – крик души.

Не приезжайте, деточки, ты, внучек, не спеши!

Нет, мы не будем говорить о художественных достоинствах этих строк. Они писались не пером. Они писались сердцем. Столько боли!

А вот коллективное письмо:

«Каждый прожитый день в „грязной“ зоне еще раз подтверждает, как жестоко нас обманывали, припрятывая правду о Чернобыле. Высокопоставленные чиновники союзных и республиканских министерств и ведомств, прикрывая свою бездеятельность и равнодушие, пятый год безответственно и преступно уверяют о возможности проживания на загрязненной территории, оттягивают отселение людей в экологически чистые районы. А тем временем за их поступки мы расплачиваемся своим здоровьем, а возможно, и жизнью.

Чернобыльская беда, не обходя ни взрослых, ни детей, ни престарелых, пришла в каждый наш дом, в каждую семью, в каждый трудовой коллектив. Перечеркнув будущее многих тысяч людей, она принесла боль и печаль в их жизнь, превратилась в безвыходную трагедию. Терпению нашему приходит конец. Так жить дальше нет возможности и сил... Мы ждем срочного решения конкретных, самых наболевших неотложных проблем: ускорения отселения людей из „грязных“ территорий, обеспечение полной гласности о выполнении государственно-республиканской программы ликвидации последствий аварии и ранее принятых правительственных постановлений по этим вопросам, полного решения проблем оздоровления всех потерпевших от аварии, и в первую очередь детей; обеспечение всех экологически чистыми продуктами питания в необходимом количестве; разработки и принятия (на нынешней сессии) Закона о статусе потерпевших от аварии на ЧАЭС, который бы гарантировал получение квалифицированной медицинской помощи и систематический углубленный медицинский осмотр с привлечением специалистов, давал бы право на бесплатное получение эффективных лекарств согласно рецептам врачей; гарантировал бы право пенсионного обеспечения для женщин в возрасте 50, мужчин – 55 лет, при условии, что они жили и работали на загрязненной территории, соответственно пять и шесть лет, а не 12 лет, как того требует только что принятое постановление о „льготах“. После таких „льгот“ пенсию некому будет назначать. Разве авторы постановления не знают, что здоровье у нас, у наших детей и родителей крайне подорвано? Из-за радиоактивного облучения наши ровесники с лентоткацкой фабрики, других промышленных предприятий не в состоянии выдержать восьмичасовой рабочий день. Разве могут 12 лет глотать радиоактивную пыль механизаторы, водители, трактористы, работники скотоводческих ферм и рассчитывать на „льготную“ пенсию?

А что уже говорить о детях, нашей надежде, которые теряют сознание на уроках, не могут выдержать учебной нагрузки? Постановление о „льготах“ их тоже обязывает прожить в зоне не менее 12 лет. А как быть людям предпенсионного возраста, которые потеряли силу и здоровье, и теперь их безжалостно доконают малые дозы радиации? Им тоже ждать двенадцать лет? Или умирать, не дождавшись „льгот“?

Считаем непростительным преступлением действия сановных лиц и органов, которые такими постановлениями заставляют людей, перенесших самый тяжелый, первый удар радиации, длительное время жить и работать в атомном аду. Исходя из сложившихся условий, считаем справедливым, если будет принято соответствующее положение о том, чтобы засчитывать каждый год работы в зоне жесткого контроля за два года трудового стажа.

Защита здоровья людей невозможна без всесторонне взвешенных нормативных документов, принятых на самом высоком уровне. Именно потому требуем, чтобы каждому жителю, который стал жертвой Чернобыля, был выдан заверенный правительством и подписанный конкретными лицами санитарный паспорт-гарант. Этот документ давал бы потерпевшим реальные льготы, защищал бы их интересы, обеспечивал бы человеческие бытовые и жилищные условия, давал гарантию на будущее. Без этого мы чувствуем себя атомными заложниками, оставленными со своими бедами и тревогами. Уже идет пятый год невиданной народной трагедии, но в Народици так и не нашли дорогу ни В. В. Щербицкий, ни

бывший председатель Президиума Верховного Совета УССР В. С. Шевченко, ни В. А. Масол (обращались четыре раза), ни В. А. Ивашко. Значит, наши страдания, жизнь наших детей и отцов для них ничего не стоят. Мы все больше убеждаемся, что для нас остался один выход – обратиться за помощью в Организацию Объединенных Наций или вместе с детьми и родителями погибнуть на растерзанной атомом родной земле. С уважением».

Под этим спокойным, но раздирающим душу письмом подписались 25 комсомольских секретарей колхозов, предприятий, больниц, поликлиники, отдела культуры, райпотребсоюза, школы, других учреждений Народичского района. Если уж комсомольские секретари, которые всегда были опорой и подручными коммунистического режима, написали такое письмо, то это значило, что и они уже потеряли всякую веру в партию и власть.

Телеграмма, направленная 30 сентября на имя М. С. Горбачева, Н. И. Рыжкова, В. А. Ивашко, В. Х. Догужиева, а также на мое имя:

***

«Публикация в „Правде“ от 29 сентября с. г. (1989 года. – А.Я.) о заседании Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС свидетельствует, что в настоящем решении проблем нашего и подобных районов будет упущено главное – право выезда семей с детьми. Люди лишаются последней надежды на безопасность жизни и здоровья своих детей. Повинные в нашей ситуации ведомства, особенно Минздрав, заняли позицию, граничащую с преступной. Обстановка в районе может стать непредсказуемой. Просим срочного рассмотрения и решения наших проблем, которые не терпят отлагательства. По поручению бюро Народичского райкома Компартии Украины Житомирской области секретарь райкома В. Будько».

***

«Мы учителя Народичского района...»

***

«По поручению жителей поселка Народичи к Вам обращаются члены общественной группы по радиационной защите населения...»

***

«Обращение районного совета профсоюзов, районного совета женщин Народичского района Житомирской области. В очень сложной экологической обстановке продолжает жить население большинства сел нашего района...» «Обращается к Вам общественный Комитет по радиационной защите населения...»

***

«Мы, рабочие лентоткацкой фабрики поселка Народичи...»

Поток писем из Народичского района неисчерпаем и неиссякаем.

***

«...Просим Вас на сессии Верховного Совета УССР (плenumе ЦК Компартии УССР) рассмотреть наши предложения. Нам небезразлично здоровье и будущее наших детей и наших жителей. Думаем, что жители Украинской республики найдут понимание наших предложений и окажут помощь району как одному из наиболее пострадавших, находящемуся в непосредственной близости от ЧАЭС, в следующих вопросах:

- 1. Поставка „чистых“ продуктов из районов, областей республики, не подвергшихся радиационному заражению (в первую очередь распределение их в детские сады и школы города и района).*
- 2. Для детей дошкольного и школьного возраста ежегодный трехмесячный оздоровительный отпуск в период с 25 мая по 25 августа, с обследованием и контролем здоровья, совместно с одним из родителей.*
- 3. Создание территориальных санаториев с обязательным оздоровлением и наблюдением каждого жителя города и района в данном санатории, который функционирует круглосуточно.*
- 4. Доплата за проживание в местности, подвергшейся заражению.*
- 5. Сокращение возраста ухода на пенсию.*
- 6. Обеспечение индивидуальными дозиметрами.*
- 7. Ускорение срока ввода газификации города и района в связи с зараженностью лесной древесины.*
- 8. Ликвидировать ограничения для нашего района на моющие средства.*

Приложение на 15 листах с подписями граждан нашего района».

Подписалось более пятисот человек с припиской: «Считайте, что под этими требованиями подписались все 80 тысяч граждан Овручского района».

Телеграмма:

***

«Выводы изучавшей радиационную обстановку в Лугинском районе комиссии необъективны, противоречат предыдущим данным, направлены на минимализацию компенсации. Прошу при решении вопроса руководствоваться ранее полученными по району материалами. Лугины Житомирской области. Гончаренко Владимир Максимович».

***

«Я живу в городе Могилеве, а пишу Вам. Живем, как атомные заложники. Дозиметров ведь у нас ни у кого нет и проверить данные мы не можем. Надежда на приобретение их тоже нулевая, хотя и пишут кое-где, что их начали выпускать. А замеры официальные брались из расчета два на один квадратный километр. Тогда как надо бы через 10–15 метров (как при поиске источника радиации). Так что, думаю, впереди еще много сюрпризов. Вы смотрели „Взгляд“ о нашей гематологической клинике в Москве, где такая скученность, что даже умирающих некуда изолировать из общей палаты? Я не говорю уже об отсутствии у них одноразовых шприцев. Растет рак, заболевания слизистых, бронхиты, увеличивается количество заболеваний щитовидной железы и т. д. В чистоте продукции не уверены – нив государственной, ни в базарной – на фоне той длительной лжи, которой нас кормили (да и кормят). Так почему же мы должны еще доказывать нашу экологически неблагополучную (мягко выражаясь) ситуацию? И лавсановый завод у нас, и хотят расширять химический завод, выпуск сосисочной

оболочки, хотя сосисок мы не видим. Надо наложить вето на расширение химических производств в нашем регионе вообще. А наш завод – источник сероуглерода и сероводорода в городе. Все пишут о взрывоопасности и ненадежности реакторов того типа, которые у нас в стране и в Чернобыле. Так чего же нам еще ждать? Когда следующий блок взорвется? Мы уже свою дозу получили, думаю. И добавляем каждый день. В отношении же „нехватки электроэнергии“ в стране при закрытии АЭС – это неправда. Мы экспортируем электроэнергию за границу (по договорам), а сами умираем. Так не слишком ли дорогая цена экспорта?

Грибы и ягоды не покупаем, говядину – тоже, в лес не ходим, на солнце стараемся быть меньше...

Ожеская Зинаида Филипповна, врач, Могилев».

Со временем характер писем из пораженных районов менялся. Люди писали о неурядицах при выселении, о нечистоплотности некоторых должностных лиц, которые, пользуясь своим служебным положением, быстрее, чем другие, переселялись в лучшие места и квартиры.

***

«Мы, жители сел Малые Клещи и Старое Шарне Народичского района, подлежим выселению. Выселены еще с 20 июля 1989 года. Но жилья нам так и не предоставили. Хотя представители облисполкома обещали закупить нам жилье. Мы обращались за помощью в Народичский райисполком, слышали обещания в Барановском райисполкоме. Готовчиц и Малиновский (руководители Житомирского облисполкома. – А.Я.) в Народичах обещали нам все, а когда мы приехали и нашли себе дома, так эти товарищи отказались нам помочь. Товарищ Готовчиц бросил трубку, отказался с нами разговаривать. Куда нам еще обращаться? Куда нам детей своих девать? Где им ходить в школу? Возможностей для этого у них нет. Просим нам срочно помочь, так как нам негде жить».

Двенадцать подписей переселенцев.

Они нашли меня почти ночью, на работе – я дежурила по номеру газеты в типографии. Молодые женщины плакали. Мужчины говорили о том, что если их семьи не устроят с жильем, то вот завтра они разобьют палатки на площади возле обкома партии. Так горько для этих семей началась «новая жизнь» после отселения.

***

«Убедительно прошу Вас разобраться в несправедливом распределении квартир на отселение из Народич. Я, Ницович Наталья Евгеньевна, проживаю в Народичах с 1975 года. Приехала по распределению после окончания музыкального училища. Вышла замуж. От брака имею двух сыновей в возрасте 10 и 13 лет. С 1984 года осталась вдовой. На момент аварии на ЧАЭС с детьми проживала и проживаю в Народичах. После двух лет в зоне высокой радиации дети стали болеть, и по совету врачей я была вынуждена их оттуда увезти. Младшего сына отправила к своим родителям в Житомир. А старшего – отвезла к свекрови в Ивано-Франковскую область. И так моя семья распалась. И вот уже два года я не могу жить вместе со своими детьми. Дети остались без отца. А теперь еще лишены и материнской ласки и тепла. Но вот в 1989 году появилась надежда на выселение и обретение крова, на то, что мы будем жить вместе. Но – увы. Члены комиссии по распределению квартир лишили меня этой надежды, мотивируя тем, что я совершила преступление, ценой разлуки с детьми вывезла их из Народич.

В первый этап в город Житомир я не попала (дали 37 квартир). Затем Киев дал 200 квартир. Я записалась туда, тоже отказали, записав меня на Житомир во второй этап. Но Житомир до сих пор

квартир не дает, и обещают в 1991 году. Из 37 человек, которые получили уже квартиры, трое отказались. Так их заняли члены райисполкома, у которых дети взрослые, старше 18 лет. Лукьяненко, заместитель председателя райисполкома по строительству, и Шуляренко, заместитель председателя райисполкома. Так где же справедливость? Председатель комиссии по распределению квартир тов. Ковальчук был записан в четырех областях, но решил остановиться на Киеве. Тов. Иванченко работает в плановом отделе райисполкома, уже получила ордер в г. Хмельницке, а через неделю – ордер в г. Киеве. Тов. Шелюк – заведующий загсом, была записана на Житомир. Еще не взяв открепления, получила ордер на Киев. Получается так: если ты работник исполкома или приближенный к исполкому, так можешь менять квартиры, где и как хочешь. А на таких, как я, никто внимания не обращает. Хотя в первую очередь должны выселяться семьи с детьми до 14 лет. Этот несправедливый список можно продолжать. Я по этому поводу обращаюсь к Вам. Обращалась и в райпрокуратуру. И членам комиссии со стороны заместителя прокурора было сделано замечание, но реакции не последовало. Обращаюсь к Вам с просьбой разобраться и помочь мне жить с детьми вместе и получить квартиру в городе Житомире. Ницович».

С этим письмом я обратилась в Житомирский облисполком. Оттуда ответили, что «гр. Ницович Н. Е. выдано направление под № 4/2 от 05.06.1990 г. на поселение в квартиру по адресу: г. Житомир, улица Шевченко, 85. Завершение строительства дома планируется в первом полугодии 1991 года». И ни слова о злоупотреблениях должностных лиц. Пришлось направить ксерокопию обращения в прокуратуру. Письмо такое в моей почте было не единственное. До чего же мы дожили, думала я, если даже здесь, в этом всенародном горе, находятся люди, которые всеми способами ищут, как бы оторвать себе кусок пожирнее!

***

«Извините, что пишу Вам. Не знаю, дойдет ли мое письмо до Вас. Куда я не писал, никто не помог. Писал на сессию Верховного Совета УССР и всюду. Меня переселили из села Большие Клещи Народичского района в село Гальчин Бердичевского нашей области. Простые люди приняли очень хорошо. Спасибо им за это. Когда переселялся, обещали все. Не хотели мы брать „грязные“ вещи. Со мной поехали трое внуков: дочь сына – 10 лет и сыновья дочери – 3 года и 11 лет. Малые дети. Сын живет за Овручем, в Первомайске, там зона жесткого контроля. А дочь в Народичах, месяц назад переехала в Брусилов, но там очень мокрая новая хата, и младший внук все время у нас. Так вот год хожу по рынкам Бердичева, чтобы продали ковер или палас, или дорожки пять-шесть метров. Дети сидят на полу. И прошу „спальню“ или хоть что-то похожее. Все на выходные приезжают, десять человек, спать негде. Хожу, хожу, и все без толку. Уже стыдно ходить в те кабинеты, где смеются надо мной начальники. Мы все очень бодем, а больше всего жена и дети. Жену уже дважды возвращали из смерти. Мы старые люди, вдвоем проработали 80 лет. Вызвать „скорую“ – проблема, бегаем по соседям. Хорошо, если днем. А если ночью – будим соседей. Мы им уже в печенках сидим. Прошу год начальника Бердичевского РУС (районного управления связи. – А.Я.) поставить телефон. Хотя бы такой, который бы работал после шести вечера. Так он меня, старого человека, выгнал из кабинета. Не от добра прошу тот телефон. Совести нету начальника РУСа, он мне в сыновья годится.

Провели в Гальчине газ, обещали и мне. Купил у спекулянтов трубы. Выкопали с сыном и зятем яму посреди двора. И стоит яма, пока внучек, три года, не упал в нее и не вывихнул руку. Дали дочери телеграмму. Куда я не ходил за этот газ, нигде не помогли. Так и топим дровами, привезенными из Клещей. Отравляем себя да Гальчин. А работы там всего-то – сварить 30 метров труб и переставить котел.

Не дай бог этим начальникам и их внукам, их детям того горя, как у нас. Если бы знали, что так будет, никогда бы не поехали. Ведь в Клещах у нас было все, там наша Родина, там мы родились. Я работаю с

четырнадцать лет. Жена тоже. Разве наша вина в том, что мы переехали? Иностранцы помогают, а здесь – свои... Горько и больно нам. А дети, а внуки? Как им в глаза глядеть? Год езжу, прошу: ну дайте, ну продайте. Если бы у них беда была, я бы свое отдал.

Вы знаете, никогда, век, можно сказать, прожил, не думал, что это у нас такой порядок. До свидания. Извините. Зайченко Александр Федорович и его семья. Село Гальчин».

Вот такое горькое письмо от старого обиженного человека, заблудившегося в недрах кабинетов различного уровня чиновников, обивающего их пороги.

Пришлось мне вступить за старых людей. На мой запрос из облисполкома ответили: «Из Чернолозского лесничества гр. Зайченко А. Ф. выписано 5 (пять) кубометров дров, а в колхозе „Прогресс“ с. Никоновка – двух поросят.

В феврале месяце проведены работы по строительству наружного газопровода к дому и внутренняя разводка на кухне. Подключение к уличному газопроводу будет произведено после окончания строительства газораспределительной подстанции. В доме заявителя установлен телефон».

Ну неужели без вмешательства депутата из Кремля нельзя было помочь этим несчастным старым людям?

Письма эти можно цитировать и цитировать. Это сгустки боли невыносимой концентрации.

Они не остались безответными. После серии моих публикаций о проблемах жертв Чернобыля рядом с такими письмами на стол легли другие – с предложениями помощи. Отовсюду. Они тоже сгусток высокой концентрации – только доброты. Милосердия. Они как бы уравнивают первую стопку боли на весах нашей жизни. Если бы не было их, трудно, невообразимо трудно было бы жить.

***

«Недавно мы с моим отцом ездили в его родное село Корино Тейковского района, – пишет О. Д. Гусева из Иванова. – В нем очень много пустующих домов. Они еще в хорошем состоянии. Я и подумала, почему бы жителям зараженных районов Житомирской области не переехать сюда? Конечно, эти бедные люди, пострадавшие от радиации, вправе требовать новых домов, официальной помощи и всего прочего от правительства. Но не будет ли официальная помощь слишком запоздалой? Не лучше ли подключиться общественности? Если понадобится моя помощь, я всегда к Вашим услугам».

К своему письму Ольга Дмитриевна, добрый человек, приложила вырезку из местной газеты «Рабочий край» со списком колхозов и совхозов Ивановской области, которые приглашают желающих на постоянное место жительства и сразу же предоставляют дома усадебного типа.

Жительница Бердичева, инвалид второй группы Н. И. Самойленко, сообщала о том, что в селах Ново-Александровка, Низгурцах, Сингаевке, Садках Бердичевского района тоже есть немало пустующих домов. Она уверена, что надо немедленно предложить людям и такой вариант, пока нет новых квартир. Этим можно будет спасти детей!

На мой депутатский прием пришел пенсионер с просьбой: «Живу сейчас у детей в городе, в селе у меня осталась хата. Отдайте ее переселенцам».

Украинское общество в Литве вместе с народным движением «Саюдис» доставили малышам из Народич целый КамАЗ «чистого» питания.

Международная организация «Врачи без границ», представитель которой позвонил мне из Парижа, предложил свою безвозмездную помощь: обследование людей, дозиметры. Я обратилась к председателю

Народического райисполкома В. С. Будько: нужна ли такая помощь? «Нужна!» – ответил Валентин Семенович. Известно, что эта организация уже не раз зарекомендовала себя – и в Армении, и в Тбилиси.

Иерусалим предлагал взять народичских детей к себе на оздоровление. Армянские дети после землетрясения тоже отдыхали там...

О, если бы слова милосердия могли избавить нас от радиации!

Глава 15 СОРОК СЕКРЕТНЫХ ПРОТОКОЛОВ КРЕМЛЕВСКИХ МУДРЕЦОВ

Только спустя почти пять лет после катастрофы в Чернобыле Верховный Совет СССР с большим скрипом принял решение о создании специальной парламентской Комиссии по расследованию действий должностных лиц в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Несмотря на то что я тоже подала заявление, чтобы меня включили в ее состав, из-за уловок руководства советского парламента, для которого моя фамилия была, что красное для быка на испанской корриде, с первой попытки это не удалось. Хотя, на самом деле, это была обычная формальность. Любой депутат имел законное право принимать участие в работе любых комитетов и комиссий парламента. Так что все потуги Председателя Верховного Совета А. И. Лукьянова, «не заметившего» неудобного депутата из межрегионалки, были напрасны.

Согласно статусу, комиссия имела право запросить и получить любые документы. Почти все ведомства – Минздрав, Минобороны, Госкомгидромет – с проволочками, но все же предоставляли нам засекреченную информацию. И только Политбюро ЦК КПСС никак не реагировало на официальные запросы. Уверена: вряд ли мы получили бы когда-нибудь эти документы, если бы не август 1991 года.

После указа Бориса Ельцина о запрете коммунистической партии началась передача ее архивов, и мы наконец получили секретные протоколы заседаний оперативной группы Политбюро ЦК КПСС во главе с Н. И. Рыжковым по вопросам, связанным с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Но как ни просили наши эксперты, доктора наук, чтобы в копировальном бюро парламента сделали хотя бы одну рабочую копию протоколов, им отказали.

В один из декабрьских дней 1991 года, когда СССР уже, по сути, доживал последние недели, подъехав к зданию на Новом Арбате, где размещались комиссии и комитеты Верховного Совета СССР, я увидела, что на машину активно грузят, чтобы, по-видимому, куда-то вывезти, депутатские архивы. Меня вдруг осенило, что вот сейчас и секретные протоколы заседаний оперативной группы Политбюро по Чернобылю могут также уехать неизвестно куда и никто никогда их больше не увидит. К тому же, члены комиссии так и не успели еще прочитать эти документы особой важности.

И я решила, что должна во что бы то ни стало сделать копии этих протоколов. Я зашла в кабинет, где обычно заседала наша чернобыльская комиссия, открыла сейф и вынула оттуда увесистую пачку документов. Я лично видела их впервые. Быстро пролистав, поняла, что это бесценное сокровище с грифом «Секретно», с печатями Политбюро и оригинальными подписями Председателя Правительства Николая Рыжкова и других руководящих нами товарищей.

Быстро написала заявку в парламентское копировальное бюро и отнесла туда сорок секретных протоколов – это почти 600 страниц текста. Мне пообещали, что к следующему утру копии будут готовы. Следует пояснить, что в то время в Советском Союзе копировальных машин было очень мало, а уж об их доступности простому человеку и говорить не приходилось. И на весь советский парламент работало одно копировальное бюро для депутатов. Все, что копировалось, заносилось в специальную книгу учета под личную роспись депутата.

Я ушла из бюро в полной уверенности, что завтра получу копии этих уникальных документов. СССР уже находился в процессе самоликвидации, и парламенту было отведено несколько последних месяцев работы. И я как депутат еще имела законное право копировать любые документы. (Это я так самоуверенно думала.) Но не тут-то было! Утром сотрудники бюро в каком-то замешательстве сказали мне, что... им не разрешили копировать чернобыльские протоколы. Оказалось, вето наложил некто В. Пронин, назвавшийся консультантом 2-го секретного сектора ВС СССР. Услышав это, я испытала некий шок: оказывается, за всеми

действиями депутатов в стенах Верховного Совета СССР пристально следили спецслужбы! Я зашла к начальнику спецчасти Секретариата ВС СССР А. Бурко и с негодованием объяснила ему, что я еще депутат и имею право.

Но он в свою очередь невозмутимо разъяснил мне, что, мол, он не имеет права дать разрешение ксерокопировать эти документы с грифом «секретно» и «совершенно секретно» даже для парламентских комиссий. А чтобы получить его, надо обратиться в ту организацию, которая и засекретила документы, с просьбой об их рассекречивании и вот тогда... Напомню, это происходило после коммунистического путча. Президент России Борис Ельцин уже запретил КПСС, а некоторые члены ее Политбюро, путчисты, обдумывали жизнь в «Матросской тишине». Но секреты этой организации строго бдили ее подручные в умирающем парламенте страны.

Поняв, что все бесполезно, я забрала документы, вернулась в комнату заседаний комиссии и по специальной связи позвонила Вадиму Бакатину, новому шефу советского КГБ, которого Михаил Горбачев назначил вместо Крючкова. Объяснив ситуацию, попросила Бакатина дать указание своим подчиненным в Кремле, чтобы они разрешили мне ксерокопировать секретные документы КПСС. Ответ Бакатина меня потряс: «Я не могу вам ничем помочь, – сказал он. – Это не наши кадры. Они мне не подчиняются». Так я случайно узнала, что в недрах Верховного Совета СССР существовала некая организация, которая «мониторил» все действия депутатов, подчиняющаяся непосредственно, как сказал Бакатин, его председателю. А председатель, путчист Анатолий Лукьянов, тоже сидел на нарах...

В общем, я поняла, что никто мне не поможет. Как и то, что я не могу просто так вернуть эти документы в сейф и забыть. Поэтому на каком-то автопилоте я положила документы в пакет и вышла на улицу. Что делать дальше? Снять с них копии было решительно негде – как я уже сказала, копировальных бюро, как сейчас на каждом углу, тогда не было. Я решила пойти в газету «Известия», в которой часто печатала свои статьи. Как оказалось, это было правильное решение. Здесь нашелся вожденный копировальный аппарат (мне помогла в этом деле замечательный журналист «Известий» Людмила Савельева), и я вернулась обратно в комнату заседаний чернобыльской комиссии уже с двумя пакетами в руках – оригиналами и копиями документов.

Положив обратно в сейф оригиналы, закрыв его, я задумалась: в стране все так зыбко, а если коммунисты завтра снова окажутся у власти, то что будет со мной и моей семьей после того, как я напечатаю эти материалы? Они скажут, что ничего такого не было, что я все это придумала. И – правильно! – я окажусь там, где сидят сейчас путчисты! Я снова открыла сейф, вынула оттуда первый протокол – оригинал – и на его место положила копию. Таким образом я пыталась хоть в какой-то мере обезопасить себя и свою семью от возможных будущих неприятностей.

Когда в той же газете «Известия» спустя некоторое время вышла моя сенсационная статья о секретных чернобыльских протоколах, которая была переведена и напечатана затем в Европе, Америке и Японии, мне позвонил директор российского архива и спросил, а где я взяла эти материалы – их в государственном архиве... нет. Слава Богу, подумала я, что мне удалось копировать секретные протоколы, иначе мир никогда бы не узнал о преступлениях тоталитарного режима против человечности – в чернобыльских зонах.

Читая эти уникальные документы, я всякий раз думаю о том, что главный и самый страшный изотоп, вылетевший из горла реактора, как раз и отсутствует в таблице Менделеева. Это – ложь-86. Обман столь же глобален, сколь глобална сама катастрофа.

Ложь номер один – о поражении радиацией. Первое заседание оперативной группы политбюро состоялось 29 апреля 1986 года. Где-то до середины мая она заседала ежедневно. (Это к вопросу о том,

что, как уверяли нас годами, у руководства не было информации. Еще и недавно, давая интервью российскому телевидению, Николай Рыжков едва не клялся, что они «тогда мало что знали».)

Начиная с 4 мая, в оперативную группу идет поток сообщений о госпитализации населения.

«Секретно. Протокол № 5. 4 мая 1986 г. присутствовали: члены Политбюро ЦК КПСС тт. Рыжков Н. И., Лигачев Е. К., Воротников В. И., Чебриков В. М., кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС тт. Долгих В. И. Соколов С. Л., секретарь ЦК КПСС Яковлев А. Н., Министр внутренних дел т. Власов А. В.

<...> Сообщение т. Щепина (первый заместитель министра здравоохранения СССР. – А.Я.) о госпитализации и лечении населения, подвергшегося действию радиации. Принять к сведению, что по состоянию на 4 мая всего госпитализировано 1882 человека. Общее число обследованных достигло 38 тысяч человек. Выявлено пораженных лучевой болезнью различной степени сложности 204 человека, в том числе шесть детей. В тяжелом состоянии находится восемнадцать человек. <...> В медицинских учреждениях Украинской ССР для госпитализации пострадавших выделено 1,9 тысяч койко-мест. Минздравом СССР совместно с ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. – А.Я.) выделены для размещения больных в легкой форме специализированный санаторий в Михайловском под Москвой, а также санатории в городах Одессе и Евпатории с общим количеством 1 200 мест. Под Киевом организовано в санаторных учреждениях 6 000 мест и 1 300 мест в пионерских лагерях».

Секретное сообщение от 5 мая 1986 года: «...общее число госпитализированных достигло 2 757 человек, из которых 569 детей. Из них 914 имеют признаки лучевого заболевания, из которых 18 человек находятся в очень тяжелом состоянии».

«Секретно. Протокол № 7. 6 мая 1986 г. Присутствовали члены Политбюро ЦК КПСС тт. Лигачев Е. К., Чебриков В. М., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС т. Долгих В. И., секретарь ЦК КПСС т. Яковлев А. Н.

Принять к сведению сообщение т. Щепина о том, что по состоянию на 9.00 часов 6 мая общее число госпитализированных составило 3454 человека. Из них на стационарном лечении находятся 2 609 человек, в том числе 471 ребенок. По уточненным данным число пораженных лучевой болезнью составляет 367 человек, в том числе 19 детей. Из них в тяжелом состоянии находится 34 человека. На стационарном лечении в 6-й больнице Москвы находятся 179 человек, из которых 2 ребенка».

Поражает цинизм властей, навеки запечатленный в секретном документе: «Согласиться с предложением Минздрава СССР о целесообразности опубликования данных о количестве и состоянии больных, находящихся на излечении в 6-й больнице Москвы, учитывая тот факт, что в этой больнице работают американские специалисты». А если бы в этой больнице не работали американцы?

«Секретно. Протокол № 8. 7 мая 1986 г. В заседании оперативной группы принял участие Генеральный секретарь ЦК КПСС т. Горбачев М. С. Присутствовали: члены Политбюро ЦК КПСС: тт. Рыжков Н. И., Лигачев Е. К., Воротников В. И., Чебриков В. М., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС – т. Долгих В. И., министр внутренних дел СССР – т. Власов А. В. <...>

За сутки дополнительно госпитализировано 1821 человек. Число лиц, находящихся на стационарном лечении, составляет на 10 часов 7 мая 4 301 человек, в том числе 1351 ребенок. Среди них с диагнозом лучевой болезни насчитывается, включая сотрудников МВД СССР, 520 человек. В тяжелом состоянии находятся 34 человека».

Секретное сообщение от 8 мая 1986 года: «...за сутки число госпитализированных увеличилось на 2 245 человек, в том числе 730 детей... По состоянию на 10.00 часов 8 мая число лиц, находящихся на стационарном лечении, составило 5 415 человек, из которых 1 928 детей. Диагноз лучевого поражения зафиксирован у 315 человек».

Секретное сообщение от 10 мая 1986 года: «...за истекшие двое суток госпитализировано 4 019 человек, из них 2 630 детей. <...> Всего в стационарах находятся 8 695 человек, в том числе с диагнозом лучевой болезни 238 человек, среди которых 26 детей. За сутки умерло два человека, в тяжелом состоянии находятся 33 человека».

Секретное сообщение от 11 мая 1986 года: «...за истекшие сутки госпитализировано 495 человек...Всего на лечении и обследовании в больницах находится 8 137 человек, из них с диагнозом острой лучевой болезни – 264 человека. В тяжелом состоянии – 37 человек. За сутки умерли два человека».

«Секретно. Протокол № 12. 12 мая 1986 г. <...> За истекшие сутки дополнительно госпитализировано 2 703 человека, в основном из Белоруссии. На стационарном обследовании и лечении находятся 10 198 человек, из которых 345 человек имеют признаки лучевого заболевания. Среди них 35 детей».

Как соотнести динамику роста госпитализированных из этих секретных сообщений на заседании оперативной группы с упорным молчанием о тысячах больных в средствах массовой информации? Правда – для патрициев и правда – для рабов? В протоколе № 21 от 4 июня 1986 г. в «директивах участникам очередной пресс-конференции для советских и иностранных ученых журналистов» была и такая лживая заготовка: «Для решения вопроса о госпитализации... утверждены соответствующие показатели. За прошедший период обследованы все люди, обратившиеся в медицинские учреждения. Диагноз острой лучевой болезни установлен у 187 пострадавших (все из числа персонала АЭС), из них умерло 24 человека (двое погибли в момент аварии). Диагноз лучевой болезни у госпитализированной части населения, включая детей, не подтвердился».

Начиная с 13 мая 1986 года в сообщениях заместителя министра здравоохранения СССР количество госпитализированных самым загадочным образом быстро пошло на убыль, стремительно возрастает количество выписанных из больниц облученных людей.

Секретное сообщение от 13 мая 1986 года: «Отметить, что за истекшие сутки госпитализировано 443 человека, из больниц выписано – 908 человек. На стационарном лечении и обследовании находятся 9 733 человека, в том числе 4 200 детей. Диагноз лучевой болезни установлен у 299 человек, в том числе – 37 детей».

Секретное сообщение от 14 мая 1986 года: «Принять к сведению сообщение т. Щепина о том, что за истекшие сутки дополнительно госпитализировано 1059 человек, из больниц выписано 1200 человек».

Секретное сообщение от 16 мая 1986 года: «Принять к сведению сообщение т. Щепина о том, что по состоянию на 16 мая 1986 г. число госпитализированных составляет 7858 человек, в том числе 3 410 детей. Диагноз лучевого заболевания подтвержден в 201 случае. Общее число погибших и умерших – 15 человек, в том числе за 15 мая – 2 человека».

Но и эти данные, как свидетельствуют документы, не были основательными и точными. На заседании оперативной группы Политбюро ЦК КПСС принимается решение: «Поручить т. Щепину уточнить данные по числу госпитализированных и пораженных лучевой болезнью, находящихся в больницах Москвы, других городов РСФСР, Украины, Белоруссии, включая сотрудников МВД СССР и военнослужащих». Возникает вопрос: а на чем же тогда основывались цифры по больным, которые приводились в секретных сводках?

Секретное сообщение от 20 мая 1986 года: «...количество госпитализированных за четверо суток увеличилось на 716 человек. Лучевая болезнь подтверждена у 211 человек, в том числе у 7 детей. Число умерших за все время – 17 человек, в тяжелом состоянии находятся 28 человек».

Начиная с 26 мая 1986 года, сведения о госпитализированных в результате катастрофы на Чернобыльской атомной станции в секретных протоколах Политбюро ЦК КПСС подаются уже нерегулярно, не на каждом заседании.

Секретное сообщение от 28 мая 1986 года: «...на стационарном обследовании и лечении находятся 5 172 человека, в том числе 182 человека с установленным диагнозом лучевой болезни. Общее число умерших на 28 мая составило 22 человека (плюс два погибших в начале аварии)».

Секретное сообщение от 2 июня 1986 года: «...на стационарном обследовании и лечении находится 3 669 человек, в том числе с установленным диагнозом лучевой болезни – 171 человек. Число умерших на 2 июня 1986 года составило 24 человека (кроме того, два человека погибли в начале аварии). В тяжелом состоянии находятся 23 человека».

Это было последнее упоминание о потоке госпитализированных людей в связи с катастрофой на ЧАЭС в секретных протоколах оперативной группы Политбюро ЦК КПСС, хотя сама группа существовала вплоть до 6 января 1988 года.

Возникает вполне резонный вопрос: почему столь стремительно началась выписка людей из больниц после того, как 12 мая 1986 года число госпитализированных из пораженных зон перевалило за десять тысяч?

Похоже, чем сильнее расплзалась радиация по стране, тем здоровее и здоровее становился советский народ. Министр здравоохранения УССР А. Романенко, даже через несколько лет после аварии все токовал и токовал в продажной прессе и на партийных пленумах: «Со всей ответственностью могу сообщить, что, кроме тех, кто заболел, которых 209 человек, сегодня нет людей, заболеваемость которых можно или необходимо связывать с действием радиации».

Отгадка подобных заявлений была засекречена в документах оперативной группы. Вот как, оказывается, тысячи людей, пораженных радиацией, вдруг немедленно чудесным образом «выздоровели».

«Секретно. Протокол № 9. 8 мая 1986 г. <...> Минздрав СССР утвердил новые нормы допустимых уровней облучения населения радиоактивными излучениями, превышающие прежние в 10 раз (прилагается). В особых случаях возможно увеличение этих норм до уровней, превышающих прежние в 50 раз (! – А.Я.)». Поясню: это в 5 раз выше допустимого даже для профессионалов, работающих в машинных залах АЭС. Далее в приложении к протоколу: «...Таким образом, гарантируется безопасность для здоровья населения всех возрастов, даже при сохранении данной радиационной обстановки в течение 2,5 лет». Под эти нормы «подогнали» даже беременных женщин и детей. Секретное медико-гигиеническое заключение по материалам Госкомгидромета подписали первый заместитель министра здравоохранения СССР О. Щепин и первый заместитель председателя Госкомгидромета СССР Ю. Седунов. Таким образом, без лечения и лекарств тысячи наших сограждан одномоментно, 8 мая 1986 года, «исцелились». (Эффективность, простота и «научность» метода наводит на мысль: а почему бы, учитывая сегодняшние затруднения государства с бесплатными лекарствами, аппаратурой и койко-местами для пенсионеров, не принять директиву о том, что, например, начиная с 1 мая с. г., нормальной температурой тела считать не 36,6, а 38, или в «особых случаях» 39 градусов? Тогда больных бы в России не было бы вообще.)

Безусловно, советское партийное руководство увеличило допустимые радиационные дозы от 10 до 50 раз для того, чтобы скрыть истинные масштабы пораженных радиацией людей. И в значительной степени этот идеологический трюк им удался.

Ради этого в Кремле шли на всё. Не прошло и трех месяцев после отселения людей из «черной» зоны, как называл в своих секретных письмах первый секретарь ЦК компартии Украины В. В. Щербицкий 30-километровую территорию отселения, как власти спешно начали обратный процесс: реэвакуации! «Секретно. Подлежит возврату в Особый сектор Управления делами Совета министров СССР. Протокол № 29. <...> 23 июня 1986 года. <...> О возможности и сроках реэвакуации населения в районы,

подвергшиеся радиоактивному загрязнению...рекомендации прилагаются. Заключение о возможности возвращения детей и беременных женщин в районы, где уровни радиации находились в пределах от 2 до 5 мР/час. 1. Разрешить реэвакуацию (возвращение) детей и беременных женщин во все населенные пункты, где общая расчетная доза не будет превышать 10 бэр за первый год (всего 237 населенных пунктов)», а там, «где расчетные дозы облучения (без ограничения потребления загрязненных продуктов) превысит 10 бэр, – с первого октября 1986 года... (174 населенных пункта). <...> Израэль, Буренков, Александров». И примкнувший к ним и в других подобных секретных документах Ахромеев.

Это при том, что месяцем ранее (протокол № 10 от 10 мая 1986 года) Израэль в секретной записке докладывал оперативной группе Политбюро: «Территории с уровнем радиации более 5 мР/час <...> признаны опасными для проживания населения. <...> На территории с уровнем радиации менее 5 мР/час требуется введение жесткого контроля за радиоактивностью продуктов питания, особенно молока». Интересно сравнить это с еще одним секретным документом – «Докладом начальника химических войск министерства обороны СССР В. Пикалова на совещании в ЦК КПСС от 15 июня 1987 года». В нем, в частности, отмечено: «...в „рыжем“ лесу за счет повалки и консервации леса (засыпки песком) уровни радиации снижены с 5 Р/ч до 7, 5 мР/ч, что превышает допустимые значения в 15 раз». То есть беременных женщин и детей практически реэвакуировали в своеобразный «рыжий» лес!

«Секретно. П. 10. Совершенно секретно. Протокол № 35 <...> 17 октября 1986 года. <...> Экз. № 1. Заключение о возможности реэвакуации населения 47 населенных пунктов Киевской и Гомельской областей, входящих в определенную ранее 30-километровую зону...» И приложение – перечень 26 деревень, в которых «радиационная обстановка соответствует утвержденным для реэвакуации населения критериям (плотность загрязнения цезием-137 менее 15 ки/кв. км, стронцием – 90 – менее 3 ки/кв. км плутонием 239 и 240 – менее 0,1 ки/кв. км, суммарная доза облучения населения за первый год после реэвакуации менее 10 бэр)».

И ни у одного не дрогнула рука – росчерком пера загнали обратно в ядерное гетто, в «черную зону» и беременных, и детей!

Спустя почти двадцать лет после катастрофы, разбирая свой чернобыльский архив, в котором накопилось немало различных материалов, я наткнулась на прямо-таки сенсационный документ, имеющий прямое отношение к секретным кремлевским протоколам, еще раз подтверждающий глобальность лжи и преступность власти. За годы после катастрофы в Чернобыле я «раскопала», прочитала и напечатала десятки килограммов закрытых официальных документов, но ничего подобного до сих пор не встречала. Речь идет о конкретных и реальных дозах, полученных людьми в первые месяцы после катастрофы на ЧАЭС.

26 мая 1987 года министр здравоохранения УССР А. Е. Рома-ненко в своем письме Министру здравоохранения СССР Е. И. Чазову «О ходе выполнения приказа МЗ СССР № 527-дсп от 13.04.1987 г.» под № 428с с грифом «секретно» и штампом ЦК

КПСС «Без права публикации» сообщает: «В районах с повышенной радиацией в Киевской, Житомирской и Черниговской областях проживает 215 тыс. человек, в том числе 74,6 тыс. детей...выявлено 39,6 тыс. больных, ранее не состоящих на учете. За лицами, у которых выявлены различные соматические заболевания, установлено динамическое наблюдение, проводится их лечение в амбулаторных и стационарных условиях. Всего за год было госпитализировано 20,2 тысячи человек, из них около 6 тысяч детей».

А теперь – внимание: «В первые месяцы после аварии на ЧАЭС было проведено дозиметрическое обследование щитовидной железы у всех детей. У 2,6 тысяч детей (3,4 процента) из них было выявлено содержание радионуклидов йода, превышающее 500 бэр». Хочу заметить, что письмо это страшное

датировано 13 апреля 1987 года. Это значит, что уже почти год как вступили в действие новые повышенные в 10–50 раз дозы из секретных протоколов оперативной группы Политбюро. На самом деле это означает страшные вещи – даже по оценкам самых отъявленных медицинских ортодоксов рак наступает после 100 бэр.

Возникает также законный вопрос: а у скольких же детей на Украине и в других республиках в таком случае было выявлено менее 500 бэр на щитовидной железе? Увы, таких точных данных в открытом доступе нет и по сей день.

Вот еще один новый документ из моего архива. В продолжение тайной переписки министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов в своей докладной записке от 16 ноября 1987 года, № 3634с под грифом «секретно» и штампом ЦК КПСС «Без права публикации» сообщает в ЦК КПСС: «На 30.09.1987 г. диспансерным наблюдением охвачено 620 016 человек. С целью проведения углубленного обследования и уточнения диагноза заболеваний, выявленных при диспансерном обследовании, но не связанных с воздействием облучения, госпитализировано 5 213 человек». Получается, министр здравоохранения Украины Романенко сообщает ему, что только за год (!) более чем у двух с половиной тысяч детей накоплено по 500 бэр радиоактивного йода в щитовидке (то есть это рак), а Чазов сообщает секретно в ЦК, что «не выявлено заболеваний, которые можно было бы отнести за счет радиационного фактора»! И как можно объяснить, почему эти воистину безумные не только для детей, но и для взрослых дозы радиоактивного йода не связываются с «воздействием облучения»? А что ж тогда «связывается»? Геморрой, простите, что ли? Ясно, что ЦК КПСС приятнее было слышать именно такую «правду».

А вот проект постановления «О выполнении резолюции XXVIII съезда КПСС „О политической оценке катастрофы на Чернобыльской АЭС и хода работ по ликвидации ее последствий“ от 28 декабря 1990 года, который Секретариат ЦК КПСС направил первому заместителю Генерального секретаря КПСС В. А. Ивашко. В этом закрытом документе отмечается: „Последствия аварии продолжают сказываться на рождаемости и длительности жизни. Так, в Белорусской ССР за последние четыре года рождаемость снизилась на 10 процентов; увеличилась здесь и смертность населения от злокачественных новообразований. В Могилевской и Гомельской областях за последние пять лет она возросла более чем на 19 процентов“». И эти закрытые выводы ЦК КПСС никак не координируются с их открытым цинизмом в официальных оценках доз.

Некоторый свет на засекречивание и извращение реальных доз и их оценок проливает статья действительного члена Академии медицинских наук СССР, директора Российского научного гематологического центра профессора А. И. Воробьева «Почему советская радиация – самая безопасная» («Московские новости», № 33 от 18 августа 1991 г.). Автор сообщает, что «у 40 процентов обследованных жителей чернобыльского региона не обнаружено каких-либо доз облучения, 50 процентов облучены дозой до 50 рад, более 5 процентов – дозой 50–80 рад. У последней группы можно ожидать отчетливого повышения частоты опухолей. 2 процента населения загрязненных районов... облучены в дозе более 100 рад. Среди ликвидаторов эта группа еще больше».

Воробьев также отмечает: «У некоторых жителей Гомеля и Брянской области выявлены такие изменения в отдельных клетках, которые свидетельствуют о действии чрезвычайно мощного излучения! Налицо несоответствие: весь организм облучен в дозе 30–50 рад, а отдельные его клетки – около 1000 и более рад». Читатель, это те же выводы, что мы уже сделали после прочтения секретного письма министра здравоохранения Украины Романенко министру здравоохранения Чазову. Об этих фактах профессор сообщил Минздраву и АМН наук СССР. Об ответе на эти научные предположения общественности ничего не известно.

В 1989 году газета «Московские новости» пригласила нескольких депутатов (и меня в том числе) на круглый стол о последствиях катастрофы на Чернобыльской атомной станции. Известный белорусский писатель депутат Алесь Адамович рассказывал: «...Когда вскрывали людей, умерших якобы от других болезней, например, от ишемии, то оказывалось, что у них в легких – это зафиксировано профессором Е. Петряевым – в огромном количестве так называемые „горячие частицы“. До пятнадцати тысяч! Две тысячи таких частиц – гарантия рака!»

Как отмечает в своем рукописном материале, присланном мне из Израиля советский физик-ядерщик Сергей Тиктин, подобная инкорпорация твердых частичек – табачного дыма, угольной пыли, кремнезема (при больших количествах приводящая к силикозу) – известна давно. Но в данном случае речь идет об инкорпорированных тканями легких, неподвижно застрявших в них пылинках частично отработанного реакторного топлива.

Подтверждение этих подозрений я нашла в докладе Государственного комитета СССР по атомной энергии, подготовленном для совещания экспертов МАГАТЭ в Вене 25–29 августа 1986 года «Авария на Чернобыльской атомной электростанции и ее последствия». В нем сообщаются потрясающие факты о результатах гамма-спектроскопического исследования излучения, исходившего из организма пострадавших: «Практически у всех поступивших, без очевидной связи с наличием и тяжестью ОЛБ (острое лучевое заболевание. – А.Я.), было обнаружено поступление в организм сложной смеси нуклидов, преимущественно изотопов йода, цезия, циркония, ниобия, рутения. Есть также упоминание об инкорпорации радионуклидов».

Заметим дату подготовки этого доклада. Это было всего четыре месяца спустя после катастрофы! И меня совершенно не смущает застенчивая формула, которую выбрали авторы доклада – о том, что вся эта гадость была инкорпорирована в организм жертв Чернобыля «без очевидной связи с наличием и тяжестью ОЛБ». Для меня ясно, что, во-первых, это самое ОЛБ было в такой степени, что скрыть его пусть даже не от широкой общественности уже было просто невозможно. (О приличиях в данном случае речь не идет.) Во-вторых, если, переведя на простой язык, сами жертвы Чернобыля излучали радиацию и им уже был поставлен диагноз ОЛБ, то, вероятно, только безнадежно слепые не могли увидеть его связи с радионуклидным обедом этих несчастных жертв. Тем более что в этом же докладе так же застенчиво сказано, что в легких нескольких умерших от острой лучевой болезни после катастрофы были обнаружены различные радионуклиды.

После этого уже даже и не удивляют выводы: «...на данном этапе при оценке дозовых нагрузок можно не учитывать ингаляционное поступление радионуклидов при проживании на сформированном радиоактивном следе». Хотя – «Дополнительная смертность, связанная с аварийным выбросом ЧАЭС, менее чем на 2 процента увеличит естественную смертность от рака среди облученного населения». Мол, ничего страшного – ну помрет там каких-то два процента от рака, ну и ладно. И не надо сильно волноваться об «ингаляционном поступлении радионуклидов». Всё, как рекомендовали и передавали сверху донизу по цепочке демократического централизма старшие товарищи в своих секретных протоколах.

Из моих собственных наблюдений и интервью с сотнями людей в пораженных зонах сразу и через несколько месяцев после катастрофы было очевидно, что опасность инкорпорированной пыли ядерного топлива просто огромна. Буквально все собеседники говорили о радиоактивной пыли, о першении из-за нее (как они чувствовали) в горле, о негерметичных тракторах (а осенью 1986 года и позже во многих хозяйствах собирали радиоактивный урожай), о том, что дети играют в песке, куда тоже, по их выражению, «пикировала радиация» и т. д.

Очевидно, что никто и никак не учитывал этой особенности – так называемых горячих частиц, пыль ядерного топлива, которые попадали в организм человека, порой облучая его смертельно.

Физик-ядерщик, бывший киевлянин Игорь Геращенко, который ныне живет на Западе, передал мне рукопись своей статьи «Пропущенные уроки Чернобыля». (Мне неизвестно, была ли она в конце концов напечатана.) В ней приводятся довольно интересные с точки зрения невероятных совпадений факты. Для полной ясности, о чем идет речь, я позволю себе довольно длинную из нее цитату. Она того стоит. «Какие же дозы радиации получили люди в районе катастрофы? Точно этого не знает никто. В первое время после взрыва приборов для измерения уровня радиоактивности в районе катастрофы почти не было. Один мой знакомый капитан МВД в течение недели после взрыва стоял в оцеплении места катастрофы, при этом прибора для измерения радиоактивности не имел и какую дозу получил – не знает. Водители машин, на которых эвакуировали людей, приборов тоже не имели. Случайно ли это? Ни в коем случае. Так проще врать своему народу и доверчивой мировой общественности.

По непроверенным данным, в поселке Припять (ближайший к атомной станции населенный пункт) уровень радиации был от 1 до 10 рентген в час. (По проверенным мною данным, уровень радиации в Народицах Житомирской области в первые дни составлял 3 рентгена в час, хотя Народицы находятся на расстоянии 80 километров от ЧАЭС. – А.Я.) Зависимость уровня радиоактивности от расстояния от места взрыва очень сложная (играет роль и направление ветра, и шел ли дождь из радиоактивного облака, и многое другое), но в среднем уровень радиации обратно пропорционален квадрату расстояния, то есть вдвое дальше от места взрыва – радиоактивность в четыре раза меньше и т. д.

Максимальный уровень радиации, который я лично замерял в Киеве, в конце мая (1986 года. – А.Я.) был 0,0018 рентгена в час. Замеры я проводил стандартным армейским прибором, взятым из класса гражданской обороны у меня на работе. По замерам моих знакомых, в начале мая в Киеве уровень радиации доходил до 0,003 рентгена в час. Расстояние от взорвавшегося реактора до Киева около 130 километров, а до поселка Припять около пяти.

Значит, по расчетам, средний уровень радиации в поселке Припять должен был составлять <...> около 2 рентгенов в час. Что ж, цифры от 1 до 10 рентгенов в час для Припяти вполне правдоподобны.

Эвакуация началась только через 36 часов после взрыва. Значит, жители поселка Припять получили дозу от 36 до 360 рентгенов. А жителей этих было 26 апреля 1986 г. 45 тысяч человек. Сколько из них еще живы сейчас? Не знаю. (Рукопись статьи Геращенко датирована маем 1987 года. – А.Я.) Знаю, что из тех, кого привозили по ночам в больницы г. Киева, за полгода умерло около 15 тысяч человек.

Скажу одно: я не собирал панических слухов. Вся информация, которую я привожу в этой статье, получена мною непосредственно от тех, кто работал в связи с ликвидацией последствий катастрофы: водителей машин, сотрудников больниц, военных из оцепления и многих других.

Привезенных в Киев даже не пытались лечить, да и возможности такой не было. Где взять кровь для переливания и костный мозг для пересадки нескольким десяткам тысяч? Да и лежали эти больные не только в радиологических отделениях, а где попало: кто по палатам, кто в коридоре, а кто и в подвалах больницы. В одной из больниц даже часть морга для этой цели выделили.

Эти 15 тысяч человек умерли от острой лучевой болезни».

Удивительное совпадение различных источников: согласно секретным протоколам оперативной группы Политбюро, которые я только что цитировала, в первые недели после взрыва было госпитализировано именно около 15 тысяч человек. Академик А. И. Воробьев в своей статье в «Московских новостях», кстати, тоже сообщает, что было госпитализировано именно 15 тысяч. Но он тут же уточняет, что после разъяснения медикам, что такое ОЛБ, они были выписаны. Свидетель – физик, живший в то время в Киеве, И. Геращенко тоже называет эту цифру. С одним только страшным уточнением: эти люди умерли.

Интересно проанализировать уточнение академика Воробьева о 15 тысячах госпитализированных и выписанных после некоего «разъяснения медикам». Во-первых, что это за медики были, которые не знали, что такое ОЛБ (это знают даже старшеклассники). Во-вторых, похоже, все эти «разъяснения» поступили после того, как на одном из секретных заседаний кремлевской группы в срочном порядке были повышены предельно допустимые уровни радиации. Именно после этого все госпитализированные – а таковых, судя по протоколам, было действительно около 15 тысяч человек – были признаны здоровыми и выписаны.

Профессор Воробьев вряд ли был посвящен в чернобыльские тайны Кремля, судя по его публикации. Его признания являются для меня еще одним косвенным подтверждением того факта, что около 15 тысяч человек получили в первые недели ОЛБ, и только специальные инструкции по диагностике ОЛБ, введенные Политбюро с подачи придворных медиков, помогли советскому правительству не только скрыть этот факт, но и не госпитализировать больше по повышенным предельно допустимым нормам других жертв катастрофы. Их уже как бы и не было. Исчезли. Испарились.

Интересен дальнейший ход размышлений киевского физика Геращенко: «Внимательного читателя такая цифра даже удивит. В Хиросиме погибло около 70 тысяч человек (из них только несколько тысяч в результате непосредственного взрыва, большинство – от последствий радиоактивного заражения), а тут только 15 тысяч, при выбросе в тысячи раз большем. Совершенно верно, жертв намного больше. Во-первых, я говорю только о тех, о которых получил данные. Во-вторых, последствия радиации – долгосрочные. Еще десятки, а то и сотни тысяч умрут от рака, начавшегося из-за радиации, но это будет попозже: инкубационный период может длиться годами».

Заявление о 15 тысячах погибших жертвах Чернобыля И. Геращенко сделал в интервью газете «Нью-Йорк Сити Трибюн» и на слушаниях о последствиях катастрофы в Конгрессе США. Он сказал также, что пострадавшим вместо диагноза «острая лучевая болезнь» ставили диагнозы «вегето-сосудистая дистония», «сосудистая дистония» и т. п. И это является уже абсолютно доказанным фактом. В медицинских карточках погибших писали «прошел курс лечения», «в дальнейшем лечении не нуждается». Напомню, что через несколько лет после аварии, выступая на парламентских слушаниях, даже академик Л. А. Ильин, патриарх печально известной концепции «35 бэр за 70 лет», вынужден был признать, что «один миллион 600 тысяч детей имеют дозовые нагрузки, которые нас волнуют, надо решать вопрос, как поступать дальше».

Из протоколов стало ясно: дозовые нагрузки исчислялись, исходя из новейших «рецептов» официальной науки, делавшейся под цековским грифом «секретно». А если посмотреть на этих детей с точки зрения нравственного императива недопустимости жертв, исповедуемого в цивилизованных странах, то на сколько еще надо умножить?

Ложь номер два – о «чистоте» продукции на радиоактивных сельхозугодиях. Секретные специальные рецепты от оперативной группы ЦК КПСС по использованию радиоактивного мяса и молока, бесспорно, одно из самых сильных мест в кремлевском чернобыльском бестселлере.

«Секретно. Протокол № 32. 22 августа 1986 г., п. 4 <...> Принять к сведению сообщение т. Мураховского В. С. (прилагается) о том, что...разработаны рекомендации и мероприятия по ведению агропромышленного производства на территориях с разной плотностью загрязнения долгоживущими изотопами. На территории с плотностью загрязнения цези-ем-137 до 15 кюри/кв. км, включающей 1,6 млн гектаров угодий, производство будет осуществляться обычным способом с выборочным радиометрическим контролем почвы и сельскохозяйственной продукции. На территории с плотностью загрязнения от 15 до 40 кюри/кв. км (760 тыс. гектаров угодий) агропромышленная деятельность будет осуществляться при постоянном радиометрическом контроле и с применением комплекса организационных, агротехнических и зооветеринарных мероприятий, обеспечивающих снижение радиоактивного загрязнения урожая и получение доброкачественных пищевых продуктов».

Кремлевские мудрецы, писавшие эти протоколы, не могли не знать также, что буренки дают радиоактивное молоко, придя с пастбищ, удобренных даже одним кюри цезия-137 на квадратный километр.

Там же, п. 10: «...Считать целесообразным заложить в государственный резерв мясо с повышенным содержанием радиоактивных веществ, находящееся на хранении, а также подлежащее закупке в текущем году».

«Совершенно секретно. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 8 мая 1986 г. <...> Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. <...> О состоянии и возможных мерах по устранению последствий в сельском хозяйстве на следе аварийного выброса Чернобыльской АЭС. <...> При забое крупного рогатого скота и свиней установлено, что обмыв животных водой, а также удаление лимфатических узлов приводит к получению пригодного для употребления мяса. <...> В. Мураховский».

Интересно, а куда они девали «удаленные лимфатические узлы»? Их ведь тоже можно было пустить студентам на пончики!

«Секретно. Приложение к п. 10 протокола № 32. <...> При переработке скота из зоны, расположенной на следе выброса Чернобыльской АЭС, часть вырабатываемого мяса содержит радиоактивные вещества (РВ) в количествах, превышающих допустимые нормы. В настоящее время на холодильниках мясной промышленности ряда областей Белорусской ССР, Украинской ССР и Российской Федерации находится на хранении около 10 тысяч тонн мяса с уровнем загрязнения РВ от $1,1 \times 10^7$ ки/кг до $1,0 \times 10^6$ ки/кг, в августе-декабре текущего года ожидается поступление из производства еще 30 тыс. тонн такого мяса.

Для того чтобы не допустить большого суммарного накопления РВ в организме людей от употребления грязных продуктов питания, Министерство здравоохранения СССР рекомендует *максимально рассредоточить загрязненное РВ мясо по стране* (курсив мой. – А.Я.) и использовать его для выработки колбасных изделий, консервов и мясных полуфабрикатов в соотношении один к десяти с нормальным мясом. <...> Для использования указанного мяса на пищевые цели и обеспечение выпуска продукции в соответствии с требованиями Минздрава СССР с учетом его десятикратного разбавления незагрязненным мясом, необходимо организовать его переработку на мясокомбинатах большинства областей Российской Федерации (кроме г. Москвы), Молдавии, республик Закавказья, Прибалтики, Казахстана, Средней Азии. Председатель Госагропрома СССР В. С. Мураховский».

Но и это на практике оказалось не совсем так. В 2002 году в газете «Спасение» – приложении к газете Министерства природных ресурсов РФ «Природоресурсные ведомости» – был напечатан отчет о семинаре «Радиационная защита: как это было», который прошел в Институте проблем безопасного развития атомной энергетики РАН. На нем А. П. Поваляев, бывший работник подсобного хозяйства ЦК КПСС, ставший позже одним из главных советчиков по радиобиологии после аварии на «Маяке», а потом – в Чернобыле, принимавший участие в этом преступном сговоре, хвастливо рассказывал молодым ученым: «Мясо животных, которых забили в Чернобыле, было непригодно в пищу, в нем содержание цезия-137 было раза в четыре-пять выше нормативов того времени. Мы разместили его в холодильники. И стали отпускать мясоперерабатывающим комбинатам порциями с инструкцией: добавлять к „чистому“ мясу по 20 процентов („грязного“). <...> Это общепринятый принцип разбавления: „грязное“ смешивается с „чистым“ до получения приемлемой концентрации». Значит, на практике такие поваляевы обманывали уже и само Политбюро. Бывший цековский «завхоз» забыл рассказать молодым слушателям, однако, немаловажную деталь: политбюро предписывало кормить таким «элитным» мясом всю страну, кроме Москвы и Ленинграда. Вот на какие жертвы и ущемления шли, лишь бы всему населению страны хватило этого мяса радиоактивных чернобыльских бычков и свиней!

Еще одно приложение к секретному протоколу № 32, п. 11 «Об использовании молока в некоторых областях Белорусской ССР и РСФСР в связи с ужесточением норм содержания радиоактивных веществ»: «С 1 августа по всей территории СССР вступил в силу норматив на допустимый уровень содержания радиоактивных веществ в молоке, равный 1×10^{-8} ки/л („чистое“ молоко – в минус 12 степени. – А.Я.). Однако в отдельных районах некоторых областей БССР часть получаемого молока еще содержит радиоактивные вещества на уровне 1×10^{-7} ки/л и не стабилизируется на уровне введенного норматива, что осложняет бесперебойное снабжение населения этих районов молоком.

Учитывая изложенное... разрешаю срок введения в действие указанного норматива отложить до 1 ноября 1986 г. <...> Продукция, производимая в установленных районах, не подлежит поставке на экспорт. П. Н. Бургасов».

Особая забота о «бесперебойном снабжении населения молоком», не правда ли? Нет «чистого» – повысили норматив и «грязное» сразу стало «чистым». Но на экспорт – нельзя, можно поить радиоактивными отходами только свое население. Ведь в тайных бумагах все сходится, все – в нужных партии, правительству и Западу нормах, дозах, пределах.

Вот как хвалится об этом Поваляев на семинаре: «...молоко долго было достаточно серьезным источником облучения. Но что могли, мы сделали. За первый год сэкономили что-то около восьми миллионов рублей: не выливали молоко, а перерабатывали на масло, творог. Творог четыре месяца лежал – и он уже свободен от активности, масло практически чистое». Когда я рассказала в одной радиоактивной деревне об этом поваляевском рецепте, мне мать больных чернобыльских детей с горечью ответила: «Чтоб он всю жизнь ел такой творог!» Жестко, но, по-моему, справедливо.

О квалификации этого «радиобиолога» красноречиво говорит история одной из его «научных» рекомендаций. Когда партия прислала его заметать следы атомной аварии на объединении «Маяк» на Урале («у меня был допуск первой категории, поскольку я работал в свое время в подсобном хозяйстве ЦК партии» – с гордостью объяснял Поваляев), то он со своей командой ничего лучшего не придумал, как двум молодым сотрудникам дать поручение о подготовке постановления исполкома – вырубить 150 гектаров первоклассного уральского леса. Слава Богу, что нашлись все же умные головы и остановили этот «научный» мрак!

Не обошлась партия без него и после Чернобыля. А как же? Готовый кадр. Под многими секретными документами, которые стоили людям здоровья и жизни (и это признала позже Генеральная прокуратура СССР), стоит и его подпись. Только он об этом слушателям своего семинара, конечно, сказать забыл.

Ложь номер три – о сообщениях для печати. Или как Политбюро учило прессу врать. Почти двадцать лет спустя после катастрофы мне в руки попал уникальный документ под грифом «Совершенно секретно. (Рабочая запись.) Экз. единственный». Заседание Политбюро ЦК КПСС от 29 апреля 1986 года. Возможно, это первое, или одно из первых заседаний, на котором рассматривался вопрос о Чернобыле. На третий день после взрыва в Чернобыле. Вел его сам Михаил Горбачев. Присутствовали все члены Политбюро. Здесь, похоже, впервые решалось, какую информацию давать миру и своим людям о случившемся. После информации члена Политбюро В. И. Долгих о «свечении кратера» разрушенного реактора, о «забросе мешков с вертолетов» («для этих целей мобилизовано 360 человек, плюс 160 добровольцев, но есть отказы от работы»), о «трех языках облака – западном, северном и южном» они начали обсуждать в том числе и проблему, как «давать информацию». «Горбачев М. С. <...> Чем честнее мы будем вести себя, тем лучше». Bravo, Михаил Сергеевич! Но уже через абзац: «Когда будем давать информацию, надо сказать, что станция была поставлена на плановый ремонт, чтобы не падала тень на наше оборудование». А как же перестройка и новое мышление? На чернобыльскую аварию они не распространялись.

Из рабочей записи совершенно секретного протокола хорошо видны метания членов Политбюро. Они обсуждают, как лучше обмануть мир и собственный народ. Это похоже на спектакль в театре. Или на кино. Но это была реальность.

«Громыко А. А. Необходимо... дать братским странам больше информации, а определенную информацию дать Вашингтону и Лондону. Соответствующие разъяснения нужно было бы дать и советским послам.

Воротников В. И. А как быть с Москвой?

Горбачев М. С. Пока ничего делать не нужно. Пусть т. Ельцин Б. Н. следит за обстановкой.

Алиев Г. А. Может быть, дать информацию нашему народу?

Лигачев Е. К. Возможно, не следует делать пресс-конференцию.

Горбачев М. С. Наверное, целесообразно сделать одну информацию о ходе работ по ликвидации аварии.

Яковлев А. Н. Иностранные корреспонденты будут искать слухи. <...>

Рыжков Н. И. Целесообразно дать три сообщения: для наших людей, для соцстран, а также для Европы, США и Канады. В Польшу можно было бы послать человека. (Годы спустя, в 1992-м, Рыжков в интервью журналисту Караулову скажет на голубом глазу: „Мы ничего не знали!“ – А.Я.).

Зимянин М. В. Важно, чтобы в информации отметить, что ядерного взрыва не было, а была лишь утечка радиации в результате аварии.

Воротников В. И. Можно сказать, что было нарушение герметичности при аварии.

Добрынин А. Ф. Правильно. Ведь у Рейгана наверняка уже на столе лежат фотоснимки. <...>

Горбачев М. С. ...Все согласны с предложенными мерами?

Члены Политбюро. Согласны.

Горбачев М. С. Постановление принимается».

Под этой рабочей машинописной записью – от руки подпись: «А. Лукьянов». Анатолий Иванович Лукьянов – сокурсник Михаила Сергеевича Горбачева, его друг. Через три года Горбачев сделает его Председателем Верховного Совета СССР, а еще через два года Лукьянов его предаст, став членом группы заговорщиков – ГКЧП, и окажется в тюрьме «Матросская тишина».

Судя по секретным протоколам оперативной группы Политбюро, настроения и пожелания этого первого заседания всего Политбюро в полной мере учитывались в дальнейшей работе. Прессу на ее заседания, разумеется, не допускали. Только один раз, 26 мая 1986 года (протокол № 18) были приглашены главные редакторы центральных газет. Здесь им дали наказ: «Главное внимание уделить мерам, принимаемым ЦК КПСС и Правительством по обеспечению нормальных трудовых и социально-бытовых условий жизни эвакуированного населения, ликвидации последствий аварии, широко отражать активное участие трудящихся в реализации этих мер».

Едва ли не на каждом заседании рассматривался вопрос о каком-либо сообщении – для печати, телевидения, прессконференции. Все тексты утверждались голосованием, указывалась конкретная дата публикаций.

«Секретно. Протокол № 9. 8 мая 1986 г. ...4. О выступлении по телевидению тт. Воробьева А. И. и Гогина Е. Е. Учитывая улучшение обстановки на Чернобыльской АЭС, считать целесообразным воздержаться от указанного выступления. 6. О сообщении ТАСС по вопросу введения в ряде европейских

стран ограничений на импорт товаров из СССР. Одобрить текст указанного обращения. Опубликовать его в печати 9 мая 1986 г. <...> 9. Об очередном Правительственном сообщении. Одобрить текст сообщения. Опубликовать его в печати после особого распоряжения».

«Секретно. Протокол № 5. 4 мая 1986 г...Одобрить текст обращения ТАСС. Публикацию очередного сообщения от Совета министров СССР перенести на 5 мая с. г.».

Интересно, что ни самих текстов, ни фамилий их авторов в протоколах нет. И это, вероятно, неслучайно. Даже здесь они боялись оставлять следы.

«Секретно. Протокол № 1. 29 апреля 1986 г...10. О правительственных сообщениях. Утвердить текст Правительственного сообщения для опубликования в печати. Утвердить текст информации руководителям ряда капиталистических стран об аварии на Чернобыльской АЭС и принимаемых мерах по устранению ее последствий. Утвердить текст руководителям ряда социалистических стран о состоянии дел по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

В тот самый день этот же вопрос рассматривался и на заседании Политбюро ЦК КПСС. В его постановлении отмечено: «4...подготовить информацию о ходе работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС для населения нашей страны, руководства братских партий социалистических стран, а также глав государств и правительств других европейских государств, США и Канады (тексты прилагаются)».

В одном из приложений также под грифом «Совершенно секретно» уже даются конкретные указания: «София, Будапешт, Берлин, Варшава, Бухарест, Прага, Гавана. Белград – Совпослам. Срочно посетите т. Живкова (Кадара, Хонеккера, Ярузельского, Чаушеску, Гусака, Кастро, Жарковича или лицо, его замещающее и, сославшись на поручение, передайте следующее. <...> Поясните, что аналогичная информация будет передана руководству США и ряда западноевропейских стран. Добавьте, что при необходимости с нашей стороны будет передаваться друзьям дополнительная информация».

Заметьте, не «текст» прилагается, а «тексты». Для внутреннего употребления – одна информация, вернее, дезинформация, для братьев по социалистическому разуму – другая, для «проклятых» капиталистов – третья? Причем дополнительная информация «при необходимости» будет передаваться исключительно друзьям. Это политический диагноз или тихий психоз?

«Секретно. Протокол № 7. 6 мая 1986 г. ...Согласиться о предложением Госкомгидромета о целесообразности систематического информирования МАГАТЭ об уровнях радиоактивных излучений в районе Чернобыльской АЭС. Подготовленную для передачи МАГАТЭ информацию предварительно рассматривать на заседаниях оперативной группы».

«Секретно. Протокол № 3. 1 мая 1986 г. <...> Направить в районы, прилегающие к зоне размещения Чернобыльской АЭС, группу советских корреспондентов с целью подготовки материалов для печати и телевидения, свидетельствующих о нормальной жизнедеятельности этих районов».

Так сказать, сочинение на заданную тему.

Не удалась и попытка собственного корреспондента «Известий» Н. Матуковского из Белоруссии привлечь внимание высокого заседания.

«Секретно. Приложение к протоколу № 28. Телетайписткам. Эту телеграмму не показывать никому, кроме главного редактора. Копию уничтожить. <...> Информация. Сообщаю для Вашего сведения, что радиационная обстановка в Белоруссии значительно осложнилась. Во многих районах Могилевской области обнаружено радиоактивное заражение, уровень которого значительно выше уровня тех районов, о которых мы писали. По всем медицинским канонам проживание людей в этих районах связано с

огромным риском для жизни. У меня сложилось такое впечатление, что наши товарищи растерялись и не знают, что предпринять, тем более что соответствующие московские инстанции не хотят верить в случившееся. <...> Сообщаю Вам это по телексу, потому что все телефонные разговоры на эту тему у нас категорически запрещены. 8 июля 1986 г. Н. Матуковский».

Тревожную телеграмму корреспондента передали в оперативную группу Политбюро. Заслушав ее, здесь решили: «Поручить Госкомгидромету (т. Израэлю), Минздраву СССР (т. Буренкову) и Академии наук СССР (т. Александрову) с участием Совета министров Белорусской ССР (т. Ковалева) проверить радиационную обстановку в районах, упоминаемых в указанном сообщении (прилагается), и о результатах доложить оперативной группе до 20 июля с. г.». И – о чудо! – вскоре было рекомендовано «рассмотреть эвакуацию населения из пунктов пунктов Могилевской области (с общим населением 4 109 человек)». Хорошо, что редактору «Известий» Ивану Лаптеву удалось доставить эту телеграмму по назначению. Хочется верить, что эти 4 109 человек, говоря партийной терминологией, из «красной» зоны выселения были спасены.

А вот как готовились к пресс-конференциям для советских и иностранных журналистов.

«Секретно. 4 июня 1986 г...Приложение к протоколу № 21. Директивы для освещения на пресс-конференции основных вопросов, связанных с причинами и ходом ликвидации последствий аварии на 4-м блоке Чернобыльской АЭС <...> 2. При освещении хода ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС: показать успешное выполнение широкомасштабных технических и организационных мероприятий, направленных на ликвидацию последствий аварии и предотвращение возможного радиационного ущерба и не имеющих прецедентов в мировой практике; отметить высокий массовый трудовой героизм при осуществлении указанных работ. Осветить широкомасштабные меры, принимаемые по обеспечению безопасности населения, особо отметить заботу о людях, оказавшихся на загрязненной территории <...> 4. Указать на несостоятельность претензий и оценок как отдельных официальных лиц, так и прессы из ряда западных стран, заявляющих о якобы существенном экологическом и материальном ущербе, нанесенном за счет распространения небольших количеств радиоактивных веществ с воздушными массами из зоны Чернобыльской АЭС».

Ну и как же при этом не «усилить пропагандистские мероприятия, направленные на разоблачение лживых измышлений буржуазных органов информации и спецслужб о событиях на Чернобыльской АЭС»? Это предписание из совершенно секретного постановления ЦК КПСС от 22 мая 1986 года, которое подписал Генеральный секретарь, кочует в разном изложении из постановления в постановление. Ну надо же хоть как-то бороться с радиацией! И вот уже об этом докладывает из Украины в Центральный комитет первый секретарь В. В. Щербицкий в совершенно секретном послании, которое бережно подшивается к такому же тайному постановлению Политбюро ЦК КПСС от 29 мая 1986 года: «Внимательно изучается общественное мнение, организовано регулярное информирование партийного актива и населения (видите, партактив уже как будто и не принадлежит к населению, какая-то высшая каста. – А.Я.), разоблачаются вымыслы буржуазной пропаганды, различного рода слухи».

И как им самим не было противно все это писать и говорить?

Ложь номер четыре – о «посадке» нового города энергетиков Славутича на цезиевое пятно. Здесь интересны места, где описываются борьба и терзания, в частности, начальника Генштаба Вооруженных сил СССР, позже – первого заместителя министра обороны, а в разгар перестройки – советника Михаила Горбачева маршала С. Ф. Ахромеева (после путча он покончил жизнь самоубийством в своем кремлевском кабинете). Несмотря на повышенные уровни загрязнения в районе Зеленого Мыса, где власти и собирались строить новый город для чернобыльских энергетиков, Ахромеев вместе с министром здравоохранения страны С. П. Буренковым и председателем Госкомгидромета Ю. А. Израэлем пишут

председателю Совмина СССР Н. И. Рыжкову (цитирую по секретному протоколу № 31 от 13 августа 1986 года): «Секретно. Экз. № 1...на основании анализа радиационной обстановки и радиоактивного загрязнения природной среды в районе Зеленого Мыса (п. Страхолесье) дается предварительное заключение о возможности строительства в этой зоне городка энергетиков». Это при том, как сообщают они в этом же письме, что «плотность загрязнения по цезию-137 (по тринадцати пробам) составляет 0,28-3,12 ки/кв. км. Плотность загрязнения по стронцию-90 (по шести пробам) составляет 0,1–2,5 ки/кв. км, по плутонию-239 – 0,027 ки/кв. км».

Не знаю, что уж там произошло – трудно поверить, что совесть заела, но уже через одно заседание оперативной группы эта компания пишет Рыжкову письмо совершенно противоположного содержания. «К п. 2 протокола № 3. ...3. Секретно. Экз. № 1. ...Приведенные данные указывают на невозможность использования этой площадки для строительства поселка для работников АЭС и их семей...» А ведь ничего не изменилось!

И все-таки новый город чернобыльских атомщиков-энергетиков был построен на «грязном» пятне.

Читая в протоколах эти секретные письма, я вспомнила, как на наших парламентских слушаниях представитель Министерства лесного хозяйства возмущался: «Когда рассматривался вопрос, где строить этот город, мы были против строительства Славутича на том месте, где он сейчас. Мы тогда некоторые данные имели. Никто не послушался, город был построен. Решение принял конкретно товарищ Щербина, который возглавлял комиссию. И что? Леса, которые примыкают сейчас к городу, – там нельзя собирать грибы, ягоды. Это факт. И вместо того чтобы сейчас решать проблему и чтобы люди знали правду, снова претензии к лесникам: заберите знаки, не пугайте людей. Вот и вся истина».

Еще более высокие значения загрязнений были подтверждены почти через два года на последнем заседании оперативной группы 6 января 1988 года. «К п. 4 протокола № 40. Секретно. Экз. № 1. ...проведено дополнительное детальное обследование радиационной обстановки в г. Славутич и на прилегающей к нему территории...плотность загрязнения местности цезием-137 в черте города составляет от менее 1 до 6 ки/кв. км... Наиболее загрязненные участки местности расположены в лесных районах к западу и востоку от города на расстоянии 2–3 км. Максимальные значения плотности загрязнения цезием-137 в отдельных точках на этих участках колеблются от 0,7 до 13,0 ки/кв. км. <...> Уровни загрязнения стронцием-90 (0,1–1,0 ки/кв. км и плутонием-239, 240 (0,001–0,02 ки/кв. км) в черте города».

Реальная же мощность пятна, на которое все же власть «посадила» город, по оценкам независимых экспертов составляет от 0,1 до 10 кюри на квадратный километр. Рядом с городом, в лесах, цезиевые пятна мощностью до 19 кюри.

Но в протоколе следует ликующий вывод: «...даже без проведения каких-либо дополнительных мероприятий они (дозы) будут существенно ниже предела...установленного в СССР и рекомендованного международными организациями для населения (включая детей и беременных женщин), проживающего в районах, прилегающих к атомным станциям». И дальше – скромненько, в скобочках «(в безаварийной обстановке). <...> Председатель Госкомгидромета СССР Ю. А. Израэль, министр здравоохранения Е. И. Чазов».

А чтобы чрезмерно умные потенциальные жители не возникали, тут же, на заседании, было принято решение: «Поручить руководителям Минатомэнерго СССР, Госкомгидромета СССР, Минздрава СССР с выездом на место и при участии руководства ПО „Комбинат“ и Чернобыльской АЭС, партийного и профсоюзного комитетов (а как же без них-то врать людям? – А.Я.) в недельный срок провести глубоко аргументированную разъяснительную работу среди персонала электростанции, показав безопасность проживания в новом городе для здоровья людей». И провели. Во всех смыслах.

Выходит, и это преступление было плановым.

Читая подобное в секретных документах едва не в каждом абзаце, я иногда ловила себя на мысли: Чехов, палата номер шесть?

Спустя пять лет после катастрофы в проекте постановления Секретариата ЦК КПСС «О выполнении резолюции XXVIII съезда ЦК КПСС „О политической оценке катастрофы на Чернобыльской АЭС и ходе работ по ликвидации ее последствий“», направленном 13 февраля 1991 года заместителю Генерального секретаря КПСС В. А. Ивашко, констатируется: «Сложным остается положение и на самой Чернобыльской АЭС, где морально-психологическая обстановка приближается к критической. Она усугубляется <...> незавершенностью строительства города Славутич, который, к тому же, по уточненным данным (какой цинизм! – А.Я.), оказался расположенным в местности значительного радиоактивного загрязнения. Персонал станции, получивший ранее заверения в полной безопасности условий проживания и возможности долговременной работы, по существу оказался введенным в заблуждение. Это вызвало естественный протест людей <...> что наглядно проявилось на выходе из рядов КПСС. Достаточно сказать, что из семисот шестидесяти членов партии <...> в партийной организации Чернобыльской АЭС сейчас осталась только одна треть». Нет, уже и спустя пять лет после катастрофы, не здоровье обманутых чернобыльских энергетиков и их детей волновало коммунистическую банду, а ее редечные ряды!

Жители нового города энергетиков ЧАЭС – Славутича – вот уже десятилетия ежедневно облучаются в нем, превратившись в живую лабораторию для радиобиологов. Их удел все эти годы – писать письма. Политикам и властям. В надежде, которая, как известно, умирает последней. Вот характерная цитата из письма членов общества «Припять», отправленного по важным адресам: «Наши семьи пережили аварию, эвакуацию и после многочисленных мытарств, добровольно оставив квартиры в Киеве, переехали в Славутич на постоянное жительство. Среди нас есть люди, перенесшие лучевую болезнь, есть люди, нуждающиеся в обследовании и качественном лечении, есть слабые и больные дети. Сегодня нас интересуют конкретные ответы на такие вопросы. 1. Какова дальнейшая судьба бывших жителей города Припяти в связи с закрытием Чернобыльской АЭС? 2. Как и за счет какого ведомства (Минздрав, Минатомэнерго) будут просчитаны реальные дозы облучения, полученного нами в момент аварии и после нее? 3. Если город Славутич построен на „грязном“ месте, то какова реальность и условия возможного возвращения наших семей в Киев, где большинство из нас сдали ранее предоставленные нам квартиры? <...> Состояние здоровья наших детей требует полноценного питания, лечения, возможности отдыха».

Об обмане властей можно продолжать и продолжать – он подробно расписан на шестистах машинописных страницах, с картами и таблицами, графиками и техническими подробностями ущербного реактора, кремлевскими беспределщиками в сорока секретных протоколах в полной уверенности, что *этого* никто и никогда не узнает.

Ложь номер пять – об участии армии в ликвидации аварии, ложь номер шесть – о подборе кадров и «политико-воспитательной работе» на ЧАЭС после аварии. И т. д., и т. п.

Эти секретные документы открывают старые истины: каждый раз, чтобы сохранить себя, тоталитарная система должна была непременно творить зло и непременно скрывать содеянное. Начиная с тайного расстрела в подвалах дома Ипатьевых детей, чья вина заключалась только в том, что они родились в царской семье, она затем миллионами расстреливала нас, без суда и следствия, загоняла в концлагеря и психушки. Она убивала нас на демонстрации в Новочеркасске, укладывала в «черные тюльпаны» в Афганистане, травила нервно-паралитическими газами в Тбилиси, бросала под танки в Баку и Вильнюсе... Чернобыль – медленное умирание в радиоактивном угаре – из этого же ряда преступлений Системы против собственного народа, который она десятилетиями методично истребляла, подобно мифической Медузе Горгоне.

Победить горгону удалось лишь одним способом – отрубив ей голову.

Глава 16 ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

До выборов в горбачевский парламент в СССР право на жизнь имели только коммунистические общественные объединения и организации. Но ни одной из них не было позволено заниматься благотворительной деятельностью в пользу жертв Чернобыля – пришлось бы открыть тотальную завесу секретности.

Поэтому после катастрофы в Чернобыле первым официальным общественным действием, актом доброй воли советского правительства и некой отдушиной для выпуска пара (люди в стране и во всем мире хотели хоть как-то помочь несчастным) явилось открытие благотворительного счета помощи жертвам катастрофы № 904. Об этом населению СССР сообщили официальные лица из высших правящих партийно-советских эшелонов. Номер счета и все банковские реквизиты были переданы по радио, каналам телевидения (в Украине их было аж целых два!), напечатаны в центральных газетах. Власти как бы разрешали людям проявить милосердие. Советским гражданам было предложено посылать на этот счет деньги для жертв Чернобыля.

А по-другому в то время и быть не могло. Никто, кроме властей, не имел права открыть счет (какой бы то ни было, в том числе и «чернобыльский») в банке. Граждане СССР вообще не имели счетов в банках, только в государственных сберкассах. Банков, кроме Центрального государственного и еще одного-двух, для граждан не предназначенных, попросту не существовало. Это трудно представить нынешнему поколению, которое «выбирает пепси», и западному читателю, но это было именно так.

Бедные советские пенсионеры посылали на этот государственный счет по рублю. Более состоятельные граждане перечисляли недельный или месячный заработок.

А весной 1990 года в стране прошел глобальный телемарафон «Чернобыль», после которого на счет № 904 поступило более 76 миллионов рублей. (Было прислано также и зарубежное оборудование). Световое табло в концертном зале «Россия» в Москве, где проходил телемарафон, высветило цифру: 4 691 310 долларов США. Для советских людей это были запредельные деньги! Как же ими распорядились власти? Можно допустить, что какая-то часть средств пошла на лечение больных, приобретение лекарств, оборудования. Отчета нам не представляли.

Но есть и другая информация. Вот распоряжение от 30 апреля 1990 года № 684-р. Его подписал Председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков: «4. Выделить Минатомэнергопрому СССР целевым назначением со счета Фонда помощи для ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в Жилсоцбанке СССР 1,5 миллиона рублей для оплаты по проезду, проживанию, питанию, транспорту и другому обслуживанию иностранных ученых и специалистов по нормам ООН и по обеспечению деятельности рабочей группы, созданной в соответствии с настоящим распоряжением». Вы что-нибудь понимаете? Разве это не министерство должно было снять со своего счета и перевести на благотворительный счет № 904 сумму всех убытков, которые понесли республики и люди в радиоактивных зонах по его вине плюс колоссальный моральный ущерб?

Речь в распоряжении, по-видимому, шла, в том числе, и о группе так называемых «независимых» экспертов ООН, во главе команды которых стоял японский ученый доктор Шигемацу. Выводы этой очередной комиссии ошеломили многих: ничего опасного для здоровья людей авария на ЧАЭС не представляет, никаких изменений в их самочувствии международные эксперты не обнаружили. Это уже было просто неприлично.

Получается, со всего света собирали по нитке голому на рубаху, а потом отдали эти деньги на очередную лживую партийную стряпню для страны и мира.

В 1992 году, когда я первый раз побывала в Японии в качестве главы официальной делегации от Министерства печати и информации России, где в то время работала, судьба неожиданным образом свела меня с доктором Шигемацу в его лаборатории. Тогда публично, в присутствии многих людей, спросила, а не стыдно ли ему за его «независимую» экспертизу, за поддержку позорной официальной 35-бэрной концепции, в которой он, Шигемацу, получается, ничего плохого для здоровья даже младенцев не увидел. Доктор, не ожидая ни такого вопроса, ни такой осведомленности в нем, смутился и в конце концов вынужден был публично признать, что не все так гладко и хорошо в Чернобыле и вокруг него, как об этом написала в своих выводах международная команда экспертов.

Так за что же мы платили им деньги, да еще с благотворительного чернобыльского счета? Получается, как в русской народной сказке: битый небитого везет. Получается, власти обманывали нас за наши же кровные и благотворительные взносы граждан из других стран мира!

Так бесславно закончилась первая официальная акция милосердия для пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС.

После прихода к власти Михаила Горбачева в 1985 году и провозглашения курса на перестройку и новое мышление по всей стране начали стихийно возникать нелегитимные организации – клубы содействия перестройке, народные фронты. Несмотря на то что партийные власти на местном и республиканских уровнях вели с ними беспощадную борьбу, сам дух близкой свободы в обществе уже не позволял применить к ним жесткие запретительные меры. В стране возобладал подход, который поддержал лидер компартии Михаил Горбачев, – «что законом не запрещено, то разрешено». (Хотя еще и в 1987 году арестовывали несогласных и отправляли в лагеря.)

Мы с редактором журналистского агентства «Новости Житомирщины» Яковом Зайко организовали в 1985 году в Житомире нелегальный политический клуб «За перестройку». (Позже он перерос в массовое региональное движение «Гражданский фронт содействия перестройке», обеспечив местные органы ГБ, его стукачей, а также их подручную газету «Радянська Житомирщина» работой на целую пятилетку. Об этом я подробно написала в мемуарной книге «Босиком по битому стеклу».)

Одной из задач клуба было распространение всевозможными методами правдивой информации о том, как живут люди на пораженных территориях. В связи с полным запретом на такую информацию в официальной коммунистической печати, ее приходилось распространять как самиздат, т. е. печатать на пишущих машинках и раздавать нелегально населению. (Я лично на своей не зарегистрированной в областных органах КГБ пишущей машинке – а регистрация была строго обязательной! – немецкой «Эрике» напечатала, по крайней мере, не менее ста экземпляров своей первой чернобыльской статьи, делая за раз восемь закладок «папиросной» бумаги. Машинку эту – чудо техники на то время! – мы купили с мужем в центральном универмаге в Житомире за триста рублей – две мои месячные зарплаты. Эта «почтенная старушка» до сих пор обитает у меня в кладовке. Свою первую книгу о Чернобыле в 1989 году я печатала именно на ней.)

С 1988 года под крылом клуба «За перестройку» начался также нелегальный выпуск на приспособленном оборудовании тиражом 100 экземпляров (не сто тысяч, а именно сто экземпляров!) самиздатовской газеты «Стенограмма». Против 200 тысяч официальной полноформатной областной партийной газеты «Радянська Житомирщина» она имела прямо-таки бешеный успех. Люди ловили глоток свежего воздуха! В ней печатались острокритические материалы как на политические темы, так и о ситуации в пораженных радиацией северных районах Житомирской области. Главной задачей на тот момент была гласность. Люди, оставшиеся жить на загрязненных территориях, оказались в полной

информационной блокаде, никто в стране и мире о них, об их страданиях, болезнях, смертях не знал, следовательно, не мог помочь. Это была единственная газета, которая в те годы публиковала письма людей из черновыльскаго ГУЛАГа. Каждый ее номер передавался из рук в руки, зачитывался в буквальном смысле до дыр.

Сто драгоценных экземпляров самодельной подпольной газеты «Стенограмма» печатались в строжайшем секрете на одном из житомирских заводов. Ее главный редактор, корректор, выпускающий и печатник – четыре в одном! – неугодный властям журналист Яков Зайко вечером, после рабочего дня, приходил на это предприятие, знакомый инженер давал ему ключ от комнаты, Яков закрывался и до утра один печатал газету на специальном оборудовании. Утром хозяин комнаты стучался в дверь условным знаком, Яков открывал и в течение дня за две ходки выносил сто экземпляров собранной в «гармошку» газеты через проходную завода. (За ночь именно столько он успевал отпечатать.)

Моей же задачей было отчасти журналистское и во многом техническое обеспечение этого совершенно секретного предприятия. «Адская машина», на которой Яков и печатал «убойную» по своей политической детонации газету, работала на... лентах для печатных машинок. Каждый раз этих кассет с лентами нам надо было не менее двадцати. В Житомире и в Киеве они были вечным дефицитом. И я моталась за ними в Москву–18 часов на поезде в дешевом плацкартном вагоне туда, потом бегом в магазин на Дорогомиловскую улицу (благо это рядом с Киевским вокзалом в Москве) и столько же – обратно.

Спустя годы, ко мне обратилась исследователь самиздатовской перестроечной печати (из Германии) с просьбой подарить ее институту хотя бы номер этой уникальной газеты. С подобной просьбой к Якову Зайко обращалась и библиотека Конгресса США.

Во многом благодаря прорыву к гласности реальных последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, в конце 80-х годов параллельно с пропартийными обществами охраны природы и дружинами, которые как в рот воды набрали о случившемся в Чернобыле, начали возникать первые независимые экологические организации. Если в 1987 году, по некоторым данным, в стране с 250-миллионным населением существовало всего 38 общественных экологических организаций – и все они, безусловно, были подконтрольны КПСС, – то в 1991 году их количество возросло более чем в пять раз. Это уже были организации, свободные от коммунистической идеологии, но действовали они, по сути, нелегально – в стране все еще агонизировала КПСС.

Первые легальные общественные благотворительные фонды и неправительственные организации, которые искренне хотели помочь жертвам Чернобыля, появились только в 1991 году – после ликвидации народными депутатами горбачевского призыва статьи 6 Конституции СССР о монополии Коммунистической партии, принятие новой законодательной нормы о многопартийности и общественных объединениях, закона об общественных организациях и движениях. Первые такие организации возникли в Киеве, Минске, Москве.

После того как с 1989 года десятки иностранных журналистов получили доступ на пораженные территории и в печати появились статьи о тяжелом положении пострадавших, на Западе и в Японии также возникли сотни организаций в помощь жертвам Чернобыля. Отечественные неправительственные организации связывались с ними, превращаясь в международные.

В 1992 году, получив за свои статьи и книгу о Чернобыле международную премию «За жизнь, достойную человека», я открыла первый в России частный Экологический благотворительный фонд помощи детям – жертвам Чернобыля. Многие годы мы помогали 150 сиротам из двух детских домов на радиационно пораженной территории в г. Клинцы Брянской области. Ежегодно в канун новогоднего праздника дети писали Деду Морозу в Фонд, что бы они хотели получить в подарок.

Мы покупали и доставляли брошенным малышам детское питание, различные смеси, соки (в детских домах живут дети от рождения и до 12 лет), а также лекарства, шприцы, обувь, книги, игрушки, цветные телевизоры и много чего другого. Благодарственные теплые письма от директрис обоих детских домов, от детей-школьников хранятся в моем архиве и стали для меня лучшей наградой.

Но меня всегда мучило то, что дети много лет живут на пораженной территории, мне было непонятно, почему их не переселяют в «чистое» место. И мы обратились с письмом к мэру Москвы Ю. М. Лужкову с просьбой помочь в строительстве нового детского дома на «чистой» земле, чтобы переселить туда сирот из «грязных» Клинцов. Уже было определено место строительства, подготовлена техническая документация, разработан проект дома, но, увы, из-за второй чеченской войны (как нам объяснили) вся работа была остановлена. И до сих пор дети живут (одни уезжают, других привозят) в неблагополучном районе. Меняются президенты и правительства, переизбираются депутаты, но никому до этого нет дела.

В меру своих возможностей и таможенных барьеров мы помогали также детской больнице, старикам, инвалидам, многодетным семьям из Житомира и села Базар Народичского района Житомирской области (Украина), финансировали операции на сердце для детей из бедных и малообеспеченных семей, проживающих на «грязных» землях. Недавно я получила письмо от одного такого ребенка Фонда, Ани Дмитриевой из Житомира. Сегодня она уже невеста. Аня рассказывает о своей жизни, проблемах, мечтах. И это, конечно, приятно.

Мы гордимся также тем, что у нас были свои стипендиаты – мы оплачивали обучение в институтах нескольким студентам из малообеспеченных семей Житомира. Сегодня это уже вполне самостоятельные люди, некоторые – отцы семейств, один из них стал священником.

Фонд также готовил к печати, издавал и бесплатно распространял экологическую и антиядерную литературу. Я организовала международную группу ученых, и мы подготовили и выпустили первую в мире «Ядерную энциклопедию», фундаментальное научное издание, которое получило высокую оценку Генерального директора ЮНЕСКО Федерико Майора, а также ученых и общественности. Некоторые главы из нее были переведены на японский и опубликованы. Английская версия все еще ждет своего издателя.

У фонда были друзья на Западе и в Японии. Особенно тесные связи возникли с японскими «чернобыльскими» организациями, которые возглавляют Акико Вада из Токио и Икуо Кусака с острова Хоккайдо. Акико Вада вместе с коллегами-женщинами побывала в гостях у Фонда для ознакомления с его работой, ее организация через наш Фонд также помогала детям из «наших» детских домов. А учитель с японского острова Хоккайдо Икуо Кусака вместе с сотрудниками Фонда даже лично ездил в Клинцы с детским питанием и обувью для малышей. (Запомнилась его реакция на нашу действительность. Узнав в детских домах, что нянечки и воспитатели вот уже два года не получают заработную плату, он был поражен, что они работают бесплатно. Он сказал, что в Японии такое просто невозможно: там никто такого не потерпит.)

Мы активно сотрудничали и в научных программах с японскими учеными из Киотского реакторного института Иманака, Койде и Кобаяши (кстати, они входят в число авторов «Ядерной энциклопедии»).

К сожалению, из-за жесточайшего дефолта в России в 1998 году Фонд практически вынужден был остановить свою работу.

Пиком чернобыльского движения и у нас, и за рубежом были 1989–1994 годы. С распадом СССР движение милосердия и помощи жертвам «мирного» атома значительно ослабло. А десятилетия лет спустя его пульс едва прослушивается. Хотя нарыв никуда не исчез – он попросту загнан властями и самим обществом глубоко внутрь.

Сегодня в России, по моим данным, работает более пятидесяти неправительственных антиядерных организаций, которые в той или иной мере, прямо или косвенно помогают пострадавшим от Чернобыля.

Собственно черныбыльских неправительственных организаций в Российской Федерации сегодня насчитывается всего несколько десятков. Как правило, их деятельность связана с разнообразной помощью жертвам аварии на ЧАЭС, начиная от лоббирования необходимых законов в парламенте, научных разработок, касающихся последствий аварии на ЧАЭС, и заканчивая гуманитарной (в том числе медицинской) помощью конкретным, прежде всего детским организациям и домам, больницам, семьям, отдельным людям.

Но на фоне множества усилий отечественных неправительственных организаций не обошлось и без ложки дегтя. Рассказывая об их помощи пострадавшим, невозможно не взглянуть и на другую сторону этой медали. Менее приятную.

Зачастую те организации и люди, которые после аварии на ЧАЭС препятствовали публикации правдивой информации, сознательно печатали ложь о ситуации, в которой оказалось население на загрязненных территориях, после прорыва гласности вдруг сами в спешном порядке начали создавать организации помощи жертвам Чернобыля, объявляя себя их большими друзьями.

Такая циничная история случилась в Житомире. Итак, расскажу о ней подробнее.

Вернувшись однажды из Японии, мои друзья депутаты-экологи кроме впечатлений, японского опыта защиты окружающей среды и намерений о совместных разработках экологических проектов привезли для меня также один весьма любопытный презент. Это была англоязычная газета «Japan Time» с заметкой о героической борьбе за здоровье детей из черныбыльской зоны доселе никому не ведомого журналиста, редактора еженедельника «Житомирський вник» («Житомирский вестник») Валерия Нечипоренко. Японская газета рисовала образ нового мецената, создавшего фонд для переселения людей из пораженных черныбыльских зон.

У тех, кто никогда не слышал этой фамилии и не знал этого человека, после прочтения заметки скорее всего могло возникнуть чувство благодарности и восхищения. У меня же это имя ничего, кроме горечи и отвращения, не вызвало. Когда-то я работала с Нечипоренко в газете «Радянська Житомирщина». Только, в отличие от меня, нелояльной журналистки, Нечипоренко как раз и был особой, приближенной к властям. Он, как и все остальные, промолчал, когда на партсобрании редакции вдруг возникли вопросы о том, что меня видели в Народичском районе, и кто ей разрешил, и что она там делала.

Это и с его молчаливого согласия туда срочно отправили другого, «благонадежного» корреспондента, чья статья вышла немедленно. Автор в ней обвинял переселенцев в том, что они жалуются на плохое качество домиков, построенных для них. О том, что домики эти возведены по указке властей в заведомо радиоактивной зоне, где нельзя жить, а можно только умереть, в статье не сообщалось.

А вот газета «Радянська Житомирщина» от 1 июня 1986 года. Это самое страшное время, когда жизнь миллионов людей взвешивалась на весах Чернобыля за закрытыми дверями политбюро. В газете читаем: «...О настроении людей, их самочувствии в Чернобыле беспокоятся постоянно. Главное правило: „беречь людей“ – здесь не забыли и не забывает никто. Ни генералы, которые прежде всего спрашивали о наших пожарных: „Люди сыты, здоровы?“, ни офицеры, ни дозиметристы. Это проявлялось и в том, что дозу облучения, которую разрешили врачи и специалисты гражданской обороны, здесь уменьшили вдвое (! – А.Я.)» . Автор этой идилии, как можно догадаться, Валерий Нечипоренко, а цитата – из его репортажа «Там, где работают добровольцы». Подобные перлы из серии его заказных статей о Чернобыле можно приводить еще и еще, весь смысл их сводился к умиленному – ах, как чудно, как все заботятся о здоровье ликвидаторов и даже об их настроении!

В этой моей книге представлены десятки документальных свидетельств воистину преступной «заботы» режима о жертвах Чернобыля. На их фоне особенно хорошо видна цена журналистского словоблудия житомирского вояжера в Стране восходящего солнца. Прибавлю к ним еще одно свидетельство – президента исполкома «Союза Чернобыль» Л. М. Петрова (цитирую по парламентской стенограмме): «...у меня есть протокол научного совещания в Киеве, в Центре радиационной медицины, проводили его представители Минздрава. Вот что там написано: качество имеющейся информации о дозах ликвидаторов низкое. Часть доз занижена, часть завышена, часть утеряна... Есть основания для ревизии и восстановления значения этих данных. Есть предложение создать специальный центр по ретроспективе доз для ликвидаторов. Это не частный вопрос».

В самом деле, от умиленного сообщения автора о том, что дозу по чьему-то там решению понизили в два раза, не знаешь, плакать или смеяться. Какую именно дозу? Автору надо было докопаться до правды (раз уж тебе разрешили такую уникальную командировку!). Но очевидно, что именно правда о Чернобыле газете и была ни к чему. Ей предписывалось подпереть официальную ложь. Поэтому и послали туда, в зону, «своего» человека.

Спустя некоторое время после хвалебных статей о заботе, работе и жизни чернобыльских ликвидаторов, редактор газеты «Радянська Житомирщина» Дмитрий Панчук (он же по совместительству и председатель областного Союза журналистов) отправил Валерия Нечипоренко на повышение – редактором еженедельника «Житомирський вісник». И вот они уже вместе ничтоже сумяшеся открывают при Союзе... чернобыльский фонд и обнародуют благотворительный счет для жертв Чернобыля!

И при этом – ни слова покаяния, ни просьбы о прощении у сотен тысяч обманутых людей. Как будто бы ничего и не случилось! Как будто бы это не газета «Радянська Житомирщина» три года вещала, как прекрасно ведется строительство новых домов в радиационных районах. Как будто это не Панчук со товарищи делали всё, чтобы мои выступления о преступном переселении людей из «грязных» мест в такие же «грязные» места в пределах одного района, а порой и одной деревни никто не прочитал и не услышал. Как будто бы правда и гласность победила не вопреки их бешеному сопротивлению этой самой правде!

Очень благородно! Только, полагаю, никакими собранными на заводах и в организациях рублями не откупиться от того, что под каждым номером газеты, которая три года покрывала преступную ложь о всенародной беде, сочиняя панегирики строителям коммунистических «гробниц» в «грязных» деревнях с жесткой радиацией, стоит подпись «редактор Д. Панчук». Эта ложь – клеймо на всю жизнь.

Редактор абсолютно серой газеты, в которой мне, увы, пришлось работать почти пятнадцать лет (других газет, кроме партийных, в стране не было), пока не началась перестройка и народ не избрал меня депутатом, самым бессовестным образом боролась по очереди то со мной из-за моих критических антипартийных статей в центральной печати, задевающих честь мундира и самого редактора, и партийных вождей, то с Гражданским фронтом содействия перестройке, то с украинским народным движением «Рух», то с моими соратниками.

В философском смысле – это абсолютное зло, которое с твердолобым упоением боролось против независимости Украины, теперь скукоживается на глазах, как шагреновая кожа. Оно все еще пытается мелко и подло «достать» меня в своих убогих опусах, в которых изо всех сил рядится в белые одежды демократии. Да только напрасны все эти потуги – никому сегодня не интересны эти лживые и просроченные таблетки советского пургена, выпущенные микроскопическим тиражом для собственного же употребления.

Вот такой на самом деле бэкграунд и реальный образ в настоящей жизни «героя» и «спасителя» чернобыльских душ Валерия Нечипоренко из публикации в японской газете «Japan Time». Об этих мелких деталях он, конечно же, «забыл» поведать японским журналистам. Законы Мерфи живут и побеждают.

И японская неправительственная организация «Чернобыль-Тюбу», желая искренне помочь пострадавшим, к сожалению, попала на искусные крючки людей без морали. Люди, которые и потворствовали засекречиванию Чернобыля, ездили по приглашению упомянутой организации в Японию, рассказывали там общественности и в интервью японским газетам, как они смело писали правду о Чернобыле, создавали себе вдали от родины, где никто их не знает, липовый имидж неустанных борцов за права жертв Чернобыля. Большого цинизма придумать невозможно.

Владимир Киричанский, глава этого фонда, с удовольствием описывая в своей брошюре поездку в Японию (мол, очень она была трудная), несколько раз повторяет, какие японцы щепетильные и как они боятся потерять лицо. К сожалению, сотрудничая с такими антиперсонами, как Нечипоренко и Панчук, они изначально его уже потеряли в глазах тех, кто знает всю эту аморальную историю. А ее знает и помнит, по крайней мере, вся чернобыльская Украина, Россия и Беларусь. (По этому поводу мне дважды приходилось выступать в печати.)

А вот японцам из «Чернобыль-Тюбу» никто этого не говорил. Просто они не знали и не знают до сих пор, с кем на самом деле имеют дело. И только это незнание и спасает их лицо.

Японцы заслуживают великой благодарности за то, что сделали и делают для больных людей в пораженных районах Житомирской области. От их милосердия выигрывают прежде всего пострадавшие. Даже если их житомирские партнеры тщательно скрывают от них свое истинное лицо, получая от сотрудничества со щепетильными японцами свои несправедливые дивиденды.

Эта житомирская история – не единственная. Есть немало и других примеров, когда гонители правды о Чернобыле впоследствии не только превращались в ее «защитников», учреждая неправительственные общественные организации, но и занимали самые высокие государственные посты в правительстве уже независимых государств после распада СССР.

Есть такая русская пословица: «Кому война, а кому мать родна». Кому чернобыльская беда, а кому хороший повод для нечистоплотного бизнеса. Нечестные люди пользуются в своих целях радиацией как привилегией, требуя под эту марку режима наибольшего благоприятствования. Например, спустя годы после катастрофы группа новоявленных «бизнесменов» во главе с уже бывшим председателем Житомирского горисполкома В. С. Садовенко в свое время дошла до Совета министров СССР с просьбами о таком режиме для их коммерческой деятельности в пользу пострадавших. На бумаге намерения были самыми благими. И вот ответ из Москвы: «...Учитывая чрезвычайную ситуацию в городе, связанную с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, Министерство внешних экономических связей СССР считает целесообразным поддержать просьбу Житомирского исполкома городского Совета о закупке продовольственных товаров, в том числе детского питания на бартерной основе против поставки на экспорт товаров, производимых предприятиями города, включая котируемые товары вне квоты». Министр внешнеэкономических связей СССР К. Ш. Катушев, проявляя участие, послал эту бумагу заместителю председателя Совета министров СССР Л. И. Абалкину. (Зная, насколько прогнила власть изнутри, я ни за что не поверю в то, что эта бумага появилась на свет божий без проплаченного «толкача».)

На деле же все обернулось по-иному. Фактически в адрес несуществующего предприятия «Интеравто» вместо «детского питания для жертв Чернобыля» из ФРГ прибыло около двадцать западных авто, которые тут же и арестовала таможня. Беспешный их ввоз, как официально зафиксировано в таможенной декларации, благословил заместитель председателя Совета министров СССР С. Ситарян.

Но при чем здесь, спрошу я вас, чернобыльская зона и чрезвычайная ситуация, о которой шла речь в письмах высокопоставленных лиц? Или, может, хоть копейка прибыли от продажи машин «капнула» в копилку какого-нибудь чернобыльского заведения? Ничего подобного. Чернобыль оказался лишь удобным прикрытием для лихих «предпринимателей».

Я тоже за предпринимательство и развитие бизнеса. Но с честным лицом. У нас часто очень трудно отличить бизнес от надувательства и самого банального мошенничества.

В общем, мне пришлось срочно вмешаться в ситуацию, провести переговоры с министрами, которые вольно или невольно «вляпались» в это темное дело. С докладом о результатах своего расследования я выступила на сессии Житомирского горсовета и предложила депутатам отправить председателя исполкома, а по совместительству и «бизнесмена» В. С. Садовенко в отставку. Меня поддержали. Нельзя делать бизнес на страданиях людей, а тем более – детей. Решение сессии об отставке председателя «бизнесмена» было принято «галеркой» бурными аплодисментами. Это был запоминающийся урок реальной демократии в действии.

К сожалению, это не единственный и не последний случай подобного мошенничества от Чернобыля.

В связи с тем, что Житомирская область находится в списке пострадавших от аварии, фирма «Житомиртурист» решила оздоровить жертвы радиационного облучения в средиземноморском круизе. Что ж, дело хорошее. Центральный совет по туризму выделил 16 тысяч инвалютных рублей для заграничного обслуживания. Здорово! Но кто же нежился десять дней на палубах белоснежного лайнера «Федор Шаляпин»? С трудом удалось узнать эту «тайну» после неоднократных напоминаний, писем и звонков как в Центральный совет по туризму, так и председателю «Житомиртуриста» В. М. Мазуру. И вот у меня на руках список – почти сто двадцать человек. Только двенадцать (!) – оказались из радиоактивных районов области. Причем даже эти двенадцать – почти все руководители каких-то организаций, председатели профкомов, нужные люди в торговле. Остальные вообще никакого отношения к пострадавшим не имели.

А председатель профкома житомирского завода «Автозапчасть» Николай Рубанов пожаловался, что из семнадцати выделенных заводским ликвидаторам санаторно-курортных путевок им не дали ни одной. И только после его вмешательства кинули народу кость – три путевки. Но кто-то же воспользовался остальными, поехал вместо тех, кому необходимо лечение, кто потерял свое здоровье у горящего ядерного реактора.

Вот и получается: что одни в отчаянии выходят на улицы и площади, объявляют забастовки и голодовки, пикетируют здания властей, добиваясь прав и справедливости для пострадавших от радиации и от обмана правительства, собирают для них пожертвования, а другие, прикрываясь чернобыльской бедой, тихо обтяпывают свои делишки, наживая не только моральный, но и вполне осязаемый капитал.

На поле брани, увы, как всегда, приходят мародеры. Но, уверена, порядочных, милосердных людей все равно больше. Исключения, которые я привела в этой главе, надеюсь, только подтверждают правило.

Глава 17 ГОРБАЧЕВ: «ВЫ ЗДЕСЬ ЗАЩИЩАЕТЕ ЧЕСТЬ МУНДИРА!»

Еще недавно казалось, что о чернобыльской катастрофе известно уже все или почти все. Уточнены размеры радиозагрязнений не только в странах бывшего СССР, но и у соседей. Вышли из тюрем «стрелочники», по определению суда – виновники взрыва. Те, кто преступно замалчивал масштабы и последствия взрыва, получили уже не только отечественные ордена, но и международные награды. (Как бывший председатель Госкомгидромета СССР Юрий Израэль, в том числе по рекомендации которого беременные женщины и дети эвакуировались в «черные» радиоактивные зоны.)

Стала известной правда об участии армии: около 100 тысяч облученных офицеров и солдат Минобороны СССР только за шесть месяцев в 1986 году.

Так вот, казалось, что уже вся ложь, нагроможденная властями предрержащими вокруг Чернобыля, разоблачена. Ведь прошли многие годы! Но вот – новые, совершенно секретные, документы заседаний Политбюро ЦК КПСС с пометкой: «Единственный экземпляр». Один из протоколов – от 3 июля 1986 года – проливает свет на то, что десятилетиями скрывали не только от журналистов и общественности, но даже и от непосвященных ученых: святая святых – безопасность советских ядерных реакторов. И не только печально известных РБМК-1000 (чернобыльского типа), но и всех остальных, которые до сих пор эксплуатируются и в России, и в других государствах, возникших на руинах СССР, и у бывших «братьев» по соцлагерю.

Этот документ, попал в мои руки тоже при весьма странных обстоятельствах: я запросила в Российском государственном архиве некоторые документы по афганской войне, а между ними нашла и чернобыльский. Тогда я подумала, что это Божий промысел. С одной стороны. А с другой – Чернобыль это тоже война. Во всех смыслах. Война Системы и правительства против своего народа. И «малая война с применением оружия массового поражения» в центре Европы, как, напомним, называли атомный взрыв между собой цеховские геронтократы на совершенно секретном заседании.

В своем чернобыльском архиве я нашла депутатский запрос группы парламентариев, и мой в том числе, к Генеральному прокурору СССР Александру Сухареву с требованием возбудить уголовное дело против должностных лиц, скрывавших опасную для здоровья людей информацию.

Нетрудно догадаться, каков был ответ. Это была стандартная отписка, в которой сообщалось лишь о «стрелочниках» – привлеченных к уголовной ответственности руководителях ЧАЭС. В письме было также сказано, что уголовное дело о конструктивной надежности реактора РБМК, выделенное в отдельное судебное производство, «прекращено, так как авария явилась результатом многочисленных нарушений правил безопасности эксплуатации реакторной установки...». Это означало, что вся вина за аварию падала исключительно на персонал. Суд поставил реактор как бы вне подозрения, проигнорировав важные документы, касающиеся его конструктивной надежности, которых и до и после аварии было предостаточно.

Я напоминаю об этом для того, чтобы было легче ориентироваться в совершенно секретном документе, который мы сейчас будем разбирать. Предупреждаю сразу: это занятие не для слабонервных.

«Безопасность реакторов следует обеспечить физикой, а не организационно-техническими мерами». Эту фразу в полемике с академиком Александровым, «отцом» реактора чернобыльского типа в сердцах обронил приглашенный на заседание Политбюро ЦК КПСС начальник Госпроматомнадзора СССР Е. Кулов.

«Сов. секретно. Экз. единственный. (Рабочая запись.) Заседание Политбюро ЦК КПСС. 3 июля 1986 года. Председательствовал тов. Горбачев М. С. Присутствовали тт. Алиев Г. А., Воротников В. И., Громыко А.

А., Зайков Л. Н., Лигачев Е. К., Рыжков Н. И., Соломенцев М. С., Щербицкий В. В., Демичев П. Н., Долгих В. И., Слюньков Н. Н., Соколов С. Л., Бирюкова А. П., Добрынин А. Ф., Никонов В. П., Капитонов И. В.

1. Доклад правительственной комиссии по расследованию причин аварии на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года.

Горбачев. ...Слово предоставляется т. Щербине.

Щербина Б. Е. (заместитель председателя Совета министров СССР. – А.Я.). Авария произошла в результате грубейших нарушений эксплуатационным персоналом технического регламента и в связи с серьезными недостатками конструкции реактора. Но эти причины неравнозначны. Исходным событием аварии комиссия считает ошибки эксплуатационного персонала».

Как видим, знакомая песня. Хотя к этому времени правительственной комиссии, безусловно, были известны все резко негативные экспертные оценки конструктивной надежности реактора. Но дальше, уже как бы опровергая и самого себя, докладчик говорит: «Оценивая эксплуатационную надежность реактора РБМК, группа специалистов, работавшая по поручению комиссии, сделала вывод о несоответствии его характеристик современным требованиям безопасности. В их заключении сказано, что при проведении экспертизы на международном уровне реактор будет подвергнут „остракизму“. Реакторы РБМК являются потенциально опасными.

...Видимо, на всех действовала настойчиво рекламируемая якобы высокая безопасность атомных станций. <...> Следует принять нелегкое решение о прекращении строительства новых атомных станций с реакторами РБМК <...> Коллегия министерства (энергетики и электрификации. – А.Я.) с 1983 г. ни разу не обсуждала вопросы, связанные с безопасностью АЭС.

...В одиннадцатой пятилетке на станциях допущены 1 042 аварийные остановки энергоблоков, в том числе 381 на АЭС с реакторами РБМК. На Чернобыльской АЭС таких случаев было 104, из них 35 – по вине персонала. На блоке № 1 этой станции в сентябре 1982 года произошла ядерная авария с разрушением технологического канала и выбросом тепловыделяющей сборки в графитовую кладку...»

После доклада председателя комиссии состоялась цехов-ская «разборка» надежности реактора. Она-то и высветила неожиданные, мало кому известные тайны советского реакторного «двора».

«Горбачев. Комиссия разобралась, почему недоработанный реактор был передан в промышленность? В США от такого типа реакторов отказались. Так, тов. Легасов?

Легасов. В США не разрабатывались и не использовались такие реакторы в энергетике.

Горбачев. Реактор был передан в промышленность, а теоретические исследования не были продолжены...

Щербина. В 1956 году было принято решение, определяющее судьбу этих реакторов для энергетики. Надежность промышленного реактора была перенесена на энергетический.

Горбачев. Почему же все-таки не были продолжены теоретические исследования? Не получается ли так, что волюнтаризм отдельных лиц вовлекает страну в авантюру? <...> Кто вносил предложение о дислокации АЭС около городов? Чьи это были рекомендации? <...> Кстати, американцы, после имевшей место у них аварии в 1979 году, не начинали строительства новых АЭС.

Щербина. Считалось, что вопрос о безопасности является решенным. Об этом говорится в издании института имени Курчатова, в подготовке которого участвовал и Легасов. <...>

Горбачев. Сколько было аварий?

Брюханов (директор Чернобыльской АЭС. – А.Я.). В год происходит примерно одна-две аварии... Мы не знали, что в 1975 году нечто подобное было на Ленинградской АЭС.

Горбачев. Произошло сто четыре аварии, кто несет ответственность?

Мешков (первый замминистра среднего машиностроения СССР). Это станция не наша, а Минэнерго.

Горбачев. Что вы можете сказать о реакторе РБМК?

Мешков. Реактор испытанный. Только купола нет (запомним сказанное, это решающе важно. – А.Я.). Если строго выполнять регламент, то он безопасен!

Горбачев. Тогда почему же вы подписали документ, в котором говорится, что его производство нужно прекратить? <...> Вы меня удивляете. Все говорят, что этот реактор не доведен, его эксплуатация может вызвать опасность, а вы здесь защищаете честь мундира.

Мешков. Я защищаю честь атомной энергетики. <...>

Горбачев. Вы продолжаете утверждать то, что утверждали тридцать лет, и это является отзвуком того, что сфера Средмаша не находилась под научным, государственным и партийным контролем. И во время работы правительственной комиссии, т. Мешков, ко мне поступала информация о том, что вы вели себя легковесно, старались замазать очевидные факты.

Лигачев. Есть мировая атомная энергетика. Почему она идет по пути строительства реактора другого типа?

Горбачев. Но он (реактор. – А.Я.) наименее изучен. Так, тов. Легасов?

Легасов. Да, это так.

Горбачев. Сидоренко В. А. (один из руководителей Госкоматомэнергонадзора СССР. – А.Я.) пишет, что РБМК и после реконструкции не будет соответствовать современным международным требованиям. <...>

Шашарин Г. А. (замминистра энергетики и электрификации СССР). Физика реактора определила масштаб аварии. Люди не знали, что реактор может разгоняться в такой ситуации. Нет убежденности, что доработка сделает его вполне безопасным. Можно набрать десяток ситуаций, при которых произойдет то же самое, что и в Чернобыле. Особенно это касается первых блоков Ленинградской, Курской и Чернобыльской АЭС. Не может эксплуатироваться на имеющейся мощности Игналинская АЭС. Они не имеют системы аварийного охлаждения. Их в первую очередь следует остановить. <...> Строить дальше РБМК нельзя, я в этом уверен. Что касается их усовершенствования, то затраты на это не оправдаются. Философия продления ресурса АЭС далеко не всегда оправдана.

Горбачев. А можно ли эти реакторы довести до международных требований?

Александров. ...Все страны с развитой ядерной энергетикой работают не на таком типе реакторов, которые используются у нас».

Вот так! Теперь уже, на политбюро, «отец» ущербного ядерного реактора РБМК-1000 академик Александров, с подачи которого во все международные организации пошло лживое утверждение о виновности персонала станции, выступил против самого себя. А ведь еще 28 декабря 1984 года (!) решением Межведомственного научно-технического совета по атомной энергетике были утверждены предложения экспертных комиссий по приведению действующих энергоблоков РБМК-1000 в соответствие с требованиями нормативных документов по безопасности. Ничего этого не было сделано. До страшной аварии оставалось два года.

«Майорец (член правительственной комиссии). Что касается реактора РБМК, то на этот вопрос можно ответить однозначно. Никто в мире не пошел по пути создания реактора этого типа. Я утверждаю, что РБМК и после доработки не будет соответствовать всем нашим нынешним правилам. <...>

Рыжков. Мы к аварии шли. Если бы не произошла авария сейчас, она при сложившемся положении могла бы произойти в любое время. Ведь и эту станцию пытались взорвать дважды, а сделали только на третий год. Как стало сейчас известно, не было ни одного года на АЭС без ЧП. <...> Были также известны и недостатки конструкции реактора РБМК, но соответствующие выводы ни министерствами, ни АН СССР не сделаны. <...> Оперативная группа считает, что станции с большим строительным заделом, с реакторами РБМК надо заканчивать, и на этом прекратить строительство станций с этим реактором».

Таковы были оценки специалистов, участников совершенно секретного заседания Политбюро ЦК КПСС о надежности реактора РБМК. Десятки комиссий, ученых, академиков представили доказательства его опасности. И выводы сделали – с точностью до наоборот.

Через год после Чернобыля в строй были введены еще два энергоблока с реакторами РБМК: 3-й – на Смоленской АЭС и 2-й – на Игналинской... «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Судя по стенограмме заседания Политбюро ЦК КПСС, Михаил Горбачев, юрист по образованию и Генеральный секретарь ЦК, оказался самым дотошным экспертом всех наших реакторов. Впервые за годы моего расследования аварии на ЧАЭС мне в руки попал документ, не оставляющий камня на камне от всех типов наших реакторов, в том числе и «хорошего» реактора ВВЭР. Уверена: мы никогда бы ничего об этом не узнали, если бы не август 91-го. Ведь даже сами престарелые члены Политбюро Громыко и Соломенцев возмущенно говорили на том заседании, что и они впервые слышат подобные откровения о нашем реакторостроении.

«...Горбачев. Сколько раз вы в Госатомэнергонадзоре возвращались к проблеме этого реактора? (РБМК. – А.Я.)

Кулов. За три года моей работы в такой постановке, как это делается сейчас, вопрос не слушался. Мы больше были сосредоточены на ВВЭР-1000. Их блоки менее управляемы. Не проходило года, чтобы не было аварии на ВВЭР».

Вот это откровение так откровение от атомного супервайзера! Ничего подобного ни до, ни после от лиц такого уровня я не слышала. И вряд ли услышу. Разве что, не приведи Господь, еще раз потряхнет, и тогда они снова начнут креститься.

«Горбачев. Каково ваше мнение о заявлении Сидоренко о том, что в мире нет опыта использования реакторов типа РБМК, что наши ВВЭР и РБМК не соответствуют международным нормам и что при международной инспекции лучше выйти на ВВЭР, чем на РБМК?

Кулов. ВВЭР обладает определенными преимуществами, но эксплуатация связана с опасностью.

Горбачев. Что же, по-вашему, выходит, что и ВВЭР надо закрывать? Почему вы не доложили, что ВВЭР нельзя строить?

Кулов. ВВЭР лучше, чем РБМК, но серия ВВЭР-1000 хуже тех, которые устанавливались на первых блоках.

Лигачев. В чем дело?

Кулов. В проектах.

Долгих. ВВЭР-1000 разработан по современным нормам?

Кулов. Да, но строящиеся ВВЭР-1000 хуже старых».

Вы что-нибудь понимаете? Если строящиеся реакторы типа ВВЭР «хуже старых», то зачем же их строят? Кто так решил и почему?

«...Майорец. Реактор ВВЭР-1000 новый, он соответствует последним требованиям безопасности, но он ненадежен в эксплуатации, поскольку выходят из строя приборы».

И снова вспоминается чеховская палата номер шесть...

«Вы какой реактор предпочитаете?» Это светский вопрос из секретного протокола. (Обычно в такой интонации и словесной конструкции спрашивают на вечеринках: «А вы какой коньяк предпочитаете, а? Французский или армянский?») Его задал член Политбюро ЦК КПСС Н. Слюньков заместителю министра энергетики и электрификации СССР Г. Шашарину. На что Шашарин кротко ответил: «ВВЭР». Слава богу, что Слюньков еще не стал говорить замминистра, какие реакторы «предпочитает» Политбюро ЦК КП Белоруссии или он лично. («О! Я предпочитаю французский коньяк, армянский – это уже вторично».)

И сегодня, спустя годы после чернобыльской катастрофы, мало что изменилось в атомной энергетике независимых государств бывшего СССР: там эксплуатируются все те же РБМК и ВВЭР. После распада Союза снова была введена в строй Игналинская АЭС с реакторами РБМК (правда, за год до 25-летия аварии на ЧАЭС по требованию Евросоюза закрыта, и теперь уже навсегда). Президент Армении Тер-Петросян обратился с просьбой к ученым-ядерщикам России помочь по возможности скорее ввести в действие остановленную после землетрясения в Спитаке АЭС, несмотря на то что она стоит на сейсмических разломах. Дефицит электроэнергии заставил забыть об этом. И вот она уже работает. В конце 1992-го вновь были введены в строй первый и второй ее блоки. В 2000 году станция наконец была все же закрыта – под давлением Запада. Но зато введены в строй новые реакторы на других АЭС. О необходимости построить атомные станции в Беларуси говорил бывший председатель Верховного Совета Шушкевич, а сейчас говорит президент Лукашенко. Атомную станцию примеряет к себе и Казахстан.

Почти через два десятилетия после катастрофы в Чернобыле Украина стала планировать строительство одиннадцати атомных энергоблоков – до 2030 года. Это связано с тем, объясняли в «оранжевом» правительстве Украины, что с 2011 года истекает срок эксплуатации старых блоков. На Украине не исключают возможности продления работы старых реакторов типа ВВЭР-440 и ВВЭР-1000. Да, это именно тех, о закрытии которых члены Политбюро и эксперты поминали «незлым тихим словом» на секретном заседании после катастрофы в Чернобыле. Строительство первых двух энергоблоков запланировано на Хмельницкой АЭС.

Атомный феникс медленно, но уверенно возрождается на территории бывшего СССР, отряхивая со своих крыльев радиоактивный чернобыльский пепел.

Еще 26 марта 1992 года Егор Гайдар, тогда и. о. главы правительства РФ, подписал распоряжение о возобновлении строительства атомных станций на территории страны. Без проведения независимой оценки состояния атомных реакторов, без объяснения общественности необходимости такого решения. И это несмотря на то, что в 1991 году, накануне поездки президента Бориса Ельцина в США, Академия наук страны рекомендовала закрыть большинство российских АЭС, учитывая международные требования к их безопасности. В «черный» список попали Ленинградская, Билибинская, Курская, Белоярская, Смоленская, два блока Кольской, два блока Нововоронежской АЭС. Опасные реакторы ученые рекомендовали вывести из эксплуатации в течение десяти лет. В России только две станции из девяти, по заключению РАН, отвечают требованиям безопасности.

Распоряжение Гайдара стало первой ступенью к наращиванию усилий атомного лобби по вливанию свежей крови в отрасль, по сути, взорвавшуюся вместе с чернобыльским реактором.

28 декабря 1991 года вышло постановление Правительства России «Вопросы строительства атомных станций на территории Российской Федерации». К вводу было намечено тридцать три новых блока АЭС и АСТ. Девятнадцать из них предполагалось разместить в Центральной, Северо-Западной и Черноземной зоне России. Это густонаселенные районы, с газо– и нефтепроводами в страны СНГ, Балтии и Европы. Среди предлагаемых для строительства ядерных реакторов есть и наши старые знакомые – РБМК.

В «Концепции развития атомной энергетики в Российской Федерации», одобренной коллегией Минатома РФ 14 июля 1992 года, немало места отведено безопасности АЭС, которую нужно довести «до уровня, исключающего возможность тяжелой аварии с выходом продуктов деления в окружающую среду». Речь идет и о существующих АЭС, и об их новых поколениях. Но возможно ли в принципе достичь максимального уровня безопасности именно этих типов реакторов?

Наверное, многие еще помнят трагическую гибель академика Валерия Легасова, отвечавшего за ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС, а затем покончившего с собой на следующее утро после второй годовщины аварии. На том совершенно секретном заседании Политбюро ЦК КПСС Легасов говорил Горбачеву: «Реактор РБМК по некоторым позициям не отвечает международным и отечественным требованиям. Нет системы защиты, системы дозиметрии, отсутствует внешний колпак. Мы, конечно, виноваты, что не следили за этим реактором. Оба ведущих ученых, которые работали в отделе и занимались физикой этого реактора, скончались. В результате должного внимания физическим вопросам не уделялось. Мы видели слабость этого подразделения. В этом есть и моя вина. <...> Это касается и первых блоков ВВЭР. Четырнадцать из них тоже не соответствуют современным и отечественным требованиям безопасности». Это признание серьезного ученого, которого ценили и уважали во всем мире, дорогого стоит.

Через два года после этого, незадолго до смерти, Валерий Легасов, давая интервью для документального фильма «Звезда Полюнь», сказал еще больше: «Поскольку уж я коснулся реактора, то, может быть, наступил тот самый момент, когда нужно высказаться. Редко кто из нас по-настоящему откровенно и точно на этот счет высказывался. Всякий подход к обеспечению ядерной безопасности... состоит из трех элементов: первый элемент – это сделать сам объект, ну в данном случае, скажем, атомный реактор – максимально безопасным. Второй элемент – сделать эксплуатацию этого объекта максимально надежной, но слово „максимально“ не может означать стопроцентную надежность, философия безопасности требует обязательно введения третьего элемента, который допускает, что авария все-таки произойдет и радиоактивные или какие-нибудь химические вещества за пределы аппарата выйдут. И вот на этот случай обязательным является упаковка опасного объекта в то, что называется „контейнмент“... Вот в советской энергетике третий элемент, с моей точки зрения, был преступно проигнорирован. Если бы была философия, связанная с обязательностью контейнмента над каждым из атомных реакторов, то, естественно, РБМК по своей геометрии как аппарат просто не мог бы появиться. Факт появления этого аппарата, с точки зрения международных и вообще нормальных стандартов безопасности, был незаконным, но, кроме того, внутри аппарата были допущены три крупных конструкторских просчета.

<...> Но главная причина – это нарушение основного принципа обеспечения безопасности таких аппаратов – размещение опасных аппаратов в таких капсулах, которые ограничивают возможность выхода активности за пределы самой станции, самого аппарата».

И здесь самое время еще раз вспомнить, что самая крупная в мире атомная авария произошла до Чернобыля – в 1979 году на АЭС «Три Майл Айленд» в США. Но там реактор был под колпаком. Поэтому и авария произошла под колпаком. Колпак треснул, но во внешнюю среду вышло очень немного радиации. С тех пор США не построили ни одной АЭС. Даже и с надежным колпаком. Правда, в последние годы уже и там ядерному лобби, похоже, удастся убедить правительство страны в «жизненной» необходимости новых

атомных станций. Но так как все АЭС там принадлежат частникам, а с окупаемостью АЭС большие проблемы, то эти самые частные корпорации и пытаются «выбить» у правительства деньги. (Своими рисковать не хотят!) Пока общественности удастся отбиваться от такого бремени – ведь это деньги налогоплательщиков. А там к этому относятся трепетно.

В российской «Концепции развития атомной энергетики» от Гайдара отмечено, что на 1 июля 1992 года – то есть сразу после развала СССР – в России находилось в эксплуатации «28 промышленных энергоблоков на девяти атомных станциях <...> в том числе 12 энергоблоков с водо-водяными корпусными реакторами типа ВВЭР, 15 энергоблоков с уран-графитовыми канальными реакторами (11 блоков РБМК-1000 и 4 блока ЭГП) и один блок с реактором на быстрых нейтронах». Это о них, получается, говорил Валерий Легасов: «Нужно размышлять над какими-то специальными мерами по локализации аварии тех 28 аппаратов, поскольку экономически и технически невозможно построить над ними колпаки».

Это значит: что бы ни делали ученые, какие бы меры безопасности ни принимали (а сделано действительно немало для безопасности РБМК после аварии на ЧАЭС), главная причина опасности действующих атомных энергоблоков в России неустранима. И в этом и состоит трагедия атомной энергетики в нашей стране, которой советские академики изначально навязали порочный путь развития. (В чем и сознался, видимо, с перепугу академик Александров на большом цеховском секретном хурале.) Над этой проблемой «нужно сегодня задуматься – главным образом советскому обществу, потому что эта проблема наша», – говорил перед смертью Легасов. Он же утверждал на совершенно секретном заседании Политбюро летом 1986 года, что «слабое место РБМК известно пятнадцать лет».

Но есть на этот счет и другое мнение. На том же заседании Политбюро академик Александров обронил: «Колпак только усугубил бы аварию». Другие ученые считают, что «это никому неизвестно». Значит, с одной стороны, колпак над РБМК технически невозможен, с другой – если бы он, предположим, и был, то еще более усугубил бы аварию. Однако же упорно, пятилетка за пятилеткой, именно эти опасные энергоблоки насаждались в нашем народном хозяйстве приближенными к власти академиками.

Но вот уже много лет мы живем и без Политбюро, и без ЦК КПСС. Есть выводы десятков компетентных комиссий, групп ученых о причинах взрыва на ЧАЭС, кроющихся в самом реакторе. В том числе и авторитетный «диагноз», поставленный уже в 1990 году комиссией Госпроматомнадзора СССР во главе с известным ученым Н. Штейнбергом: «Недостатки конструкции реактора РБМК-1000, эксплуатировавшегося на 4-м блоке Чернобыльской АЭС, предопределили тяжелые последствия аварии». А изменений в подходах к делу, хотя речь идет о жизни людей, не наблюдается. Да и откуда они возьмутся, если «политбюро» (в широком значении слова) практически даже не меняло своих кресел: оно все там же, на Старой площади и около.

Фамилии и лица их известны. (И не только в России.) Сначала они лгали нам о причинах и последствиях аварии в Чернобыле, принимали решения о строительстве домов для переселенцев в опасных зонах, затем всю вину свалили на персонал станции, теперь – снова руководят нами, как и прежде. Пользуясь неосведомленностью широкой общественности, создают безответственные планы «атомизации» бедной России реакторами, опасность которых конструктивно неустранима.

И вот по поручению президента Б. Н. Ельцина от 17 июня 1997 года № Пр-952 правительство премьер-министра Кириенко (объявившего дефолт в России) своим постановлением № 815 от 21 июля 1998 года утверждает «Программу развития атомной энергетики Российской Федерации на 1998–2005 и на период до 2010 года». Что-то изменилось? Ничего нового, кроме агрессивного наступательного плана «оттаявших» после чернобыльского анабиоза атомщиков и их лоббистов. «В Российской Федерации на конец 1997 года, – отмечается в программе, – находились в эксплуатации на девяти АЭС 29 энергоблоков. В их числе 13 энергоблоков с реакторами типа ВВЭР (6 энергоблоков с реакторами типа ВВЭР-440 и 7 энергоблоков с

реакторами типа ВВЭР-1000), 11 энергоблоков с реакторами типа РБМК». Да-да, речь идет все о тех же принципиально ущербных реакторах, которые собирались закрывать кремлевские старцы после Чернобыля.

А вот и новшество – «Анализ состояния основного оборудования энергоблоков, в том числе реакторных установок, показал принципиальную возможность продления сроков их службы, по крайней мере, на 5–10 лет...» О чем же идет речь? О наших старых недобрых знакомцах – реакторах РБМК-1000, самых бездарных из всех существующих в мире, что признали под давлением Чернобыля и их творцы. Сроки службы уже продлены для Ленинградской АЭС – там все еще работают четыре реактора-доходяги чернобыльского типа, с 1973 года. То же касается и Курской атомной – там такая же история. Ресурс их уже или исчерпан, или будет исчерпан в ближайшие годы, но вместо того чтобы наконец избавиться от этого атомного вторсырья, его подмарафечивают и подкладывают бумаги о продлении срока годности на подпись руководству страны. Вот такая старая новая программа.

Атомщики предполагают также завершение начатого и расконсервированного строительства 3-го энергоблока Калининской, 5-го энергоблока Курской, 1-го и 2-го энергоблоков Ростовской АЭС, Воронежской АСТ, продолжение строительства Южно-Уральской АЭС с реактором БН-800. Аппетиты растут и растут – планируется завершение строительства 2-й очереди Калининской, 3-й очереди Курской и Ростовской АЭС.

Запланировано и строительство АЭС «нового поколения» старого покроя: Нововоронежской и Кольской АЭС-2, головной энергоблок в г. Сосновый Бор (под Санкт-Петербургом). И всюду – все те же раскритикованные экспертами на самом высоком уровне советские ВВЭР разной мощности. Таки нет пророка в своем отечестве.

В советское время накануне каждой чернобыльской годовщины Политбюро ЦК КПСС разрабатывало «План упреждающих контрпропагандистских акций». (Особенно рьяно в первую годовщину предлагал свои услуги товарищ Фалин, возглавлявший в 1987 году гбистское агентство печати «Новости», опасаясь «возможных попыток подрывных центров империализма использовать годовщину аварии на Чернобыльской АЭС для развертывания очередной широкомасштабной антисоветской кампании» (приложение к совершенно секретному протоколу Секретариата ЦК КПСС № 42 от 26.02.87. Сегодня господин Фалин сам окопался в одном из таких «подрывных центров» в Германии и скромно представляется теперь историком.) Правку «плана» осуществлял лично Егор Кузьмич Лигачев, самая одиозная личность в Политбюро. За запланированную ложь 10 апреля 1987 года проголосовали, как всегда, единогласно на Секретариате ЦК КПСС (совершенно секретный протокол № 46): «... Голосовали: тт. Горбачев – за, Алиев – за, Воротников – за, Громыко – за, Лигачев – за, Рыжков – за, Соломенцев – за, Чебриков – за, Шеварднадзе – за, Щербицкий – за».

«За» было всегда стопроцентным. Несмотря на то что на своих совершенно секретных сходках они, напомним, откровенно называли последствия взрыва в Чернобыле «последствиями малой войны» (А. Громыко), сравнимыми с «применением оружия массового уничтожения (М. Горбачев, С. Соколов)». Но это положено было знать только «жрецам». Плебс же уверяли, что «здоровью людей ничего не угрожает», «резэвакуировали беременных женщин и детей» в «черные» радиоактивные зоны.

Не смахивает ли «Программа развития атомной энергетики Российской Федерации» на своеобразный «план упреждающих контрпропагандистских акций»? А если это так, то жизнь на Земле с реактором возможна только при наличии «колпака» над каждым человеком.

Если это жизнь.

Глава 18 ВИНА ДОКАЗАНА. СУДА НЕ БУДЕТ!

Время от времени, мы, депутаты, играли роль известной щуки, которая не давала дремать карасю. И лично, и группами мы упорно писали письма в Генеральную прокуратуру с требованиями возбудить уголовные дела против должностных лиц, скрывавших информацию о чернобыльской катастрофе и ее последствиях для людей, оставленных в опасных зонах. В связи с этим интересно проследить трансформации в так сказать сознании руководителей этого высшего надзорного органа.

В декабре 1989 года я получила очередной ответ от заместителя Генерального прокурора СССР В. И. Андреева. Это была обычная рядовая отписка, все тот же камуфляж государственного обмана. Ни слова о правительственных постановлениях, предписывающих режим секретности, ни слова о ведомственных инструкциях, о миллионах людей, подвергшихся в результате этого переоблучения. Полное молчание о бесконтрольном «расползании» радиоактивных продуктов по всей стране. Как будто бы всего этого и не было. Я читала прокурорский ответ с чувством горечи, отчаяния и здоровой злости. Как пробить эту большую стену лжи? (Вспомнился Станислав Ежи Лец: пробив стену, можно попасть в соседнюю камеру.)

В одном абзаце, как бы извиняясь, В. И. Андреев пишет: «Конституция СССР (ст. 164) не представляет Прокуратуре СССР полномочий по осуществлению надзора за законностью в деятельности Совета министров СССР и создаваемых им комиссий». (Кстати, то же самое – правда, по другому поводу – ответил мне и прокурор Украины М. А. Потебенько, ссылаясь не на Конституцию СССР, а на Закон о прокуратуре СССР.) Не поверив глазам своим, я посмотрела оба эти закона. Все правильно. Все так, как писали мне прокуроры. Выходит, правительство может делать все, что угодно, издавать незаконные постановления, акты, распоряжения, а прокуратура, по Закону же, не смей вмешиваться? Талантливо, чтоб не сказать гениально.

На IV съезде народных депутатов СССР, когда утверждали нового Генерального прокурора СССР Н. С. Трубина, я публично задала ему об этом вопрос. Трубин тоже ответил, что да, все именно так. Но, мол, Верховный Совет республики может отменить решение Совета министров. Или же республиканский Комитет конституционного надзора. Он может признать не конституционность решения Совета министров.

Мне неудобно было напоминать опытному юристу, претендующему на должность Генерального прокурора страны, что комитетов конституционного надзора отродясь не было не только в республиках, но и на союзном уровне. Много ли раз Верховный Совет СССР, Верховные Советы пятнадцати республик отменяли незаконные решения или постановления своих правительств? Именно потому, что они противоречат закону? Ничего подобного в тоталитарном государстве не было и быть не могло. Или, может, это было неизвестно соискателю прокурорской мантии и кресла?

И, кроме этого, отменить – это одно. Но разве Верховный Совет СССР или Верховные Советы республик вправе идти дальше отмены? Например, возбудить уголовное дело по такому факту? Безусловно, нет. Не было такой функции и у впервые образованного под давлением депутатов горбачевского призыва Комитета конституционного надзора СССР. В общем, это удобно во всех отношениях, когда Прокуратура СССР не может ни отменить, ни возбудить. Вдвойне удобно, когда это закреплено не просто в каком-то постановлении и даже не просто в Законе, а возведено в ранг Основного Закона. Не потому ли почти пять лет после аварии Прокуратура СССР и пикнуть не смела по поводу засекречивания последствий аварии в Чернобыле на уровне Правительства СССР и Политбюро?

В своей классической отписке заместитель Генерального прокурора В. И. Андреев сообщал депутатам о «стрелочниках». То, что все мы уже знали, читали, слышали. Официальная пропаганда здесь потрудились

на славу «Последствия усугубило сокрытие в первые часы после аварии ее фактических размеров и характера. Директор АЭС Брюханов умышленно скрыл высокий уровень возникшей радиации, не ввел в действие План мероприятий по защите персонала станции и населения. К уголовной ответственности привлечены: директор Чернобыльской атомной электростанции Брюханов В. П., главный инженер Фомин Н. М., заместитель главного инженера по эксплуатации второй очереди АЭС Дятлов А. С, начальник реакторного цеха Коваленко А. П., начальник смены станции Рогожин Б. В., госинспектор Госатомэнергонадзора Лаушкин С. А.

Верховным судом все они осуждены к различным срокам лишения свободы, а Брюханов, Фомин, Дятлов – к максимальной мере наказания за указанное преступление – к десяти годам лишения свободы каждый».

И скромненько так, в конце письма, по сути запроса заместитель Генерального прокурора СССР В. И. Андреев отмечал лишь «допускаемые по вине отдельных должностных лиц советских, хозяйственных и контролирующих органов, медицинских учреждений проявления безответственности, нераспорядительности и халатности». А в общем, тишь, гладь да Божья благодать.

Это было через три с половиной года после Чернобыля.

Но не прошло затем и полутора лет, как прокурорская пластинка сломалась. Тот самый Андреев сообщал (уже парламентской Комиссии по рассмотрению причин аварии на Чернобыльской АЭС и оценке действий должностных лиц в послеаварийный период), что «в связи с поручением XXVIII съезда КПСС, обсуждениями на сессиях Верховного Совета СССР, БССР, УССР, РСФСР Прокуратурой СССР была организована дополнительная проверка соблюдения законности при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Радовало, конечно, что хоть через пять лет да была «организована дополнительная проверка» и, соответственно, дополнительно «сделан вывод», причем «с учетом социальной напряженности». Из этого пассажа хорошо видно, какой трепет испытывал заместитель генпрокурора перед партийным органом. На первое место в своей надзорной работе он ставит именно «поручение XXVIII съезда КПСС», а уж затем – высших законодательных органов – парламентов страны и трех крупнейших республик. Вот и получается, что для заместителя генерального прокурора партия – выше законодательной власти. Именно потому, что прокуроры, генеральные и рядовые, входили в номенклатурно-партийную обойму, ни о каком правовом государстве нельзя было и думать.

Но несмотря на ритуальные приседания Генеральной прокуратуры СССР перед XXVIII съездом КПСС, прогресс в переоценке ею чернобыльской ситуации был налицо. По сути, это уже был готовый обвинительный вердикт и конкретным людям, и Системе: «...Минатомэнергопромом СССР вследствие невыполнения предусмотренных „Типовым содержанием плана мероприятий по защите персонала и населения в случае аварии на атомных станциях“ с самого начала аварии радиационная разведка и дозиметрический контроль в районе станции и прилегающих регионах надлежащим образом не велись, не осуществлялось прогнозирование возможной радиационной обстановки, не вырабатывались предложения для принятия мер по защите персонала АЭС и населения г. Припяти и других районов. В результате этого население прилегающих к АЭС районов не было укрыто от воздействия радиации, эвакуация населения гг. Припяти, Чернобыля и других проводилась несвоевременно, что повлекло неоправданное радиационное поражение населения.

<...> С первых дней аварии, а также в последующем, до населения пораженных радиацией регионов не были доведены действительные данные о радиационной обстановке. Принятое правительственной комиссией решение от 24.09.87 г. № 423 о засекречивании сведений перечня по вопросам аварии на Чернобыльской АЭС и ликвидации ее последствий, которые не подлежали опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению, не способствовало организации всех необходимых мер по

обеспечению радиационной безопасности населения, лишало людей своевременно самостоятельно принимать меры по защите от ионизирующих излучений. Указанные обстоятельства повлекли в течение 1986–1989 гг. значительное переоблучение населения на территории УССР, БССР, РСФСР. Несмотря на резкое увеличение гамма-фона, Советом министров СССР, Советами министров УССР, БССР были проигнорированы сведения о радиационной обстановке и не были отменены многочисленные демонстрации 1 Мая 1986 года (г. Киев, другие города и населенные пункты УССР и БССР)».

Дальше – больше: «Несвоевременно принимались меры по переселению жителей городов и поселков, где радиационная обстановка являлась опасной для здоровья населения.

Так, Советом министров СССР только 24 мая 1989 года принято распоряжение о переселении в 1989–1993 гг. жителей отдельных населенных пунктов Брянской, Киевской, Житомирской, Могилевской и Гомельской областей с населением около 20 тысяч человек, которое в течение длительного времени было подвергнуто опасному для здоровья воздействию радиации. Совет министров РСФСР, спустя почти четыре года (! – А.Я.), лишь 26 января 1990 года принял распоряжение о частичном ограничении потребления молока и, в случае необходимости, других продуктов питания местного производства и личных подсобных хозяйств в более чем пятистах населенных пунктах Брянской и Калужской областей.

<...> Советом министров СССР и Советами министров УССР и БССР принимались решения о строительстве на загрязненных территориях городов и поселков, проживание в которых невозможно ввиду высокого уровня радиации. В результате указанных действий государству причинен ущерб в сумме около 600 миллионов рублей». Это был серьезный привет из прокурорского письма первому секретарю ЦК КПУ В. В. Щербицкому, первому секретарю Житомирского обкома партии В. А. Кавуну, другим большим начальникам из Киева и Москвы. Это было подтверждение моих статей об этом преступлении, которые почти три года я не могла опубликовать и из-за которых на меня вели охоту партийные боссы.

И вот заключение: «...Указанные обстоятельства ставили в опасные для проживания условия около 75 миллионов человек (запомним эту страшную цифру! – А.Я.) (УССР, БССР и центральные области РСФСР) и создавали условия для повышенной смертности, увеличения числа злокачественных новообразований, увеличения количества уродств, наследственных и соматических заболеваний, изменение трудоспособности населения.

<...> Минздравом СССР в нарушение Инструкции по применению стабильного йода для защиты щитовидной железы человека от воздействия радиоактивных изотопов йода йодная профилактика населения прилегающих к АЭС районам и других пораженных радиоактивным йодом территорий страны проведена несвоевременно и некачественно, что повлекло радиоактивное переоблучение населения йодом-131... Только у полутора миллиона человек (в том числе у 160 тысяч детей в возрасте до 7 лет), на момент аварии проживающих в зоне наибольшего загрязнения йодом-131, дозы облучения щитовидной железы составили у 87 процентов взрослого и 48 процентов детского населения 30 бэр, у 11 и 35 процентов, соответственно, от 30 до 100 бэр, у 2 процентов взрослого и 17 процентов детей – свыше 100 бэр».

Это и есть прокурорский ответ на циничный доклад в семьдесят страниц «коллективного» Ильина (под ним подписалась группа людей – язык не поворачивается назвать их учеными) накануне трехлетия чернобыльской катастрофы, в котором нас уверяли, что как раз наоборот – именно своевременная йодная профилактика спасла людям жизни. Прокурору, как у нас говорят, виднее.

В письме заместителя Генерального прокурора указано также на просчеты Госагропрома СССР (ау, господин Поваляев!), Комитета гражданской обороны, которые также способствовали переоблучению населения, «миграции» радионуклидов по всей стране.

Наконец-то, (ну наконец-то!) на пятом году после аварии, Прокуратура СССР возбудила уголовное дело «в связи с выявлением в ходе проверки подлежащих расследованию фактов».

В этом перечне «фактов» – немало различных организаций и ведомств, виновных в том, что случилось. Не было только двух – Политбюро ЦК КПСС, оперативная группа которого по Чернобылю заседала через день, и надзорного органа – самой Генеральной прокуратуры и ее «дочек» по вертикали, которые и должны были контролировать и защищать права людей.

Возможно ли такое еще где в мире, чтобы с ведома и при попустительстве правительства пять лет (тайно!) истреблялись три великих славянских народа, а прокуратуры – всесоюзная, три республиканских и их подручные на местах как воды в рот набрали? Все они – руководители прокуратур – были членами бюро центральных комитетов, обкомов и райкомов коммунистической партии, исповедующие так называемый «Моральный кодекс строителей коммунизма». Дрожащие за свое место и хлебную карточку привилегированной советской касты – партбилет.

Получив такой обнадеживающий ответ из Генеральной прокуратуры, я немедленно обратилась с депутатским запросом к нашему местному прокурору А. Г. Дзюбе. Ведь кому как не ему лучше знать дела в своем «монастыре». Я спрашивала: «Возбуждено ли прокуратурой области уголовное дело в связи с сокрытием от населения в свое время руководством области последствий взрыва на ЧАЭС в 1986 году?» Ответ получила от его заместителя – А. Ф. Батурского. Он меня сразил – оказывается, что «прокуратурой области уголовное дело по признакам преступления, предусматривающего ответственность за утаивание или искажение сведений о состоянии экологической обстановки или заболеваемости населения в результате взрыва на ЧАЭС» возбудить невозможно, потому что... нет такой статьи. А «Статья 227-1 Уголовного кодекса Украины, предусматривающая такую ответственность, введена в действие указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 19 января 1990 года».

В общем, Чернобыль был, есть и будет еще миллионы лет (таковы периоды полураспада некоторых радионуклидов, «заплывавших» вокруг все живое), а статьи в Уголовном кодексе нет. Суда не будет. Заметь, читатель, этот, с позволения сказать ответ, я получила после того, как уже Генеральная прокуратура СССР все же нашла в Уголовном кодексе страны статью и возбудила уголовное дело по фактам послечернобыльской лжи властей предержащих, на совести которых – смерти тысяч и несчастья миллионов людей.

Но я не сдавалась. За мной стояло почти триста тысяч избирателей. Я снова написала письмо прокурору области А. Г. Дзюбе, переслав ему ответ его подчиненного. Мне пришлось проинформировать его о том (снова вынуждена цитировать себя), «что уголовное дело по тем вопросам (ответственность за утаивание и искажение сведений о последствиях взрыва на ЧАЭС) возбуждено Прокуратурой СССР, областными прокуратурами некоторых пораженных областей других республик. Поэтому прошу объяснить мне, почему там нашлись соответствующие статьи, а вы их до сих пор не находите? С чем это связано? Или, возможно, – не удержалась, сыронизировала я, – законодательство СССР не распространяется на бывших руководителей области, которые, имея на руках и карты, и данные (об уровнях загрязнений, болезнях), обманывали людей?» В общем, я его «добила», и Дзюба прислал мне ответ, что «в составе следственной прокуратуры СССР, которая производит расследование по уголовному делу по последствиям аварии на Чернобыльской АЭС, работает старший следователь прокуратуры Житомирской области т. Сливинский А. В. Ему поручено расследовать последствия аварии на территории нашей области. По результатам следствия будет принято решение в соответствии с законом». Ну вот, слава Богу, кажется, я помогла местным прокурорам найти статью в их настольной книге – Уголовном кодексе.

Чтобы, так сказать, закрепить результат, я обратилась с депутатским запросом также к прокурору Украины М. А. Потебенько. Летом 1991 года он сообщал: «Установлено, что Министерство охраны

здоровья СССР, Госкомгидромет СССР, Госпроматомэнергонадзор СССР монопольно контролировали информацию о радиационном состоянии, которая в ряде случаев была необъективной, что привело к тяжелым последствиям. Так, несмотря на резкое увеличение уровня радиации, в г. Киеве и ряде районов Киевской области были проведены массовые майские манифестации и гулянья.

По предложениям названных ведомств в населенных пунктах Полесского района Киевской области и Народичского района Житомирской области, жители которых подпадают под обязательное выселение, построены новые дома, объекты соцкультбыта. Убытки составляют 53 миллиона рублей. На зараженной радионуклидами территории построены город Славутич и поселок Зеленый Мыс, где проживает 23 тысячи человек. Решение о строительстве этих объектов принималось правительственной комиссией СССР.

В связи с тем, что проверкой установлена вина в этих и других нарушениях ответственных лиц союзных министерств и ведомств, прокуратурой республики в октябре 1990 года был поставлен перед Генеральным прокурором СССР вопрос о возбуждении уголовного дела по фактам злоупотреблений и халатности, допущенных при ликвидации последствий аварии. Такое дело возбуждено, проводится расследование Прокуратурой ССР».

Обратите внимание, как прокурор Украины М. А. Потебенько виртуозно сваливает всю вину только на московских чиновников, «отмывая» своих. Ни слова о засекречивании жизненно важной информации всеми республиканскими властями, включая и Министерство здравоохранения. (Кроме того, ни слова об ответственности Политбюро ЦК КПСС и ЦК компартии Украины.) Что уж тут удивляться областному прокурору и его заместителю, которые изворачивались, как ужи под вилами, отвечая на мои депутатские запросы. Кроме возмущения и стыда за этих служителей Фемиды, никаких чувств не возникает.

Забегая вперед, скажу, что через два десятилетия после катастрофы в Чернобыле бывший прокурор республики Потебенько, палочка-выручалочка коммунистического режима Щербицкого на Украине, снова пригодился, в независимом государстве – стал депутатом, пишет, стало быть, законы и снова решает в них, кого казнить, а кого – миловать.

А тогда, осенью 1991 года, наша Комиссия по расследованию действий должностных лиц после аварии на ЧАЭС после года упорной работы планировала приступить к заслушиванию в парламенте показаний каждого чиновника, имеющего отношение к преступлениям в Чернобыле. Список фамилий занимал несколько машинописных страниц. В нем также фигурировало и руководство Украины – первый секретарь ЦК В. В. Щербицкий и председатель Президиума Верховного Совета Украины В. С. Шевченко, министр здравоохранения А. Е. Романенко, руководители других ведомств и организаций. От Житомирской области, в частности, там значились первый секретарь обкома компартии Украины В. Кавун, председатель облисполкома В. М. Ямчинский, председатель чрезвычайной комиссии облисполкома А. Г. Готовиц, член бюро обкома партии редактор газеты «Радянська Житомирщина» Д. А. Панчук. Газета была главным в области инструментом дезинформации и преступного замалчивания чернобыльской правды на радиоактивных территориях. Не помогли фигурантам ни прокурор республики Потебенько, ни прокурор области Дзюба.

Заслушивание показаний в парламенте и передача затем выводов в прокуратуру и суд было новым и необычным для страны Советов демократическим действием.

Чернобыль спустя пять лет вот-вот уже догонял их и должен был наказать бессовестных партийных и советских руководителей за беды и страдания 75 миллионов людей, попавших под радиоактивное крыло Чернобыля, о которых сообщал депутатам в своем письме заместитель Генерального прокурора В. И. Андреев.

Но тут вмешалась сама История. Августовский путч 1991 года буквально спас этих и других, еще более высокопоставленных лиц от неотвратимого наказания. Советский Союз распался. И тема уголовной ответственности должностных лиц за Чернобыль надолго растворилась вместе с ним. Новым независимым государствам, очевидно, было не до этого. В них надо было уже самостоятельно, без «указивки» из Кремля организовывать жизнь людей. Кроме того, мы уже знаем позицию прокурора Украины Потебенько, который всю вину за случившееся переложил исключительно на союзные даже не власти, а ведомства, которые, понятно, остались в Москве.

Но Чернобыль все же победил Генеральную прокуратуру Украины.

Семь лет ей понадобилось, чтобы наконец определить виновных в сокрытии правды о последствиях чернобыльской катастрофы для населения Украины, подвергшегося радиационному облучению. Для этого Украина должна была провозгласить себя независимым государством и запретить деятельность коммунистической партии, оставившей собственный народ на медленное умирание в радиационном угаре. Иначе, уверена, мы никогда бы не услышали официального признания виновными в замалчивании чернобыльской правды высокопоставленных коммунистических бонз Украины: бывших члена Политбюро ЦК КПСС и первого секретаря ЦК компартии УССР Владимира Щербицкого (признан виновным посмертно), члена Политбюро ЦК КПУ, председателя Президиума Верховного Совета УССР Валентину Шевченко, председателя Совета министров УССР, начальника Гражданской обороны республики, руководителя оперативной группы Политбюро ЦК КПУ по ликвидации последствий аварии, члена Политбюро Александра Ляшко, а также министра здравоохранения УССР Анатолия Романенко. Впрочем, эта сермяжная правда стала открытием спустя семь лет после ядерной катастрофы только для прокуратуры Украины. Рядовым гражданам и так давно уже было ясно, кто главные лжецы и виновники последствий для них катастрофы в Чернобыле.

Вот выводы Генеральной прокуратуры Украины по материалам уголовного «чернобыльского дела» № 49-441. В них то, о чем семь лет после катастрофы умалчивали бывшие руководители республики. Это – хроника преступной лжи.

26 апреля 1986 года, ночью и утром, из разных источников – от руководителей атомной станции, Киевского обкома компартии, облисполкома, штабов гражданской обороны, ЦК компартии Украины, Совета министров, Министерства здравоохранения, Укргидромета Щербицкий, Шевченко и Ляшко получили достоверную информацию о том, что же на самом деле случилось на ЧАЭС. Но ни один из них не подумал о безопасности людей. Более того, Ляшко в этот же день проинформировал Совет министров СССР о том, что уровень радиации снижается, а обстановка на станции и в городе Припяти спокойная. Так они «волновались» за людей, так они тряслись за свои места у корыта.

28 апреля 1986 года на стол Щербицкому, Шевченко и Ляшко легло сообщение из Укргидромета о радиоактивном загрязнении территории республики. В нем говорилось, что в Чернобыльском, Полесском районах Киевской области радиационный фон составлял от 80–120 микрорентген в час до 800–1200, в Овручском районе Житомирской области 1000–2000 микрорентген в час, в селах Семеновка и Щорс Черниговской области – около 1000. А в районе ЧАЭС – 500 000. Но и эти страшные цифры никак не повлияли на действия преступной компартийной троицы: они и пальцем не пошевелили, чтобы спасти людей (или хотя бы детей и беременных женщин!).

30 апреля 1986 года заместитель министра здравоохранения УССР А. Касьяненко отправил в Совет министров республики информацию о том, что в Киеве резко повысился гамма-фон – до 1100–3000 микрорентген в час – в Днепровском, Подольском районах и в центре города. А в пробах грунта Полесского, Чернобыльского, Иванковского районов Киевской области уровни загрязнений достигают до 20 000 микрорентген в час (это почти в 17 000 раз выше естественного фона). Отмечалось также

увеличение гамма-фона более чем в десять раз в Житомирской, Львовской, Ровенской, Кировоградской и Черкасской областях. Замминистра, направляя эти секретные данные руководству Совмина республики, предлагал оповестить население о радиационной опасности. Но Ляшко вместо этого в тот же день направил на республиканское телевидение и радио лживое сообщение Совета министров УССР, согласованное с ЦК компартии Украины. В нем нас уверяли, что радиационная обстановка вокруг АЭС и в близлежащих селах улучшилась, радиационный фон в Киеве не вызывает угрозы.

30 апреля 1986 года в Совете министров УССР была создана оперативная группа по сбору информации о Чернобыле, поступающей из Укргидромета, Министерства здравоохранения УССР, АН УССР, других организаций. Начиная с 1 мая 1986 года, обобщенные данные ежедневно ложились на стол должностным лицам республики. Ляшко завел для себя персональную карту, куда ежедневно заносятся радиационные уровни по всей республике. Согласно этим данным, радиационный фон в разных районах Киева с 1 по 30 мая 1986 года составлял 1500 микрорентген в час. Это в 125 раз выше естественного фона. Киев превратился в убийственно опасный рентгенкабинет, в котором плясала, услаждая отеческий глаз, первомайская демонстрация солидарности трудящихся. (Как я уже писала, своих детей они сразу вывезли от греха подальше.)

Суммарная бета-активность воды в Киевском водохранилище, которое является поилцем столицы, в 1000–5000 раз превысила естественный уровень радиоактивности. Загрязнение водоемов, криниц, а также овощей и молока было зарегистрировано почти в половине областей Украины.

Уже 6 мая 1986 года (согласно цековским секретным протоколам) в больницах на стационарном обследовании и лечении находилось 1560 человек. Из них – 244 ребенка. У 289 человек были установлены признаки лучевой болезни. Все это вопило об опасной ситуации, требовало немедленной защиты людей. Но отцы нации словно набрали в рот воды.

30 апреля 1986 года министр здравоохранения СССР С. Буренков направил в Министерство здравоохранения Украины распоряжение о медико-санитарном обеспечении населения в связи с аварией на ЧАЭС. В нем он обязывал министерство «в случаях выявления повышенного радиоактивного загрязнения принимать неотложные меры по защите населения, особенно детей, прежде всего от поражения радиоактивным йодом». Известно, что если немедленно принять стабилизирующие таблетки калия-йода, суммарная доза поражения облучения щитовидной железы снижается на 96 процентов, если через шесть часов – на 50, а спустя 24 часа принимать его практически бесполезно. 3 мая 1986 года Романенко на заседании оперативной группы Политбюро ЦК Компартии Украины не рекомендовал делать йодную профилактику для жителей Киева. И в этот же день издал секретный приказ № 21с, согласно которому требовал «обеспечить неразглашение секретных данных об аварии».

4 мая 1986 года начальник управления охраны здоровья Киевского горисполкома В. Дидыченко отправил Романенко письмо, в котором указал, что с 28 апреля его служба ставит вопрос о защите жителей Киева, особенно детей, от радиоактивного йода, и настойчиво просит министра дать рекомендации. И «рекомендации» были даны уже на следующий день.

5 мая 1986 года в секретном письме в адрес ЦК КПУ и Совета министров УССР Романенко сообщает о том, что именно следует делать, чтобы население не переоблучалось. Это – правда для «патрициев». А для «плебеев» – три выступления по украинскому телевидению – 6, 8 и 21 мая 1986 года – с дезинформацией о последствиях аварии. Каждое выступление министр непременно согласовывал с Щербицким, Шевченко и Ляшко.

21 июля 1986 года министр здравоохранения Украины Романенко сообщил в Минздрав СССР о том, что в республике якобы проведена йодная профилактика 3 миллионов 427 тысяч человек взрослого населения и 676 тысяч детей – жителей Киевской, Житомирской, Черниговской областей и столицы.

15 августа 1986 года в центр пошла очередная ложь Романенко о том, что в этих же областях и Киеве йодной профилактикой было охвачено 4,5 миллиона человек, в том числе 1 миллион 38 тысяч детей.

5 декабря 1986 года Романенко сообщил в Москву, что население всей республики прошло йодную профилактику.

Глобальная катастрофа требовала не менее глобальной лжи и ее исполнителей. И Москва использовала министра здравоохранения Украины с его, разумеется, активного согласия, на всю катушку. Вот один из образчиков сценария для Романенко в приложении к совершенно секретному постановлению Политбюро ЦК КПСС «О плане основных пропагандистских мероприятий в связи с годовщиной аварии на Чернобыльской АЭС» (протокол секретариата ЦК № 46, п. 46гс от 10 апреля 1987 г.). «По главной редакции союзной информации. 1. Место рождения – Чернобыль. В семьях, эвакуированных из опасной зоны, после аварии родилось 300 детей. <...> ...никаких отклонений нет, дети развиваются нормально. Репортажи из семей, из детских садов и яслей... Комментарий министра здравоохранения УССР».

Только в течение первого послеаварийного месяца Романенко и его заместитель Зелинский издали семь секретных приказов, разослав их в облздравотделы, научно-исследовательские институты с требованиями засекретить последствия аварии, не указывать дозы в историях болезней, «закодировать» уровни облучения, выделить истории болезней, связанные с аварией, в отдельный архив, к которому не допускать никого без специального разрешения на то руководства Минздрава Украины или вышестоящих инстанций. (И этого преступника редактор частного украинского телеканала «1 + 1» Вахтанг Кипиани, позиционирующий себя как демократа, приглашал на съемки для своих программ уже в качестве эксперта по Чернобылю!)

Обеспечив, таким образом, едва не гробовую тайну вокруг последствий Чернобыля, Романенко еще в 1989 году на майском пленуме ЦК компартии Украины заявил: «Со всей ответственностью могу сообщить, что, кроме тех, кто заболел, которых 209 человек, сегодня нет людей, заболеваемость которых можно или необходимо связывать с действием радиации». А что мог он говорить еще после всего, что творил? Ему хором вторила вся партийная лживая союзная, республиканская и местная пресса, в том числе – «Правда Украины», «Радянська Україна» («Советская Украина») и «Радянська Житомирщина» (та самая, редактор которой Панчук позже, когда народные депутаты пробили головой стену чернобыльской лжи, организовал как ни в чем не бывало Чернобыльский фонд при Союзе журналистов области).

Эту ложь сегодня уже оплачивают нынешние, но еще в большей мере ее оплатят будущие поколения.

Генеральная прокуратура Украины не приняла во внимание лепет Шевченко, Ляшко и Романенко о том, что «они не могли исполнять свои служебные обязанности по обеспечению гарантированных Конституцией УССР прав граждан на охрану здоровья в связи с тем, что ЧАЭС была экстерриториальной, что с созданием Правительственной комиссии СССР и опергруппы Политбюро ЦК КПСС они фактически были лишены возможности принятия решений и контроля над ситуацией, выполняли положения ст.6 Конституции УССР о руководящей роли партии и требования законодательства о секретности, подчинялись указаниям государственно-партийных структур и ведомств». Прокуратура жестко констатировала, что они «беспокоились о собственном благополучии и служебной карьере», «злоупотребляли властью и служебным положением, что повлекло тяжелые последствия» для населения. Вердикт был таков: «вина Щербицкого, Ляшко, Шевченко и Романенко... доказана».

Значит, правда все-таки восторжествовала и виновным воздалось? Да нет, именно этого, как ни странно, и не следует из постановления Генеральной прокуратуры Украины. После описания всех преступных деяний украинского руководства, после вынесенного вердикта о его виновности, следователь по особо важным делам А. Кузьмак постановил: «Уголовное дело о действиях должностных лиц Украины

во время аварии на ЧАЭС и ликвидации ее последствий закрыть, о чем сообщить заинтересованным лицам» (!). Это не шутка. Это горькая правда. Это плевок в лицо всем нам и всему миру.

Генеральная прокуратура Украины нашла очень весомую причину, чтобы спасти виновных от наказания: оказывается, истек срок давности! Да, уголовные кодексы партийная номенклатура писала всегда с учетом собственных интересов. Уверена, что «заинтересованные лица» восприняли это постановление с глубоким удовлетворением. А как, представьте себе, восприняли его те отцы и матери, у которых Чернобыль отнял и отнимает детей? Инвалиды-чернобыльцы? Да просто равнодушные граждане?

Здесь следует особо сказать, что официальная правда эта была выдвлена из прокуратуры, как паста из тюбика – резким нажатием с двух сторон: одна из них – общественность, движение «Зелений світ», которое еще во советские времена провело общественный суд и назвало виновников, другая – Чернобыльская комиссия Верховного Совета Украины и специальное его постановление от 6 декабря 1991 года. Но разве сама прокуратура не в состоянии была провести собственное расследование, не дожидаясь давления общественности и поручений от парламента спустя семь лет после катастрофы? Судя по всему, она действовала по тем же законам, на которые ссылались Шевченко, Ляшко, Романенко: статья 6 Конституции УССР о руководящей и направляющей. Ведь и сами прокуроры были непременно членами партийных бюро и ЦК. Не потому ли и на мои депутатские запросы об ответственности должностных лиц, замалчивающих Чернобыль, из Прокуратуры УССР и из Житомирской областной прокуратуры приходили ничего не значащие отписки? «Пристяжные партии» надежно охраняли покой своих хозяев. А ведь в нормальной стране и в нормальном гражданском обществе и сами эти прокуроры, которые молча смотрели на криминальные дела с чернобыльской цензурой, тоже должны сесть на скамью подсудимых. А получилось: преступников судили такие же преступники.

После распада СССР компартия на Украине была официально запрещена. А бывшие все равно из всех сил пытались заблокировать работу прокуратуры. Как сообщала газета «Киевские ведомости», бывший прокурор Украины Михаил Потребенко пытался запугать следователя Генеральной прокуратуры Александра Кузьмака, который «вел» уголовное чернобыльское дело № 49-441. Он рекомендовал ему оставить в покое Романенко, напомнив многозначительно, что времена меняются. Об этом сам следователь сообщал в своем рапорте на имя Генерального прокурора независимой Украины В. Шишкина. Впрочем, непонятно, зачем жаловался, когда в итоге своим постановлением он на самом деле спас их от неминуемой тюрьмы, перечеркнув надежды миллионов людей на справедливость и веру в нее. Хотя, может, и не все так просто. Возможно, его запугали и он, опасаясь за свою семью, вынужден был сделать то, что сделал. Но пока это только мои догадки.

Впрочем, осмелел тогда не только экс-прокурор. Многие из тех, кто практически соучаствовал в преступном замалчивании правды о последствиях Чернобыля, остались не только на своих местах, но и пошли на повышение – перебрались в министерские кресла. Например, министром по проблемам Чернобыля стал Георгий Готовиц, заместитель председателя Житомирского облисполкома. Не кто иной, как он, в 1986–1988 годах «гнал» строительство новых домов для переселенцев в заведомо опасных зонах. Его назначение состоялось уже после того, как об этом стало известно всей стране из моих статей во влиятельных изданиях. А министром здравоохранения вместо Романенко (он возглавил Радиационный центр) стал Спиженко, который в 1986 году был заведующим отделом здравоохранения в Житомирском облисполкоме. Это ему, в том числе, Романенко направлял свои секретные послания о том, как нужно обманывать население, что нужно засекретить и закодировать. Возражений не последовало. Это к его подчиненному – завсектором охраны детства и материнства Виктору Шатилю я приходила в поисках правды о здоровье детей пораженных сел после аварии в 1986 году. И получила тогда ответ: «Все хорошо». Только потом выяснилось: все – ложь.

То же случилось и в России. Президент Ельцин назначил главой Государственного комитета по проблемам Чернобыля Василия Возняка. Его первым заместителем стал Юрий Цатуров. В 1989 году, после I съезда народных депутатов, Председатель Совета министров СССР Николай Рыжков поручил Владимиру Марьину, тогдашнему заведующему Бюро по топливно-энергетическим ресурсам при Совмине СССР, ответить на мой депутатский запрос об облучении жителей Народичского района Житомирской области. Напомню, именно Марьин с Возняком, который работал тогда у него, снисходительно уверяли меня в том, что там все в порядке. И, глядя на мои, привезенные из Народич, медицинские документы, отвечали: «У вас – свои документы, у нас – свои». Лукавые отписки посылал мне и Юрий Цатуров, будучи заместителем председателя Госкомгидромета СССР. А сам факт: только в 1992 году, спустя шесть лет после аварии (!), стало известно о том, что в России поражены радиацией шестнадцать областей – разве это не преступление? Миллионы россиян все эти годы подвергались, ничего не подозревая, и до сих пор подвергаются ежесекундному облучению.

Почему именно этим людям уже в независимых, претендующих на звание демократических государств было доверено «спасать» чернобыльцев?

А чья прокуратура, наконец, заявит об уголовной ответственности бывших руководителей ЦК КПСС и советского правительства, с ведома и при непосредственном участии которых и творилась чернобыльская ложь, несмотря на лозунги о «новом мышлении» и «перестройке»? Множество документов «секретных», «совершенно секретных» и в «единственном экземпляре», «без права публикации» обнародованы в прессе. Так какого же «толкача» ждут органы правопорядка? Или в этом случае не миновал еще срок давности?

Впрочем, некоторые из бывших уже нашли главного виновника всех чернобыльских бед. «Появление гласности и демократии <...> максимально утяжелило ситуацию», – сетовал на семинаре для молодых ученых в Институте проблем безопасного развития атомной энергии РАН один из бывших руководителей Госагропрома А. П. Поваляев. (Цитирую по отчету о семинаре «Радиационная защита: как это было» в газете «Спасение» за 2002 год, № 3.)

Многие депутаты Украины высказали тогда несогласие с решением прокуратуры республики. Чернобыльская комиссия подготовила проект постановления парламента о том, чтобы в законодательство были внесены изменения, дающие возможность уголовное дело Шевченко, Ляшко и Романенко передать в суд. Но ничего с тех пор с места так и не сдвинулось.

Суд над теми, кто обманывал собственный народ, для Украины имеет смысл, далеко выходящий за пределы Чернобыля. Это суд не только над конкретными людьми, но и над Системой, которую олицетворяют именно они. Ведь даже в Болгарии прошел суд над людьми, которые утаивали правду от болгарского народа о чернобыльском следе в их стране! (Они уже отсидели и вышли.)

Говорят, во всех бедах виновата Система. Безусловно. Но Систему создают конкретные люди.

Для многих этот праведный суд важен еще и потому, что «большевики» Украины вслед за Россией поставили в парламенте вопрос об отмене решения о запрете коммунистической партии. И добились своего – они снова легализованы и снова борются за народное счастье. Отказ Генеральной прокуратуры от суда над бывшими высшими руководителями партии и государства вдохновил радетелей Системы. Они уже заявляют: да никакого Чернобыля не было, его выдумали демократы, чтобы развалить Советский Союз и запретить коммунизм.

Восторжествует ли когда-нибудь справедливость после всей этой убийственной правды о Чернобыле?

Глава 19 СОПРОТИВЛЕНИЕ ЧЕРНОБЫЛЬСКОГО МАТЕРИАЛА

Несмотря на то что в Советском Союзе из года в год наращивались мощности атомных электростанций, страна была напичкана ядерным оружием, военно-промышленными и исследовательскими ядерными реакторами, а также активно проводились испытания ядерного оружия, долгое время она не имела собственных законов в сфере использования атомной энергии и ядерной безопасности. Между тем за рубежом такие законы были приняты давно: например, во Франции в 1945-м, США и Великобритании – в 1946 году. Сейчас атомное законодательство есть во всех развитых странах.

В СССР его проект наконец-то был разработан за два года до аварии в Чернобыле, но даже и после чудовищной катастрофы его удалось утопить в идеологическом болоте. Сотни аварий и сбоев, которые ежегодно случались на советских ядерных военных и гражданских объектах, в том числе и с человеческими жертвами, как в 1979 году на Ленинградской АЭС, не имели ни для кого никаких правовых последствий. К тому же все они содержались в глубокой тайне и от собственного населения, и от всего мира – у советов и атом должен быть самым надежным.

Естественно, что и после «самого лучшего» взрыва на Чернобыльской атомной станции ни государство, ни местные органы власти не были готовы к правовому решению экологических, социальных и других проблем. Правительство СССР не имело готовой законодательной базы, чтобы немедленно в ее рамках оказать помощь пострадавшим – как штатным работникам ЧАЭС, так и призванным из военного резерва, ликвидаторам, а также населению, пострадавшему от аварии. Собственно, нет закона – нет проблем.

На протяжении первых трех лет после чернобыльской катастрофы коммунистический Верховный Совет СССР, такие же Советы в республиках, несмотря на провозглашенные гласность и перестройку, даже и не пытались принять законы, охраняющие права жертв аварии, дающие им определенные льготы и компенсации. И это понятно: тоталитарный режим старался не допустить разглашения масштабов и уровня загрязнений, равно как и числа пострадавших. Но глобальность чернобыльской катастрофы, а к тому времени и перемены в обществе, уже стали необратимыми. Замолчать ее уже было просто невозможно даже геронтократам из Политбюро. Население из пораженных территорий все громче и активнее требовало от государства правовых решений проблем своего здоровья, перемещения на «чистые» земли, возмещения материального ущерба.

Первыми такими попытками властей стали подзаконные акты, принятые совместно ЦК КПСС и Советом министров СССР. В советское время это была повседневная и повсеместная практика, заменяющая законы. Первым документом, регламентирующим отношения государства с Чернобыльской атомной станцией, стало совместное Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, принятое спустя двенадцать дней после аварии – 7 мая 1986 года: «Об условиях оплаты труда и материального обеспечения работников предприятий и организаций зоны Чернобыльской АЭС».

Роль «законов» первые четыре года привычно выполняли различные постановления ЦК КПСС, которые направлялись в республиканские и областные органы партии. Они носили закрытый, совершенно секретный характер. В тех же постановлениях, которые появлялись в печати, никакой конкретной информации ни о масштабах загрязнений, ни количестве пострадавших, ни об их конкретных проблемах не было.

Первым действием властей было их полное бездействие. Власть как будто заклинило. Казалось, что вслед за реактором в ней что-то сломалось. Потом началась паника. Всё, что, очнувшись, стали делать

власти, носило стихийный характер. Они не были готовы к такой широкомасштабной ядерной катастрофе. Но они были готовы – как всегда – к широкомасштабному вранью. Об этом свидетельствует и тот факт, что медики не провели вовремя йодную профилактику (в течение первых восьми дней после аварии). Зато потом наврали всему цивилизованному миру с три короба. (Об этом подробнее поговорим в следующей главе.)

Несмотря на то что для измерительных и дезактивационных работ были привлечены химические и инженерные войска, специальная боевая и транспортная техника, оборудование Министерства обороны СССР, войска гражданской обороны, властям не удалось быстро и качественно провести отселение даже 116 тысяч человек, которые оказались в тридцатикилометровой – «черной» – зоне чернобыльского следа.

Отчуждение территорий тридцатикилометровой зоны вокруг «подбитого» реактора, выселение людей из деревень, попавших в нее, проводилось исключительно на основании закрытых правительственно-партийных постановлений. Со стороны это выглядело как непреодолимая стихия, людям ничего конкретно не объясняли, местные начальники просто объявляли, что на некоторое время им придется выехать из деревни, на две-три недели, а потом они снова вернутся. Хотя, по свидетельствам руководителей некоторых загрязненных районов, они догадывались о том, что эти граждане уже никогда не вернутся в свои родные места, в пронизанные потоками радиации дома.

Действия правительства и Политбюро носили нервный, зачастую хаотичный и предельно закрытый характер. Об этом свидетельствует дух и тон их секретных протоколов. Они метались, и им было страшно. Чем страшнее им становилось перед лицом неуправляемой ядерной реакции, тем больше секретных документов они выдавали.

До 1989 года никакой научно разработанной специальной правительственной программы помощи пострадавшим от аварии на ЧАЭС так и не появилось. И не потому, что в СССР не было научных сил для ее разработки. Проблема заключалась в другом – в СССР не было свободы. Закрытость общества и гласность чернобыльских событий были идеологически несовместимы.

Первые четыре года после аварии на ЧАЭС организация работ по ликвидации последствий аварии и помощи населению, пострадавшему от нее, была подчинена жесткой партийной командно-административной системе управления по вертикали. Для этого в недрах ЦК КПСС была создана (уже известная тебе, читатель, своими тайными протоколами) оперативная группа Политбюро ЦК КПСС, которая секретно действовала в течение почти двух лет и куда стекались все отчеты из республиканских правительств, министерств обороны, здравоохранения, других. Здесь заслушивались отчеты членов оперативной группы, принимались решения по всем вопросам жизни и смерти ни в чем неповинных рабов Системы – это госпитализация, выписка, пересмотр в сторону увеличения предельно допустимых доз, переселение, непереселение и реэвакуация людей, оказание помощи сотрудникам ЧАЭС, установление льгот для компенсационных выплат, медицинского обслуживания и даже – «помывки людей». Всё – секретно. (Ну едва не по Оруэллу!)

Закрытость и несогласованность действий различных ведомств приводили зачастую к служебным злоупотреблениям. Например, в Народичском районе официальные лица, которые распределяли выделенные для переселенцев квартиры в других городах (Киеве, Львове, Житомире и т. д.), брали себе по несколько квартир, отказывая в них тем, кто действительно в этом нуждался. Вся прелесть подобных ситуаций для властей заключалась в том, что народ не мог пойти в суд – официально ведь в стране ничего не произошло. Законов нет – гуляй, советская власть!

В 1987–1988 годах было принято еще несколько десятков совместных постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР, а также постановлений на уровне властей пострадавших республик. Зачастую это были преступные решения, как, например, со строительством жилья для переселенцев в таких же

пораженных зонах. Другие были просто невыполнимы. Например, о «строгом обеспечении» людей, живущих в радиационных зонах, «чистыми» продуктами. В то время в СССР не хватало продуктов для населения не только пораженных деревень, но и для всех остальных, за исключением Москвы и Ленинграда, куда приезжали иностранные туристы. В связи с этим постановления ЦК КПСС по улучшенному питанию жертв аварии на ЧАЭС были заведомо невыполнимы. Жители из пораженных зон, которые согласно закрытым решениям партии и правительства получали 30 рублей «гробовых» на «чистое» питание, не могли его купить в сельской лавке. Магазины были практически пусты. Да и сами деньги были просто смехотворными.

Зато впервые за десятилетия после появления ядерных производств в СССР было наконец-то создано Министерство атомной энергии. (Ранее все ядерные дела маскировались в СССР под так называемым Министерством среднего машиностроения.) С его созданием появился субъект права, который мог нести ответственность за свою деятельность в сфере применения «мирного атома».

Только спустя более трех лет после катастрофы было создано две программы ликвидации последствий аварии на ЧАЭС – украинская и белорусская. В России же, где Чернобылем накрыло шестнадцать областей, никакой программы не было и спустя три года, существовала некая система неких мер только для Брянской области на период с 1988 до 1990 года. О существовании этих документов знали только чиновники, которые были причастны к их написанию. Именно написанию, а не научной разработке – настолько далекими они оказались от реального положения дел.

И только спустя четыре года после катастрофы, 25 апреля 1990 года, было принято первое постановление по Чернобылю обновленным законодательным органом страны – горбачевским Верховным Советом СССР – «О единой программе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией». Этим постановлением утверждалась первая Государственная союзно-республиканская программа неотложных мер на 1990–1992 годы по ликвидации последствий аварии в масштабах всей страны.

И вот здесь впервые за всю ядерную историю СССР мы, депутаты, поручили правительству «разработать проект Закона о чернобыльской катастрофе и представить его в Верховный Совет СССР в четвертом квартале 1990 года. В Законе определить правовой статус жертв катастрофы и участников ликвидации последствий аварии, людей, занятых выполнением работ в пораженной зоне, а также подвергшихся вынужденному переселению, правовой режим зоны бедствия, порядок проживания и деятельности населения, порядок прохождения воинской службы, формирования и функционирования территориальных органов государственного управления, общественных организаций в пострадавшей зоне».

Но, как, собственно, и ожидалось (мы знали, в какой стране живем), ничего этого вовремя сделано так и не было. Через год, уже в следующем постановлении Верховного Совета СССР от 9 апреля 1991 года «О ходе выполнения постановления Верховного Совета СССР от 25 апреля 1990 года „О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции и ситуации, связанной с этой аварией“» было отмечено, что «задержалось представление в Верховный Совет СССР подготовленных проектов „Закона о Чернобыльской катастрофе“ и „Закона об использовании атомной энергии и ядерной безопасности“, что не дало возможности принять их до настоящего времени». Правительство и аппарат просто саботировали поручения депутатов.

Началом настоящей чернобыльской законодательной истории стал только 1991 год. Спустя лишь пять лет после катастрофы в Чернобыле в республиках СССР впервые были приняты более-менее полноценные законодательные акты, регламентирующие ответственность государства за нанесенный гражданам ущерб в результате деятельности ЧАЭС. Это три документа: закон Белорусской ССР «О социальной защите

граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 22 февраля 1991 года; закон Украинской ССР «О статусе и социальной защите граждан, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС»; закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 15 мая 1991 года.

В том же году мы приняли и первый общесоюзный закон «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы». Как видно уже из самих названий законов, они касались пострадавшего населения и ликвидаторов. Экологические проблемы и ядерные риски задевались в них только косвенно. Но и это по сравнению с полным правовым вакуумом в атомной сфере, десятилетиями преступно существовавшим в стране с ядерной дубиной, было не просто значительным шагом вперед, а, можно сказать, законодательной революцией.

И тем более важно, что ничего подобного ранее никому решать не приходилось. Десятки других ядерных аварий в других странах не могли и близко сравниться по глобальным последствиям выброса в Чернобыле. Мы, законодатели, приобретали собственный, ни с чем не сравнимый опыт работы над проектами законов, не имеющими аналогов в мире.

В общем, не прошло и пяти лет после того, как Звезда Полынь превратила реки вокруг Чернобыля в слаборадиоактивные отходы, как самым часто употребляемым словом чиновников в отношении радиационных зон и людей в них стало – «льготы». «Может, – думала тогда я, – еще и привилегии?»

Разные, оказалось, в нашей стране льготы и привилегии. Для министров-капиталистов – госдачи, бесплатный отдых в лучших здравницах страны, бесплатное медицинское обслуживание в спецполиклиниках, машины с водителями и «мигалками» и много еще чего. (В советское время – неподсудность плюс валюта из бюджета страны «для налаживания связей с братскими компартиями».) Для заложников же Чернобыля – само право на жизнь тоже, оказывается, льгота. Ну не насмешка ли, в самом деле, над здравым смыслом называть льготами «гробовые» выплаты, «чистые» продукты, обследование и лечение и святое право жертв Чернобыля покинуть пораженную территорию?

Вот уже четверть века борьбу за эту «льготную» и «привилегированную» жизнь ведут миллионы людей. Спустя годы после аварии беспокойная общественность помогла правительству вспомнить и о шестистах тысячах ликвидаторов (ООН оперирует цифрой в восемьсот тысяч). Людей, которые в те драматические часы, дни, недели, месяцы života своего не жалели, чтобы усмирить ядерного монстра, как можно быстрее остановить растаскивание радиации по стране и миру.

Шестьсот или восемьсот тысяч – тоже приблизительная цифра. Больше ли, меньше ли их было – кто сегодня знает? Строгого учета, как известно, никто не вел. А если и был какой-то учет, то все это до сих пор покрыто тайной. С ядерным загаром разъехались по городам и весям необъятной родины. Родина позвала. Родина забыла. На родину, конечно, не обижаются. Обижаются на власть, на чиновников.

На всю страну в 1989 году работал один-единственный межведомственный экспертный совет в Киеве, который только и имел право устанавливать причинную связь заболеваний с участием в ликвидации последствий аварии. Представьте себе! Со всех концов сюда съезжались тысячи людей, чтобы обследоваться и доказать, что болеют, не могут нормально жить после того, как проработали месяцы в зоне. Но доказать удавалось единицам. Ведь межведомственный экспертный совет существовал на базе Всесоюзного научного центра радиационной медицины, директором которого был назначен... министр здравоохранения Украины Анатолий Романенко. Да, тот самый Романенко, который еще не так давно писал секретные послания в Москву о бедственном положении жертв радиации, а общественность уверял, что никаких поводов для волнений нет. Ну не мог же директор Романенко опровергать министра Романенко!

Неудивительно поэтому, что все органы власти были завалены жалобами. Писали о том, что нельзя не только допроситься нормального лечения, питания, но невозможно получить даже удостоверения и нагрудные знаки участников ликвидации последствий аварии.

Даже сотрудники Житомирской областной санитарно-эпидемиологической станции, участники ликвидации, не могли добиться (у кого бы ни спрашивали) вразумительного ответа на вопрос: а где же получить хотя бы удостоверение? Мне пришлось обратиться с запросом в украинское правительство. Оказалось, все просто: нужно зайти в свой... исполком областного Совета с подтверждающим документом. Так почему же этот простой факт местные власти превращают для каждого ликвидатора в неутешимую головную боль?

А к какому разряду льготников, спрашивали меня, отнести военнослужащих, которые проводили дезактивацию? Здесь оставили свое здоровье более четырех тысяч солдат. Их радиоактивные гены ушли или еще будут уходить в наше будущее.

Вот одно их типичных писем из моего архива от ветеранов Чернобыльской АЭС, ликвидаторов: «...Мы обращались к Рыжкову с просьбами решить наши вопросы. Ответа нет. Часть наших вопросов довели до Горбачева, нам было обещано разобраться в сложившейся ситуации. Прошло три месяца. Положение не изменилось. В статье „Письмо актуально. Публиковать нельзя“ в газете „Известия“ мы вновь изложили наши проблемы. Приехал представитель Министерства здравоохранения СССР, обещал прислать письменные решения. Вновь стена молчания, секретности. Все это время Всесоюзный научный центр радиационной медицины продолжает срывать решения коллегии Министерства здравоохранения <...> отказывает в госпитализации работникам ЧАЭС на обследование, лечение. Так, было отказано лаборанту Белозерцеву, который вскоре умер, водителю Назаренко, многим другим. Это дискриминация активных участников ликвидации аварии, ее последствий, антигуманный вызов, произвол медиков. Телефонные указания для руководства радиационного центра оказались выше чести и профессионального долга...»

Это горькое письмо, замечу, было написано уже спустя несколько лет после аварии.

Вот что сказала на предпарламентских слушаниях врач-эксперт Горбунова: «Я занимаюсь проблемой Чернобыля и ликвидаторами. Вы должны понять, что основная заболеваемость, конечно, будет ожидать в группе ликвидаторов, и меня очень обрадовало, что наконец наш уважаемый академик Ильин Леонид Андреевич признал, что рост онкологических заболеваний может ожидать до десяти процентов. Мы, врачи на местах, практически видим рост онкологических заболеваний. Это признает общественность. Но вот взять прессу, медицинскую. Статья „Чернобыль: слухи и факты“. Извините, товарищ Романенко в этой статье от Всесоюзного радиологического центра (его директор. – А.Я.) вообще отрицает заболевания щитовидной железы под влиянием радиации. Он документирует, что вообще никакой связи нет, хотя в докладе (Ильина. – А.Я.) прозвучало четко, что 1 миллион 600 тысяч детей получили ту дозу радиации, где нужно пристальное внимание».

Чернобыльцы разъехались по всей огромной стране и увезли вместе с собой сотни тысяч маленьких чернобылей. Они спасли мир и страну от более страшных последствий ценой самого дорогого – жизни и здоровья. Они вправе были надеяться, что и страна не забудет их. Но оказалось, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

В сентябре 1989 года в Комитет по вопросам гласности прав и обращений граждан поступила копия письма, адресованного «Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Горбачеву М. С., Председателю Совета министров СССР тов. Рыжкову Н. И., Председателю ВЦСПС тов. Шалаеву С. А., редакции телепередачи „Взгляд“». Вот что, в частности, сообщалось в нем: «Мы – люди различных возрастов, профессий и социального положения, но нас объединила одна общая беда. Беда не только наша личная, но и всей огромной страны, – авария на ЧАЭС. Всем нам в 1986–1987 годах пришлось участвовать в ликвидации

последствий аварии. Из особой зоны все мы были выведены лишь после набора соответствующих доз ионизирующего облучения.

<...> В печати неоднократно открыто писали о том, что лица, участвовавшие в ликвидации последствий аварии, будут пользоваться определенными льготами, в том числе и в вопросах медицинского обслуживания. <...>...заболевания наши считают общепрофильными и не связывают с нахождением в зоне. При отборе на ликвидацию мы проходили медкомиссию и были признаны здоровыми.

Сегодня наши болезни, естественно, сказываются на работе. Мы часто и подолгу находимся на больничных листах, что вызывает справедливые нарекания со стороны сослуживцев. Мы очень хотели бы вернуться к нормальной здоровой жизни, ощущать радость работы и полноценный отдых после нее. Однако, к сожалению, такой возможности не имеем. Поэтому и попали в разряд „советских лишних людей“. Нам дают вторую и третью группы инвалидности по общепрофильным заболеваниям и выбрасывают за борт активной жизни.

Мы знаем, что... издали ряд постановлений по льготам, но до нас они нигде не доводятся. Неужели ничему не научил опыт „афганцев“? У некоторых из нас нет квартир, телефонов, а сегодня – и средств к существованию...»

Под письмом – десятки фамилий. Их география наводит на мысль, что написано оно было в клинике, где все они вместе лечились или под дверью экспертного совета в Киеве. Это – Э. Н. Колесников из Ташкента, Г. В. Гуца из Днепропетровска, В. Е. Зиеун из Донецка, М. Г. Даниэлян из Спитака. Из Киева, Харькова, Кривого Рога, Октемберяна Армянской ССР...

В Житомирской области спустя пять лет после аварии проживало пять тысяч ликвидаторов, в самом Житомире – почти две. Им нужно было дополнительное питание, медицинские препараты. Где все это взять, если правительство не обеспечивает необходимое финансирование? И здесь было найдено оригинальное решение: за счет ресурсов самой области. Значит, и за счет пострадавшего населения, которому – в северных районах – тоже не хватало «чистых» продуктов.

Из заключения Государственной экспертной комиссии по рассмотрению программ ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС: «В программах не рассматриваются вопросы медицинского контроля и помощи лицам, выехавшим за пределы загрязненной зоны после получения значительных доз на щитовидную железу и все тело (эвакуированные и поменявшие место жительства). Не уточняется и численность подобных лиц, проживающих на территории республик.

Не предусматривается медицинская помощь лицам, привлекавшимся к работам в зонах высокого загрязнения в период ликвидации на самой ЧАЭС, хотя численность этих контингентов измеряется сотнями тысяч человек, а дозы, полученные ими, на уровне биологически значимых».

Дезинформация. Ложь. Замалчивание. Безразличие. Обман. Так долго продолжаться не могло. Под нагромождением лжи начинал тлеть огонь праведного народного гнева. Люди поняли, что на их письма никто не обращает внимания. Народный гнев выливался в митинги протеста, демонстрации, пикетирование зданий органов власти.

Вот хроника начавшихся спустя три года после катастрофы чернобыльских народных волнений.

В 1989 году в городе Наровля в Белоруссии прошла одна из первых в стране забастовок чернобыльцев. Урон от нее оценивался более чем в 300 000 рублей. Только приезд в Наровлю республиканского министра здравоохранения В. Улащика и трех высокопоставленных партийных деятелей республики Н. Дементя, Ю. Хусаинова и В. Евтуха, их встреча с забастовщиками, и нелицеприятный для представителей власти разговор позволили несколько снять напряжение. Но ненадолго. Все ведь опять утонуло в пустых обещаниях.

В это же время в городе Чериков (Белоруссия) митинг протеста прошел возле райкома партии. Люди просыпались после всеобщего советского анабиоза лжи. Время для проведения митинга было выбрано прямо-таки символическое: 1 июня – Международный день защиты детей. Как раз проходил I Съезд народных депутатов СССР, и делегация из мятежного Черикова направилась в Москву. Здесь ее, вместе с белорусскими народными депутатами, принял Н. И. Рыжков. Председатель Совета министров, как рассказывали потом белорусы, сказал, что многое из услышанного оказалось для него... новостью.

Я ни за что не поверю в это. Конечно же, Николай Иванович, который, как уже известно из предыдущих глав, ежедневно получал обстоятельные доклады от председателя Госкомгидромета Ю. А. Израэля (и не только от него), отлично все знал. Думаю, лукавил, опасаясь народного гнева.

Тогда доведенным до отчаяния людям Рыжков пообещал, что в пострадавших районах Белоруссии будет работать комиссия из МАГАТЭ и Всемирной организации охраны здоровья. Для выработки вместе с нашими учеными концепции безопасного проживания. Та самая комиссия, о которой я уже рассказывала. Результат ее работы тоже известен – поддержку получила лживая официальная медицина, а для людей все осталось по-прежнему.

Митинги протеста прокатились и по северным районам Житомирской области. В июне 1989 года, в день открытия очередной сессии областного Совета народных депутатов группа житомирян хотела зачитать на ней письмо в поддержку требований людей из пораженных зон. Но сделать это оказалось непросто.

Из письма группы житомирян: «У входа в здание облисполкома мы выставили пикеты с плакатами „Житомирское лечебно-санаторное управление – народичским детям!“, „Требуем выселения людей из радиоактивной зоны!“. Пройти в зал заседаний нам не разрешили. И мы оставались у входа на ступеньках. Вокруг нас собирались люди. На сессию спешили депутаты. Одни останавливались молча, другие заверяли, что они „за народичан“, третьи требовали убираться. <...> Наконец после перерыва нам разрешили войти в зал».

Замечу, это было только начало гласности о последствиях аварии.

А вот строки из обращения к парламентариям жителей города Коростень Житомирской области, которые тоже решились на протест: «Нас, коростенцев, глубоко возмущает отношение государства к жертвам чернобыльской трагедии. Это трагедия мирового масштаба, и мы вправе требовать помощи от всей страны. Жалкие подачки в виде 15 рублей, на которые ничего нельзя приобрести, мы расцениваем как издевательство. <...> Мы будем вынуждены бороться за жизнь и здоровье наших детей самым решительным образом, применяя крайние экономические и политические меры».

Осенью 1989 года состоялся стотысячный митинг на стадионе в Киеве. Фотография нашей группы представителей из Житомирской области с лозунгами протеста попала на главные страницы центральных газет и журналов страны. На митинге кипели нешуточные страсти. Министру здравоохранения УССР А. Романенко было высказано единогласное недоверие. А сессия Киевского городского совета приняла решение: академик Ильин для Киева – персона нон грата. Так народ выражал свое несогласие с ложью о реальном состоянии дел на зараженных территориях. Люди защищали сами себя, своих детей, как могли.

25 февраля 1990 года в Житомире на стадионе прошел экологический митинг. Все трибуны были забиты до отказа – собралось более двадцати тысяч человек. Вел его заместитель председателя облисполкома Г. А. Готовчиц, он же – председатель чрезвычайной комиссии в области. На митинге выступали представители из северных районов, пораженных радиацией, члены первого на Украине Житомирского регионального Гражданского фронта содействия перестройке (я была одним из его

организаторов), официальные лица из местной власти, народные депутаты СССР, кандидаты в народные депутаты Украины и местные Советы (как раз приближались выборы).

Перед самым митингом я побывала в пораженных деревнях, у меня накопилось немало вопиющих фактов и в связи этим – вопросов к руководству области и страны. Я точно знала, что так жить больше нельзя. Надо было что-то делать. И я в конце своего выступления предложила собравшимся принять резолюцию о вотуме недоверия правительству Украины в связи со сложившейся ситуацией после взрыва в Чернобыле; потребовать отставки бюро обкома партии; поставить вопрос о привлечении к уголовной ответственности бывших руководителей республики и области за утаивание информации от населения, его дезинформацию; осудить порочную концепцию «35 бэр за 70 лет»; поставить вопрос о немедленном закрытии ЧАЭС; дать наказ новым депутатам Верховного Совета УССР – принять законы о ядерной безопасности, о статусе территорий, подвергшихся радиационному воздействию, о статусе жертв катастрофы. (Последний наказ избирателей вновь избранный Верховный Совет УССР частично выполнил: на пятом году аварии в Украине были, наконец, приняты необходимые законы, защищающие жертвы Чернобыля.)

Тогда участники митинга поддержали этот проект резолюции, дополненный предложениями других выступающих. Правда, ведущий сход председатель комиссии по чрезвычайным ситуациям Г. А. Готовиц попытался протащить половинчатую резолюцию, подготовленную его чинушами в тиши кабинетов. Люди с негодованием отвергли ее! Но Готовиц, вопреки настоятельным требованиям участников митинга, не поставил на голосование мою резолюцию. Вместо него это решительно сделал рабочий завода металлоконструкций, член Совета Гражданского фронта содействия перестройке Олег Хамайдюк. Он вышел к микрофону в центре стадиона, взял в руки текст резолюции и, не спрашивая ни у кого разрешения, четко и внятно прочитал ее еще раз и поставил на голосование. В воздух взметнулись тысячи рук.

Так на глазах у изумленной и напуганной власти воля народа была исполнена, резолюция – принята. (Молодой боец перестройки замечательный парень Олег Хамайдюк погиб через некоторое время при весьма загадочных обстоятельствах. В цеху, где работал Олег, пропал свет. Кто-то сказал ему, что надо подняться наверх, на чердак, мол, там что-то случилось с проводами. Олег поднялся, но в темноте попал в какую-то трубу, пролетал через нее и разбился на полу первого этажа. Я не верю, что это была простая случайность. Как рассказывают его коллеги, эта труба обычно всегда раньше была надежно закрыта – именно потому, чтобы никто случайно в нее не попал. Мы, его друзья, считаем, что это была месть аппарата за смелость и бесстрашие, которые проявлял Олег в борьбе с тоталитарной системой.)

Возникал вопрос: почему представители местной власти в таком больном вопросе, как политическая оценка Чернобыля, на масштабном митинге попытались публично игнорировать мнение тысяч людей? Впрочем, вопрос риторический. После житомирского митинга поток писем захлестнул все бюрократические структуры.

Подобная позиция властей Белоруссии привела к тому, что в Наровле и Минске обманутые люди для защиты своего права на жизнь в экологически чистых условиях вынуждены были пойти на крайнюю меру – создать забастовочные комитеты. Политические свободы граждан превращались в повседневные инструменты борьбы за их право на нормальную жизнь.

Политическая забастовка, в которой переплелось все – и жажда свободы, и страсти по Чернобылю – всколыхнула также и город Житомир. История ее созревания – яркий пример того, как люди постепенно прозревали, поднимались с колен и становились народом, нацией. Вот она, эта история.

Многие годы едва заходил разговор о жертвах Чернобыля, о переселенцах и ликвидаторах, в разного уровня кабинетах возникало два железных контраргумента: «здоровью детей ничего не угрожает» и «нет денег». Оставим засекречивание сведений о здоровье людей на совести тех, кто посмел это делать. Бог им

воздаст. (А может, еще найдет в себе совесть и силы хотя бы одно из правительств трех пострадавших от аварии республик, откроет уголовное дело и доведет его до логического и справедливого конца? Или группа энтузиастов закончит это разбирательство в Европейском суде? «Нюрнбергский» чернобыльский процесс еще впереди.)

А пока поговорим о другом: неужели на самом деле не было экстренного выхода, хотя бы временного, до полного решения проблем больных детей, а также для опаленных атомом ликвидаторов? Конечно, был. Только власти должны были проявить ответственность, заинтересованность и гражданскую позицию. Но такое – уже не про них. Ведь для этого надо было ущемить свои собственные интересы и благополучие ради «чужих» детей и «чужих» жизней.

Одним из пунктов моей предвыборной программы была передача привилегированных партийных поликлиники и больницы чернобыльским детям. Несколько лет в Житомире мы бились над этим. С таким предложением я и обратилась к первому секретарю Житомирского обкома КПУ Василию Кавуну. В своем ответе он раздраженно информировал, что создана парламентская комиссия по льготам и привилегиям и что вопрос с Лечебно-санаторным управлением будет решать она. Как будто член ЦК КПСС, первый секретарь обкома не мог в интересах пострадавших взять ответственность на себя, а не ждать, что ему укажут из Кремля. Это могло бы стать хотя и запоздалым, но искуплением его вины перед жертвами Чернобыля и их детьми. Увы...

Когда случилась беда в Чернобыле, многие рядовые жито-миряне вынуждены были отложить свои новоселья: десятки новых квартир горисполком отдал пострадавшим из 30-километровой зоны. Чернобыльский квартирный долг и спустя многие годы не всем предприятиям был возвращен. И в то же время весной 1986 года в Житомире был сдан партийный спецдом улучшенной планировки, построенный по просьбе обкома партии с разрешения председателя Совета министров УССР А. Ляшко. Думаете, хоть одной квартирой поступился аппарат? Вот рабочие льнокомбината, которые ждали жилье по 10–15 лет, отдали пострадавшим свои квадратные метры. А та партноменклатура, которая и прежде жила в бесплатных благоустроенных квартирах, получила, в нарушение всех законов, еще более комфортные.

Я написала об этом безобразии фельетон «Войдите, „страждущие“!» для своей газеты «Радянська Житомирщина». Но его не напечатали. Да и не мог он выйти: слишком высоких партийно-номенклатурных «шишек» задевала я в нем: секретарей обкома партии, зятя председателя облисполкома.

И что делать? Написала статью об этой позорной истории, приложила копии документов, подтверждающих каждый факт, и отправила простой почтой в Москву, в газету «Правда» на имя известного журналиста Виктора Кожемяко. Мне нравились его статьи, искренняя позиция в отношении гласности. Тогда эта главная газета коммунистов страны буквально на глазах превращалась из нудного толстокожего однопартийного листка в живую дискуссионную трибуну. Статья «Фельетон... в корзине» была довольно быстро опубликована. После моей «Исповеди провинциального журналиста» в «Известиях» она стала второй разорвавшейся бомбой и для руководства газеты, и для партийных бонз не только области, но и республики. Сегодня молодому читателю, наверное, трудно представить, какой шум поднялся в их кабинетах. Они ведь к этому не привыкли. Шипели: мол, «ославила область»! Ведь в то время можно было только славить. Зато простой народ ликовал – люди звонили мне, приходили, писали письма поддержки со всей страны.

Каста неприкасаемых срочно собралась на бюро Житомирского обкома партии и фактически по мне, непартийному журналисту, приняла постановление, напечатав его в «Радянській Житомирщині». В нем на голубом глазу утверждалось, что все это неправда, что я «ввела в заблуждение» бедную общественность. Но общественность уже была другой, и она не поверила ни бюро, ни газете. И правильно сделала. Мы с моим коллегой из областного агентства «Новини Житомирщини» Яковом Зайко, который единственный из

всех журналистов города не побоялся открыто поддержать меня, на обыкновенных пишущих машинках распечатали копии документов, правдами и неправдами добытых мною для подготовки этого материала. И раздали их на все заводы и во все институты города. Активисты вывешивали их на видных местах. Народ с упоением читал.

Процесс пошел. На митингах и собраниях трудовых коллективов житомиряне требовали немедленной передачи роскошных апартаментов жертвам Чернобыля из Народничского района. Заместитель председателя горисполкома В. Никулин, спасая обком партии, ничего глупее, кажется, не мог придумать, чем сообщить на пленуме горкома партии, что «Решение облпрокуратуры пересмотрел облсовпроф (!) и пришел к выводу, что только четыре ордера выданы незаконно». С каких это пор «карманные» профсоюзы отменяли заключения прокуратуры? Когда я попросила у него копию прокурорской справки по проверке законности получения этих квартир, то получила замечательный ответ: «Запрашиваемая Вами справка поступила из обкома компартии Украины под грифом „секретно“. Поэтому предоставить Вам копию справки не представляется возможным». А представляется ли возможным что-либо подобное в цивилизованном мире: член высшего законодательного органа страны не может получить от местного клерка копию справки о выполнении жилищного законодательства по какому-то там дому! Это тоже – к вопросу о радиации. Амбиции партийной номенклатуры оказались сильнее нее. Дело с торжеством справедливости затягивалось.

Несмотря на вмешательство по моей просьбе Прокуратуры СССР, местные партийные божки, незаконно получившие двадцать восемь квартир из сорока четырех, так и не были выселены, хотя и состоялось с десяток судов, где слушались эти дела. Их решения, копии которых я получила, были написаны как под копирку. Суть такова: да, квартиры получены незаконно, но выселить нельзя – прошел трехгодичный срок, когда согласно закону это можно было сделать. Практически, прокурор области А. Дзюба, кандидат в члены бюро обкома компартии Украины, сделал все, чтобы партийная номенклатура осталась в своих княжеских палатах. Ведь в то время, когда я в первый раз обратилась к нему с этим вопросом, в запасе у правосудия был еще как минимум год. И вот оно, это продажное правосудие, дотянуло дело до того времени, когда закон оказался бессилем. А выселиться самим – у местных партийных князьков просто совести не хватило. И квартиры, в которых так нуждались жертвы Чернобыля, остались у высокопоставленных стяжателей.

А теперь вернемся к тезису «нет денег». Поговорим о деньгах для чернобыльцев. О народных деньгах, которых не хватало (и никогда не хватает), и поэтому в Житомирском облисполкоме боялись даже заикнуться о переселении жителей из всех 160 радиоактивных сел. Но вот член Комиссии Верховного Совета СССР по льготам и привилегиям Юрий Цавро в еженедельнике «Аргументы и факты», № 36 за 1989 год, сообщал: в Ялте санаторий 4-го Управления Министерства здравоохранения УССР (это закрытое управление отвечало за отдых партийной номенклатуры) «Черноморский» занимает площадь 12,6 гектара. Рассчитан всего на 64 человека отдыхающих. При этом их обслуживают... 167 человек (!). Себестоимость путевки на 24 дня – более тысячи рублей. На территории начали новое строительство, захватив 0,78 гектара заповедного Никитского ботанического сада. Сделано это в обход постановления Совета министров СССР. Не слабо, да? И деньги сразу для этого нашлись.

Ну а для падающих от слабости детей из сел жесткого контроля радиации, с пораженной щитовидкой, с лейкемией и другими прелестями постчернобыльской жизни, для инвалидов-ликвидаторов у властей катастрофически не хватало ни денег, ни лекарств, ни жилья в «чистых» местах.

Осенью 1989 года, когда я уезжала по депутатским делам в Москву, забастовочный комитет ряда предприятий Житомира поставил меня в известность о том, что объявил местным властям свои требования в поддержку моей программы. Среди них – о немедленной передаче спецбольницы, спецполиклиники и

двадцати восьми незаконно занятых в спецдоме квартир в распоряжение больных народичских детей и молодых семей из пораженных зон области. Для властей, которые привыкли, что народ живет ради них и для них, такой поворот стал настоящим шоком.

25 сентября 1989 года в городе прошла предупредительная двухчасовая забастовка без остановки работы предприятий – часть рабочих, которые закончили свою смену, прямо в цехах и во дворах заводов провели митинги солидарности с жителями из радиоактивных зон, требуя отдать привилегированные медицинские учреждения и незаконно захваченные партноменклатурой квартиры жертвам Чернобыля.

Вот уж воистину, «до последней капли привилегий» готов был сражаться партийный аппарат! Даже с больными детьми!

Забегая вперед, скажу: мы все-таки его победили. Под давлением нарастающей волны протеста, после того, как нам, депутатам, в Кремле простым голосованием удалось вычеркнуть из Конституции СССР пресловутую 6-ю статью, провозглашающую, что коммунистическая партия является руководящей силой общества, пал и местный партийный бастион. Путч реванша, когда Горбачев был заперт его «соратниками» в Крыму в Форосе, к счастью, успешно провалился. Тогда-то и были наконец выполнены и мои депутатские, и забастовочные требования – главную партийную спецлечебницу области передали чернобыльским детям, обком партии заняли судьи, здания двух райкомов тоже используются для городских нужд.

Из заключения Государственной экспертной комиссии по рассмотрению программ ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС: «Одним из следствий социально-психологической напряженности среди населения, проживающего на загрязненных территориях, является возникновение социально-политического движения, одним из средств которого является забастовочная борьба. Судя по динамике движения, в ближайшем будущем оно может принять весьма радикальные формы...»

Выводы комиссии стопроцентно сбылись. Протестная волна захватила не только радиационные территории, но и распространялась по стране, как цунами, туда, где власти собирались строить новые атомные электростанции.

Летом 1989 года, когда в печати наконец была прорвана блокада чернобыльских тем, акция протеста прошла в Татарии. Два дня возле городка Камские Поляны стоял палаточный городок ее участников, которые выступали против строительства Татарской АЭС.

В этом же году волна митингов прокатилась и в украинских Черкассах. Народ протестовал против строительства там Чигиринской АЭС.

И это было только начало.

В конце концов результатом всех этих чернобыльских митингов, протестов и волнений стало создание весной 1990 года по решению правительства региональных межведомственных экспертных советов в Минске, Харькове, Челябинске, Донецке, Днепропетровске, Ворошиловграде, Москве, Ленинграде, Киеве. Это очень важно для ликвидаторов, которым теперь не надо было со всех концов страны ехать для освидетельствования непременно в единственный экспертный совет в Киев.

Под давлением народного возмущения спустя четыре года после катастрофы (!) правительство совместно с профсоюзами приняло постановление «О мерах по улучшению медицинского обслуживания и социального обеспечения лиц, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Власти начали сдавать позиции, хотя и неохотно, но признавая, таким образом, серьезность чернобыльской проблемы.

Несколько улучшилось положение жертв Чернобыля и ликвидаторов после принятия специальных чернобыльских законов в пораженных республиках. Но жертвы Чернобыля так по-настоящему и не сумели

ими воспользоваться. Если в первые годы после принятия чернобыльских законов этот караван со скрипом двигался, то после распада Советского Союза и вовсе остановился. В независимых государствах, образовавшихся на его руинах, другие проблемы задвинули чернобыльцев с их болезнями на последний план. Да, на бумаге все было отлично: социальные льготы и гарантии, получение экстренной бесплатной медицинской помощи, реабилитация в санаториях, улучшение жилищных условий, предоставление квартиры в течение трех месяцев, а также повышенные размеры доплат к пенсиям. Но на практике...

В России правительство несколько раз вносило в чернобыльский закон поправки, ухудшающие положение и пострадавшего населения, и ликвидаторов.

Практически полное бездействие российских чиновников – невыполнение жизненно важного для нескольких миллионов людей закона – уже привело и еще приведет к страшным социальным последствиям. Это – больные люди в чернобыльских зонах, прозябающие в нищете, поставленные на грань выживания ликвидаторы, разбросанные по всей огромной стране. Статистика чернобыльских смертей, похоже, снова становится зоной секретности. Сегодня ликвидаторы рассказывают страшные вещи: говорят, что существует негласное указание российского Минздрава не связывать их заболевания с радиационным облучением, отказывать в установлении «чернобыльской» инвалидности. Медики до сих пор – спустя двадцать пять лет после аварии! – зачастую скрывают от ликвидаторов их диагноз. Случается так, что только после смерти вскрытие показывает, что она наступила в результате многолетней онкологии. «Нам приходится, – рассказывали мне чернобыльцы, – пускаться на хитрости, чтобы доказать свои болезни: на приеме у врачей мы просто не говорим, что мы ликвидаторы. Потому что слова „чернобыльский ликвидатор“ для докторов специализированных поликлиник, куда мы приписаны, как красное для быка».

Из года в год власть урезает и без того мизерные выплаты инвалидам Чернобыля. Предполагалось, что они будут индексироваться по уровню роста потребительских цен. Но и из этого ничего хорошего не вышло. За восемь последних лет в России эта самая индексация была проведена единожды – на 19 процентов. За эти же годы потребительские цены в стране по официальным данным выросли на 800 процентов, а на квартирную оплату почти на 1400.

На просторах СНГ сотни тысяч чернобыльцев, загнанные властями в нищету и безыходность, снова учатся бороться за свое законное право – право на жизнь. Они стали в массовом порядке обращаться в суды.

В 1995 году в России в чернобыльский закон были внесены «драконовские» поправки, которые еще более усложнили жизнь жертвам радиации. Многие чернобыльцы, пройдя все круги правового ада в России, в 1997 году обратились в Конституционный суд, который (о, чудо!) встал на сторону пострадавших. В его постановлении от 1 декабря 1997 года утверждается незыблемость конституционных прав пострадавших граждан на возмещение вреда, причиненного им в результате государственной деятельности в области использования ядерной энергии, а также конституционные обязанности государства возмещать такой вред в полном объеме. Согласно Конституции РФ и Закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации», государство гарантирует недопустимость издания в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина, и недопустимость при установлении нового правового регулирования преодоления правовых позиций Конституционного суда РФ. Принимая базовый Закон, государство признало ответственность перед жертвами и ликвидаторами за последствия чернобыльской катастрофы. Признанный государством объем возмещения вреда должен безусловно соблюдаться.

Но и Конституционный суд России не смог заставить государственный аппарат выполнять законы. В отчаянии чернобыльцы обратились в Европейский суд по правам человека. Он также встал на сторону тех,

чьи права были попорчены, обязал Россию выплатить им копившиеся годами долги. Но чиновники отнюдь не спешат взять под козырек и Европейскому суду, хотя Россия обязана это сделать.

Поняв, что судами сыт не будешь, чернобыльцы решили применить свой последний аргумент в борьбе с властью: митинги протеста и смертельные голодовки. У жертв и инвалидов Чернобыля осталась одна альтернатива – борьба до последнего. Последнее – это смерть.

Я продолжу печальную хронику этой в буквальном смысле смертельной борьбы за жизнь в последние десять и спустя почти двадцать лет после аварии. Все в мире течет, но у нас ничего не меняется.

В 1997 году ликвидаторы из города Иваново, что в двухстах километрах от Москвы, потеряв веру в государство, решились на проведение акции протеста. Об этом в своем письме сообщил мне редактор «Ивановской газеты», член регионального совета НПО «Союз Чернобыль» В. Г. Соколов. Правительственные долги ивановским чернобыльцам составили около пяти миллионов рублей (750 тысяч долларов за год по курсу Центробанка на тот момент). Аптеки перестали выдавать им бесплатные лекарства, региональные власти не выделяли больше бесплатные путевки на лечение в санатории. Более того, департамент по социальным компенсациям отказался выплатить деньги за время болезней работающих ликвидаторов.

20 января 1997 года в Туле состоялся митинг, организованный областным объединением «Союз Чернобыль». А в местном Доме культуры несколько недель голодали пятьдесят пять ликвидаторов. Они требовали выплаты годичной задолженности по пенсиям. Девять участников этой голодовки были госпитализированы из-за угрозы смерти.

Не лучше складывается ситуация с льготами для жертв и ликвидаторов последствий Чернобыля и в Украине. Несколько лет назад моя сестра Наталья Ковальчук, житомирский адвокат, выступила в защиту двадцати пяти таких гонимых. И все дела выиграла. Но случается, что суды просто отказываются рассматривать их иски к государству. По свидетельствам ликвидаторов, многие их товарищи по несчастью умерли, так и не дождавшись законной индексации выплат, чтобы потратить их на свое лечение, поддержание здоровья, потерянного в борьбе с чернобыльским монстром и государством. Но также далеко не все из тех, кто добился позитивных судебных решений, получил от государства деньги.

25 апреля 1999 года «Союз Чернобыль Украины» провел в Киеве всеукраинский митинг. Начался он с шествия по главным улицам столицы, которое проходило под звуки траурного марша. В нем участвовали почти 6000 человек со всей страны. Зрелище было душераздирающее: инвалиды-ликвидаторы на протезах и в колясках, вдовы с портретами мужей в траурных рамках, с Библиями, больные женщины и дети. Требования участников акции – вернуть льготы, долги по социальным выплатам (в 1998 году более 650 миллионов гривен, в 1999 – добавилось еще 120 миллионов). Протестующие требовали наладить бесплатное профилактическое медицинское и санаторное обслуживание, немедленно внести изменения в закон «О формировании фонда по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы», воссоздать ликвидированный парламентский комитет по Чернобылю. В своей резолюции «Союз Чернобыль» оставлял за собой право прибегнуть к более жестким формам протеста.

Продолжалось кипение протестных страстей и в России.

В конце 1999 года в Ростове-на-Дону несколько сотен ликвидаторов сожгли чучела некоторых членов правительства. Голодовку объявили более ста человек. Один из них, инвалид 2-й группы, пятидесятилетний ликвидатор Петр Любченко из города Шахты Ростовской области, объявивший бессрочную голодовку, 19 октября 2000 года умер. Как сообщили его товарищи по протестному голоданию, он вышел из палатки, где голодал, сделал несколько шагов и упал. «Скорая» не смогла уже ничем ему помочь – Петр Любченко ушел из жизни в борьбе с правительством за свои законные права. Как

высказался председатель Ростовского областного совета «Союза Чернобыль» Александр Филиппенко, правительство России делает все, чтобы быстрее загнать ликвидаторов в гроб.

Полтора года назад на основании письма Министерства труда и социального развития России чернобыльцам Дона были уменьшены выплаты по возмещению ущерба здоровью. Десятки судов, выигранных ими, признали рекомендательный характер этого «документа» и постановили вернуть им деньги. Но решение оказалось только на бумаге.

К голодовке восьмидесяти шахтинцев присоединились инвалиды-чернобыльцы Ростова и других городов. Эта область занимает второе место в России по количеству инвалидов-ликвидаторов. Две тысячи, так и не дождавшись от правительства выполнения своих обещаний, умерли.

В начале 2004 года борьба чернобыльцев за свои права приняла новый оборот. Правительство и парламент пообещали провести так называемую монетизацию льгот. Это означало, что все, кто имел льготы – бесплатный проезд на транспорте, лекарства, санаторно-курортные путевки – вместо них будут получать денежные компенсации. Под эту гребенку стригли и чернобыльцев.

4 марта 2004 года головку объявили ликвидаторы Старого Оскола (Белгородская область). Причины все те же – несвоевременная индексация выплат возмещения вреда здоровью, недоплаты на санаторно-курортное лечение, задержки с выделением жилья инвалидам.

17 марта 2004 года в голодовку вступили чернобыльцы, проживающие в Тульской, Курганской областях и в городе Михайловске Ставропольского края. Они выступили против законопроекта о монетизации льгот, ущемляющего их права.

26–29 июля 2004 года была проведена мощная Всероссийская акция протеста «Союза Чернобыль» против монетизации льгот. В ней участвовали десятки тысяч еще оставшихся в живых ликвидаторов-чернобыльцев по всей стране. Со всех городов России они пошли на Москву. Их колонны встретились возле здания парламента, где они собирались провести массовый митинг, чтобы привлечь внимание правительства к своим проблемам – невыплате пособий за многие годы, непроведение индексаций, непредоставление бесплатного жилья, отказы в бесплатном лечении и лекарствах.

Однако всероссийский протест с пешими переходами и переездами на инвалидных колясках (на это невозможно было спокойно смотреть!) в столицу никак не повлиял ни на депутатов, ни на правительство.

27 июля 2004 года в Краснодарском крае в станице Медведковская на 58-м году жизни скончался объявивший голодовку инвалид-чернобылец Петр Буденный, который требовал от властей выполнения закона – предоставления ему нормального жилья. Петр Буденный начал голодовку в начале июля в своем глинобитном доме, где он жил с женой. «По истечении недели ему стало плохо, и он попал в реанимацию. Отлежавшись в больнице, он возобновил голодовку, но спустя несколько дней снова попал в реанимацию и спасти его уже не удалось», – сообщал президент всероссийского «Союза Чернобыль» Вячеслав Гришин.

Но даже и эта страшная человеческая трагедия на юге России не тронула власть.

Осенью 2004 года двадцать шесть дней продолжалась голодовка почти десяти инвалидов-ликвидаторов из Брянска. Семь человек по медицинским показателям были госпитализированы в больницы.

4 декабря 2004 года в городе Алексине Тульской области в предупредительной голодовке приняли участие пятьдесят шесть ликвидаторов. Они требовали от пленума Верховного Суда РФ ускорить рассмотрение их иска. Суть его заключалась в том, что размер компенсаций привязан к минимальному размеру оплаты труда. За последние годы его повышали дважды, но чернобыльские выплаты остались прежними. За это время, как утверждал местный «Союз Чернобыль», правительство задолжало участникам

ликвидации аварии, по разным оценкам, от 5 до 6 миллиардов рублей. Суд затянул рассмотрение их иска на два года. И вот – терпение лопнуло.

Наконец-то после массовых волнений по всей стране (причем почти в полном информационном вакууме!), после того, как умерло несколько голодающих, правительство «заметило» движение чернобыльцев за свои права. И выделило их из всей массы льготников в стране – выпустило для них отдельное постановление. Но легче от этого не стало. Именно постановление правительства от 27 декабря 2004 года «Об индексации в 2004 году размеров компенсаций и иных выплат гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» вызвало новую бурю возмущений в чернобыльском сообществе. По сути, в нем почти все оставалось по-прежнему.

В начале декабря 2004 года инвалиды-чернобыльцы Санкт-Петербурга, объявившие голодовку, потребовали срочного созыва пленума Верховного суда России, куда они обратились с жалобой на незаконность этого постановления правительства. К акции протеста питерцев против монетизации льгот присоединились инвалиды из Смоленска, Пятигорска и других регионов.

Цинизм всей ситуации с чернобыльскими льготами заключался еще и в том, что в разгар всех этих голодовок и протестов 3 декабря 2004 года правительство издало распоряжение № 1562-р, в п. 2 которого записано (цитирую по тексту, опубликованному в правительственной «Российской газете» от 9 декабря 2004 года): «Направить средства в размере 300 миллионов рублей за счет экономии средств Федерального бюджета, образовавшейся в связи с реализацией Закона Российской Федерации „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС“, на возмещение расходов по реализации субъектами Российской Федерации в 2004 году Закона Российской Федерации „О реабилитации жертв политических репрессий“». Как вообще это назвать? Подлость? (Натравить одних льготников на других?) Провокация? Ведь только по 22 тысячам исков инвалидов-чернобыльцев на конец 2004 года не выплатили почти полтора миллиарда рублей!

БЭР – биологический эквивалент рентгена – физический термин. Я бы расширила смысл этой аббревиатуры. Это и биологический эквивалент равнодушия. И если «физический» бэр имеет ПДУ – предельно допустимый уровень, то бэр «социальный», по-моему, обладает БДУ – беспредельно допустимыми уровнями равнодушия.

В знак солидарности с российскими чернобыльцами на Украине уже после «оранжевой революции» 2 февраля 2005 года начались пикетирования Верховной рады. Организаторы пикета – Всеукраинская чернобыльская народная партия. (Даже партию организовали – так легче бороться с чиновничьим произволом.) Пикетчики предложили депутатам и аппарату лозунги: «Чернобыльцам – гарантированное лечение», «Чернобыльским детям – надежную социальную защиту», «Чернобыль забрал здоровье, а государство отнимает жизнь». Акция была приурочена к рассмотрению Верховной Радой вопросов их социальной защиты.

А 7 февраля 2005 года в Киеве прошла пресс-конференция чернобыльцев. Досталось и новому «оранжевому» правительству. Лидер чернобыльской партии сказал, что туда «попали не совсем те люди. Например, Анатолий Кинах, еще в 2002 году подписавший преступное постановление № 1, которым ограничил прожиточный минимум для чернобыльцев до 19 гривен 91 коп.».

Сегодня, четверть века спустя после той страшной весенней ночи, уже совершенно ясно – правительства России, Украины и Беларуси давно не замечают героев и жертв глобальной катастрофы XX века. Этим людям самим все чаще приходится обращать на себя внимание государства, объявляя голодовки и забастовки. Напоминать властям, что они еще не все вымерли – особенно ликвидаторы, – что им нужна финансовая помощь государства, его защита. Ведь когда государство попросило их закрыть собой ядерную «амбразуру», они не ставили ему никаких условий, а не задумываясь поехали в самый ад.

Вот что в засекреченной докладной записке главному руководящему органу партии, приложенной к совершенно секретному постановлению Политбюро ЦК КПСС от 22 мая 1986 года, доносил ее верный журналист из газеты «Правда» Владимир Губарев: «2. На работах в опасных зонах (в том числе в 800 метрах от реактора) находились солдаты без индивидуальных средств защиты, в частности, при разгрузке свинца. В беседе выяснилось, что такой одежды у них нет. В подобном положении оказались и вертолетчики». А другая группа солдат-срочников сбрасывала с крыши реактора радиоактивный графит – голыми руками!..

А если бы эти люди отказались безоглядно умирять разбушевавшийся атомный реактор и еще три других чернобыльских реактора на этой станции взорвались?

Сегодня это уже никому, кроме их самих и их семей, похоже, не интересно.

А мир обязан им тем, что он еще есть.

Глава 20 СИНДРОМ ПРОНИКАЮЩЕЙ ЛЖИ

Чернобыльская ядерная катастрофа стала специальным тестом на порядочность не только для политиков, находящихся у власти, но и для ученых и медиков. Синдром проникающей радиации – этот научный термин для властной политической и научной элиты страны превратился в синдром проникающей официальной лжи. Это был тест на наличие совести, предложенный им самой Историей посредством лакмусовой бумажки чернобыльской катастрофы. Они его, увы, не выдержали.

Четверть века – вполне достаточное время, чтобы приступить к собиранию камней в нашем «чернобыльском саду», вернее, аду. Неумолимо наступает время считать цыплят по атомной осени апрельского взрыва в 1986-м.

В этой главе я попробую провести своеобразный мониторинг, обзор официальных данных об изменениях в здоровье девяти миллионов (по данным ООН) жертв Чернобыля в течение двух с половиной десятилетий после взрыва. Они до сих пор ингалируют в свои легкие малые дозы чернобыльской радиации. Я хочу проследить и показать трансформацию данных о здоровье людей от официальной кремлевской лжи и далее – к сегодняшним результатам исследований национальных институтов независимых государств уже после падения СССР и монополии Кремля на правду о Чернобыле.

А чтобы это получилось как можно более наглядно, своеобразным фоном (сейчас модно говорить бэкграундом) для этого мониторинга, отправной, так сказать, точкой я возьму первый публичный доклад академика Л. А. Ильина, который вполне справедливо для общественности (что видно из предыдущих глав книги) ассоциируется с властью и ее подходами к Чернобылю.

Первый открытый доклад «Экологические особенности и медико-биологические последствия аварии на Чернобыльской атомной электростанции» (у меня в архиве хранится копия этих почти семидесяти страниц машинописного текста) был сделан академиком Л. А. Ильиным на сессии общего собрания Академии медицинских наук СССР в Москве, которая состоялась 21–23 марта 1989 года. Заметьте, через три года после аварии! Нет сомнения в том, что все эти три горячих послечернобыльских года академик тоже делал доклады – но не для нас с вами, а для кремлевских патрициев – совершенно секретно. А что такого, возникает вопрос, случилось через три года, что заставило академика и его хозяев «открыть личико»? Да вот случилось: открытый доклад был приурочен к I съезду народных депутатов СССР. И это была не столько научная акция, сколько превентивный политический удар – властям было ясно, что вопрос о Чернобыле немедленно возникнет на съезде, и они решили таким образом хоть как-то обезопасить себя от критики.

Несмотря на то что доклад делал Л. А. Ильин, под ним стоит двадцать три подписи официальных представителей медицины из России, Украины, Белорусии – этаким коллективный Ильин. У нас всегда была коллективная ответственность, и никогда – персональной.

Замечу также, что доклад академика стал новостью не только для общественности (хотя никто о нем, по-моему, так и не написал – вряд ли туда была допущена пресса), но и для непосвященных ученых, которые много чего услышали впервые.

Итак, в докладе отмечается, что «дозовые нагрузки на щитовидную железу в результате инкорпорации радиойода в основном сформировались за относительно короткий промежуток времени – 2,5–3 месяца после аварии. <...> сразу после аварии МЗ СССР был введен в действие, разработанный ранее, аварийный норматив предельно допустимой концентрации I-131 в молоке (3 700 Бк/л), соответствовавший дозовой нагрузке на щитовидную железу детей, равной 0,3 Зв (30 бэр). По предварительным оценкам, за

счет проведения комплекса рекомендованных Минздравом СССР мероприятий по радиационной защите населения в ближайший период после аварии и нацеленного прежде всего на предотвращение или уменьшение поступления радиойода в организм...удалось снизить возможные дозовые нагрузки в среднем на 50 процентов, а в ряде случаев до 80 процентов». (Это напомнило мне другие образчики точности от официальной медицины: «проведение комплекса защитных мер в 2–2,2 раза снизило суммарные дозы облучения населения по сравнению с прогнозируемыми». Что же и с чем сравнивалось и прогнозировалось? Об этом не говорят.)

Теперь – об уверениях о «предотвращении или уменьшении поступления радиойода в организм». По сообщениям и с мест, и экспертов парламента, на самом деле йодная профилактика или не проводилась вообще, или проводилась тогда, когда она уже была бесполезна. Об этом говорилось и в ответе Генеральной прокуратуры СССР народным депутатам, и в заключении Прокуратуры Украины.

В опубликованном в 2004 году исследовании группы белорусских ученых во главе с А. Е. Океановым сообщается, что буквально вся Белоруссия была засыпана радиоактивным йодом. (Только северная часть республики осталась относительно «чистой».) Прочая территория была загрязнена им от 5 до 50 и даже 300 кюри на квадратный километр. Так вот именно здесь йодная профилактика началась через десять дней после взрыва реактора. И это уже было абсолютно бесполезное мероприятие. Щитовидная железа у пострадавших (и особенно у детей) к тому времени уже была забита опасным радиоактивным йодом из четвертого чернобыльского реактора. По такому же сценарию «проводили» йодную профилактику и в других радиоактивных местах. В большинстве своем это был полный блеф или непрофессионализм. Академики не знали об этом?

Один из подписантов секретных документов, начиная еще с аварий на Урале, А. П. Поваляев в 2002 году на семинаре для молодых ученых в Институте проблем развития атомной энергетики РАН, запамятавав, очевидно, о своем участии в этой круговой поруке, гневно клеймил своих коллег: «Я, честно говоря, считаю, что поражение щитовидной железы у детей, которое сейчас фиксируется в зоне, – это вина медиков, не сумевших вовремя провести йодную профилактику. Врачи были абсолютно радиологически неграмотны и при этом максимально испуганы».

Авторы доклада, оглашенного Ильиным, уверяют также, что «установлены (рассчитаны с помощью ЭВМ) конкретные значения поглощенных доз облучения жителей по каждому населенному пункту районов постоянного контроля за различные сроки после аварии...»

Ну что ж, и тогда уже было ясно, а сегодня мы уже точно знаем, что это самая гнусная ложь. Уже известно из прокурорских расследований и заключений, приведенных в предыдущих главах, что они даже не справились (разве что на бумаге) с обычной йодной профилактикой, не говоря уже о фиксации конкретных доз после радиационного удара и дальнейшего облучения жителей населенных пунктов, попавших под чернобыльскую аварию. (Об этом, кстати, говорится и в секретных протоколах оперативной группы Политбюро.)

Авторы уточняют: несмотря на то что общепринятая концепция беспорогового влияния радиации на человека, «завышает реально возможные риски отдаленных последствий», они использовали именно этот подход (ну как, однако, мило!), сурово подчеркивая, правда, «необходимость взвешенной трактовки представленных расчетных данных с учетом упомянутых экстраполяционных и других ограничений».

Какие же ограничения имеют авторы в виду? В своем докладе они утверждают, что «одно из главных возражений (против беспороговой концепции. – А.Я.) заключается в том, что численные значения рисков облучения (вероятность эффекта на единицу дозы облучения), которые рекомендуются и для оценки последствий действия малых доз и низких мощностей доз, получены в натурных исследованиях только при воздействии высоких доз и мощностей доз облучения».

Эта наглая ложь была развенчана через год на парламентских слушаниях о ядерных авариях на производственном объединении «Маяк», случавшихся там регулярно, начиная с 1949 года. Вся информация о них и о влиянии радиации на здоровье людей также была надежно засекречена. Десять тысяч людей переселили втайне от страны и мира, остальные по берегам Течи до сих пор облучаются этими самыми малыми дозами. Кроме того, сравнительно недавно мы узнали о том, что и на Ленинградской станции была крупная авария с реактором такого же типа. Задолго до Чернобыля. Вранье это и было рассчитано на то, что никто ничего никогда не узнает.

Следующее заявление – «стохастические эффекты соматического и генетического характера в указанной области доз облучения не регистрировались» – приводит в шок не только специалистов, но и просто образованных людей, которые интересуются радиобиологией. Ко времени этого доклада в мире уже были опубликованы результаты исследований о влиянии малых доз радиации на здоровье человека таких известных ученых как Джон Гофман, Розалия Бертелл (она как раз изучала их влияние в «натуральных исследованиях» вокруг АЭС на «Три Майл Айленд» в США, из-за чего и вынуждена была покинуть страну), Ральф Грейб, Петко и многие другие. (Подробно об этом я писала в главе «Инакомыслящие ученые».) Уж придворным-то ученым могли перевести их судьбоносные труды! Как-то совсем не хочется верить, что люди, которые вершили (некоторые и сегодня продолжают вершить) судьбы миллионов жертв Чернобыля, могли быть такими темными.

Ну а уж если и в самом деле не знакомы с трудами продвинутых, как сейчас говорят, ученых, своих коллег, то наверняка были в курсе, что Комитет по действию ионизирующей радиации при ООН, «узаконил» именно беспороговую (а не пороговую) концепцию влияния малых доз радиации на здоровье человека. И руководствовался он уж точно научными, а не идеологическими, политическими или эмоциональными оценками. Не поэтому ли нехотя, с ограничениями и разъяснениями, но авторы вынуждены считаться с этим международным для них «бедствием» – беспороговой концепцией. (Получается, сами себя в докладе «изнасиловали»?)

Скрепя сердце, после трех лет идеологического оптимизма, кремлевские академики вынуждены были дать свои публичные «прогнозы для трех уровней облучения всего населения и отдельно для детей в возрасте 0–7 лет на момент аварии: 1) для 39 районов девяти областей, где уровни облучения оказались сравнительно более высокими (всего проживает – 1,5 млн чел., в том числе 158 тысяч детей); 2) для всего населения этих областей (15,6 млн чел., в том числе – 1,66 млн детей 0–7 лет) и, наконец, 3) для жителей, проживающих в Центральных районах Европейской части СССР (75 млн чел., включая 8 млн детей 0–7 лет)». Эти поражающие воображение цифры – особенно 75 миллионов человек под чернобыльским следом! – открыто прозвучали впервые после катастрофы на ЧАЭС. Да и то в узком медицинском кругу.

Каковы же были эти официальные прогнозы? «...согласно линейной (беспороговой) гипотезе, можно ожидать у детей 0–7 лет за предстоящий 30-летний период после аварии порядка девяноста случаев злокачественных новообразований щитовидной железы, в том числе 10 с летальным исходом. Всего среди населения этих районов (примерно полтора миллиона человек) без учета поправок на корректность указанной гипотезы данный прогноз указывает на возможное число примерно двести дополнительных случаев злокачественных новообразований этого органа за указанный период...Рассмотрение возможных последствий облучения щитовидной железы для всего населения упомянутых областей (39 районов 9 областей, хотя их много больше. – А.Я.) и, прежде всего, Киевской, Гомельской, Брянской и Житомирской областей показывает ожидание выхода за тридцать лет порядка $3,3 \cdot 10^2$ злокачественных опухолей, в том числе примерно $3 \cdot 10^1$ инкурабельных (смертельных. – А.Я.) новообразований».

Прогнозы для населения Центральных районов Европейской части СССР, включающей всю территорию Украины, Белоруссии, Молдавии и ряд центральных областей России – а речь идет о 75

миллионах человек (!), включая 8 миллионов (!) детей до 7 лет – таковы. «Расчетные оценки дают основание предположить следующее теоретически возможное число новообразований щитовидной железы радиационной этиологии за 30-летний период после аварии на ЧАЭС. Инкурабельных злокачественных опухолей у детей – до 20 случаев, и в целом по всему населению до 50 случаев. Излечимых злокачественных опухолей – соответственно до 170 и 400 случаев».

В связи с этими утверждениями интересно еще раз заглянуть в секретную переписку от 1987 года между министрами здравоохранения Украины А. Е. Романенко и союзным – Е. И. Чазовым. (Копии документов хранятся в моем архиве.) Романенко сообщает в Москву: «В районах с повышенной радиацией в Киевской, Житомирской и Черниговской областях проживает 215 тыс. человек, в т. ч. 74,6 тыс. детей. <...> выявлено 39,6 тыс. больных, ранее не состоящих на учете. <...> Всего за год было госпитализировано 20,2 тыс. человек, из них около 6 тыс. детей. У 2,6 тыс. детей (3,4 процента) из них было выявлено содержание радионуклидов йода, превышающее 500 бэр». Сегодня даже школьники в радиационных зонах знают, что 500 бэр – это гарантированный рак. Где эти 2,6 тысячи украинских детей, о которых секретно сообщает министр, сегодня? Кто ответит? Ответа нет. Заметим, что эти страшные тайны были ведомы кремлевским медицинским пропагандистам за два года до их коллективного доклада! С какого потолка они берут свои цифры?

В докладе дается и «прогноз возможных отдаленных последствий общего облучения различных контингентов населения СССР в результате аварии на ЧАЭС», приводятся оценки радиационного облучения населения с учетом 35-бэрной концепции Минздрава СССР. (Они и дальше продолжали гнуть свою линию, несмотря ни на известные только им засекреченные результаты обследования людей, ни на какую ООН с ее гуманной беспороговой концепцией.) Для населения, проживающего в зонах постоянного контроля, особо отмечается, что «расчет отдаленных эффектов проводился, исходя из реально оцененной дозы за первые четыре года после аварии и ее прогностической оценке до 2060 года, при условии, что и в этих районах также сняты ограничения на потребление продуктов питания, производимых в личных хозяйствах».

Здесь возникает два простых вопроса. Во-первых, на момент доклада прошло не четыре, а три года после аварии. Если это и грубая ошибка авторов доклада, то она весьма симптоматична. По Фрейду. А во-вторых, *кто и когда реально* оценил полученные населением в первые два-три месяца дозы? Из предыдущих глав книги хорошо видно, какие титанические усилия прилагали власти, чтобы не только засекретить всю информацию о катастрофе, но и чтобы уничтожить первичные медицинские документы, в которых-то и были записаны *реальные* дозы облучения. Вместо них врачам предписывалось фиксировать заниженные дозы, ставить любой диагноз, но только чтобы он не был связан с радиационным поражением. И вот при таких условиях вроде бы серьезные люди, отягченные академическими званиями, предлагают и своим коллегам, и обществу верить таким «реальным» оценкам доз? (Насколько они «реальны», хорошо видно из официальных секретных документов Академии медицинских наук СССР, из которых следует, что в Житомирской области в зоне постоянного контроля не проводились даже вскрытия умерших после аварии, в том числе и детей.)

Но если авторы доклада уверены в том, что они говорят, то почему к этим «реально оцененным дозам» не имели и не имеют доступа для их анализа не только простые люди, журналисты, интересующиеся этими вопросами, но даже и специалисты, профессионалы? Мне не раз жаловались на это и отечественные, и зарубежные ученые. И спустя два с половиной десятилетия к чернобыльским материалам Института биофизики РАН России, а не официальным выжимкам из них, доступа нет. (Не делайте нам больно, господа!)

Вывод, к которому приходят авторы доклада, прогнозируя будущее населения, проживающего в районах жесткого контроля, не для слабонервных: «Несмотря на повсеместно отмечаемую в данных по СССР тенденцию к росту уровня спонтанной заболеваемости и смертности от злокачественных новообразований, в наших расчетах эти параметры за весь рассматриваемый период (70 лет) приняты неизменными (снова за истину в последней инстанции берется 35 бэр. – А.Я.). Следовательно, значения превышения уровня избыточных опухолей со смертельным исходом над спонтанным могут корректироваться только в сторону их уменьшения» (!). Эта мысль повторяется и в общем заключении: «Приведенные в этой работе данные свидетельствуют о том, что в большинстве случаев прогнозируемые уровни обсуждаемых радиогенных последствий облучения и, прежде всего, среди населения, проживающего в зонах жесткого контроля в результате аварии на Чернобыльской АЭС, вероятнее всего будут находиться в пределах значений, существенно меньших, чем величины стандартной флуктуации спонтанных уровней соответствующей патологии».

Иными словами, население – и прежде всего те, кто проживает в зонах жесткого контроля, возникших в результате катастрофы на ЧАЭС, – подвергающееся изо дня в день, десятилетиями, радиации (а период полураспада иных веществ тысячи и даже миллионы лет), будет иметь меньше смертельных исходов в связи с раковыми заболеваниями, нежели население на всех иных территориях. Говоря об опухолях щитовидной железы, авторы скромно заключают: «избыточный выход радиогенных опухолей этого органа возможно будет наблюдаться». А скорее всего, мол, и не будет. Ну и как вам это нравится? Словом, больше радиации хорошей и разной!

Цену всем этим заявлениям и коллективным советским прогнозам, сделанным на основании засекреченных и извращенных данных, определила сама жизнь в радиоактивных оазисах Чернобыля за двадцать пять лет. Вот она.

Опровергать (или даже ниспровергать) потоки лжи, в которой наравне с радиацией три года – до I съезда народных депутатов – захлебывалась страна, начали загнанные в угол под давлением общественности и журналистов, сами коллеги и однопартийцы Ильина и его команды. Уже через год после этого доклада на заседании Верховного Совета СССР председатель Правительственной комиссии по вопросам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС В. Х. Догужиев сделал сенсационное для страны и мира заявление: «...у 62 процентов всего населения, которое обследовалось, доза облучения составила от 1 до 5 бэр. У полутора миллионов человек, проживающих на момент аварии на наиболее загрязненных радиоактивным йодом территориях, в том числе 160 тысяч детей в возрасте до семи лет, доза облучения щитовидной железы составит у 87 процентов взрослого населения и 48 процентов детского не более 30 бэр. У 17 процентов детского населения – 100 бэр».

Замечу, что эти официальные цифры также основаны на секретных докладах, которым предшествовали такие же секретные запреты вписывать реальные дозы в медицинские документы жертв. Это значит, что их надо еще умножать. От ильинской команды в ответ не последовало ни звука. Главное в официальной медицине – партийная дисциплина.

Хотя незадолго до этого сенсационного признания тот же В. Х. Догужиев уверял депутатов: «Основные демографические показатели – рождаемость, смертность, естественный прирост в зараженных районах Российской Федерации, Белоруссии, Украины находятся на уровне соответствующих показателей по стране». К этому времени у меня в руках оказался секретный вердикт группы ученых из Академии медицинских наук СССР для внутреннего употребления с совершенно противоположными утверждениями: «Показатели заболеваемости основных классов болезни и смертности указывают на изменение в сторону роста, особенно показатели смертности среди взрослых и детей Житомирской области».

Наконец, напомним, сам Ильин на парламентских слушаниях вынужден был признать: «Один миллион 600 тысяч детей имеют дозовые нагрузки, которые нас волнуют, надо решать вопрос, как поступать дальше».

Выдавливает из властей и официальных медиков, служащих партийному мамоне, хоть какую-то информацию о здоровье людей в зонах радиации и три и четыре года спустя, приходилось в полном соответствии с рекомендациями Чехова, – по капле. Слава Богу, что у меня было так сказать персональное «ядерное» оружие – депутатский мандат, который действовал на власть как раздражитель. После вынужденного разрешения «сверху» через три года после катастрофы и всемирного вранья о ее последствиях правительство и министры начали со скрипом выдавать депутатам хоть что-то похожее на правду.

Всю эту информацию следует соотносить с первичным, так сказать, открытым докладом ильинского официоза, с которого я начала эту главу. Получится своеобразное наглядное пособие большой официальной лжи о здоровье чернобыльских жертв длиной вот уже в 25 лет.

Как сообщил на мой депутатский запрос министр здравоохранения Украины Ю. П. Спиженко (это было спустя почти четыре года после аварии), «уровень численности населения (Украины. – А.Я.), признанного здоровым по результатам обследования за три года (после аварии на ЧАЭС. – А.Я.) в целом уменьшился на 27 процентов, в том числе: среди ликвидаторов – на 18 процентов, эвакуированных – на 33, у населения, проживающего на загрязненных территориях – на 47 процентов. Это свидетельствует... о фактическом снижении показателей уровня здоровья населения по группам учета. В структуре заболеваемости взрослого населения преобладают болезни органов дыхания, органов кровообращения, нервной системы, кожи и подкожной клетчатки, эндокринной системы, новообразования. Причинная связь заболеваний и инвалидности с работами по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС установлена более чем у двух тысяч человек».

В некоторых деревнях Могилевской, Гомельской областей в Белоруссии, на Житомирщине в Украине взрослые за несколько лет после Чернобыля накопили по 400 и более бэр. Это – смертельно опасные дозы.

За первые десять лет после катастрофы на Чернобыльской атомной станции здоровье людей, проживающих в зонах радиации, кардинально пошатнулось. Как утверждают в своих работах российские исследователи О. Ю. Цитцер и М. С. Маликов, анализ показателей смертности от злокачественных новообразований населения Украины, проживающего на территориях, прилегающих к зоне Чернобыльской АЭС в периоды 1980–1985 и 1986–1991 годы свидетельствует о достоверном росте смертности от рака молочной и предстательной желез.

Как заявили официальные лица независимой Украины на конференции в Колумбийском университете (США), посвященной десятилетию Чернобыльской катастрофы, за это время на Украине умерли в связи с ее последствиями 148 тысяч человек.

Мне трудно писать эту главу из-за убийственной информации, которую я должна поместить здесь. (Вот уж воистину во многих знаниях – многие печали.) Читателю, наверное, будет трудно еще по одной причине – слишком много фактов и медицинской специфики. Но я призываю к мужеству – внимательно прочитать ее до конца. Это не скучно – это страшно.

Самая уязвимая категория – дети. Их гены уходят в будущее.

Вот данные из моего архива – материалы Научно-исследовательского института педиатрии, акушерства и гинекологии Министерства охраны здоровья Украины. Специалисты института считают, что катастрофа ударила, прежде всего, по генофонду страны. Рождаемость начала быстро снижаться. (Не надо путать с постсоветской ситуацией, когда к Чернобылю присоединилось всеобщее «демократическое»

обнищение народа, которое тоже не способствовало демографическому взрыву.) Чернобыльский вклад в снижение рождаемости на Украине таков – с 15 процентов в 1986 году до 11,4 процента (при смертности населения 13,4 процента) через десять лет.

Обследования беременных женщин из пораженных территорий, по данным этого же института, говорят об увеличении осложнений при беременности, патологических родах. В до-аварийный период показатель частоты неблагоприятных исходов (в расчете на 100 беременностей) составлял 9,6, в после-аварийный – 13,4. Была выявлена существенная зависимость этого показателя от дозовых нагрузок на женщин. В полтора-два раза возросло число анемий, угроз прерывания беременности.

(Это к вопросу из секретных протоколов о реэвакуации детей и беременных женщин через три месяца после взрыва туда, где только за первый год они набирали по 10 бэр.)

Вызывает у медиков озабоченность неонатальная (то есть в первые 28 дней после рождения) смертность младенцев в районах повышенного радиационного риска. Как отмечают и российские и западные исследователи, она увеличивается.

Некоторое время назад известный немецкий ученый Альфред Корблейн из Мюнхенского института окружающей среды опубликовал результаты своих исследований перинатальной смертности в постчернобыльский период в Киевской области, Киеве и Житомире. (Доктор Корблейн использовал для своих исследований, в частности, материалы медицинской статистики Министерства здравоохранения Украины.) Он пришел к выводам об очевидном влиянии на перинатальную смертность радиоактивного стронция в теле беременных женщин, проживающих в Киевской области и в городе Житомире. Ее пик приходится на апрель 1987 года и колеблется далее по временам года, достигая максимума весной и осенью. Корблейн связывает этот результат также с возможным потреблением беременными женщинами радиоактивных грибов и ягод семью месяцами ранее, в августе-сентябре 1986 года.

Здесь уместно еще раз вернуться к переданной мне в 1991 году в Лондоне рукописи советского эмигранта, физика, киевлянина Игоря Геращенко «Пропущенные уроки Чернобыля», в которой он обращается также и к этой теме. Он пишет: «Есть и еще жертвы Чернобыля – те, которых никто и никогда не видел. Это убитые в зародыше дети. После взрыва врачи рекомендовали беременным женщинам Киева, да и других мест, делать аборт. Я знаю несколько случаев, когда такие вынужденные аборты делались на шестом месяце беременности, совершенно официально, врачами в больницах...за прошедший год (речь идет о годе после катастрофы на ЧАЭС. – А.Я.) не менее 20 тысяч беременностей были прерваны абортами из-за Чернобыльской катастрофы. Это только в Киеве. А эвакуированные женщины Припяти?»

У меня нет ни малейших сомнений в этом. Когда я сама ездила по загрязненным деревням Житомирской области, женщины тоже рассказывали мне об этом со слезами на глазах: беременным настойчиво рекомендовали делать аборты и не советовали рассказывать кому-либо об этих рекомендациях.

Вот что говорил по этому поводу на семинаре для молодых ученых в 2002 году в Институте проблем безопасного развития ядерной энергетики РАН А. П. Поваляев, соавтор многих секретных рецептов по скармливанию ничего не подозревающему населению радиоактивного мяса и молокопродуктов: «Печальная ситуация – аборты. Врачи рекомендовали их делать даже в случае первой беременности...»

Эти советы давались сразу после катастрофы. Но и спустя десятилетия специалисты отмечают их тяжелые последствия для рожавших женщин. Это тоже косвенное подтверждение того, что никто не знает, какие же реальные радиоактивные дозы получило население, в том числе и женщины репродуктивного возраста, в самые опасные первые недели и месяцы после взрыва в Чернобыле. Мы можем только догадываться, что их величина была немалой, судя по последствиям спустя годы и годы.

Настораживает и число врожденных уродств развития новорожденных в этих зонах. В Житомире еще до недавнего времени существовала закрытая лаборатория, в которой хранились заспиртованные в банках уродцы животных и людей, родившихся на радиоактивных территориях. (Об этих печальных перспективах стыдливо пишут также и в партийных протоколах: «Секретно. Подлежит возврату в особый сектор управления делами Совета министров СССР. Протокол № 36. <...> 15 ноября 1986 г. <...> К п. 6. <...> Наряду с этим в течение 70 лет можно ожидать дополнительно рождения 3 000 детей с врожденными пороками развития (речь идет только о Гомельской, Киевской, Житомирской и Черниговской областях. – А.Я.). <...> Прогноз для 75 млн человек, проживающих на европейской территории СССР, где наблюдалось повышение радиационного фона, показывает, что в течение 70 лет... дополнительный выход врожденных пороков развития может составить 23 тысячи случаев».) Судя по информации главы ирландского «Фонда помощи детям Чернобыля» Ади Роше, ужасы этой отдаленной статистики уже проявились в полной мере в Беларуси, менее чем через двадцать лет.

В отчете НИИ педиатрии, акушерства и гинекологии Минздрава Украины утверждается, что заболеваемость детского населения на загрязненных территориях по сравнению с до-аварийным периодом продолжает возрастать, в то время как по всей Украине она даже снизилась на 6 процентов. В некоторых пораженных регионах первичная заболеваемость детей за первые десять лет после аварии возросла в полтора-два раза. В 2–3 раза на особо пораженных территориях повысился уровень заболеваний эндокринной системы, болезней крови и кроветворных органов, врожденных аномалий, возникновения новообразований. Есть регионы, в которых эти показатели превышают общеукраинский в 14–20 раз (!). Если до 1986 года на Украине отмечалось всего два-три случая в год детских раков щитовидной железы, то уже в 1989-м было зарегистрировано двести таких случаев.

Особенно ухудшилась ситуация в семидесяти пяти районах жесткого радиационного контроля Киевской, Житомирской, Черниговской и других (всего одиннадцать) областях страны. Показатели смертности детей в этих районах через уже десять лет после катастрофы превышали в 1,6–2 раза общегосударственный уровень.

Значительно ухудшилось здоровье детей в Житомире. Как сообщил мне главный детский врач города В. И. Башек, уже через восемь лет после аварии каждый второй ребенок первого года жизни входил в группу риска. Только 38 процентов детей, которые пережили катастрофу на ЧАЭС, были признаны здоровыми. Но и среди них заболеваемость возросла на 27 процентов.

Особая группа населения – дети Киева, столицы Украины, которые также пережили первый радиационный удар. Из-за близости к злополучному реактору, для многих этот удар имел и имеет (хотя дети уже выросли) печальные последствия. Как сообщают в своем докладе российские специалисты О. Ю. Цитцер и М. С. Маликов, обследование 583 учащихся первых классов школ Киева достоверно показало замедление развития значительной группы детей в 1992 году по сравнению с 1982 годом. В общем, хорошего мало.

Спустя десять лет после аварии, отмечают они, 150 тысяч жителей Украины получили дозы облучения щитовидной железы, которые в десятки и даже более чем в сто раз превышают допустимые. В частности, у 5,7 тысячи детей облучение железы составило 200 рад, а у 7,8 тысячи взрослых – свыше 500 рад. (Это при том, что установленная допустимая для населения доза на Украине составляет 5 рад за всю жизнь.)

В марте 2002 года украинское государственное агентство «Чернобыль-ИнтерИнформ» со ссылкой на официальные источники сообщило, что из трех миллионов жителей страны, получивших дозу облучения вследствие аварии на ЧАЭС, у 84 процентов диагностированы те или иные заболевания. И один миллион из них составляют дети.

Чем дальше мы углубляемся в медицинские и исследовательские отчеты специалистов и ученых, неподконтрольных московскому официозу, тем меньше оптимизма. Итак, трудно, но продвигаемся дальше.

По своему сценарию развивается чернобыльская трагедия и в Беларуси. Дела здесь тоже не лучше. Спустя и десятилетия здесь более двух миллионов человек – это 23 процента населения – живут на территории с уровнем загрязнения радиоактивным цезием более одного кюри на квадратный километр, почти 8 процентов территории имеет загрязнение 5 кюри на квадратный километр.

Оценка содержания радиоактивного стронция-90 в организме жителей этой республики после аварии на ЧАЭС, отмечают российские исследователи, показала, что рассчитанные поглощенные дозы на красный костный мозг оказались в 2,5–3 раза выше, чем в доаварийный период, а в 3 процентах случаев дозы превысили средние значения в 4–8 раз.

Концентрация плутония в волосах жителей Гомельской области на порядок выше, чем в волосах жителей Минска.

Уже спустя десять лет после Чернобыля – по сообщениям Министерства здравоохранения страны – в наиболее загрязненных зонах республики общий уровень заболеваний возрос на 51 процент (!) по сравнению с дочернобыльским периодом.

Но особую роль в первые дни, как я уже отмечала, сыграл радиоактивный йод, которым была засыпана вся Беларусь. Условно «чистой» можно было считать только ее северную часть.

В некоторых областях его уровни доходили до 300 и более кюри на квадратный километр. По последним данным группы ученых из минского Института радиационной медицины и эндокринологических исследований А. Е. Океанова, Е. Я. Сосновской и О. П. Пряткиной, Беларусь с 1990 года удерживает первое место в мире по поражению раком щитовидной железы у взрослых. До взрывов в Чернобыле это было редкостью. А вопрос об онкозаболеваниях щитовидной железы у белорусских детей после аварии давно перестал быть дискуссионным. Эту печальную статистику уже признают даже самые отъявленные проядерные ортодоксы.

По данным этой группы ученых, в среднем по всей Беларуси в период между 1990-м и 2000 годом число онкологических заболеваний возросло в среднем почти на 40 процентов по сравнению с доаварийным. (Исследователи использовали банк данных Национального регистра по раковым заболеваниям, который ведется в Беларуси с 1973 года.) В Гомельской области эта цифра выглядит просто ошеломляюще – около 52 процентов. Общая заболеваемость населения возросла здесь более чем на 55 процентов. До аварии этот показатель был самым низким из всех регионов. В Минской области – 49 процентов, в Гродненской – 44, в Витебской – 38! (Коллективный Ильин со своим «научным» докладом и «прогнозами» отдыхает.)

По данным этих же ученых, в 1980 году индекс рака щитовидной железы по республике среди взрослого населения старше тридцати лет составлял 1,24 на 100 тысяч. В 2000 году он вырос до 5,67. У ликвидаторов – до 24,4. Кроме того, рак в самой загрязненной Могилевской области стал на пятнадцать лет «моложе», чем в Витебске. Это еще одна особенность – теперь он «достает» женщин 45–49 лет.

Заболеваемость раком значительно выше в белорусской деревне, чем в городе. Это из-за того, что коллективная доза, которую получили селяне, в два раза больше той, которую получили горожане. Наиболее часто отмечается рак мочевого пузыря, толстой кишки, легких, щитовидной железы.

Несмотря на то что количество раков щитовидки у взрослого населения Беларуси возросло более чем в пять раз, отмечают ученые, и они направляли свои исследовательские отчеты об этом в заинтересованные международные организации, в документах МАГАТЭ и Научного комитета ООН по

влиянию атомной радиации это все еще не отражено. А ведь Океанов и его коллеги – это не люди с улицы. До перехода в Институт радиационной медицины и эпидемиологических исследований сам Океанов много лет возглавлял национальный Регистр по выявлению рака в Белоруссии. Кроме того, статья ученых опубликована не в какой-то желтой прессе или таблоиде, а в очень серьезном научном издании «Швейцарский медицинский еженедельник» («Swiss Medical Weekly»). Здесь все научные статьи проходят тщательную проверку. В шарлатанстве ни авторов, ни журнал заподозрить невозможно.

Тем не менее, Комитет ООН по влиянию атомной радиации не постеснялся в 2000 году сделать бессовестное заявление о том, что «14 лет спустя после чернобыльской аварии нет никаких доказательств о негативном влиянии на здоровье населения, связанном с ионизирующей радиацией. Нет возрастания заболеваний раком или смертности, которые могли бы быть связаны с радиоактивным воздействием». А далее следуют сентенции, недоступные для понимания нормальных людей с нормальными гуманитарными ценностями, которые знают ситуацию в чернобыльских зонах, не говоря уж о тех, кто там живет. Компания международных чиновников, многие из которых даже не представляют, в какой стороне находятся эти самые многострадальные Хойники или Полесское, уверяют жертв Чернобыля в том, что со здоровьем все у них «в будущем будет хорошо». Ну почти даже лучше, чем было бы без Чернобыля.

В МАГАТЭ и самом «ядерном» Комитете ООН и через двадцать лет после катастрофы без устали заводят одну и ту же заезженную корпоративную пластинку: никаких жертв Чернобыля, за исключением тридцати одного человека, в основном пожарных, и нескольких детей, заболевших раком, которые могут быть излечимы, нет.

Это уже даже не смешно. Оставим этот совковый рудимент без комментариев и продолжим наш мониторинг радиоактивного чернобыльского марафона длиной в двадцать пять лет.

Уже первые десять лет после Чернобыля выявили одну общую для трех стран Украины, России и Беларуси драматическую тенденцию – возрастание количества детей, заболевших раком щитовидной железы. Больше всего страдают дети Беларуси. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, если с 1966 по 1985 год был зарегистрирован 21 случай, то после 1986 года – 379. Детям были проведены сотни операций.

В декабре 1995 года зарегистрировано уже 680 случаев рака щитовидной железы у детей на Украине, в России и Беларуси. В соответствии с данными Европейской ассоциации по изучению щитовидной железы – это только начало эпидемии, и в течение ближайших тридцати лет (прогноз был сделан в 1995 году) тысячи детей будут поражены раком щитовидной железы.

Но в полный шок привел общественность отчет Всемирной организации здравоохранения, представленный в апреле 2000 года в ООН. Группа экспертов ВОЗ дает еще более пессимистические прогнозы – по ее данным ожидается 50 000 новых случаев рака щитовидной железы у детей и подростков, живущих в пораженных зонах. Самая тяжелая ситуация – в Гомеле. Здесь рак прогнозируется у 36,4 процента тех, кому было меньше четырех лет на день катастрофы. (Если говорить о взрослом населении, то в Могилевской области эксперты ООН прогнозируют рак у 5 процентов.)

В трех областях России – Тульской, Калужской и Орловской – они предсказывают 3 699 случаев онкологии у детей. Это – 1 процент всего детского населения этих регионов.

Эксперты ООН заключают, что для миллионов людей, живущих на радиационных территориях, спустя десятилетия наступают самые худшие времена. Выступая после представления отчета, Генеральный секретарь ООН Коффи Анан отметил, что мы никогда не узнаем точное количество жертв Чернобыля, но три миллиона детей требуют лечения и «многие из них умрут преждевременно».

И здесь самое время вернуться еще раз к докладу Ильина, в котором он утверждал, что «расчетные оценки дают основание предположить следующее теоретически возможное число новообразований щитовидной железы радиационной этиологии за 30-летний период после аварии на ЧАЭС. Инкурабельных злокачественных опухолей у детей – до 20 случаев, и в целом по всему населению до 50 случаев. Излечимых злокачественных опухолей – соответственно до 170 и 400 случаев». Оставим эти скорее политические, а не научные или медицинские прогнозы на совести тех двадцати трех – язык не поворачивается сказать «ученых», – кто подписал этот сугубо партийный документ. К реальным исследованиям и реальной медицине – и это уже подтвердила сама жизнь в радиационных зонах – он имеет небольшое отношение. Вопрос в другом: не слишком ли дорого платят жертвы Чернобыля за подобные экзерсисы провластной верхушки придворной медицины? Это – больше чем ошибка?

Есть еще одна, особая категория граждан, пострадавших от Чернобыля. Это – ликвидаторы. Вспомнилось, как в 2004 году на презентации сборника статей о Чернобыле во Франции, в Каэне, одну из белорусских писательниц, которая выпустила книгу – собрание интервью о Чернобыле спустя 11 лет после аварии, спросили из зала, кто такие «ликвидаторы». Писательница ответила через переводчицу, что она не физик, мол, поэтому и не знает... Пришлось мне объяснять французам, кто такие ликвидаторы, хотя я тоже не физик, и при чем здесь вообще физика? Мне было, право, очень неловко за нее: как же можно писать о Чернобыле и не знать, кто такие ликвидаторы?

По сообщениям Всемирной организации здравоохранения, среди ликвидаторов возрастает заболеваемость и смертность. Их главные болезни – вегето-сосудистая дистония, рак легких, сердечные, гастроэнтерологические заболевания, лейкемия.

Как заявили украинские официальные лица, за первое десятилетие после аварии умерли около восьми тысяч ликвидаторов.

Согласно исследованиям белорусских ученых из Института радиационной медицины и эндокринологических исследований А. Е. Океанова, Е. Я. Сосновской и О. П. Пряткиной, индекс рака щитовидной железы у белорусских ликвидаторов за период 1993–2000 год составил 24,4 на 100 тысяч человек. Это почти в пять раз больше, чем у населения, проживающего в зонах загрязнения. (120 тысяч белорусов очищали 30-километровую зону вокруг реактора.) Авторы подчеркивают, что именно в группе ликвидаторов возросла смертность от всех видов рака.

По официальным данным российских экспертов, число российских граждан, смерть которых связывается с участием в ликвидации последствий катастрофы, составляет около семи тысяч. (По газетным публикациям, эта цифра достигает 50 тысяч человек.) 20 тысяч ликвидаторов, по данным российских специалистов, стали инвалидами – о качестве их жизни (особенно с 2005 года, когда в России все льготы чернобыльцам были заменены грошами) можно только догадываться.

По сведениям Общественного комитета ликвидаторов, за прошедшее после катастрофы время умерли, по крайней мере, сто тысяч из восьмисот. В эту цифру, поясняют они, входят все умершие ликвидаторы, смерть которых связана с ослаблением иммунитета после участия в очистке зараженных территорий.

Настиг Чернобыль также и привилегированных жителей «золотого миллиарда». Ведь в результате катастрофы на ЧАЭС «опылению» цезием подверглись территории семнадцати стран Европы общей площадью 207,5 тысячи квадратных километров. Однако впервые самый полный – так называемый альтернативный – доклад о радиоактивном загрязнении европейских стран и его влиянии на здоровье людей и окружающую среду появился спустя... двадцать лет после аварии на ЧАЭС. Его авторами выступила группа независимых европейских ученых под эгидой депутатов Европарламента. Основное внимание в нем концентрируется на расхождении в оценках независимых ученых и Международного агентства по

атомной энергии и Всемирной организации здравоохранения – в отношении здоровья людей и загрязнения окружающей среды в Европе. В отчете указывается, что цезия-137 и йода-131 вылетело из реактора, соответственно, на 30 и 15 процентов соответственно больше, чем оценивают эксперты МАГАТЭ. Эти цифры принципиальны, от них зависит правильность оценки полученной коллективной дозы и предсказания смертей.

В альтернативном европейском докладе впервые отмечалось, что 40 процентов территории Европы было загрязнено цезием-137 выше, чем 4 кБк (килобеккереля) на квадратный метр и 2,3 процента – более чем 40 кБк. К слову, МАГАТЭ опубликовало только последнюю цифру. «Более того, – отмечают авторы альтернативного отчета, – в докладах МАГАТЭ и ВОЗ вообще не обсуждаются чернобыльские выпадения и дозы радиации ни в каких других странах, кроме как в Беларуси, Украине и России. 80 процентов территории <...> Молдовы, Турции (европейская часть), Словении, Швейцарии, Австрии и Словакии были загрязнены цезием-137 более чем 4 кБк на квадратный метр. 44 процента земель Германии и 34 процента Великобритании также были поражены. 5 процентов Беларуси, Австрии, Украины, Финляндии и Швеции были загрязнены более чем 5 кБк на квадратный метр».

На юго-востоке Баварии, в наиболее пораженном регионе Германии, уровень радиоактивного загрязнения почвы цезием-137 достигал 2 кюри на квадратный километр. Однако официального статуса радиоактивно загрязненных территорий этот регион не получил. (На Украине, в России и Белоруссии территории с таким уровнем загрязнения были признаны пораженными, люди на них могли получить некоторые преференции.) Довольно высоким оказался также уровень загрязнения цезием в Великобритании и Скандинавских странах. Как утверждают западные ученые, за все годы после аварии эти показатели не намного снизились. И сегодня здесь растения и пресноводная рыба все еще остаются радиоактивно загрязненными.

В докладе также отмечается, что после ядерной катастрофы в Чернобыле во многих странах Европы были предприняты меры по запрету на потребление загрязненной радиацией продукции. Кое-где эти меры действуют и спустя десятилетия. В Финляндии и Швеции, в основном, это касается диких зверей. Кабаны, лоси, а также грибы, ягоды и рыба в определенных регионах Германии, Австрии, Италии, Швеции, Финляндии, Литвы и Польши все еще имеют высокий уровень загрязнения радиоактивным цезием. В Швеции в 1993 году двести тонн такого мяса оленины пришлось уничтожить. В 2001 году шведский Национальный институт радиационной защиты выступил с новым предупреждением об опасности употребления оленины и грибов из-за повышенного в них уровня цезия. В 2003-м Финское управление по защите от радиации и атомной безопасности также предупредило население о радиационном загрязнении мяса северных оленей и грибов. Его уровень оказался выше допустимого в Евросоюзе в 600 беккерелей на килограмм. Подобных примеров множество.

Дополняет первый альтернативный чернобыльский доклад, сделанный официально в Европарламенте, и независимый отчет немецкого отделения организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». В нем есть и сенсационные места, где отмечается, что «коллективная доза (это обычная оценка радиоактивного ущерба) была для Европы даже выше, чем для чернобыльского региона в бывшем СССР. 53 процента коллективной дозы после Чернобыля получила Европа, 36 процентов – пораженные регионы бывшего СССР, 8 процентов –

Азия, 2 процента – Африка и 0,3 процента – Америка. Если взять данные, которыми пользовались ВОЗ и Научный комитет по действию атомной радиации (НКДАР) ООН, то даже из них следует, что в мире ожидается от 28 000 до 69 000 смертей от рака и лейкемии в связи с чернобыльской катастрофой. А если посчитать еще и канцерогенные болезни, то эта цифра была бы намного выше».

В независимом докладе немецких врачей отмечается, что МАГАТЭ и ВОЗ почти ничего не говорят о влиянии черновыльсдой катастрофы на здоровье населения Европы. Между тем исследования показывают, что в Европе с 1986 года возросла детская смертность, она оценивается в 5 000 младенцев, чья смерть связывается с последствиями Чернобыля. (Даже МАГАТЭ пришло к заключению, что после взрыва в Чернобыле от 100 000 до 200 000 женщин в Западной Европе сделали аборты, опасаясь последствий его радиоактивных выпадений для здоровья плода.) Согласно отчетам НКДАР, в черновыльсдой зоне ожидается рождение от 12 000 до 83 000 детей с врожденными деформациями и от 30 000 до 207 000 детей с генетическим ущербом во всем мире. Только 10 процентов ожидаемого ущерба можно увидеть на первом послечерновыльском поколении. В свою очередь, Институт окружающей среды в Мюнхене отмечает статистический рост заболеваемости раком у детей, проживающих на «опыленных» черновыльским цезием немецких территориях.

Недавно мне попала на глаза статья Хелен Андре в одной из западных газет – о нашем Чернобыле в их Великобритании. Английские и голландские ученые спустя годы пересмотрели свои оценки влияния черновыльсдой радиации на Великобританию. По их признаниям, Чернобыль будет досажать туманному Альбиону по времени в сто раз дольше, чем это предполагалось ранее. Речь идет о горах и взгорьях Уэльса, Шотландии и северной Англии, где выпасаются овцы. В результате этих исследований более чем 230 000 овец на почти четырехстах фермах «поставлены» на обязательную проверку на радиоцезий (он «удобрил» высокогорные пастбища и здесь). По крайней мере, до 2015 года. Чтобы попасть сэрy на стол, овца должна быть девственно чиста. От черновыльсдой радиации. То есть пройти своеобразное «чистилище» через свободные от радиации пастбища. Да нам такое и не снилось! Понятно, что в конечном счете речь идет не об овцах, а о людях.

Хотя так и получается, что на Западе больше беспокоятся о животных, щиплющих в горах радиоактивную травку, чем у нас – о детях, вот уже двадцать пять лет страдающих в черновыльских зонах.

Глава 21 КТО УКРАЛ «ЗЕЛЕНУЮ ЛУЖАЙКУ» В ЧЕРНОБЫЛЕ?

Подобно тому, как придворные Франции в средние века дарили своим дамам цветы картофеля, не подозревая, что у этого растения есть нечто более важное, чем бело-розовые лепестки, так многие сейчас, рассуждая о ядерной энергетике вообще, как-то забыли об атомной бомбе в частности, на которой вот уже двадцать пять лет сидит Европа. Это – черновыльскый саркофаг. Тот самый, в который в 1986 году в пожарном порядке был «завернут» реактор, решивший гулять сам по себе.

Уже пребывая в объявленной независимости, украинская нация была ошеломлена фактами, которые изложил на сессии Верховного Совета Украины председатель Комиссии по вопросам Чернобыля. Еще в декабре 1991 года было принято два постановления – Верховного Совета Украины и правительства – о проведении конкурса на лучшее научно-инженерное решение, которое позволило бы свести опасность «дремлющего» в саркофаге реактора к нулю. Министерство по вопросам Чернобыля Украины сформировало оргкомитет и жюри конкурса. Руководил всем этим первый вице-премьер правительства Украины Константин Масик. Он же и стал председателем оргкомитета.

Несмотря на то что весь научный и финансовый мир был оповещен Украиной о конкурсе и многие организации начали работать над своими проектами, посылая предложения, 17 января 1992 года первый вице-премьер Константин Масик отправил в Париж на фирму «Бьюик» письмо с просьбой спасти украинский народ от ядерной напасти – возвести надежное укрытие для взорвавшегося реактора. (Позже стало известно, что еще ранее на «Бьюике» успел побывать директор станции Михаил Уманец. Разумеется, принимали его там по-королевски.)

Оргкомитет конкурса всю работу, жюри с энтузиазмом собирало проекты и заявки, что не мешало в это же время господину Уманцу от имени независимого государства Украины, и господину Жаку Гордону от французской фирмы «Бьюик» тайно подписать договор. Французской фирме передавались все права на проектирование и выполнение работ для безопасности саркофага. Вот пункт из договора: «Настоящий контракт несет исключительный характер, причем заказчик обязуется не назначать какой-либо другой субъект или организацию для выполнения задачи, определенной в настоящем контракте». Не слабо, не правда ли?

И вот уже после этого закрытого спектакля правительство Украины ничтоже сумяшеся выпускает еще одно специальное постановление (№ 94 от 24 февраля 1992 года) о проведении... международного конкурса. Не кто иной, как Уманец, подписавший тайный документ с французами, входит и в оргкомитет, и в жюри с повышенной активностью распространяет условия тендера и рассылает приглашения для участия в нем самым известным фирмам мира. Назначена и презентация международного «конкурса»! Мол, у нас всё как у людей.

Но о подпольном контракте стало известно обманутым западным фирмам. Нетрудно представить их реакцию на приглашения на конкурс, результат которого уже был predetermined и контракт с «победителем» даже подписан (!).

Независимое молодое государство Украина получило звонкую оплеуху. Удар по его репутации нанесло само руководство страны. На представление международного конкурса, которое должно было привлечь внимание к проблемам Украины (и не только ядерным) прибыли лишь несколько человек из-за рубежа. Презентация, по сути, провалилась, хотя господин Уманец и назвал победителем гостеприимный «Бьюик». Но, как говорится, недолго музыка играла.

Парламент, получив эту сногшибательную информацию, принял решение отменить тайный «протокол» господина Уманца, компрометирующий страну перед лицом всего мира.

Экономический хаос, заполонивший Украину, пустые полки в провинции, невиданная ранее инфляция, борьба за личную власть в «верхах» и борьба за выживание каждого в «низах» оттеснили далеко за горизонт проблему ядерного саркофага. А между тем ядерный караван шел дальше. В стране и в мире становилось известно все о новых и новых «делах» и «заботах» государственных мужей Украины. В январе 1993 года все тот же первый вице-премьер Константин Масик основал фонд «Украина-Чернобыль». Своими заместителями он назначил руководителей министерства по делам Чернобыля господ Г. Готовчица и Б. Пристера. И вот команда заработала: по распоряжению первого вице-премьера бюджетные деньги из Министерства по вопросам Чернобыля «перекачиваются» в новоиспеченный фонд. Может, для помощи страдающим в радиоактивных зонах? Об этом ничего не известно. Зато известно другое. Вот что было записано в его уставе: средства фонда, кроме прочего, выделяются для материального обеспечения семей основателей фонда (государственных привилегий по линии правительства этим «отцам-основателям» оказалось мало. – А.Я.), а товары продаются им на льготных условиях. Не забыли основатели и о распределении прибылей между собой после получения таковых от коммерческой деятельности, а также – это святое! – об освобождении фонда и его организаций от налогов.

Документы о деятельности лиц из высших слоев политической атмосферы Украины – и о позорном «конкурсе», и о так называемом фонде «Украина-Чернобыль» – были переданы и в парламент, и в прокуратуру, и в прессу. И как же развивался сюжет дальше? Константин Масик, первый вице-премьер, тихо-тихо ушел в отставку. Так же тихо-тихо почил в бозе и фонд персональной социальной защиты правительственных небожителей. Георгий Готовчиц же, как ни в чем не бывало, продолжал руководить Министерством по вопросам Чернобыля. Стало быть, и дальше защищал миллионы чернобыльских жертв. А Михаил Уманец – по-прежнему руководил концерном по ядерной энергетике.

А кто же возместил материальный и моральный ущерб, нанесенный Украине деятельностью сих государственных мужей? Ведь миллионы рублей взяли с народного счета телемарафона «Колокола Чернобыля» на так называемый «конкурс», «перекачали» из нищего бюджета на счет блеф-фонда Масика-Готовчица? А никто! Это за пару килограммов сахара, которые простой смертный тащит из колхоза, карают несколькими годами лишения свободы. Чиновники же, беззастенчиво грабящие государство, всегда в шоколаде – они сами себе и закон, и судья, и прокуратура. Такая вот долгожданная демократия.

Только пылкие обещания президента США Билла Клинтона и его европейских коллег финансировать и безопасность саркофага над четвертым реактором, и строительство хранилища для ядерных отходов, и постепенный вывод всех реакторов из рабочего состояния – вплоть до чудесного превращения злополучной атомной станции в «зеленую лужайку» – приблизило «красный день календаря». В декабре 2000 года западный мир получил от Украины рождественский подарок – она объявила о закрытии Чернобыльской атомной.

Но этот факт ничуть не помешал течению местечковой жизни на ее территории – громкие скандалы продолжали сотрясать Чернобыльскую АЭС уже и после торжественного закрытия. Расщелины размером в метр-полтора в дряхлеющем, сколоченном на скорую руку саркофаге, о которых поведали стране и миру пять лет назад официальные лица, многим на Западе испортили настроение. Там физически не выносят таких сюрпризов. Наверняка это стало не последним аргументом для Европейского банка реконструкции и развития, который выделил наконец целевые деньги для объекта «Укрытие» – так на бюрократическом языке называется саркофаг, в котором заживо «похоронен» за свое убийственное поведение реактор.

«Деньги – зло», – говорила моя мама. И новые скандалы не заставили себя долго ждать. 22 декабря 2004 года группа депутатов Верховной Рады обратилась в Генеральную прокуратуру Украины и в Службу

безопасности с запросом о злоупотреблениях вокруг Чернобыльской АЭС. Оказалось, и спустя почти двадцать лет Украина наступает на все те же грабли – чиновничий произвол и коррупцию. На этот раз в роли французского «Бьюика» выступали предприимчивые люди с уже ставшей скандально известной в стране монтажной компании «Южтеплоэнергомонт» (ЮТЭМ). Они пытались получить и «оприходовать» деньги, которые выделил Украине Европейский банк реконструкции и развития. Это ни много ни мало – 50 миллионов украинских гривен (10 миллионов долларов США – по курсу валют на то время) на строительство объекта «Санпропускник». При том, что, по оценкам экспертов, эта сумма уже в полтора раза превышала реальную стоимость работ. Но аппетит, как говорится, приходит во время еды. Компания требует еще и еще. Не дает ЕБРР? Хорошо, тогда пусть даст правительство, из бюджета страны. Еще 12 миллионов гривен – это 2 миллиона американских долларов. Похоже на рэкет, не так ли?

А как же тендер? Да о каком тендере может идти речь, если у всех игроков на всех уровнях есть свои интересы? Шкурные. Чтобы понять, какие «грязные танцы» происходят на самом взрывоопасном месте – рядом с чернобыльской «кастрюлей», в которой «варится» ядерная безопасность для всей Европы, – лучше всего обратиться к коллективному запросу депутатов Верховной Рады. (Пунктуацию документа и стиль сохраняю.) «Сегодня это (начальник службы снабжения ЧАЭС Г. И. Лазутин. – А.Я.) реальный руководитель на станции, и все понимают, что только он решает, кто будет поставлять продукцию на это крупное производство (проще говоря, кто больше даст взятку). Даже место передачи (взятки. – А.Я.) в г. Славутич всем предпринимателям знакомо: это кафе... (далее указывается его название и владелец, которого депутаты прямо называют криминальным авторитетом. – А.Я.). Там находится то „место встречи, которое изменить нельзя“, и только там решается судьба бюджетных средств. Кто больше даст? И дают. Дают настолько много, что господин Смышляев А. Е. (директор Чернобыльской АЭС. – А.Я.) продает двухмиллионный вексель запорожского „Облэнерго“, который уже должен быть оплачен „ЮТЭМ“ согласно исполнительному листу немедленно, за сто тысяч гривен частной конторе-однодневке. Надо же знать меру, господа! <...> Под видимостью чистой конкурентной борьбы за получение тендера нам показывают очередное шоу. Да сколько можно все это терпеть?» Это, напомню, спрашивали депутаты, у которых наконец лопнуло терпение.

И было ему, скажу я, отчего лопаться. Из трех главных проектов на территории станции – строительство хранилища ядерных отходов, завода по переработке твердых радиоактивных и комплекса для переработки жидких отходов – ни один сегодня, спустя почти двадцать лет после аварии (!), так и не был закончен.

А куда же было девать радиоактивные отходы? Россия отказывалась забирать отработанное ядерное топливо с украинских АЭС. (Она и в своем захлебывается!) Несмотря на то что все сроки сдачи нового хранилища давно прошли – третий квартал 2004 года, – света в конце туннеля еще и в 2005 году не было видно. Тогда свара возникла между французской корпорацией «Framatome», которой доверили возводить такой серьезный объект, и украинскими партнерами. Причина банальна – снова не хватало денег. Хотя первоначальная стоимость проекта составляла около 72–80 миллионов долларов. Финансировал стройку опять-таки ЕБРР. И вот – в строительство вложено по смете почти 90 миллионов долларов, но оно не закончено, и денег больше нет! Отчего же, казалось бы, такая серьезная западная фирма так не менее серьезно просчиталась и прослезилась, получив полный дефолт в масштабах отдельно взятой сметы? Украинские эксперты кивали на французов – мол, допустили ряд досадных ошибок уже при проектировании, а затем и строительстве хранилища. Французы же в свою очередь стали винить руководство ЧАЭС в предоставлении некорректных исходных данных. В общем, у каждой из сторон оказалось свое «Бородино». Сейчас отработанное ядерное топливо сосредоточено в единственном (старом) хранилище, в бассейнах выдержки и частично в реакторах трех энергоблоков. Все оно давно уже должно было перекочевать в новое помещение для безопасного долговременного хранения.

В сентябре 2007 года Украина отказалась от услуг французов и подписала контракт на достройку хранилища для твердых ядерных отходов с американской компанией «Holltec International» (похоже, не зря США сделали ставку на Виктора Ющенко в президентской гонке). Сроки завершения строительства пока не называются, хотя специалисты говорят о том, что ядерное топливо, размещенное в другом хранилище, не может находиться там больше десяти-пятнадцати лет.

Это при том, что проблема ядерных отходов на Украине не исчерпывается только французско-украинскими неувязками и внутренним экономическим хаосом. Спустя десятилетия власти все еще никак не расхлебывают ситуацию с беспорядочными радиоактивными захоронениями после катастрофы. На Украине насчитывается не менее восьмисот ядерных могильников. Большинство из них было сделано наспех в первые месяцы после аварии в Чернобыле. Их и назвать-то хранилищами радиоактивных отходов нельзя. Это глубокие ямы, в которые впопыхах «временно» сброшены радиоактивная почва и техника. Многие такие «временные» могильники утеряны навсегда.

В свою очередь «ядерный» недострой серьезно тормозит реальное выведение всей атомной станции из эксплуатации. Ведь реакторы – это не электрические лампочки, которые можно включить и выключить простым нажатием кнопки. Затормозить и полностью остановить цепную реакцию в них – не менее (а может, и более) опасное мероприятие, нежели их эксплуатация. Трем чернобыльским атомным реакторам все еще не сделано обещанное – все ядерное горючее и через девять лет после официального закрытия ЧАЭС так и не выгружено из их утроб. Есть такая украинская поговорка: танцевали-танцевали, да не поклонились. Это как раз тот случай. Руководство станции обещает, что это произойдет не позднее 2018 года. Проблема все та же: ядерное топливо из энергоблоков попросту некуда девать – более надежное хранилище давно уже стало долгостроем.

Но вот главный вопрос, который волнует, в основном, западную общественность и страны-доноры, «вливающие» свои средства в ликвидацию последствий аварии: когда же наконец вместо ужасного чернобыльского монстра будет радовать глаз обещанная многими экспертами «зеленая лужайка»?

Сейчас уже многим становится ясно, что это всего лишь один из мифов Чернобыля, под который так удобно просить деньги. И полный хаос с введением в строй объектов ядерной безопасности, и новая концепция выведения станции из эксплуатации, принятая в ноябре 2004 года, только подтверждают эту догадку.

Так что же на самом деле стоит за сказкой о «зеленой лужайке», в которую однажды чудесным образом превратится атомный ужасник? Печальная правда заключается в том, что ни о какой полной реабилитации территории ЧАЭС в обозримом будущем не может идти и речи. (Так же, кстати, как и о полной реабилитации всех загрязненных территорий, на которых проживают сегодня 9 миллионов человек. Ведь полураспад изотопов, например, урана-235 составляет 704 миллиона лет, а урана-238 – 4,46 миллиарда лет).

Судьба станции в новой концепции выглядит таким образом. По оценкам специалистов, от восьмидесяти до ста лет уйдет на процедуру долговременной выдержки реакторов. Потом тридцать-пятьдесят лет будет продолжаться работа с контуром многократной принудительной циркуляции. И только после этого можно говорить об окончательном ее закрытии, консервации и демонтаже.

А пока ядерная усыпальница для реактора под шумок финансовых скандалов и революций продолжает потихоньку разрушаться. И до недавнего времени западным инвесторам только и оставалось, что следовать советам из эстрадной песенки: целовать все его трещинки. Директор ГСП «Чернобыльская АЭС» Александр Смышляев спустя двадцать лет заявлял, что «здесь (на ЧАЭС. – А.Я.) все еще остается угроза новых аварий». Выходит, за десятилетия ни СССР, ни независимая Украина, ни Европа так и не смогли справиться с последствиями одной глобальной ядерной катастрофы! (И Клинтон, и Буш из Америки

обещали «подмогнуть» – дать денег на ее ликвидацию.) А что было бы с миром, если бы здесь рванул не один, а несколько реакторов или – где-то еще?

Вот уже десятилетия народные денежки советских, потом украинских налогоплательщиков, а в последние годы и стран-доноров, все плывут и плывут в руки дельцов от ядерной безопасности в обмен на призрак «зеленой лужайки». В последние годы Генпрокуратура Украины возбудила 63 уголовных дела в связи с расхищением средств на Чернобыльской АЭС. Государству был нанесен ущерб свыше 14 миллионов долларов, а пострадавших в результате аварии на ЧАЭС и ликвидаторов в конечном счете «нагрели» на 170 миллионов долларов.

В 2010 году (после смены президента) новому правительству Украины удалось убедить Запад создать группу доноров для фонда «Укрытие». В нее вошло двадцать восемь развитых стран мира. Было заявлено, что окончательная стоимость строительства нового безопасного саркофага над разрушенным реактором ЧАЭС составит 870 миллионов евро. (Неплохая, видимо, сумма для очередного «распила»?) Это будет сооружение высотой 105 метров, длиной – 150 и шириной – 260 метров. Предполагается, что новая, более надежная «усыпальница» для дьявольского ядерного монстра будет построена в 2015 году.

По-видимому, слишком для многих на Украине пролонгирование последствий глобальной катастрофы на ЧАЭС превратилось в супердоходное мероприятие. О ядерной безопасности уже давно никто всерьез и не думает.

А зачем о ней думать, если ее так легко, так бесконечно и так безнаказанно, на виду у всего мира и Европы, куда Украина так пассионарно стремится, можно конвертировать не в «зеленую лужайку», а просто – в «зеленые»?

Для частного, так сказать, употребления.

Эпилог ЯДЕРНАЯ ЧАША ПЕРЕПОЛНЕНА

Чернобыльская катастрофа стала той мерой вещей, которая с новой остротой поставила перед человечеством глобальные вопросы бытия. Главный из них – Жизнь и Человек. Это две вечные философские категории, над которыми люди задумываются и размышляют со времен наскальных рисунков в пещерах. Их осмысление и их материальное воплощение в повседневной реальности – две стороны медали, и чаще всего очень различные.

В заключение нашего путешествия сквозь человеческое сознание, боль, страдания, ложь и надежду я предлагаю небольшой экскурс в далекое прошлое. Это необходимо, чтобы лучше понять постчернобыльское настоящее, сориентироваться в ценностях жизни. Глобальные вопросы, которые задал всему миру Чернобыль, и ответы на них требуют не менее глобальных подходов.

Итак, что же такое собственно Жизнь? Ученые книги сообщают нам, что это форма существования материи, закономерно возникающая при определенных условиях в процессе ее развития. Именно Жизнь изменила нашу планету, создав вокруг нее особую оболочку – биосферу. Развитие у наших предков наиболее совершенной формы высшей нервной деятельности стало условием перехода Жизни на социальный уровень, связанный с высшей формой движения, свойственной только Человеку.

Вопрос о сущности Человека как высшей ступени живых организмов на Земле, его происхождении, назначении и месте является одним из основных в истории философской мысли. Человек – это Космос, часть единого «порядка» природы – так считали древние философы в Греции, Китае, Индии. Демокрит называл человека микрокосмосом («малым миром») его отображением Вселенной, т. е. макрокосмоса. Человек воплощает в себе все основные элементы Космоса, состоит из тела и души – так думал Аристотель.

В индийской философии переселения душ нет границы между живыми существами – между богами, Человеком, животными, растениями.

Известно евангельское учение о Человеке как образе и подобию Бога. Божественная и Человеческая природа его отражена в исторической личности Иисуса Христа, Богочеловека, вокруг которой до сих пор ломают копья философы, теологи и марксисты.

В эпоху Возрождения стали воскуривать фимиам собственно Человеку с его безграничными интеллектуальными, творческими возможностями. Вспомним Декарта – «мыслю, следовательно, существую». Это представление легло в основу новоевропейского рационализма, который только в разуме видит неповторимую особенность высшего существа в Жизни – Человека.

В немецкой философии конца XVIII – начала XIX веков понимание Человека возвращается на круги эпохи Возрождения. Гердер, Гёте, натурфилософия романтизма считают Человека «первым вольноотпущенником природы». Человек должен сам формировать себя, создавая культуру. Человек – носитель сознания, идеального начала – духа, разума.

В иррационалистических концепциях Человека XIX–XX веков доминирующими становятся уже чувство, воля, ощущение. Ницше определял Человека как средоточие влечений.

Натуралистический подход к Человеку характерен и для представителей традиционного фрейдизма, и для многих естествоиспытателей XX века на Западе.

Таковы идеи о возвышении Человека. Такова одна сторона медали. А каковы реалии?

Высоконравственный императив «благоговения перед жизнью» принадлежит гению Альберта Швейцера. Я считаю, что если эту мысль соотнести с повседневной практикой – другой стороной медали, –

то она как нельзя лучше иллюстрирует огромную дистанцию между философским Идеалом понимания Человека, его предназначения и реальным воплощением этого в повседневной жизни. Именно рукотворная (как написали бы в философском трактате – антропогенная) чернобыльская катастрофа и ее последствия для каждого человека подтверждает некий идеализм и романтизм этой сентенции. Ее экстраполяция на жертвы Чернобыля вызывает только печальную рефлексию. (Хотя, несомненно, к воплощению этой идеальной формулы в жизнь необходимо стремиться.)

На поставленные глобальные вопросы Чернобыля в экологической и гуманитарной сферах и через десятилетия нет адекватных глобальных ответов. Они погребены, как мы уже убедились, под монбланами официальной лжи властей предержащих и корпоративных интересов транснациональных монстров. Ведь чернобыльская катастрофа – лишь звено, пусть даже самое крупное, в той ядерной цепи, которой опутана наша планета, как древнегреческий Лаокоон, исступленно сражающийся со змеями.

И если мы точно хотим найти ответы на глобальные «ядерные» вопросы и вызовы, то «копать» надо, прежде всего, в плоскости нравственных императивов. В том аспекте, который всегда игнорировался сильными игроками на ядерном поле. (Ясно, что эти «раскопки» и «находки» не в их шкурных интересах.) А голы забивались и забиваются, как правило, в ворота ни в чем не повинных людей – жертв атома. О них и об их обидчиках я уже рассказала. Перейдем в заключение на другой – макроуровень – осмысления Чернобыля в частности и ядерного бытия вообще.

Лицо XX века, в котором было немало героического и трагического, изуродовано техногенными ядерными авариями и катастрофами, которые наряду с другой антропогенной (человеческой) деятельностью поставили мир практически на грань выживания. Уровень опасных ядерных технологий достиг таких масштабов развития и распространения, что они из национальных превратились в транснациональные. Это означает, что ядерная опасность не признает государственных границ и таможен, не имеет национальности, партийной принадлежности или вероисповедания. Ядерные объекты и технологии остаются опасными для человечества, независимо от того, на чьей территории они размещены. Пример Чернобыля – тому наука.

Эмпирические и теоретические исследования масштабов и последствий ядерных аварий и катастроф, влияния на экосистемы, био– и социосферу позволяют сделать выводы о глобальности и всеобщности ядерных катастроф для планеты.

Учитывая необратимый ущерб, который наносят глобальные ядерные катастрофы для всех экосистем, биосферы как колыбели человечества и социума, такие техногенные катастрофы неизбежно ведут к глобальным экологическим. Многие ученые – философы и экологи – задаются вопросом: как определить, какие «из глобальных проблем являются первоочередными, неотложными, и требуют непосредственного внимания всего человечества, а какие могут подождать до завтра» (К. Х. Делокаров). Идет спор о том, какие ядерные события относятся к разряду глобальных катастроф, а какие являются локальными и региональными.

Несмотря на то что существует международная шкала ядерных событий, как правило, правительства всех без исключения стран, в которых происходили подобные аварии и катастрофы, пытались скрыть и от собственного населения, и от мирового сообщества всю полноту их последствий для человека и окружающей среды. И в этом смысле мы снова впереди планеты всей с нашей чернобыльской атомной катастрофой.

Именно необратимость последствий, которые наступают после ядерных катастроф, меняющих научную картину мира, является главным критерием для определения их глобальности. Решение глобальных проблем ядерной безопасности нельзя отложить «до завтра», потому что в лучшем случае они неумолимо превратятся в глобальные проблемы экологической опасности, а в худшем – «завтра» может и

не наступить. Второе непременно вытекает из первого. И это относится не только к ядерной безопасности. В классификации современных глобальных вызовов и опасностей человечества – ядерной, экономической, социальной, экологической – первые три безусловно определяют экологическую. Совокупность первых трех неизбежно приводит к глобальному экологическому кризису, на пороге которого оказалось человечество в конце XX века.

В докладе Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», подготовленном в 1989 году под руководством бывшего премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брунтланд, убедительно доказаны причинно-следственные отношения между экологией и социально-экономическим развитием. Вывод о глобальном экологическом кризисе был сделан также мировым сообществом на конференции ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро в 1992 году.

Один из важнейших выводов этой конференции заключается в том, что модель развития, которую использует десяток западных стран «золотого миллиарда», направленная на безудержное потребление всех ресурсов планеты, исчерпала себя. Приговором для «ресурсно-потребительской» модели развития стало заключение в докладе ООН об этом заведомо тупиковом, гибельном пути для всего человечества.

В научных работах о проблемах крупных ядерных аварий и катастроф, их глобальных последствиях и ядерной безопасности пишут исключительно о технической стороне дела. Посмотрите научную литературу – у нас и на Западе, – определения ядерной катастрофы и ядерной безопасности носят чисто технический характер. И в этом, как говорит теперь молодежь, вся «фишка».

Согласно этим определениям, учитываются только технические аспекты ядерной безопасности, и только технические последствия таких аварий и катастроф. Ни экологический аспект – радиоактивное глобальное загрязнение экосистем, биосферы, ни социальный – негативное влияние на здоровье населения, ни нравственный, определенный академиком Н. Н. Моисеевым, – «одни люди остаются перед злым выбором других людей, располагающих властью или оружием» – до сих пор не принимаются в расчет.

В этом факте сфокусирован весь человеческий опыт, начиная с XVII века, с Нового времени, определившего господство в обществе позитивистского, технократического подхода к проблемам взаимоотношения науки и морали, социосферы и биосферы. Именно технократический подход к взаимоотношениям системы общество-природа привел к отрицанию приоритета нравственности и духовности в развитии человечества и цивилизации в целом.

Один из главных глобальных ответов на глобальный ядерный вызов Человеку заключается в том, что в центре ядерной безопасности должны быть экологический и нравственный императивы, а не только ее техническая составляющая. Если, конечно, общество на самом деле хочет найти концепцию выживания и сохранения самой Жизни на Земле.

Антропоцентрический подход к решению проблем человека и общества, широко распространенный в науке, кардинально изменил нравственные приоритеты и ценности общества, подвел его к опасной черте, за которой может не оказаться альтернативы гибели современной цивилизации. Так считают многие ученые.

Известные естествоиспытатели Альберт Эйнштейн, Норберт Виннер, Фредерик Жолио-Кюри, Макс Борн, Климент Аркадьевич Тимирязев первыми поняли всю важность нравственности в науке. Их вывод – игнорирование гуманистических, нравственных аспектов в творческой деятельности ученого может привести к катастрофическим последствиям. Одно из таких последствий – создание ядерных технологий в антигуманных целях, для уничтожения себе подобных. (А ведь, как правило, даже звери не уничтожают своих сородичей!) Возможное будущее предельно ясно показали в теоретических сценариях «ядерной

зимы» российский академик Никита Моисеев и американский ученый Карл Саган, смоделировав почти одновременно каждый в своей стране технологию ядерного апокалипсиса.

Реальным воплощением глобальной ядерной катастрофы и полного фиаско власти, науки и общества в системе глобальной ядерной безопасности, экологического и нравственного подхода к ней и стали в 1986 году драматические события на Чернобыльской атомной электростанции.

В связи с этим возникает вопрос о нравственности ученых, исследующих и создающих антигуманные, разрушающие био– и социосферу, «высокие» технологии, в том числе и ядерные, которые заведомо предназначены для такого уничтожения? Существуют ли проблемы нравственности у ученых, сознательно обманывающих народ, принимающих заведомо ложные концепции безопасного проживания людей на радиационно пораженной территории вследствие глобальной ядерной катастрофы, которые приведут к смерти, снизят продолжительность и качество жизни миллионов людей?

Общественности и науке известны случаи, когда великие ученые, сделавшие великие открытия в сфере ядерной физики, сознательно принимавшие участие в создании разрушительных ядерных технологий, меняли свое технократическое мировоззрение на гуманистическое, исповедуя приоритеты ядерной безопасности. Но, наверное, это смогли осознать и преодолеть в себе только настоящие ученые.

В своем манифесте Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн призывают к человечеству: «Мы обращаемся, как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому, и забудьте обо всем остальном».

Такой же поворот произошел, в частности, в судьбе советского ученого, лауреата Нобелевской премии мира А. Д. Сахарова, который по заданию Сталина и Берии создавал первую советскую водородную бомбу. Спустя годы после личного участия в ее испытаниях на Семипалатинском полигоне он выступил за прекращение или ограничение ядерных испытаний. И именно за свою гуманистическую позицию он был удостоен Нобелевской премии мира.

Известный американский ученый Джон Гофман, один из участников Манхэттенского проекта, подвергшийся грубой обструкции со стороны американских властей за отказ от технократических взглядов в пользу гуманистических идеалов, – возглавлял американский «Комитет за ядерную ответственность».

Видный английский ученый-ядерщик Джозеф Ротблат после десятилетий ядерных исследований в лабораториях изменил свое представление о мире и его ценностях, возглавив Пагуошское движение за мир. За усилия в этом направлении движение также получило премию Нобеля.

Вопрос о соотношении экологического и нравственного с чисто техническим, прежде всего в ядерной технологии и в ядерной безопасности, вызывал и продолжает вызывать дискуссии не только в среде ученых-естествоиспытателей, но и среди философов и беллетристов.

Опасный технократический путь развития цивилизации критиковали русские мыслители-экзистенциалисты Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, западные – М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю. Они уловили связь между идеей существования и перспективами глобальной катастрофы, если мир и дальше будет двигаться в эту сторону.

Исследование в научной и философской плоскостях соотношения технической, экологической и нравственной сторон ядерной безопасности дает основание сделать вывод, что в условиях надвигающегося глобального экологического кризиса необходима разработка концепции обеспечения ядерной безопасности био– и социосферы. Такой единой концепции в России (впрочем, и в мире) до сих пор нет, как нет и единства взглядов ученых на эту проблему. В основе этой концепции жизни, по мнению специалистов, должна лежать система «ядерные объекты – экосистемы – биосфера – социосфера»,

которая учитывает ядерную безопасность не только с технической, но и с экологической, социальной и нравственной сторон.

Проще говоря, ядерная безопасность – это такое состояние системы «ядерные объекты – экосистемы – биосфера – социосфера», при котором невозможно разрушить экосистемы, био– и социосферу. Ее особенность в том, что человек является в ней главным действующим лицом – объектом и субъектом обеспечения ядерной безопасности.

Понятие «ядерная безопасность» гораздо уже понятия «экологическая безопасность», которое включает в себя все опасности, создаваемые человеком или естественным воздействием на окружающую среду и социум. Отсюда еще одна особенность понятия «ядерной безопасности»: она возникает только в результате деятельности человека. Но, как и понятие «экологическая безопасность», несет в себе мощный нравственный заряд, который может быть позитивным или негативным. Последнее зависит от экзистенциального или позитивистского начала в мировоззрениях ученых и политиков.

Одной из основ ядерной безопасности в современном свертехногенном мире, которая представляет собой новизну меняющегося мировоззрения, становится понятие «культура ядерной безопасности», ее ценности. Оно постепенно входит в лексикон не только ученых, философов и экологов, но и представителей отечественного и международного политического истеблишмента, которые принимают решения. Впервые в международном документе понятие «культуры ядерной безопасности», ориентированное на решение проблем безопасности XXI века, зафиксировано в Декларации Московской встречи на высшем уровне 20 апреля 1996 года.

Само по себе понятие «культура ядерной безопасности» уже несет в себе нравственный заряд, направленный на гуманистическое решение одной из глобальнейших антропогенных проблем века. Наполненное же философским и экологическим смыслом, оно становится едва ли не краеугольным камнем в изменении иерархии ценностей: от превосходства силы – к превосходству разума.

Я полагаю, что при этом должны реализовываться два основных нравственных принципа: предотвращение ядерной опасности до ее зарождения; уменьшение последствий для экосистем и биосферы, компенсация не только материального, но и морального ущерба в социосфере.

Экологические и нравственные императивы в вопросах ядерной безопасности тесно связаны с понятиями «безопасное проживание», «радиационный контроль», «зона особо жесткого радиационного контроля», «зона жесткого радиационного контроля», «риск», «приемлемый риск», «здоровье».

Наиболее тесно проблема ядерной безопасности связана с проблемой и понятием «риска». Понятие риска имеет несколько сущностей – чисто техническую, экологическую и нравственную. Техническая сущность заключается в том, что во внимание принимаются исключительно технические показатели риска ядерных катастроф. (Например, технико-экономический ущерб от ядерной катастрофы.) Уже в процессе проектирования закладывается технический риск аварии ядерной установки или ядерного производства. Хотя еще А. Д. Сахаров предупреждал что «...фактически всегда получается так, что вероятность аварий гораздо больше, чем считается проектировщиками».

А так как ядерная авария или катастрофа негативно, порой убийственно, влияет на экосистемы, биосферу и социум, то правильно было бы полагать, что, закладывая технический риск, ученые-инженеры закладывают также и экологический риск. Но эта простая, казалось бы, мысль пока еще с трудом усваивается «технарями».

Осознание этого факта неизбежно приводит нас к осознанию нравственной сущности риска, имеющей, прежде всего, отношение к системе природа-человек.

Именно это – какой должны быть методологические основы расчета рисков и брать ли во внимание при расчетах рисков экологическую и нравственную его стороны – и является сегодня предметом жаркой дискуссии ученых, инженеров, биологов, радиобиологов, экологов, философов. Особенно ожесточились споры после катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Сегодня в мире существует два диаметрально противоположных подхода к проблеме риска ядерной безопасности, которые предельно наглядно демонстрируют нравственную сущность понятия риска.

Принципиальнейшим моментом полемики является вопрос о радиационном риске – пороговом или беспороговом действии радиации на человека. Один из них основан на методологии беспорогового влияния радиации на человека и общество в целом, то есть считается, что любая привнесенная в человека извне радиационная доза несет риск заболевания. Научкой пока не доказано, что существует некий нижний порог, за которым нет риска радиационной опасности. Эта научная теория, получившая название беспороговой концепции радиационного риска, подтверждена эмпирически многими советскими, российскими и западными исследователями; это – Е. Б. Бурлакова (Россия), Розалия Бертелл, Абрам Петко (Канада), Джон Гофман, Артур Тэмплин (США), Ральф Грейб (Швейцария), Роже Бельбеок (Франция). Более подробно об этом я уже говорила выше. Концепция была принята мировым радиобиологическим сообществом по рекомендации Международной комиссии по радиологической защите (МКРЗ) и Научного комитета ООН по действию атомной радиации (НКДАР).

Очевидно, что такой подход основан на гуманистическом швейцеровском мировоззрении «благоговения перед жизнью» и правом человека «на жизнь, свободу и стремление к счастью», о котором еще двести лет назад (примерно в то время, когда парижские якобинцы гильотинировали Розалию из Чернобыля) написал третий президент США Томас Джефферсон.

Этой научной и глубоко нравственной международной концепции в отечественной науке, прежде всего в официальной радиобиологии, противопоставляется пороговая концепция допустимого радиационного риска. О ней я также подробно написала в предыдущих главах.

Исследования с экологической и нравственной позиции последствий научных результатов радиобиологических школ (не затрагивая вопроса о научной корректности самих результатов), дискутирующих о сути двух существующих в мире концепций радиационных рисков, связанных с ядерными событиями, прежде всего с чернобыльской катастрофой, свидетельствуют о том, что за каждой из них стоит определенное мировоззрение.

Если первая, международная беспороговая концепция радиационного риска, исповедует «благоговение перед каждой» единственной и неповторимой человеческой жизнью, то вторая, пороговая, внедряемая в российское общество узкой группой ученых, имеющих влияние на лиц, принимающих решения, сознательно допускает некое «оптимальное», «статистически незначительное» в свете закона больших чисел количество возможных человеческих жертв. Я называю эту концепцию концепцией чужих жертв. Вряд ли ее авторы или их родные и друзья согласились бы сами попасть в это «оптимальное» и «статистически незначительное» число жертв.

Нравственные сущности моделей радиационного риска позволяют определить первую как «концепцию недопустимости жертв», вторую – как «концепцию допустимых жертв». Если беспороговая концепция радиационного риска основывается на позитивном нравственном императиве, то пороговая концепция радиационного риска основана на прагматичной экономической системе «выгода – риск», а в советском варианте еще и с идеологической окраской. Спор о том, что является большим благом: истина или выгода, – восходит еще ко временам Платона.

Ученые, разрабатывавшие «концепцию допустимых жертв», реализовывали «государственный заказ», который поставил интересы идеологии и экономической целесообразности над наукой, экологией, нравственностью. В постановке вопроса «общество должно взвесить весь риск и всю выгоду» нравственная сущность категории риска и научная этика, предполагающая гуманистический подход, вошли в противоречие, выйдя за рамки чисто научных предпосылок.

Генезис категории риска на каждом историческом отрезке времени зависел от уровня развития науки и техники и мировоззренческих установок.

До начала 1970-х годов и в западном, и советском научном мировоззрении превалировала политика обеспечения технической безопасности человека, ориентированная на достижение «абсолютной» безопасности. Речь шла о различных технических устройствах и технологиях, ядерных – в том числе. Но все более ускоряющийся научно-технический прогресс, создание все более сложных устройств и механизмов заставили ученых усомниться в реальной возможности достижения «абсолютной» технической безопасности. Прежде всего это касается ядерной безопасности.

Возникла общественная необходимость в решении этого вопроса, который затрагивал жизненные интересы, с одной стороны – всего общества, а с другой – корпоративные интересы ангажированных для исследований и внедрений опасных устройств и технологий групп ученых, производителей и эксплуатационников. Простое решение, которое подсказывал здравый смысл и инстинкт самосохранения человечества – запретить внедрять в производство опасные ядерные устройства и технологии, принято, однако, не было.

В результате возник некий паллиатив: если «абсолютной» технической безопасности достичь невозможно, если существует реальная угроза технической (в том числе и ядерной) опасности, которая в итоге приводит к экологической и негативно влияет на социум, и если это волнует общество, значит, следует создать некую концепцию, которая учитывала бы не только технические, но и экологические, социальные последствия техногенных аварий, успокоила бы население, а параллельно продолжать наращивать опасные технологии.

В основу новой политики был положен не метод, исключающий из жизни опасные (прежде всего ядерные) устройства и технологии, а некий паллиатив интересов. Болезнь «подлечили» и загнали внутрь.

Новая политика заключалась в новом методологическом подходе к проблеме безопасности, в том числе и ядерной, основанной на концепции «приемлемого риска». Сегодня эта концепция активно внедряется также в ценностные критерии и в законодательство США, Японии, Канады, Франции – стран с высоким уровнем использования ядерной компоненты.

Предполагается, что политика «приемлемого риска» в ядерной безопасности должна иметь такие основные принципы (за основу взяты исследования, предложенные российскими учеными Л. П. Феокистовым, И. И. Кузьминым, В. К. Поповым):

- новая цель безопасности, направленная на улучшение состояния здоровья каждого человека, всего общества и состояния окружающей среды;
- разработка методов количественной оценки факторов безопасности, основанных на методологии риска;
- разработка методов количественной оценки безопасности, основанных на показателях состояния здоровья человека и окружающей среды;

– разработка методов определения приемлемого баланса между опасностями и выгодами, основанными на оценке социального предпочтения и экономических возможностей общества, экологических нагрузок окружающей среды.

Итак, эволюция категории технического «риска» в категорию «приемлемого риска», учитывающего последствия для окружающей среды и человека, очевидна. (В традиционной философии науки и техники эти проблемы не обозначались вообще.) Такой генезис позволяет отметить слабую попытку даже не изменения, а обозначения, признания права на существование экологической и нравственной проблем в мировоззренческих установках, связанных с вопросами риска. Здесь не следует проявлять чрезмерного оптимизма еще и потому, что проблема, по крайней мере, в странах СНГ, и в России в том числе, практически не проработана, ее нет и в российской философской мысли, нюансы не очень понятны для обывденного сознания. Хотя ее решение представляет для общества первостепенный интерес, напрямую связанный с проблемой безопасности и выживания.

Следует различать также категорию «приемлемого риска» вообще и «приемлемого риска» ядерной безопасности.

Концепция категории «приемлемого риска» в ядерной безопасности как бы официально признает, что мир перешел в стадию сосуществования с особо опасными ядерными установками и уровнями ядерных технологий, которые неизбежно угрожают системе общество-природа. (Никто из ученых не может дать гарантии неповторения ядерной катастрофы, подобной чернобыльской, или использования АЭС террористом-маньяком в смертоубийственных целях. Последнее – ядерный терроризм – с каждым днем принимает все более грозную окраску и становится новым международным фактором ядерной опасности). Вместо того чтобы отказаться от таких технологий во имя спасения всего сущего на Земле, общество вынуждают согласиться жить в состоянии перманентного «приемлемого риска». Таким образом, узаконивается не только сам риск, но и величина его приемлемости. Ну а как же, в таком случае, права человека? Об этом предпочитают умалчивать.

Ученые, предлагающие подобный «контракт» государства с обществом (их главный «научный» аргумент – а в США уже давно так делают!), не учитывают, что ядерный риск и ядерный приемлемый риск из-за глобальности стоящих за ними проблем выживания человеческой цивилизации должны оцениваться прежде всего не в техническом их измерении, а в экологическом и философско-гуманитарном.

Степень опасности зависит от степени опасности ядерной установки или ядерной технологии, а также от индивидуального риска.

Главная психологическая проблема на уровне обывденного мышления новой ценностной установки нескольких западных стран, направленной на внедрение в массовое сознание категории ядерного «приемлемого риска», состоит в том, что, возведенная в ранг закона, она не оставляет для граждан свободы выбора, который является главной ценностью человеческого Бытия. Если человечество добровольно согласится на новую ценностную установку о приемлемом ядерном риске, значит, оно само сознательно сделает такой выбор. Если граждане в законном порядке должны подчиниться такому властному решению, то категория ядерного «приемлемого риска» трансформируется в новейшую категорию «вынужденности риска», что отнюдь не одно и то же.

В обществе множества рисков и вызовов еще нет понимания и разграничения категорий «риска» и «приемлемого риска» в самом широком смысле и категорий «ядерного риска» и «приемлемого ядерного риска». Если в каких-либо простых неядерных установках и технологиях обе эти категории риска, возможно, имеют право на существование, то в сфере особо опасных ядерных установок и технологий, с вероятными радиоактивными глобальными загрязнениями окружающей среды и многочисленными поражениями населения, применение этих категорий вызывает, по меньшей мере, сомнения.

Применение концепции приемлемого ядерного риска будет накапливать эти «приемлемые риски», трансформируя их в «отложенные риски», и в конечном счете – в «неприемлемые риски» для будущих поколений человечества, которые могут привести к его гибели.

Вот и получается, новое содержание категории ядерного «приемлемого риска» обретает новую старую философскую сущность риска, угрожающую самой жизни на Земле.

Во время боевого применения ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки, войсковых учений с применением ядерного оружия в СССР и США (более двух тысяч ядерных взрывов), крупнейших ядерных антропогенных катастроф на ядерных объектах гражданского и военного назначения: Хэнфорд (США, 1944–1956), Южный Урал (СССР, 1949–1956, 1967), Уиндскейл (Великобритания, 1957), «Три Майл Айленд» (США, 1979), Чернобыль (СССР, 1986), Томск-7 (Россия, 1993) – первому ядерному (радиационному) удару подверглись сотни миллионов людей. Выжившие до сих пор проживают на пораженных радиацией территориях в условиях ежедневного радиационного риска.

По последним сведениям Международного комитета радиационной защиты, основанным на предоставленных ООН цифрах радиационных доз, которые получило население с 1945-го по 1989 год, 1 174 600 человек умерли из-за рака после облучения. Новая модель исследований Европейского комитета по проблемам радиационного риска предсказывает в будущем еще 61 600 000 смертей от рака, 1 600 000 смертей новорожденных и 1 900 000 других смертей.

Что испытывает человек, получивший первый ядерный удар? Вот основные морально-психологические проблемы, возникающие у людей, переживших риск первого ядерного удара и продолжающих испытывать ежедневный радиационный риск (по исследованиям российских экспертов):

- ощущение бессмысленности бытия или полная потеря смысла жизни;
- дефицит эмпатии (готовности к сопереживанию) со стороны прежде всего властей;
- чувство депривации (изоляции);
- ностальгические переживания;
- осознание себя, своей семьи как «подопытных кроликов» для науки;
- страхи за здоровье детей и свое здоровье;
- страхи за будущее детей и внуков;
- отчаяние из-за невозможности изменить ситуацию.

В случае с ядерной катастрофой на ЧАЭС отдельно следует выделить «чернобыльский» и «постчернобыльский» синдромы, в основе которых лежит непреходящее ощущение горя ни в чем неповинного человека.

Одной из малоисследованных сторон «постчернобыльского» синдрома является обращение людей, переживших атомную катастрофу, к Богу. Разуверившись в том, что их проблемы будут решены властями, люди, вместо того чтобы пытаться самостоятельно найти выход из положения, оставить опасные радиационно загрязненные территории, обращаются к Богу. Они требуют от властей уже не льгот, «чистых» продуктов или медикаментов, а восстановления или строительства новых храмов. В борьбе за возможность молиться в церквях на своей радиационной земле они доходят до самых высоких инстанций, нередко добиваясь такого результата.

Нравственная квинтэссенция этой проблемы заключена в высказывании героя и жертвы катастрофы на Чернобыльской атомной станции Л. П. Телятникова: «Обидно, но Чернобыль так ничему нас и не

научил, хотя пора бы уж и осмыслить его уроки... Поэтому будущие чернобыли вызревают в нас самих, в нашем отношении к миру, к людям, себе...»

А доктор химии и медицины Джон Гофман дал свое заключение, основанное на многолетних исследованиях влияния радиации на здоровье человека: «...те, кто думает о благе своих потомков, должны стараться избегать воздействия радиации».

Накапливавшиеся в течение нескольких столетий существования техногенного общества всевозможные риски достигли своей критической массы к концу XX века. Биосфера, возникшая 3,5 миллиарда лет назад, прошла сквозь сложнейшие эволюционные процессы и превращения, сохранив при этом большинство жизненных форм, которые существовали в ней за всю ее историю, теперь оказалась, по сути, в подчинении социосферы, сформировавшейся гораздо позже нее.

Биосфера, которая «родила» Человека (или стала подходящей колыбелью для привнесенной извне человеческой жизни – вопрос спорный и для естествознания, и для философии), постепенно, с усовершенствованием орудий труда, развитием экспериментаторства и науки была им же, Человеком, и «порабощена». Биосфера превратилась в объект производственного использования, в подсистему социосферы. Возникла кризисная ситуация взаимных угроз: угроза разрушения биосферы социосферой и ответный «удар» биосферы – полное уничтожение социосферы, прежде всего – человечества. Таким образом проблема выживания из чисто житейской плоскости переходит в иные плоскости – философскую, экологическую, нравственную.

Сегодня мы уже стали свидетелями «наказания» Человека биосферой – бесчисленные экологические катаклизмы охватили всю планету. Человечество платит за свое неумное поведение миллионами жизней.

Существуют очень интересные теоретические и практические исследования (в частности, российского ученого А. В. Быховского), доказывающие на основе анализа последствий развития сценария «ядерной зимы» Н. Н. Моисеева и К. Сагана ошибочность традиционного взгляда на структуру планеты: вместо антропоцентризма предлагается совершенно новый подход с позиций биосфероцентризма.

Суть их заключается в том, что биосфера обладает экзистенциальной самозащитой, которая до возникновения «глобального зла» незаметна людям. Однако изменение структуры биосферы на уровне экзистенции рождает эффект бумеранга: биосфера, измененная антропоцентрической деятельностью человека, отвечает ему уничтожением человечества, социосферы. Социосфера, угрожая существованию биосферы, в конечном итоге угрожает собственному выживанию, существованию человечества. Иными словами – биосфера в состоянии прожить без социосферы, но социосфера мертва без биосферы. Это как эмбрион в утробе матери: удали его – и он мертв.

Бурное развитие, начиная с сороковых годов XX века, ядерных технологий, причем в условиях опасного эксперимента, опережающего знания о его смертельных последствиях для биоты и социума, ядерные испытания в разных концах планеты – в атмосфере, космическом пространстве и под водой (!) – стали своеобразным тестом социума на выживание биосферы. Социум, прошедший этот тест, сразу и не заметил, что он стал одновременно тестом на его же собственное выживание.

Во время «холодной войны» над всеми соображениями – экологическими, экономическими, нравственными, не говоря уже о философских, превалировал единственный постулат – идеологический. Тысячи ядерных испытаний, перевалившие за сотню аварии ядерных подводных лодок, сотни техногенных ядерных аварий и катастроф на военных и гражданских атомных реакторах – за все это человечество уже начало расплавляться необратимыми процессами в окружающей среде.

Ситуация усугубляется еще и тем, что в мире до сих пор не найдена оптимальная технология переработки и утилизации ядерных отходов, излучающих миллиарды кюри радиоактивности

антропогенного происхождения на всей планете. Образно говоря, ядерный джинн, выпущенный учеными, в системе множественности различных угроз стал решающим фактором выживания всего человечества. Как справедливо отмечал российский ученый С. П. Капица, «...вся наша планета, все мы стали как бы заложниками ядерного безумия... Иначе говоря, мы все стоим перед общей опасностью, и вместе должны искать пути к общей безопасности».

За десятилетия жизни в условиях доктрины обладания, неприменения и ядерного сдерживания («ядерного устрашения») произошли, возможно, необратимые, изменения не только в окружающей среде, но и в природе человека, его психологии. Главный итог «ядерного» общества – человечество психологически адаптировалось к ядерной опасности. Люди привыкли к тому, к чему привыкнуть нельзя: жертвы ядерных катастроф, угрожая генофонду, исчисляются миллионами. Но человечество это особо не беспокоит.

Биосфера после ядерных катастроф и ядерных испытаний обретает новое необратимое постъядерное (постчернобыльское) состояние.

Пришло время для человеческого сообщества наконец осознать кризис прежних цивилизационных ценностей, попытаться их переосмыслить и выработать общую для всего мира концепцию выживания в ядерном мире. И начинать надо с постепенной переориентации промышленности на альтернативные источники энергии, учитывая глобальные последствия катастрофы на ЧАЭС. Отдельные страны, как известно, уже движутся в направлении закрытия своих атомных станций – Швеция, Швейцария, Германия.

В свое время английский философ Джон Локк провозгласил право каждого Человека «на жизнь, свободу и частную собственность». Третий президент Америки Томас Джефферсон в своей знаменитой «Декларации независимости» изменил эту локковскую формулу, заменив в ней «собственность» на «стремление к счастью». А во «Всеобщей декларации прав человека» в статье 3 записано: «Каждый человек имеет право на жизнь...»

То, что происходило четверть столетия и сегодня происходит в радиоактивных зонах Чернобыля, – это попрание всех законов и всех деклараций о правах Человека. Миллионы людей вынуждены проживать на зараженных территориях, ежедневно, ежесекундно подвергаясь ядерному риску. Да, их право на Жизнь как будто реализовано. Но разве это Жизнь?

Кажется, уже давно созрела идея создания независимого органа – в противовес МАГАТЭ или вместо него – по экспертизе всех реакторов, которые эксплуатируются не только в странах бывшего СССР, но и во всем мире. Необходим также некий авторитетный международный комитет по проблемам экологических беженцев и переселенцев, людей, вынужденно живущих в радиационных зонах, – этого сравнительно нового вида *homo sapiens*, новой общности «чернобыльский народ», порожденного самим *homo sapiens*, его действиями в природной среде.

Эти независимые комитеты должны иметь право делать запросы во все правительства, организации, в том числе в МАГАТЭ и ВОЗ. И получать честные, компетентные, вразумительные ответы, не подверженные давлению ядерного лобби. И давать им свою независимую оценку. Стоять на страже интересов и прав не ядерных транскорпораций, а их жертв – облученных людей. Так как и сегодня власти теперь уже независимых государств прикрываются решениями МАГАТЭ, полученными, в основном, не в результате собственных независимых исследований, а благодаря использованию некорректных данных (порой откровенно лживых – от официальной советской медицины, которые фабриковались под грифом «совершенно секретно» в ЦК КПСС и были предназначены отнюдь не для того, чтобы аккумулировать правду, а совсем наоборот). Эти комитеты должны иметь право не только давать рекомендации правительствам в рамках существующего международного права, а также требовать их выполнения вплоть до обращения в Международный суд в Гааге. В общем, это должен быть такой справедливый

международный защитник всех экологических жертв и беженцев, включая ядерных, которые десятилетиями не могут добиться прав у своих отечественных бюрократов.

Было бы разумным в свете международных событий XX века, учитывая не только проблемы чернобыльских мигрантов и переселенцев, но и межнациональные и оккупационные войны в разных странах, изменить также статью 3 «Всеобщей декларации прав человека», дополнив ее более точной формулировкой: «Каждый человек имеет право» не просто «на жизнь», а «на жизнь, достойную Человека».

Если еще недавно главным фактором выживания человечества была ликвидация опасного противостояния двух систем – тоталитарной коммунистической и демократической, – то сегодня таковым фактором становится всеобщая экология (биосфера уже наказывает неразумное человечество страшными землетрясениями и наводнениями), а также война и мир на разных континентах. Опасность для всех заключается, прежде всего, в том, что войны проходят на территориях, напичканных АЭС и ядерным оружием. И в мире должны давать себе в этом отчет. В первую очередь, конечно, политики. (Но и народы – тоже.)

И последнее. Даже в этой книге приведено вполне достаточно материалов и свидетельств, включая заключение Генеральной прокуратуры СССР, а затем и постановление прокуратуры Украины о доказанной вине бывших высокопоставленных партийных и государственных деятелей в сокрытии правды о Чернобыльской катастрофе и ее последствий и для стран бывшего СССР, и для мира, чтобы превратить их в международный трибунал в Европейском суде. Это для продажного украинского прокурора срок давности этого преступления прошел.

Нет сроков давности для преступлений против человечности.

Чернобыльская чаша давно переполнена.